

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. Н. Серегин, С. С. Матренин

**СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ
В ЭПОХУ КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЙ
(II в. до н.э. – XIV в. н.э.):
по материалам археологических комплексов**

Монография

Под научной редакцией А. А. Тишкина

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

УДК 902(571.1)
ББК 63.48(253)
С 32

Рецензенты:

доктор исторических наук **С. А. Васютин**;
доктор исторических наук **В. В. Горбунов**;
доктор исторических наук **А. В. Харинский**

Научный редактор:

доктор исторических наук **А. А. Тишкин**

С 32

Серегин, Н. Н.

Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов [Текст] : монография / Н. Н. Серегин, С. С. Матренин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 268 с. : ил.
ISBN 978-5-7904-2449-6

В монографии представлен опыт реконструкции социальной истории населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.). Осуществлен детальный анализ значительного объема материалов раскопок археологических комплексов, датирующихся в рамках II в. до н.э. – XIV в. н.э. В разделах книги последовательно рассмотрены возможности изучения процессов социогенеза носителей булан-кобинской археологической культуры, раннесредневековых тюрок и кыргызов Алтая, а также населения региона монгольского времени. Полученные результаты сопоставлены с ключевыми событиями этнополитической истории кочевников обозначенного региона, а также сопредельных территорий.

Издание предназначено археологам, историкам, антропологам и этнографам, а также может быть рекомендовано обучающимся в классических университетах на профильных факультетах и всем интересующимся различными аспектами изучения кочевых обществ Евразии.

УДК 902(571.1)
ББК 63.48(253)

*Монография подготовлена в рамках реализации проекта №18-78-00083
Российского научного фонда «Социальные системы номадов Алтая
раннего железного века и средневековья: статистический
и контекстуальный анализ археологических материалов».*

ISBN 978-5-7904-2449-6

© Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2020
© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2020

ВВЕДЕНИЕ

Судя по результатам изучения представительного корпуса археологических материалов и довольно фрагментарным сведениям письменных источников, во II в. до н.э. – XIV в. н.э. Алтай¹ представлял собой часть кочевых империй Центральной Азии. Несмотря на окраинное положение данной территории, она, несомненно, была включена во все ключевые этнокультурные и социально-политические процессы, связанные с формированием и трансформациями обществ кочевников. Более того, анализ материалов раскопок наглядно демонстрирует, что археологические комплексы, исследованные на Алтае, являются показательными не только для понимания динамики статуса периферии объединений кочевников, но также нередко выступают опорными при рассмотрении более глобальных вопросов истории обозначенного обширного региона.

К настоящему времени в результате полевых работ на территории Алтая накоплен значительный объем материалов раскопок археологических комплексов, демонстрирующих характерные черты существования булан-кобинской культуры (II в. до н.э. – V в. н.э.), раннесредневековых тюрок (2-я половина V – XI в. н.э.) и кыргызов (2-я половина IX – XI в. н.э.), а также культуры населения монгольского времени (XII–XIV вв. н.э.). Усилиями многих поколений ученых сформирован опыт разноплановой интерпретации этой представительной источниковой базы. Важным аспектом исследования памятников Алтая является анализ особенностей устройства кочевых обществ данного региона.

Социальная интерпретация материалов раскопок археологических комплексов традиционно выступает неотъемлемой частью процесса исследования памятников Алтая. Данный вектор был определен самой историей полевых изысканий в этом регионе и особенностями накопления источниковой базы, формирование которой началось с раскопок «царского» кургана В.В. Радловым в 1865 г. и получило продолжение в ходе изучения «элитных» комплексов в первой половине XX столетия. При этом большая часть исследований традиционно была связана с характеристикой обществ кочевников скифской эпохи. Памятники более позднего периода гораздо реже рассматривались как источник для реконструкции социальной истории кочевников и не выступали основой для обобщающих работ.

Настоящая монография в некоторой степени призвана заполнить обозначенную лакуну. Особенности имеющейся источниковой базы, а также поставленные задачи определили структуру книги. В первой главе изложены историографические обзоры, демонстрирующие имеющийся опыт социальной интерпретации археологических комплексов Алтая эпохи кочевых империй. Во втором разделе представлен опыт реконструкции общественного устройства носителей булан-кобинской культуры хунно-сяньбийско-жужанского времени. Третья глава посвящена анализу процессов

¹ Здесь и далее термин «Алтай» используется для обозначения территории современной Республики Алтай. Географически данный регион представляет собой самостоятельную часть Алтае-Саянской орграфической системы, образованную категориями рельефа разного возраста и генезиса, граничащую с севера с Алтайской лесостепью. Особенности геологического строения обусловили разделение Алтая на несколько районов: Северный, Северо-Западный, Центральный, Восточный, Юго-Восточный, Южный Алтай (Петкевич М.В., 1971, с. 46–47, 52; Алтайский край: атлас, 1978, с. 50–82).

социогенеза тюрок Алтая и сопредельных территорий. В четвертой главе продемонстрированы возможности социальной интерпретации довольно немногочисленных археологических комплексов раннесредневековых кыргызов и памятников монгольского времени.

При подготовке монографии авторами учитывался опыт многочисленных предшественников, разработанные ранее концепции и высказанные идеи, что отражено в историографическом разделе работы, а также в соответствующих главах в процессе рассмотрения конкретных вопросов. Кроме того, при определении программы исследования большое значение имели наработки отечественных и зарубежных специалистов в области социальной интерпретации материалов раскопок археологических комплексов.

Монография является продолжением целенаправленного изучения различных аспектов истории и археологии населения Алтая и сопредельных территорий эпохи кочевых империй, предпринимаемого авторами на протяжении уже довольно продолжительного времени (Матренин С.С., 2005, 2017; Серегин Н.Н., 2011, 2013; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2014, 2016; Серегин Н.Н., Шелепова Е.В., 2015; Серегин Н.Н., Тишин В.В., 2017; и др.). В основе книги лежат как итоги более ранних исследований авторов по тем или иным частным вопросам, опубликованные в различной форме, исправленные, расширенные и дополненные в настоящем издании, так и результаты новых изысканий.

Авторы выражают благодарность всем коллегам с кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета и других научных центров за ценные советы и замечания на разных этапах исследования, а также конструктивную критику отдельных положений монографии.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ЭПОХИ КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЙ

Археологические памятники являются основным источником для реконструкции сложных процессов, происходивших на Алтае в хуннуско-сяньбийско-жужанское время, раннем и развитом средневековье. В результате длительного изучения погребальных и «поминальных» комплексов, поселенческих объектов, наскальных изображений и рунических надписей, датирующихся II в. до н.э. – XIV в. н.э., накоплен обширный материал, требующий осмысления с различных позиций. Общий историографический анализ концепций, взглядов и точек зрения ученых в области интерпретации материалов раскопок памятников Алтая обозначенного периода представлен в ряде монографий (Тишкин А.А., 2009; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2014; Дашковский П.К., 2015). Отдельным направлением, требующим специального рассмотрения, является изучение опыта реконструкции социальной истории кочевников региона.

Как показал анализ накопленных результатов изучения общественного устройства номадов Алтая II в. до н.э. – XIV в. н.э., к настоящему времени сформирована довольно представительная историография в области реконструкции структуры социума населения булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Несколько меньший по объему опыт продемонстрирован исследователями, занимавшимися характеристикой социальной истории раннесредневековых тюрок Алтая. Наконец, наиболее фрагментарными оказались результаты социальной интерпретации материалов раскопок памятников кыргызского и монгольского периодов, что обусловлено ограниченным объемом источниковой базы. В связи с этим в первой главе монографии представлены историографические обзоры, связанные с характеристикой опыта исследования общественного устройства булан-кобинской и тюркской культур. Выводы и наблюдения специалистов в области анализа комплексов конца I – 1-й половины II тыс. н.э. использованы в соответствующих разделах книги.

1.1. Хуннуско-сяньбийско-жужанское время

Обращение к изучению социогенеза кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени произошло относительно недавно. Вместе с тем на сегодняшний день в научной литературе уже сложились несколько подходов и точек зрения по поводу социальной интерпретации материалов, полученных из погребений булан-кобинской культуры. Такая ситуация требует рассмотрения сложившегося опыта научных изысканий в данной области для обоснованного определения перспектив исследования общественной организации скотоводов Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Одной из основных проблем, затронутых при изучении структуры общества Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, был вопрос о выделении социально-диагностирующих признаков погребальной обрядности. Первая попытка обоснования по материалам памятников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. обозначенных показателей и ха-

рактические на их основе некоторых элементов общественной системы носителей булан-кобинской культуры была предпринята В.Н. Елиным (1989). Используя в качестве критериев социально-имущественной дифференциации умерших людей из курганов предтюрокского периода могильника Кок-Паш глубину могилы и качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря, он обозначил несколько групп захоронений с разным статусом умерших. Погребения первой группы производились в ямах глубиной более двух метров с многочисленным набором предметов вооружения и воинской экипировки: железными и костяными наконечниками стрел, луками, палашами, кинжалами, боевыми ножами, доспехами, наборными поясами. Другую группу составляли захоронения мужчин и женщин на глубине меньше двух метров с менее выразительными вещами, преимущественно костяными наконечниками стрел и небольшими ножами. Почти все показательные находки сосредоточены в могилах указанных групп. Свидетельством более низкого социального статуса остальных умерших людей выступало отсутствие инвентаря либо наличие одного-двух предметов из разряда массовых изделий. При этом наиболее престижное вооружение, снаряжение и украшения находились чаще всего в могилах женщин 25–30 лет. Захоронения мужчин, которые можно сопоставить с обозначенными женскими курганами, составляли небольшой процент. Особенностью похоронного ритуала детей являлись скудность сопроводительного инвентаря (небольшой нож), а также отсутствие такового.

Представляются весьма ценными наблюдения В.Н. Елина о планировочной структуре данного некрополя, в соответствии с которой могилы людей социально привилегированных категорий располагались в непосредственной близости друг от друга, как бы обособленно от остальных объектов. Археолог допускал, что зафиксированная на памятнике Кок-Паш ситуация преобладания разных типов наземных и внутримогильных конструкций в рамках северного и участков кладбища могла быть также результатом определенных этносоциальных процессов (Елин В.Н., 1991, с. 154). Важным фактором социогенеза кочевников Восточного Алтая в эпоху Великого переселения народов, согласно позиции В.Н. Елина, была военно-политическая обстановка в Южной Сибири и Центральной Азии. Учитывая данное обстоятельство, исследователь предположил, что место индивида в социальной структуре изучаемого общества задавалось системой военной иерархии. Несмотря на использование небольшого количества материалов, археолог сделал вывод о существовании у населения Алтая в III–V вв. н.э. многоуровневой общественной лестницы, испытавшей на себе воздействие предшествующей, скифской, и новой, хуннской, культурных традиций, характеризующихся социальной многоступенчатостью.

Определенный опыт изучения некоторых аспектов социального развития кочевников Алтая хуннского времени представлен в публикациях Ю.С. Худякова. Рассматривая введенные в научный оборот к началу 1990-х гг. данные по булан-кобинской культуре, археолог считал, что ее носители были неоднородными. Он допускал возможность выделения на могильнике Усть-Эдиган курганов «местной, вероятно, родовой знати, рядовых кочевников и неполноправных членов рода» (Худяков Ю.С., 1993, с. 68). В публикации, посвященной предварительной палеодемографической характеристике результатов раскопок обозначенного памятника, Ю.С. Худяков (1994а) выделил отличительные черты обряда захоронения и инвентаря представителей разных половозрастных групп. Так, он отметил, что мужчин снабжали оружием, поясами, снаряжением верхового коня, часто верховым конем. С женщинами в могилу помещали украшения, предметы туалета, бытовые инструменты, иногда захоронение лошади. Детей погребали с украшениями и бытовыми предметами, без коня. Многим умершим предназначалась мясная пища в виде крестца овцы, а также керамическая посуда. Социально-имущественная дифференциация выражалась в укомплектованности вещевыми наборами, наличии или отсутствии лошадей, местонахождении погребений на площади кладбища. «Наиболее богатые мужские, женские и детские захоронения с золотыми украшениями сосредоточены в центральной части могильника. В северной

и южной части памятника сосредоточены погребения с бронзовыми украшениями. Бедные и безынвентарные могилы разбросаны по всей площади могильника чересполосно с остальными» (Худяков Ю.С., 1994а, с. 136). Согласно Ю.С. Худякову, мужские и женские курганы находились совместно в центральной и южной зоне некрополя, при этом последние доминируют на северном его участке, где захоронено несколько мужчин без оружия. Погребения детей совершались в основном на периферии памятника. Исследователь интерпретировал могильник Усть-Эдиган как родовое кладбище, функционировавшее непрерывно в течение нескольких поколений.

Разноплановые сведения для проведения палеосоциальных реконструкций были получены в процессе раскопок могильника Булан-Кобы-IV. Опираясь на анализ данных материалов, Ю.Т. Мамадаков (1997) рассмотрел проблему отражения общественных отношений «булан-кобинцев» в погребальном обряде детей. Руководствуясь известными этнографическими параллелями и сведениями письменных источников, археолог считал, что формирование социальной структуры населения Алтая в конце I тыс. до н.э. – 1-й половине I тыс. н.э. происходило под определяющим влиянием двух факторов: сохраняющегося в качестве ведущего направления хозяйственной деятельности кочевого скотоводства и базирующейся на его основе традиционной родоплеменной организации; воздействия разветвленной общественно-политической системы хунну. Ю.Т. Мамадаков (1997, с. 160–161) сделал следующие выводы об особенностях половозрастной и социально-имущественной стратификации детской части булан-кобинского населения:

1) дети хоронились по канонам ритуала взрослых, обычно рядом с более ранними женскими могилами, и до определенного возраста были прямыми продолжателями конкретных семейно-родовых групп;

2) умершие в возрасте от 0,5 до 8–9 лет погребались в сопровождении миниатюрных железных ножей и кусков мяса овцы;

3) отношение к индивидам от 10–11 до 13–14 лет менялось в зависимости от пола, а подростки 14–15 лет, скорее всего, считались уже взрослыми членами коллектива;

4) нормы отношения к детям во многом определялись их принадлежностью к семейно-родовым группам с разным экономическим положением, что проявлялось в неравномерности снабжения инвентарем, различиях в распределении жертвенной пищи, наличии или отсутствии сопроводительного захоронения лошади.

Ю.Т. Мамадаков предположил, что некрополь Булан-Кобы-IV оставлен неодинаковыми по социально-имущественному состоянию семейно-родовыми объединениями (семьями?), отражающими племенную систему.

Свой подход к реконструкции социальной организации и демографической ситуации на заключительном этапе хуннуско-сяньбийского времени предложили С.А. и А.С. Васютины (1997) в статье «Социальная планиграфия предтюркских погребений могильника Кок-Паш из Восточного Алтая», основные положения которой с некоторыми дополнениями и уточнениями получили отражение в книге «Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.)» (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003), а также в главе коллективной монографии «Социальная структура ранних кочевников Евразии» (Васютин С.А., Васютин А.С., 2005). На сравнительно небольшой археологической выборке ими был впервые реализован комплексный подход в изучении социального развития кочевников обозначенной территории в предтюркское время. Исследователи во многом подтвердили и наполнили фактическим содержанием наблюдения В.Н. Елина (1989) по поводу социально обусловленных параметров погребальной практики «кок-пашцев». К их числу отнесены размеры надмогильного сооружения, глубина могилы, а также «бедность» и «богатство» сопроводительного инвентаря, определявшиеся исходя из наличия оружия и украшений. На основе сопоставления обозначенных признаков с данными о половозрастном составе покойных было выделено несколько групп захоронений, демонстрирующих физико-генетическую и социальную структуру населения (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 46–47). Для женщин это были:

1) погребение девушки-подростка 14–16 лет с колчаном и стрелами на глубине 1,2 м из кургана №4;

2) погребение женщины 20–25 лет с пряжкой и бусами в яме глубиной 1,7 м из кургана №9;

3) погребения в возрасте 25–30 лет в наиболее глубоких могилах с ярко выраженными воинскими атрибутами в составе «богатого» инвентаря (курганы №12, 13, 28, 36);

4) погребения людей старше 30 лет с украшениями и бытовыми предметами (курганы №27, 33, 37, 38).

Захоронения мужчин юного, возмужалого и зрелого возраста, по заключению археологов, не имели такой четкой дифференциации и совершались на разной глубине (от 0,8 до 2 м) со стандартным и «бедным» инвентарем либо без него. Одно погребение мужчины 50–60 лет, устроенное в яме глубиной 1,9 м, было без вещей. Детей хоронили в мелких могилах (0,75–0,85 м) без предметов.

Располагая не вполне репрезентативной серией антропологических определений, археологи сделали вывод о доминировании в управленческой (исключая политическую сферу) и производственной жизни «кок-пашского» общества женщин. Согласно логике исследователей, некоторые женщины непосредственно участвовали в военной деятельности с подросткового периода, достигая пика военной карьеры к 25–30 годам. Начиная с 30 лет их социальная значимость уменьшалась (в инвентаре исчезает оружие, появляются украшения и бытовые предметы), однако они сохраняли свой приоритет над мужчинами 30–45 лет. Зафиксированная на данном памятнике «нетипичная» ситуация социального преобладания женщин, по мнению обозначенных авторов, была связана, вероятнее всего, с производственной сферой или какой-то конъюнктурной ситуацией, возникшей в ходе переселения «кок-пашцев» на Алтай (Васютин С.А., Васютин А.С., 2005, с. 233).

При интерпретации материалов некрополя Кок-Паш С.А. и А.С. Васютиными был использован метод «социальной планиграфии», посредством которого выявлены тенденции размещения курганов в соответствии с социально-имущественными и половозрастными особенностями похороненных в них людей. Так, могилы женщин составляли небольшие цепочки из 2–4 объектов с занимающим в них центральное место наиболее «богатым» погребением. Они обычно объединяли захоронения лиц близкого возраста и могли отражать формирование отношений по типу побратимства или возрастную дифференциацию. Вокруг этих цепочек формировались микрогруппы курганов. Погребения мужчин располагались хаотично, не демонстрируя родственных или иных связей. Сложную пространственную структуру данного погребально-поминального комплекса ученые рассматривали как свидетельство параллельного проживания в долине Чулышмана двух лояльных групп кочевников, являвшихся семейно-клановыми объединениями, в которые, вероятно, входили и зависимые «неродственники». Кроме прочего, они указали на подчиненное общественное положение социально-производственного коллектива (аила), хоронившего своих представителей на южном участке кладбища, сохранявшего устойчивую обособленность и внутреннюю социальную ранжированность.

Отдельно нужно отметить опыт С.А. и А.С. Васютиных по определению приблизительного количества одновременно проживавших взрослых людей, оставивших некрополь Кок-Паш, на основе практических разработок С.С. Сорокина (1975) и Б.Ф. Железчикова (1984). Исходя из немногочисленных антропологических данных, приблизительной продолжительности функционирования могильника, общих закономерностей развития кочевого хозяйства, средняя численность взрослого населения была установлена в пределах 25–26 человек. Исследователи подчеркнули отсутствие в погребениях предметов, свидетельствующих о развитии в Восточном Алтае в указанный хронологический период земледелия, что подтверждается относительно небольшой плотностью населения этого района (Васютин С.А., Васютин А.С., 2005, с. 235).

Своеобразие источниковой базы, характеризующейся отсутствием поселенческих комплексов, достоверно принадлежащих булан-кобинской культуре, обусловило немногочисленность работ по изучению палеоэкономики племен Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

В рамках этого направления можно отметить изыскания А.Н. Садовой и С.С. Онищенко (2003) по реализации ландшафтного подхода для реконструкции традиционных систем землепользования населения Восточного Алтая в предтюркское время. Посредством анализа экологических ресурсов и возможных способов их хозяйственной эксплуатации с учетом этнографических параллелей конца XIX – начала XX в. они выделили три группы моделей жизнеобеспечения, из которых для этой территории наиболее подходил экстенсивный вариант, определяющийся ведущей ролью кочевого скотоводства (яйлажной формы в низовьях Чулышмана, выгонной – на Улаганском плато), отсутствием ирригационного земледелия, существованием эпизодической охоты в Прителецком и Улаганском промысловых районах (Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003, с. 216–219, рис. 7). Первичной социально-экономической единицей общества IV–V вв. н.э. выступал аил из 5–7 малых родственных семей, насчитывавший не более 30 человек. Исследователи высказали предположение о наличии аймачной организации (территориально-производственной и потестарной структуры), распространявшейся на долину Чулышмана и Улаганское плато. Системообразующие связи были, скорее всего, родо-территориальными и «если допустить существование в этот период потестарных образований (на уровне оттоков и улусов), то они охватывали значительно большую территорию, чем собственно Восточный Алтай» (Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003, с. 217–218).

Определенное значение для решения вопросов, связанных с использованием данных из погребальных памятников для реконструкции общественного устройства населения Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э., имела серия публикаций, выполненных в русле традиционного вещеведческого анализа.

В этом плане заслуживают внимания выводы Ю.С. Худякова по поводу военной организации «булан-кобинцев», нашедшей свое опосредованное преломление в социальной стратификации. При систематизации комплекса боевых средств он предположил, что горно-алтайское войско во 2-й четверти – середине I тыс. н.э. было относительно однородным и состояло из легковооруженных конных лучников, а его структура, скорее всего, соответствовала родоплеменному составу кочевого населения (Худяков Ю.С., 1986, с. 134–135). С опорой на археологические источники и сведения китайских хроник Ю.С. Худяков (1986, с. 134) отметил, что племена Алтая «находились в данный период времени в зависимости от тюркок-ашина, составляя совместно с ними единое «владение» на периферии Жуань-Жуаньского каганата». Такая оценка в основных чертах сохранилась и в более поздних работах оружейведа (Худяков Ю.С., 2002а, с. 86; 2005). В статье, посвященной классификации предметов вооружения из могильника Усть-Эдиган, археолог утверждал, что единственным родом войск номадов Алтая хуннского времени была легковооруженная конница (Худяков Ю.С., 1997а, с. 31). Согласно Ю.С. Худякову (1993, с. 68), население булан-кобинской культуры в I в. н.э. в политическом отношении, вероятно, подчинялось западным соседям – местникам северо-хуннских шаньюев.

Ценные выводы для реконструкции профессиональной стратификации номадов хуннско-сяньбийско-жужанского времени содержатся в работах В.В. Горбунова в контексте исследования оборонительного и наступательного вооружения. В ходе изучения вещественных и иконографических материалов В.В. Горбунов (1998, с. 124; 2003а, с. 90) выделил наборы предметов, соответствующие определенным родам войск и демонстрирующие происходившие в течение II в. до н.э. – V в. н.э. изменения в военной структуре «булан-кобинцев». По мнению археолога, во II в. до н.э. – I в. н.э. войско было представлено легкой пехотой и конницей, с III в. н.э. появилась тяжелая пехота из лучников и копейщиков и, возможно, средняя конница, во 2-й половине IV – 1-й половине V в. н.э. возникла тяжелая конница. Исследователь указал на большую материальную ценность средств защиты и предположил, что применение кочевниками Алтая конского доспеха, находки которого в погребениях весьма фрагментарны, первоначально ограничивалось небольшим числом знатных воинов, которые не составляли самостоятельных подразделений (Горбунов В.В., 1998, с. 125; 2003а, с. 4, 95).

При анализе предметов вооружения завершающего этапа булан-кобинской культуры из памятников Катанда-I, Берель, Чендек, Верх-Уймон, Дялян Ю.В. Тетерин (2004, с. 63–64) сделал вывод, что знаком особого социального ранга мужчин, составлявших военную элиту, выступало присутствие в сопроводительном инвентаре захоронений (помимо лука, стрел, колчана, кинжала) меча или палаша. Появление воинов, снабженных этим оружием, а также копьями, доспехом, он считал свидетельством выделения из среды рядовых кочевников профессиональных воинов-дружинников (Тетерин Ю.В., 2004, с. 65).

По мнению многих специалистов, важным индикатором социального статуса скотоводов Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. являются украшения и предметы костюма. Ряд наблюдений и выводов в этом направлении представлен в публикации А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худякова (2004, с. 69–70, рис. 1–8), посвященной реконструкции женских головных уборов кочевой знати хуннского времени по материалам курганов №10, 35, 86, 88 могильника Усть-Эдиган. Согласно позиции обозначенных авторов, наголовья элиты ранних «булан-кобинцев» включали в себя разнообразные и многочисленные золотые и бронзовые изделия: прямоугольные пластины с геометрическим узором (в том числе с гребнями), маленькие бляхи-нашивки, в двух случаях «фалары» (крупные бляхи-нашивки) с вихревым орнаментом. Женщины, носившие подобные головные уборы, в рамках кочевой общины обладали каким-то особым социальным статусом. Они, вероятно, были женами старейшин, хотя по роду занятий не отличались от основной массы лиц этого пола (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2004, с. 72). Различия в оформлении декора обозначенных изделий археологи объясняли эволюционным развитием, одним из проявлений которого стал переход в их производстве от золота к бронзе – «своеобразная замена качества украшений количеством». Другой возможной причиной новаций в изготовлении головных уборов А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худяков (2004, с. 71) считали изменение статуса родоплеменного коллектива усть-эдиганских номадов в этнополитической системе населения булан-кобинской культуры.

Многочисленные вещественные находки, полученные Ю.С. Худяковым в ходе раскопок погребального комплекса Улуг-Чолтух, позволили археологу сделать ряд предположений о социальной значимости женских украшений у населения Северного Алтая во 2-й четверти I тыс. н.э. Опираясь на этнографические материалы по народам Сибири, ученый высказал мнение, что большое количество украшений помещалось в могилы молодых женщин: «...возможно, запрещалось класть украшения некоторым неоднократно рожавшим женщинам, у которых умирали дети, чтобы прервать нездоровую наследственность» (Худяков Ю.С., 2014, с. 113). Исследователь также отметил, что на памятнике Улуг-Чолтух «не выявлены курганы с крупными насыпями и другими конструктивными особенностями надмогильных сооружений, а также с признаками дифференциации заупокойной обрядности, на основании которых можно было бы выделить комплексы родовой знати» (Худяков Ю.С., 2014, с. 113). К сожалению, концептуальный вывод Ю.С. Худякова о том, что различия между наборами украшений женских захоронений на обозначенном некрополе отражают не социальную и имущественную принадлежность, а разный возрастной статус покойных, не подкреплен антропологическими определениями.

Опыт реконструкции костюма женщины, принадлежавшей к элите булан-кобинского социума хуннского времени, представлен А.А. Тишкиным (2005а, с. 195–201, рис. 2–3) на основе анализа вещественных находок из кургана №51 памятника Яломан-II (Центральный Алтай). Комплекс украшений и предметов одежды из данного захоронения представлен различными статусными вещами: золотая пластина с орнаментом, большое количество маленьких полусферических блях-нашивок из золота, серьги (одна с каменной подвеской на цепочке), поясная бронзовая пряжка с ажурным изображением, железная пряжка и портупейные кольца-блоки, медный колокольчик-подвеска, сумочка, расшитая бронзовыми бляшками, многочисленные бусы.

Возможности использования предметов украшения для изучения структуры булан-кобинского социума продемонстрированы в статье С.С. Матренина (2005в) «Украшения

и предметы костюма как источник для реконструкции социальной структуры кочевников Горного Алтая хунно-сяньбийского времени». Изучение 223 мужских, 118 женских, 117 детских захоронений из 37 могильников позволило автору выявить особенности снабжения украшениями и предметами костюма людей, относившихся к отдельным половозрастным группам рассматриваемого общества. На обширном вещественном материале исследователь обозначил несколько наборов изделий со схожим значением социальной престижности. В мужских могилах первый по социальной значимости набор составляли гривны с крупными орнаментированными нагрудными подвесками из драгоценного металла, возможно, высокохудожественные изделия, выполненные в «зверином» стиле; второй – гривны, серьги, крупные металлические (бронзовые) бляхи-нашивки на верхнюю одежду; третий – металлические и костяные ложечковидные застежки, обычные пряжки, маленькие металлические бляхи-нашивки и подвески на костюм, подвески на одежду (на усть-эдиганском этапе булан-кобинской культуры), гарнитура от основных и стрелковых поясов (простых или наборных); четвертый – бусы (бисер), каменные, костяные застежки и подвески. У женщин самый привилегированный набор включал золотые и бронзовые пластины-диадемы с орнаментом от головных уборов, ажурные пряжки с зооморфными изображениями; второй набор составляли пластины-диадемы без орнамента, гривны, крупные бляхи, бубенчиковидные подвески, колокольчики, кольца; третий – маленькие металлические бляхи-нашивки, подвески, пронизи на головной убор и верхнюю одежду, серьги, наконечники, булавки; четвертый – обычные пряжки от основного пояса (простого, наборного), поясная гарнитура, металлические застежки; последний – бусы (бисер), раковины-каури, бляхи-нашивки, подвески, застежки из кости, камня. У детей «шкала престижности» украшений и предметов костюма вбирала в себя черты, присущие взрослым индивидам разного пола.

Внимания заслуживает целенаправленное исследование комплекса украшений скотоводов Алтая II в. до н.э. – V в. н.э., предпринятое горно-алтайскими археологами С.В. Трифановой и В.И. Соеновым (Трифанова С.В., 2005а–б, 2006; Трифанова С.В., Соенов В.И., 2019). Данными специалистами осуществлен анализ распределения украшений в представительной серии погребений разных половозрастных групп населения булан-кобинской культуры. В результате было подтверждено наблюдение о том, что большая часть украшений являлась элементом сопроводительного инвентаря погребений женщин, детей и подростков. Исключительно женскими украшениями у населения Алтая в «гунно-сарматскую» эпоху являлись пластины от диадем, наконечники, бубенчиковидные подвески (Трифанова С.В., Соенов В.И., 2019, с. 60, 62, 63, 65, 72–74). По результатам интерпретации находок из закрытых комплексов сделан вывод, что отличительным признаком взрослых женщин, занимавших высокое социальное положение, являлись диадемы с бронзовыми и железными пластинами (Трифанова С.В., 2005б, с. 98). Данные украшения «носили по достижении совершеннолетия, и они были знаком принадлежности к определенной социальной группе. Возможно, представительницы других социальных слоев и другого возрастного диапазона носили изделия, декорированные деревянными элементами или аппликациями из кожи или другого недолговечного материала» (Трифанова С.В., Соенов В.И., 2019, с. 86–87). Кроме этого, исследователи указали на социальную престижность таких категорий вещей, как бубенчиковидные подвески и ромбовидные пластины. Женщин, занимавших более низкое место в социальной иерархии, и детей хоронили с головными уборами, украшенными нашивными бляшками, бусами, раковинами-каури (Трифанова С.В., 2006, с. 14, 17, 19; Трифанова С.В., Соенов В.И., 2019, с. 65).

Определенным этапом в развитии социальных реконструкций по археологическим материалам Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. стали изыскания одного из авторов данной книги. Они нашли отражение в отдельных публикациях, разделе коллективной монографии «Социальная структура ранних кочевников Евразии», подготовленном совместно с А.А. Тишкиным, а также в кандидатской диссертации (Матренин С.С., 2004а–б; 2005а–в; 2006; Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005). В результате С.С. Матре-

ниным была реализована комплексная программа палеосоциального исследования, которая включала в себя следующие элементы:

1) половозрастной анализ и выделение социально обусловленных признаков, ранжировка последних на маркеры полового, возрастного, профессионального, социально-имущественного положения умерших людей на базе многомерной статистической обработки всех показателей погребального обряда по открытому списку признаков (погребальные сооружения, способы захоронения и ритуал, сопроводительный инвентарь). Для этой процедуры применялись метод выделения «стандарта» и его отклонений, сопряженных групп вещей;

2) реконструкция палеодемографической ситуации на основе построения таблиц смертности, а также воссоздание физико-генетической структуры на основе выявленных тенденций половозрастного анализа антропологической серии;

3) обоснование критериев, позволяющих соотнести статус умерших людей в рамках социально-имущественной и профессиональной стратификации, посредством выявления комплексов «власти», «богатства», «производства», «культы» и определения дробной шкалы социальной значимости всех составляющих сопроводительного инвентаря. По итогам корреляции полученных комплексов проведено моделирование социальной структуры общества, состоявшей из нескольких слоев и групп населения;

4) сопоставление моделей социальных групп с определенными этническими сегментами-кланами (они, с определенной долей гипотетичности, соотнесены с разными типологическими группами погребений) для реконструкции этносоциальной дифференциации. На данном этапе изучались, насколько это возможно, отдельные институты булан-кобинского социума, определялись особенности разных типов общественной стратификации, их место в социальной организации, выяснялись тенденции политогенеза (Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 152–182; Матренин С.С., 2005б, с. 16–22).

Изучение результатов раскопок 607 погребений Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. позволило сделать вывод, что главным критерием половой, социальной и профессиональной стратификации населения булан-кобинской культуры выступал сопроводительный инвентарь, а большинство элементов погребального обряда являлись второстепенными по социальной значимости признаками (Матренин С.С., 2005б; Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005).

К числу недавних публикаций С.С. Матренина (2019а), демонстрирующих возможности палеосоциальных исследований по материалам булан-кобинской культуры, относятся изыскания по расчету индивидуального индекса статуса мужского населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. на основе разработок зарубежных авторов (Sparacello V.S., d'Ercole V., Coppa A., 2015, p. 307–312).

Большое значение для понимания особенностей социального развития населения Алтая во 2-й четверти I тыс. н.э. имело междисциплинарное исследование материалов погребального комплекса сянбийско-жужанского времени Степушка (Онгудайский район Республики Алтай), полностью раскопанного археологами Алтайского и Горно-Алтайского государственных университетов. Информативный корпус археологических и антропологических источников был обобщен в двух монографиях (Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В., 2018; Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018).

Изучение данных по 50 индивидам с установленной половозрастной принадлежностью продемонстрировало определенное своеобразие демографии популяции, оставившей данный некрополь, по сравнению с другими группами «булан-кобинцев»: резко выраженное количественное преобладание мужской части населения над женской (в 4,7 раза); достаточно низкая средняя продолжительность жизни мужчин (32 года); большой процент смертности лиц мужского пола в интервале от 13 до 35 лет (53%); значительный удельный вес (30%) мужчин разного возраста, умерших насильственной смертью в результате конфликтов с применением летального оружия; малочисленность женских захоронений при почти полном отсутствии индивидов млад-

ше 35 лет; малочисленность детских захоронений, в том числе отсутствие младенцев (Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, с. 183–187).

На основе корреляции наборов вещей с разной степенью социальной престижности и руководствуясь «стандартными» характеристиками качественного состава сопроводительного инвентаря авторы книги «Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка)» выделили несколько социальных групп погребений (Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, с. 188–192). Для одиннадцати детских захоронений это три группы.

Группа 1 – погребение ребенка 5–6 лет из кургана №21 комплекса Степушка-I с воинским инвентарем (боевой нож с железными деталями ножен, наборный пояс с большим количеством деталей), снаряжением верхового коня (удила, псаии), орудиями труда (нож) и бытовой утварью (деревянное блюдо), относящееся к верхнему слою общества.

Группа 2 – погребения с одиночными редкими изделиями или с набором инвентаря, в состав которого могли входить отдельные элементы снаряжения, украшения, орудия труда, бытовая утварь. К данной группе относятся три захоронения детей разного возраста: ребенок двух лет с железной панцирной пластиной, железными поясными бляхами, бусами из кости и стекла (Степушка-2, объект №20); ребенок шести лет с бронзовыми серьгами и бусами (Степушка-2, объект №22); ребенок 11 лет с подвесками из кости и зубов марала, косметической щеточкой, простым поясом, ножом, бронзовым шейным украшением, от которого сохранились окислы на костях (Степушка-2, объект №2). Погребения данной группы, вероятно, принадлежали к состоятельной части рядового населения.

Группа 3 – погребения с социально невыразительным инвентарем (керамический сосуд, нож, бусина, деревянная утварь и др.), преимущественно с одиночными предметами, либо без вещей. Среди них семь детей в возрасте от 1,5 до 11 лет, относящихся к «средней» и «бедной» прослойкам булан-кобинского общества. Безынвентарность являлась нормой обрядности для детей до трех лет, независимо от того, что они принадлежали к неравным по социальному и имущественному положению семейно-родственным коллективам.

Социальная дифференциация семи женских захоронений по трем группам выражалась в качественном и количественном составе украшений.

Группа 1 – погребения с наиболее престижными декоративными элементами костюма (железная диадема или крупная бронзовая заколка, большие бляхи), разнообразными достаточно многочисленными категориями украшений (бронзовые малые полусферические бляхи-нашивки, подвески, малые наконечники), ножами. Умершие могли сопровождаться также другими вещами: наборным поясом с большим количеством гарнитур, зеркалом (женщина 35–45 лет, объект №8 комплекса Степушка-2) или только простым поясом (женщина около 40 лет, курган №11 комплекса Степушка-I). Данные женщины могут относиться к привилегированной части населения.

Группа 2 – погребения с бронзовыми бляхами-нашивками небольшого размера и металлическими наконечниками. Остальной инвентарь вариативен. Для подгруппы, характеризующей средний слой населения, зафиксированы бронзовые ромбовидные подвески, серьги, наборный пояс с небольшим количеством гарнитур, каменные бусы, железный нож (женщина 45–55 лет, объект №7 комплекса Степушка-2). Вещевой комплекс бедной части населения включал единичный железный предмет (женщина 40–45 лет, объект №37 комплекса Степушка-2).

Группа 3 – погребения с одиночными социально «нейтральными» вещами (простой пояс, фрагменты железного предмета) либо без инвентаря. Данная группа представлена тремя индивидами: женщина 40–45 лет (Степушка-2, объект №15), женщина 35–40 лет (Степушка-2, объект №17), девушка 14–16 лет (Степушка-2, объект №36). Они занимали самую нижнюю ступень в социально-имущественной стратификации женщин, похороненных на данном могильнике.

Социальная стратификация мужчин проявлялась, прежде всего, в составе предметов вооружения, снаряжения, экипировки верхового коня, а также в присутствии специализированных орудий (инструментов). Для 30 непо потревоженных мужских захоронений выделены четыре социальных группы.

Группа 1 – погребение с оружием дальнего (лук, стрелы с железными наконечниками, в том числе бронебойными) и ближнего (нож) боя, средствами защиты (железная пластина), наборным поясом с большим количеством гарнитур, стрелковый пояс с крюком-застежкой, с различными элементами амуниции верхового коня (удила, псаии, подпружная пряжка, цурки), орудиями труда (нож, шило) и редкими инструментами (тесло, стамеска-ложкорез, резец). Данная группа представляет привилегированную прослойку населения и включает единственное захоронение мужчины 25–35 лет из кургана №19 комплекса Степушка-I.

Группа 2 – погребения с оружием дальнего (луки и железные наконечники стрел) и ближнего (ножи) боя, наборными или простыми поясами с разным количеством деталей гарнитур, с колчанными крюками и (или) предметами конского снаряжения (удила, псаии, пряжки, иногда уздечные бляхи-накладки). Остальной инвентарь представлен орудиями труда (ножи, реже стрелы с костяными наконечниками, плеть), а также единичными находками инструментов (тесло) и металлических украшений (бронзовый наконечник). Данная группа включает шесть захоронений (Степушка-I, курганы №5, 7, 13, 17; Степушка-2, объекты №40, 48). Социальный статус данных индивидов (три зрелых, два юных, один возмужалый) был выше среднего.

Группа 3 – погребения с оружием дальнего боя. Состав остальных вещей позволяет выделить две подгруппы. Подгруппа А характеризуется присутствием в инвентаре наборных и простых поясов, орудий труда (нож и (или) костяные наконечники стрел, плеть), иногда снаряжения верхового коня (удила, уздечные бляхи) и украшений (подвеска из когтя, серьга). Одиннадцать захоронений (Степушка-I, курганы №6, 8, 9, 15; Степушка-2, объекты №5, 9, 26, 32, 33, 34, 41а) с данными признаками представляют рядовое население с относительно высоким уровнем материального благосостояния. В возрастном отношении это пять зрелых, пять возмужалых, один юный индивиды мужского пола. Подгруппа Б отличается наличием одного-трех изделий, среди которых простой пояс, «блок», костяные наконечники стрел, нож, бусина. Такой состав инвентаря зафиксирован в семи мужских могилах (Степушка-I, курганы №1, 3, 4; Степушка-2, объекты №10, 19, 39, 46), относящихся к более бедной прослойке рядового мужского населения разного возраста (три возмужалых, четыре зрелых индивида).

Группа 4 – погребения без оружия, включающие две подгруппы. Подгруппа А отличается наличием одиночных предметов снаряжения (наборный пояс с небольшим количеством гарнитур, «блок») и (или) орудий труда (нож, костяные наконечники стрел), украшений (костяная пронизь). Среди них три умерших (один юноша, субъекты возмужалого и зрелого возраста) из комплекса Степушка-2 (объекты №23, 27, 30). Подгруппа Б включает безынвентарное захоронение юноши из кургана №10 комплекса Степушка-I. Данные мужчины принадлежали к самой бедной прослойке «степушкинцев». Стоит заметить, что при исследовании памятника Степушка успешно реализован метод социальной планиграфии с демонстрацией полученных результатов в графической форме (Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, с. 193–194).

К числу новейших разработок в области социальной интерпретации материалов раскопок погребальных памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени относятся исследования в рамках биоархеологических реконструкций, выполненные под руководством С.С. Тур (Тур С.С., Матренин С.С., 2016; Tur S.S., Matrenin S.S., Soyonov V.I., 2016; Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И., 2018). На основе изучения краниологических материалов, представленных 470 черепами из 20 могильников булан-кобинской культуры (в большинстве своем неопубликованных), а кроме того, костями посткраниальных скелетов людей из семи памятников (Бош-Туу-I, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Курайка, Степушка, Усть-Эдиган, Яломан-II), было рассмотрено вооруженное насилие у скотово-

дов Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. Анализ позволил сделать вывод, что частота травм головы без следов заживления (колотые и рубленые раны, случаи возможного скальпирования и декапитации) составляла у мужчин 13,3%, у женщин – 6,4%, у детей и подростков – 4,8%. Данную картину дополняет серия повреждений посткраниального скелета (застрявшие наконечники стрел, случаи отсечения конечностей). Основной причиной получения смертельных травм у скотоводов региона во II в. до н.э. – начале III в. н.э. являлись местные конфликты. Одним из факторов, влиявших на частоту таких свидетельств в обозначенный период, мог быть приток нового населения. Во 2-й половине III – V в. н.э. в связи с крушением кочевой империи сяньби и обострением борьбы за власть носители булан-кобинской культуры были вовлечены в вооруженные конфликты с культурно/этнически чужеродными группами (Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И., 2018, с. 132). Значительное количество смертельных травм у мужчин демонстрирует высокую степень «милитаризации» населения Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э., исключая участие в вооруженных наступательных действиях женщин². При этом в локальных группах населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени показатель боевого травматизма имел свою специфику с учетом особенностей демографической структуры конкретных популяций. Авторами выявлено наиболее существенное различие в характере вооруженного насилия на полностью раскопанных и хорошо документированных памятниках Айрыдаш-I (Северный Алтай) и Степушка (Центральный Алтай). Популяция, оставившая могильник Айрыдаш-I, характеризуется соотношением полов ближе к естественному, преобладанием среди умерших женщин юных и молодых индивидов, наличием смертельных травм у мужчин, женщин, детей и подростков. Обозначенные показатели свидетельствуют о том, что данное население, очевидно, было подвергнуто внезапному вооруженному нападению чуждых ей племен, во время которого часть молодых женщин была убита или уведена в плен. В свою очередь на некрополе Степушка диагностированы значительная количественная диспропорция мужчин в отношении женщин (4,7:1,0) и детей (3,1:1,0), факты смертельных травм с применением оружия только у мужчин и одного подростка 12,5–13,5 лет, отсутствие захоронений молодых женщин 20–35 лет, указывающие на то, что мужчины этой локальной группы «булан-кобинцев» участвовали в дальних походах, а молодые женщины в их отсутствие могли быть уведены в плен.

Важно отметить, что авторы не исключали, что деформация демографической выборки «булан-кобинцев», количественным преобладанием мужчин почти в два раза над женщинами, могла быть обусловлена не только миграциями и военными действиями, но также и дифференцированной погребальной практикой для разных социальных групп населения (Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И., 2018, с. 137).

Обобщая представленный историографический обзор, можно сделать вывод, что социальная тематика начала оформляться в отдельное направление изучения культуры населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени только в конце XX – начале XXI в. В значительной степени это было обусловлено затянувшимся процессом накопления археологических источников и запоздалым их введением в широкий научный оборот. Исследователи в целом разделяют позицию о том, что включение указанного региона в конце I тыс. до н.э. – 1-й половине I тыс. н.э. в орбиту влияния кочевых держав Центральной Азии (хунну, сяньби, жужаней) привело к формированию у проживавшего там населения сложной социальной организации, базировавшейся на родоплеменной дифференциации и характеризующейся пересечением нескольких видов стратификации (половозрастной, социально-имущественной, профессиональной). По уровню централизации социально-политическая система носителей булан-кобинской культуры отличалась от той, что существовала у племен Алтая в скифо-сакское время.

В заключение подчеркнем, что располагаемый к настоящему моменту объем материалов вполне достаточен для полноценного изучения социальной истории носителей булан-

² Авторами высказано обоснованное сомнение относительно вывода об «амазонках», погребенных на могильнике Кок-Паш в Восточном Алтае (Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И., 2018, с. 137).

кобинской культуры Алтая. Сформированная источниковая база, заметным образом увеличившаяся за последние десятилетия, определяет целесообразность возвращения к данной проблематике на новом уровне, учитывая возможности реализации комплексного подхода в области социальных реконструкций по материалам археологических памятников.

1.2. Раннее средневековье

Феномен тюркской общности был гораздо более масштабным в территориальном отношении, по сравнению с распространением кочевников булан-кобинской культуры. В истории обоих обозначенных объединений кочевников ключевую роль сыграл Алтай, однако тюрки раннего средневековья, сформировавшиеся в данном регионе, в процессе военной экспансии, захватившей и отдельные группы населения булан-кобинской культуры, вышли далеко за пределы обозначенной территории, сформировав крупнейшие кочевые империи 2-й половины I тыс. н.э. В связи с этим, анализируя накопленный опыт социальной интерпретации археологических комплексов тюрков, имеет смысл рассматривать не только памятники Алтая, но также учитывать наблюдения, сделанные исследователями на основе изучения объектов на сопредельных территориях.

Несмотря на значительный опыт социальной интерпретации памятников кочевников Центральной Азии раннего железного века и очевидную актуальность рассмотрения с таких же позиций археологических комплексов раннего средневековья, опыт работ в указанном направлении весьма фрагментарен. Одним из первых попытку реконструкции структуры тюркского общества на основе изучения результатов раскопок погребений предпринял С.В. Киселев (1951, с. 530–544). Материалы, использованные исследователем, оказались немногочисленными. Археолог учел только раскопанные на тот момент погребения раннесредневековых тюрков на территории Алтая. Однако ограниченность источниковой базы не помешала ему сделать ряд достаточно обоснованных наблюдений.

Важным представляется вывод С.В. Киселева о том, что социальная структура населения Алтая периода раннего средневековья может быть сопоставлена с тем устройством общества, которое представлено в письменных источниках и характерно для кочевников Центральной Азии. Известные археологу погребения раннесредневековых тюрков, главным образом из его собственных раскопок, были разделены на три группы и скоррелированы с основными слоями социума кочевников (Киселев С.В., 1951, с. 530–544).

К первой группе курганов С.В. Киселев отнес небольшие по размерам объекты, при раскопках которых в большинстве случаев зафиксировано погребение человека с лошадью и стандартным сопроводительным инвентарем. Отметив скромность наборов вещей, в том числе редкость предметов роскоши и импорта, археолог обратил внимание на присутствие в могилах вооружения. По мнению исследователя, обозначенные погребения можно соотнести со свободными рядовыми кочевниками, обладавшими собственным хозяйством, имуществом и определенной самостоятельностью (Киселев С.В., 1951, с. 533). При выделении второй группы объектов С.В. Киселев учитывал такие показатели обряда, как планиграфия могильников, параметры наземных сооружений, погребальный ритуал и состав сопроводительного инвентаря. По всем обозначенным признакам рассмотренные курганы были им соотнесены с зависимым населением, возможно, рабами (Киселев С.В., 1951, с. 535). Об этом, по мнению археолога, свидетельствовало «подчиненное» расположение небольших объектов вокруг крупных насыпей, редкость сопроводительного захоронения лошадей и «бедность» наборов вещей.

С.В. Киселев обратил внимание на то, что некоторые погребения представителей низших слоев общества кочевников Алтая были впускными и совершались в наиболее «богатых» курганах. Последние памятники были объединены археологом в рамках третьей группы. «Элитные» погребения отличались размерами наземных и сложностью

внутримогильных конструкций, определенной спецификой ритуала и разнообразным инвентарем, включавшим различные категории вещей (Киселев С.В., 1951, с. 535). С.В. Киселев (1951, с. 544) предположил, что перечисленные признаки свидетельствуют о принадлежности курганов «алтайской знати».

Отметим, что исследователь подчеркнул культурную и хронологическую однородность рассматриваемых погребений. Таким образом, приведенные различия в обряде объяснялись исключительно прижизненным социальным и имущественным статусом умерших³.

Столь подробная характеристика результатов исследований С.В. Киселева целесообразна потому, что на сегодняшний день рассматриваемая работа остается редким опытом комплексного анализа погребальной практики раннесредневековых тюрок для реконструкции социальной организации номадов. Обратим внимание на то, что выделение трех групп в кочевом обществе было характерно для отечественной археологии 2-й четверти – середины XX в. (Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А., 2005, с. 14–15). Работа С.В. Киселева, отражая общие тенденции развития исторической науки, на тот момент являлась основой для дальнейшего, более подробного и детализированного изучения специфики устройства общества раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий. Однако в последующие годы целенаправленных исследований в этой области не предпринималось. Только начиная с конца 1950-х – начала 1960-х гг. в специальной литературе появляются фрагментарные замечания о том, что неоднородность погребального обряда раннесредневековых тюрок может объясняться причинами не только хронологического и этнокультурного характера, но также особенностями социальной и имущественной дифференциации общества номадов (Длужневская Г.В., 1976, с. 57; Трифонов Ю.И., 1971, с. 122; 1975, с. 193). Активизации научных поисков в указанном направлении способствовали раскопки на территории Тувы и Алтая, в ходе которых был накоплен значительный материал по периоду раннего средневековья.

Анализ исследованных памятников позволил археологам сделать ряд наблюдений о специфике погребальных сооружений и ритуала тюрок 2-й половины I тыс. н.э. В публикации, посвященной введению в научный оборот материалов одного из наиболее ярких памятников раннесредневековых номадов на территории Тувы, А.Д. Грач (1958, с. 34) подчеркнул, что степень «богатства» комплекса должна определяться особо для различных территорий. Исследователь обратил внимание на то, что одним из показателей в этом отношении являются параметры курганный насыпи при наибольшем значении сопроводительного инвентаря. А.А. Гаврилова (1965, с. 39), рассматривая наборы вещей из различных могил некрополя Кудыргэ, предположила, что у раннесредневекового населения Алтая традиция ношения двух поясов (для колчана и для меча) была привилегией знатных слоев общества.

Весьма последовательно была представлена точка зрения Б.Б. Овчинниковой (1983, 1984), выделившей в составе памятников раннесредневековых тюрок Тувы особую группу могил с подбоями. Кроме нестандартного устройства погребальной камеры, исследовательница отметила «богатый» по количеству и качеству сопроводительный инвентарь. Она предположила, что такие объекты, являясь результатом уйгурского влияния, могли сооружаться для мужчин-воинов, занимавших высокое положение в небольшой племенной группе (Овчинникова Б.Б., 1983, с. 65; 1984, с. 220–221). Обратим внимание на то, что в данном случае было отмечено сложное влияние на погребальную обрядность этнокультурного и социального факторов.

Результаты анализа наборов вещей из памятников раннесредневековых номадов были представлены в специальной публикации Г.В. Длужневской (1976), а также в ее

³ Иная точка зрения была высказана А.А. Гавриловой (1965, с. 88), предположившей, что в ряде случаев вариативность погребального обряда рассматриваемых захоронений объясняется не прижизненным положением покойных, а различной хронологической и культурной принадлежностью объектов. В настоящее время остается актуальным вопрос о полной публикации материалов раскопок С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой, что будет способствовать более обоснованной интерпретации памятников.

совместной статье с Б.Б. Овчинниковой (1980, с. 83–85). Для выявления различных характеристик половозрастной дифференциации в тюркском обществе она рассмотрела погребения, раскопанные на тот момент на Алтае и в Туве. Изучение сопроводительного инвентаря позволило Г.В. Длужневской выделить несколько групп объектов, включавших стандартные наборы вещей. Одним из основных признаков стало присутствие предметов вооружения. По мнению исследовательницы, в наибольшем количестве они представлены в погребениях мужчин-воинов, отнесенных к первой группе. В двух других группах оружия было мало или оно отсутствовало. Г.В. Длужневская (1976, с. 197) подчеркнула, что некоторые могилы с незначительным количеством предметов вооружения не могут быть отнесены к рядовому населению, так как содержат другие вещи. В отдельную группу были выделены погребения женщин и девочек, в ряде случаев содержавших разнообразный сопроводительный инвентарь. В качестве дополнительных маркеров половозрастной дифференциации Г.В. Длужневская (1976, с. 199) назвала количество стремян, а также наличие в могиле каменного ящика. Важным является ее заключение о неоднородности выделенных групп, что демонстрирует сложность процессов дифференциации в тюркском обществе.

Дальнейшее рассмотрение социально-диагностирующих признаков погребальной обрядности раннесредневековых тюрков также основывалось, главным образом, на анализе сопроводительного инвентаря. При этом вопросы дифференциации общества кочевников затрагивались специалистами далеко не в первую очередь. Более важными для ученых оставались проблемы хронологической и этнокультурной атрибуции предметов, реконструкция этнографического облика кочевников и др. Тем не менее, в рамках традиционного вещеведческого подхода, в ряде случаев были сделаны весьма ценные наблюдения.

Развернутая характеристика социальной значимости пояса в обществе раннесредневековых кочевников представлена В.Н. Добжанским (1990, с. 73–80). По мнению исследователя, престижность этой категории предметов в значительной степени определялась материалом, из которого были изготовлены бляхи-накладки и наконечники (Добжанский В.Н., 1990, с. 77). Не менее показательными являлись особенности декоративного оформления пояса. К примеру, изображения животных на наконечниках, являвшиеся показателем определенного статуса владельца, могли быть связаны с мифологическими представлениями кочевников (Добжанский В.Н., 1990, с. 74; Кубарев Г.В., 1996, с. 81). Интересным является наблюдение В.Н. Добжанского (1990, с. 79) о том, что в тех погребениях, где не зафиксированы поясные наборы, однако присутствует достаточно «богатый» инвентарь, могли быть похоронены представители чиновничьей аристократии, не занимавшиеся непосредственно военным делом.

Частные замечания высказаны исследователями о престижности плетей и стеков (Кызласов Л.Р., 1951; Бородовский А.П., 1993), некоторых предметов вооружения (Худяков Ю.С., 1986; Овчинникова Б.Б., 1990; Кубарев Г.В., 2002; и др.), а также других сравнительно редких находок (Кубарев Г.В., 1998а) из захоронений раннесредневековых тюрков Алтая и сопредельных территорий. Интересными представляются наблюдения С.П. Нестерова (1988) и С.В. Неверова (1998) об особой роли стремян, которые могли являться дополнительным показателем социального статуса погребенного.

Определенные результаты в указанном направлении в последние десятилетия получены барнаульскими археологами, рассмотревшими различные категории вещей. Комплексный анализ украшений конского снаряжения периода раннего средневековья, проведенный Т.Г. Горбуновой (2003; 2004, с. 18), позволил сделать вывод о том, что они являлись одним из показателей социального статуса и имущественного положения человека. Отметив, что учитывались особенности погребального обряда кочевников Алтая и видовой состав инвентаря, исследовательница выделила три группы памятников, в которых зафиксированы украшения конской амуниции. Обозначенные объекты были соотнесены с такими слоями тюркского общества, как правящая элита, служилая знать и дружинники.

Итоги изучения военного дела средневекового населения Алтая представлены в работах В.В. Горбунова (2003а, 2006а–б, 2007; и др.). Помимо обобщения сведений письменных источников о военной организации тюрок, исследователь обозначил устойчивые наборы предметов вооружения из памятников указанного региона. В итоге было выделено семь групп объектов, сопоставленных с основными ступенями в иерархии раннесредневековых номадов. В ходе реконструкции военной организации тюрок Алтай В.В. Горбунов (2007, с. 86) учитывал также и общий состав сопроводительного инвентаря, что позволило археологу обоснованно продемонстрировать профессиональную и имущественную дифференциацию в обществе кочевников.

В рамках публикации материалов раскопок, а также анализа исследованных комплексов археологами представлены дополнительные замечания о социальной значимости таких элементов обряда раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий, как планиграфия некрополей (Кубарев В.Д., 1992, с. 28), количество лошадей и их возможная замена на овцу (Нестеров С.П., 1990, с. 83–84), отдельные особенности ритуала (Кубарев В.Д., 1985, с. 146–147). По мнению Г.В. Кубарева (2005, с. 21), о низком статусе умершего свидетельствует впускной характер захоронения. С другой стороны, отмечено, что параметры погребальных сооружений не могут выступать определяющим признаком в этом отношении; более существенным показателем является сложность внутримогильных конструкций (Васютин С.А., Васютин А.С., 2005, с. 225). Учет этих и других характеристик позволил исследователям поставить вопрос о выделении «элитных» объектов на различных территориях (Тетерин Ю.В., 1999; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003).

Значение археологических материалов при характеристике социальной истории раннесредневековых тюрок неоднократно подчеркивалось С.А. Васютиным (2006; 2007б, с. 55). Несмотря на то, что выводы, представленные в большинстве публикаций исследователя, основываются, главным образом, на анализе письменных источников, он сделал ряд наблюдений, связанных с рассмотрением результатов раскопок погребальных комплексов. По мнению С.А. Васютина (2007а, с. 269), одной из проблем при изучении социальной истории раннесредневековых кочевников по данным археологии является отсутствие захоронений элиты номадов на территории Монголии. Исследователь обратил внимание на материалы некоторых показательных погребений 2-й половины I тыс. н.э., представив возможности реконструкции отдельных элементов возрастной структуры общества номадов (Васютин С.А., 2007а, с. 270–271; 2009, с. 200–201).

В наиболее развернутом виде заключения С.А. Васютина о возможностях социальной интерпретации археологических комплексов тюрок Центральной Азии представлены в его докторской диссертации. Наряду с рассмотренными ранее признаками половозрастной дифференциации исследователем обозначены характеристики социально-политической структуры кочевого общества, получившие отражение в материалах раскопок (Васютин С.А., 2016, с. 23–24). В частности, С.А. Васютин выделил три группы мужских погребений, первая из которых, по его мнению, связана с каганами, вождями крупных племенных союзов, верховными сановниками, вторая демонстрирует захоронения аристократов и военачальников, а третья включает погребения рядовых кочевников разного статуса.

Важно отметить, что приведенные наблюдения исследователей о специфике социальной структуры тюркского общества по данным археологии были сделаны, главным образом, на основе анализа материалов раскопок на Алтае и в Туве. Особая ситуация сложилась в области исследования памятников указанной общности на территории Минусинской котловины. Последовательно представлена позиция Ю.С. Худякова (1979, 2004), который считает, что погребения тюрок в рассматриваемом регионе датируются VIII–IX вв. и их появление связано с известными событиями военной истории. Такая датировка в целом поддержана в статье С.П. Нестерова (1985, с. 119), однако археолог назвал иные причины миграции носителей обряда погребения с конем в Минусинскую котловину. Некоторые специалисты, полагая, что памятники тюрок в указанной ча-

сти Алтае-Саянского региона не столь однородны в хронологическом отношении, выделяют более ранние объекты VI–VII вв. (Гаврилова А.А., 1965, с. 59; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 232; Савинов Д.Г., 2008; Серегин Н.Н., 2014). Нет единой точки зрения и в определении статуса кочевников рассматриваемой общности на новой территории. Согласно концепции Ю.С. Худякова (2004, с. 94–95), логичной представляется потеря тюрками в Минусинской котловине своего привилегированного положения после крушения империи кочевников в середине VIII в., и их последующая ассимиляция в кыргызском обществе. При этом Д.Г. Савинов (2005а, с. 234) отметил, что в IX–X вв. некоторые этнокультурные группы, связанные с «минусинскими» тюрками, занимали высокое или даже доминирующее положение на рассматриваемой территории.

В целом, изучение погребальных памятников позволило выделить социально-диагностирующие признаки обряда раннесредневековых тюрков Алтая и сопредельных территорий. К ним отнесены отдельные особенности планиграфии некрополей, а также некоторые элементы погребального ритуала. Отметим важность определения маркеров среди предметов сопроводительного инвентаря. Существенным является заключение специалистов о том, что социальная дифференциация была тесным образом связана с этнической, что отмечалось при изучении памятников Тувы и Минусинской котловины. При этом приходится констатировать, что в настоящее время в большинстве работ археологов представлены лишь отрывочные замечания, не позволяющие представить общую характеристику социальной структуры и организации раннесредневековых кочевников. Нередко различные территории распространения тюркской культуры рассматривались отдельно, что также не способствовало формированию цельной картины развития общества кочевников.

Недостаточное внимание археологов к изучению вопросов социальной истории тюрков на основе анализа погребальных комплексов обусловлено целым рядом обстоятельств. Важным моментом является то, что долгое время внимание специалистов было сосредоточено в большей степени на рассмотрении вопросов этнокультурной истории, определении хронологии некрополей и построении периодизации развития культуры на различных территориях (Гаврилова А.А., 1965; Вайнштейн С.И., 1966а; Кызласов Л.Р., 1969; Савинов Д.Г., 1984, 2005а; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002; 2005; Кубарев Г.В., 2005; Тишкин А.А., 2007; и др.). Незавершенность многих положений в рамках обозначенной тематики определила приоритетность указанных направлений и отодвинула на второй план другие вопросы. К тому же долгое время важным оставалось накопление материалов и введение их в научный оборот, что, впрочем, актуально и в настоящее время.

Редкость обращения археологов к реконструкции социальной организации раннесредневековых тюрков в значительной степени связана со спецификой источниковой базы. Как это ни парадоксально, негативную роль сыграло наличие письменных документов, позволявших представить основные характеристики общественного устройства кочевников почти без привлечения материалов раскопок (Кызласов Л.Р., 1969, с. 52–55). В таких случаях погребальные комплексы привлекались лишь в качестве иллюстрации сведений, приведенных в китайских династийных хрониках и тюркских рунических текстах.

В последние годы системное изучение социальной истории раннесредневековых тюрков Центральной Азии по материалам археологических комплексов предпринималось одним из авторов настоящей монографии. Результаты этой работы представлены в серии статей, отдельной книге, а также в разделе докторской диссертации (Серегин Н.Н., 2013; 2019, с. 34–38). В отдельной монографии, подготовленной в соавторстве с В.В. Тишиным, а также в серии совместных статей продемонстрированы возможности корреляции полученных результатов со сведениями письменных источников (Серегин Н.Н., Тишин В.В., 2016а–б, 2017, 2018; Тишин В.В., Серегин Н.Н., 2016, 2017; и др.). В настоящей книге сформированный опыт социальных реконструкций представлен в несколько переработанном виде, с акцентом на интерпретацию археологических комплексов раннесредневековых тюрков Алтая.

ГЛАВА II

СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИУМА КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ ХУННУСКО-СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ

2.1. Половозрастной анализ и выделение социальных маркеров погребального обряда населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Начальный этап истории «классических» кочевых империй Центральной Азии обычно сопоставляется с хуннским периодом. Изменение политической ситуации в обозначенном обширном регионе в конце III – начале II в. до н.э. определило и особенности этнокультурных процессов. На Алтае в это время сформировалась яркая булан-кобинская культура, просуществовавшая не менее чем до конца V в. н.э. Основным источником для реконструкции социальной истории кочевников на данной территории, учитывая практически полное отсутствие прямых письменных свидетельств, являются материалы раскопок археологических комплексов. В настоящей работе использованы сведения о результатах исследований более 750 курганных и впускных погребений, изученных на 52 некрополях (рис. 1). Такой значительный объем материалов предоставляет довольно широкие возможности для разноплановой обработки имеющихся данных в рамках социальных реконструкций.

Основной целью данного раздела монографии является разработка и практическая реализация на материалах памятников булан-кобинской культуры Алтая комплексной программы палеосоциологического анализа, которая максимально эффективно учитывает специфику использованных археологических материалов и ориентирована на возможность дальнейшего расширения источниковой базы.

2.1.1. *Процедурно-методические аспекты проведения половозрастного анализа на материалах погребальных памятников*

На сегодняшний день среди специалистов общепринятым является тезис о том, что основу социально-экономической организации всех древних и традиционных народов составляла половозрастная структура, базирующаяся на физико-генетических различиях людей и определяющая место каждого индивида в производстве, распределении и потреблении материальных благ и связанной с ними системе общественных отношений. Поэтому методически оправдано начинать изучение социальной сферы именно с половозрастного анализа (Алексин В.А., 1975, с. 50; Бунятян Е.П., 1982, с. 140–160; 1985, с. 58–71; Ольховский В.С., 1995, с. 89–90; Васютин С.А., 1998; Матвеева Н.П., 2000, с. 138–155; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 169–183, 340–356; Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004, с. 30–31; и др.). Применительно к материалам погребальных памятников он предусматривает последовательную реализацию следующих этапов исследования:

Рис. 1. Карта-схема распространения памятников II в. до н.э. – V в. н.э. на территории Алтая:

- 1 – Айрыдаш-I; 2 – Аккол-I; 3 – Балык-Соок-II; 4 – Балыктыюль; 5 – Белый-Бом-II; 6 – Берель;
 7 – Бийке; 8 – Бике-I; 9 – Боочи; 10 – Бош-Туу-I; 11 – Булан-Кобы-IV; 12 – Верх-Еланда-II;
 13 – Верх-Уймон; 14 – Дялян; 15 – Кальджин-VI, VIII; 16 – Кам-Тытугем; 17 – Кара-Коба-II;
 18 – Карбан-I; 19 – Катанда-I; 20 – Катанда-III; 21 – Кок-Паш; 22 – Кокса; 23 – Кок-Эдиган;
 24 – Коо-I; 25 – Кор-Кобы-I; 26 – Курайка; 27 – Кызык-Телань-II; 28 – Кызыл;
 29 – Кызыл-Джар-I; 30 – Майма-VII; 31 – Пазырык; 32 – Сальдяр-II; 33 – Сары-Бел;
 34 – Семисарт-I; 35 – Степушка-I, II; 36 – Тете-IV; 37 – Туэкта; 38 – Тыткескень-VI;
 39 – Тянгыс-Тыт; 40 – Улита; 41 – Улуг-Чолтух-I; 42 – Урочище Балчикова-3;
 43 – Усть-Бийке-III; 44 – Усть-Кожолу-II, IV; 45 – Усть-Муны-I; 46 – Усть-Эдиган;
 47 – Чендек; 48 – Чоба; 49 – Чобурак-I, II; 50 – Чултуков Лог-I; 51 – Ябоган-III; 52 – Яломан-II

1. Определение признаков похоронной обрядности, не зависящих от пола и возраста умерших людей.

2. Характеристика показателей, которые отличают индивидов разного пола и возраста.

3. Описание и интерпретация изменений статуса детей и взрослых людей в течение жизни и на основе этого определение этапов их социализации.

Результатом этой работы является выделение комплекса социально обусловленных признаков, под которыми в широком смысле понимается совокупность определенным образом иерархизированных показателей обряда захоронения, заключающих в себе разнообразную информацию о месте человека в системе горизонтальной и вертикальной стратификации социума.

Практическая сторона идентификации социально детерминированных признаков предполагает учет следующих теоретических положений.

Во-первых, чем более высоким являлся общественный статус человека при жизни, тем более выдающимися будут особенности его погребального обряда и помещенного с ним в могилу сопроводительного инвентаря (Генинг В.Ф., 1989, с. 218; Массон В.М., 1996, с. 81–91).

Во-вторых, представления о затратах на осуществление процедуры захоронения в каждом этнокультурном объединении оказывались особенными и определялись спецификой хозяйства, экологической средой обитания, господствующей религиозно-мировоззренческой концепцией, военно-политической обстановкой и некоторыми другими факторами существования социума (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 104–105).

В-третьих, каждый индивид занимал определенное место в вертикальной и горизонтальной проекциях общественной стратификации. Поэтому социально-показательные характеристики погребальной обрядности посредством придания им значения экспертных оценок могут быть объединены в несколько связанных между собой комплексов, отражающих «власть», «богатство», «производство», а также проявления половозрастной (иногда родоплеменной или клановой) принадлежности умершего человека, которые в разной степени пересекались между собой. При этом у элиты, в отличие от рядового населения, признаки половозрастной дифференциации, как правило, оттеснялись атрибутами «власти» и «богатства» (Васютин С.А., 1998, с. 217; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 102; Кондрашов А.В., 2004а).

В-четвертых, уровень социально-политического развития социума находил опосредованное преломление в степени ранжированности норм реализации похоронного ритуала. Для обществ с централизованной, государственной или им подобной структурой характерно наличие четко зафиксированных «эталонов» обряда погребения разных социальных категорий населения.

В-пятых, для обществ, формирование которых происходило на полиэтнической основе с присущим им зачастую двойным (этническим и социальным) принципом дифференциации, иногда наблюдается вариативность наборов социально престижных признаков у разных этнических групп. Наиболее яркими расхождения в данных представлениях могли быть у этноса-элиты и населения, занимавшего подчиненное положение в социально-политической иерархии (Савинов Д.Г., 1995, с. 159–160; Кондрашов А.В., 2004а, с. 20–23). Археологическим выражением разного этнического происхождения выступают, прежде всего, различия в погребальной практике, а социальная неоднородность проявляется преимущественно в качественно-количественном составе сопроводительного инвентаря.

При осуществлении половозрастного анализа археологических комплексов Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. базовым принципом стала многоступенчатая статистическая систематизация имеющихся материалов. Первый этап исследования включал определение «социального стандарта» погребального обряда и сопроводительного инвентаря кочевников хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Формально к стандарту относятся показатели, фиксируемые не менее чем у 50% захоронений представителей основных половозрастных групп (дети и подростки, взрослые женщины, взрослые мужчины) анализируемой выборки (Матвеева Н.П., 2000, с. 138; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 169–183, 307–356). Взятые в совокупности они выражают собирательный социальный образ (Алексин В.А., 1975, с. 74; Корякова Л.Н., 1994, с. 158–159). В таком понимании стандарт демонстрирует признаки, характерные для ядра социума, состоящего из полноценных взрослых людей.

Процедура установления стандарта направлена на то, чтобы из всего многообразия признаков определить «эталон» обряда захоронения, а затем отклонения от него «вверх» и «вниз», которые отражают социальное, имущественное, профессиональное и субъективное неравенство умерших людей. В сумме все эти отличия определяют

социальный статус индивидов. Кроме того, использование данного метода делает возможной половую идентификацию захоронений, для которых отсутствуют антропологические определения.

Руководствуясь критериями частоты встречаемости и взаимного сочетания признаков при вычислении стандарта, можно будет:

- 1) оценить социальный вес (индивидуальный и групповой) всех элементов погребального обряда и инвентаря;
- 2) ранжировать социально обусловленные признаки по степени их значимости на главные и второстепенные;
- 3) распределить «работающие» социальные маркеры в рамках горизонтальной и вертикальной шкалы стратификации.

В конечном итоге это позволит ввести барьер единичности признаков и перейти на уровень абстрагирования от случайного при изучении социально-имущественной, этакратической, физико-генетической подсистем. Важность данной процедуры определяется также тем, что если при реконструкции гендерной (физико-генетической) структуры основное внимание будет придаваться именно стандартным параметрам, то при социальном моделировании гораздо большее значение имеют разнообразные отклонения. Вполне допустимое наличие изменений в содержании стандарта на отдельных этапах существования изучаемого общества отражает динамику его развития, а также эволюцию мировоззренческих представлений, влиявших на корректировку конкретных характеристик погребального обряда и сопроводительного инвентаря как показателей социального статуса умерших людей.

Для реализации обозначенного алгоритма исследования были использованы материалы раскопок 601 захоронения из курганных и впускных погребений булан-кобинской культуры Алтая II в. до н.э. – V в. н.э., в отношении которых имелась информация о половозрастной принадлежности умерших на основе заключений антропологов и (или) однозначных сведений о составе сопроводительного инвентаря. В анализируемой выборке систематизированы сведения о 304 (50,5%) умерших мужчинах, 139 (23,1%) женщинах, а также 158 (26,2%) могилах детей и подростков.

При систематизации этих материалов применялась схема деления людей на следующие основные возрастные группы: дети младшего возраста – до 6 лет (*Infant-I*), дети старшего возраста и подростки 7–13 лет (*Infant-II*), юноши – 14–19 лет (*Juvenis*), возмужалые – 20–35 лет (*Adultus*), зрелые – 35–55 лет (*Maturus*), старые – более 55 лет (*Senilis*) мужчины и женщины (Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М., 1989).

Всего рамках исследования были учтены:

- 82 и 45 детей из групп *Infant-I* и *Infant-II* соответственно;
- 31 ребенок без конкретизации возраста;
- 14 мужчин и 15 женщин из группы *Juvenis*;
- 80 мужчин и 43 женщины из группы *Adultus*;
- 93 мужчины и 33 женщины из группы *Maturus*;
- 6 мужчин и 3 женщины из группы *Senilis*;
- 111 мужчин и 44 женщины без определений возраста.

Количественное соотношение представителей разных половых групп по отдельным этапам булан-кобинской культуры выглядит следующим образом:

- усть-эдиганский этап (II в. до н.э. – I в. н.э.): 22 мужчины, 17 женщин, 14 детей;
- бело-бомский этап (II – 1-я половина IV в. н.э.): 217 мужчин, 98 женщин, 116 детей;
- верх-уймонский этап (2-я половина IV – V в. н.э.): 65 мужчин, 24 женщины, 28 детей.

Для большей репрезентативности в «мужскую» выборку были включены 15 кенотафов.

Анализ имеющихся материалов осуществлялся по открытому, максимально полному, списку признаков, разбитых на три блока:

- 1) погребальные сооружения;
- 2) способы захоронения и ритуал;
- 3) сопроводительный инвентарь⁴.

Такая последовательность изучения сформированных данных на разных уровнях сравнения и обобщения, на наш взгляд, позволяет ранжировать зафиксированные элементы погребальной практики населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, выделив среди них те, которые несли на себе социальную нагрузку или были обусловлены причинами мировоззренческого, территориального, хронологического, этнического характера. Обработка массива материалов включала рассмотрение отдельных погребальных памятников одного хронологического среза (этапа) и суммарную характеристику комплексов II в. до н.э. – V в. н.э. всего региона и отдельных его районов. В исследовательскую программу были включены как непотревоженные, так и ограбленные объекты с учетом того, что удельный вес последних в выборке не превышал 5%.

2.1.2. Погребальные сооружения

Прежде всего необходимо отметить, что погребальные сооружения населения булан-кобинской культуры Алтая отличаются высокой степенью вариабельности, определявшейся многими факторами (рис. 2–4). Вместе с тем их изучение демонстрирует отрицательную корреляцию типов наземных и внутримогильных конструкций с половозрастными характеристиками умерших людей на большинстве могильников. В качестве исключения можно назвать только памятники Бош-Туу-I и Степушка, на которых в погребальных камерах из дерева были похоронены исключительно лица мужского пола (Мамадаков Ю.Т., 1990, с. 16; Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, табл. 60). Тенденция, связанная с преобладанием случаев устройства деревянных ящиков (рам) для мужчин, наблюдается на некрополях Усть-Эдиган и Айрыдаш-I. Имеющийся корпус источников позволяет констатировать, что различия в устройстве погребальных объектов отражали локально-территориальные, этнические и в меньшей степени хронологические особенности похоронной практики «булан-кобинцев» (Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 156; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 23–52).

В археологической науке общепринятым считается положение о том, что объемом трудозатрат на похоронную церемонию, проявляющийся, главным образом, в сложности и масштабности погребальной архитектуры, является важным социодиагностирующим признаком. Данный показатель широко использовался многими исследователями при интерпретации материалов раскопок некрополей скотоводов поздней древности восточной части Евразии (Грязнов М.П., 1950; Грач А.Д., 1975; Бунятян Е.П., 1982, 1985; Суразаков А.С., 1983; Давыдова А.В., 1985; Миняев С.С., 1985; Матвеева Н.П., 2000; Марсадолов Л.С., 2000; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004; Васютин С.А., Васютин А.С., 2005; и др.).

Результаты раскопок могильников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени свидетельствуют о том, что уже с усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры (II в. до н.э. – I в. н.э.) сакрально-социальная значимость размеров погребальных конструкций значительно снизилась по сравнению с комплексами предшествующего скифо-сакского периода. Сопоставление абсолютных и усредненных показателей раз-

⁴ Предлагаемый опыт анализа материалов погребальных памятников для выделения социальных маркеров уже представлен в публикациях одного из авторов настоящей книги (Матренин С.С., 2005б; Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005). Использование более представительной источниковой базы, в том числе результатов раскопок новых комплексов булан-кобинской культуры, позволяет внести некоторые коррективы в полученные ранее количественные и качественные параметры. Вместе с тем следует подчеркнуть, что данные уточнения радикально не меняют выявленных ранее тенденций.

Рис. 2. Археологический комплекс Чобурак-I.
Наземные конструкции и погребение жужанского времени.
Фото Н.Н. Серегина

Рис. 3. Археологический комплекс Степушка-I. Наземная конструкция и погребение кургана №5 сянбийско-жужанского времени. Фото С.С. Матренина

Рис. 4. Археологический комплекс Курайка. Наземная конструкция и погребение кургана №41 сяньбийско-жужанского времени (по: Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, фото 18–19; раскопки и фото Н.А. Константинова)

меров курганов не позволяет провести их ранжирование на категории малых, средних и больших. Курганы, возведенные для мужчин (средние значения – $4,2 \times 2,4$ м) и женщин (средние значения – $3,3 \times 2,4$ м), имели незначительную разницу по длине и ширине. Дети были похоронены под насыпями меньших пропорций (средние значения – $2,8 \times 2$ м).

В ходе работы установлено, что фиксируемые расхождения в размерах и сложности устройства надмогильных построек были обусловлены, главным образом, своеобразием погребальных традиций отдельных групп кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Так, курганы с выкладкой-крепидой и стенкой при одинаковых средних размерах $3,9 \times 3$ м были высотой, соответственно, до 0,35 м и более 0,5 м. Возрастная градация в параметрах надмогильных конструкций для взрослого населения также не

прослеживается. Длина и ширина могильной ямы определялись отсутствием или наличием сопроводительного захоронения верхового коня, количеством животных и вариантом их размещения («в ногах», «сверху», «сбоку») относительно человека, а также варьировали в зависимости от количества погребенных людей, роста покойного, положения его на спине, боку с согнутыми или вытянутыми ногами.

Средняя длина и ширина могил взрослых индивидов фиксирует незначительное преобладание по данным показателям мужчин (2,2×0,9 м) над женщинами (2×0,8 м). Детские могилы были существенно меньше: средняя длина – 1,5 м, ширина – 0,7 м. Одним из критериев дифференциации умерших людей выступала глубина могильной ямы от уровня древнего горизонта. Однако использование названного признака как фактора палеосоциологического анализа было допустимо в полном объеме только в рамках отдельных некрополей с учетом их хронологии и территориальной локализации (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 17, 44). Например, зафиксирована тенденция численного доминирования курганов с малой глубиной (до 0,5 м) в Северном Алтае, особенно на бело-бомском этапе (II – 1-я половина IV в. н.э.). Для комплексов из Центрального, Восточного, Юго-Восточного Алтая засвидетельствовано примерно равномерное соотношение захоронений в глубоких (от 1,5 м и больше), средних (от 0,5 до 1–1,5 м) и мелких (до 0,5 м) ямах. Стандартные и средние характеристики глубины детских, женских, мужских могил на протяжении хуннуско-сяньбийско-жужанского времени несколько варьировали в разных районах Алтая. Определенно можно говорить о том, что детей, как правило, хоронили в ямах меньшей глубины⁵. В целом, размеры погребальных сооружений населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени демонстрировали в основном различия между взрослыми людьми и детьми.

Население Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени в отдельных случаях (4%) совершало впускные захоронения, преимущественно в насыпях курганов скифо-сакского периода. Практика таких погребальных сооружений у носителей булан-кобинской культуры обусловлена прагматическими (простота сооружения), мировоззренческими (осквернение, месть, «перетягивание» сакрального пространства, приобщение к мифическим предкам, избавление от «вредоносных» покойников) и социальными (погребения неполноценных членов коллектива: изгоев, иноплеменников и др.) причинами⁶ либо еще какими-то иными обстоятельствами, не получившими отражения в археологических источниках (Матренин С.С., 2001, с. 101–104; Тишкин А.А., Матренин С.С., 2010).

Поскольку на погребальные сооружения распространялось редистрибутивное право (Савинов Д.Г., 1992), то возведение больших по размерам и сложности построек требовало значительных временных и людских ресурсов, что было под силу только крупным и политически централизованным этнокультурным объединениям. В связи с этим наблюдаемое у носителей булан-кобинской культуры по сравнению с племенами скифо-сакского периода сокращение объема различного рода затрат на осуществление процедуры захоронения, на наш взгляд, вызвано, во-первых, утверждением новой религиозно-мифологической концепции; во-вторых, гетерогенным этническим составом населения, проживанием нескольких локальных, политически слабо консолидированных кланово-племенных образований; в-третьих, зависимым положением номадов Алтая от кочевых империй Внутренней Азии во II в. до н.э. – V в. н.э.

⁵ Эти показатели приведены в заключительной части данного раздела книги при общей характеристике стандартов погребального обряда взрослых и детей.

⁶ Забегая вперед, отметим, что из 33 известных нам впускных могил булан-кобинской культуры Алтая почти половина не содержали вещей. В остальных случаях инвентарь был достаточно скромный – как правило, это одно-два невыразительных изделия (обычно железный нож, фрагменты керамической посуды). Зафиксировано пока только шесть (18%) объектов со «стандартным» и «богатым» составом предметов, в числе которых оружие, снаряжение, орудия труда. Для сравнения, среди подкурганых захоронений взрослых людей количество безынвентарных составляет всего чуть больше 20% (Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 31).

2.1.3. Способы захоронения и погребальный ритуал

Стандарт погребального обряда для представителей всех половозрастных групп населения Алтая на протяжении хуннуско-сяньбийско-жужанского времени предусматривал индивидуальную ингумацию, представленную различными традициями (Матренин С.С., 2005б; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 52–70) (рис. 5–8).

Рис. 5. Археологический комплекс Чобурак-I, погребение кургана №31а жужанского времени.
Фото Н.Н. Серегина

В отдельных случаях «булан-кобинцы» практиковали трупоположение двух и более человек в одной могиле. Всего в рамках настоящего исследования учтены 35 коллективных захоронений, относящихся к бело-бомскому и верх-уймонскому этапам развития обозначенной общности. В общей сложности они составляют 4% всех погребений II в. до н.э. – V в. н.э., раскопанных на территории Алтая (Матренин С.С., 2019б). Анализ этих материалов показывает, что в 15 (42,8%) коллективных могилах были похоронены только взрослые люди (в шести случаях – мужчины, в трех – мужчина и женщина, в шести – субъекты с не установленной половой принадлежностью), в восьми (22,8%) – взрослый человек (одинаково часто разного пола) с одним ребенком или подростком, в трех (8,5%) – мужчина с двумя детьми, в одной (2,8%) – женщина с двумя детьми. В остальных трех захоронениях находились взрослый человек с неустановленным полом и пара детей; два взрослых (один мужчина) и два подростка; три взрослых индивида, один из которых женщина. Парные погребения детей происходят только из пяти памятников: Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV, Яломан-II, Курайка, Кок-Паш. С учетом половозрастных определений из 78 умерших людей 39,7% составляют дети и подростки (31 человек), 33% – мужчины (26 человек), 6,4% – женщины (5 человек). Пол 16 (20,5%) взрослых индивидов не установлен. Мужчины количественно превосходят женщин почти в четыре раза (на большинстве могильни-

Рис. 6. Археологический комплекс Степушка-I, погребение кургана №15 сяньбийско-жужанского времени. Фото С.С. Матренина

ков булан-кобинской культуры мужчины в численном отношении обычно не превышают 2/3 всех покойных). Зафиксированный процент умерших детей также выглядит несколько больше аналогичного параметра, характерного для одиночной ингумации (Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, с. 184).

Помещение в одну могилу двух и более человек, вероятнее всего, было обусловлено обстоятельствами смерти и близким родством покойных. В связи с этим показательным выглядит достаточно большой процент таких свидетельств на памятнике Айрыдаш-I, в материалах которого зафиксированы многочисленные проявления вооруженного насилия (смертельные травмы от оружия на костях мужчин, женщин и детей, кенотафы с женским инвентарем) со стороны культурно/этнически чужеродных групп населения (Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И., 2018, с. 138). Не случайным является и то, что большинство коллективных погребений булан-кобинской культуры относится ко 2-й половине III – V в. н.э. – периоду, когда в регионе заметно возросла частота межперсональных и межгрупповых конфликтов.

Такие признаки труположения, как поза человека в могиле и ориентировка головой относительно сторон горизонта, не зависели от половозрастных различий умерших людей, так как они определялись причинами этнотерриториального и хронологического порядка (Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016).

При социальной интерпретации археологических комплексов Алтая периода поздней древности и раннего средневековья специалисты традиционно уделяют большое

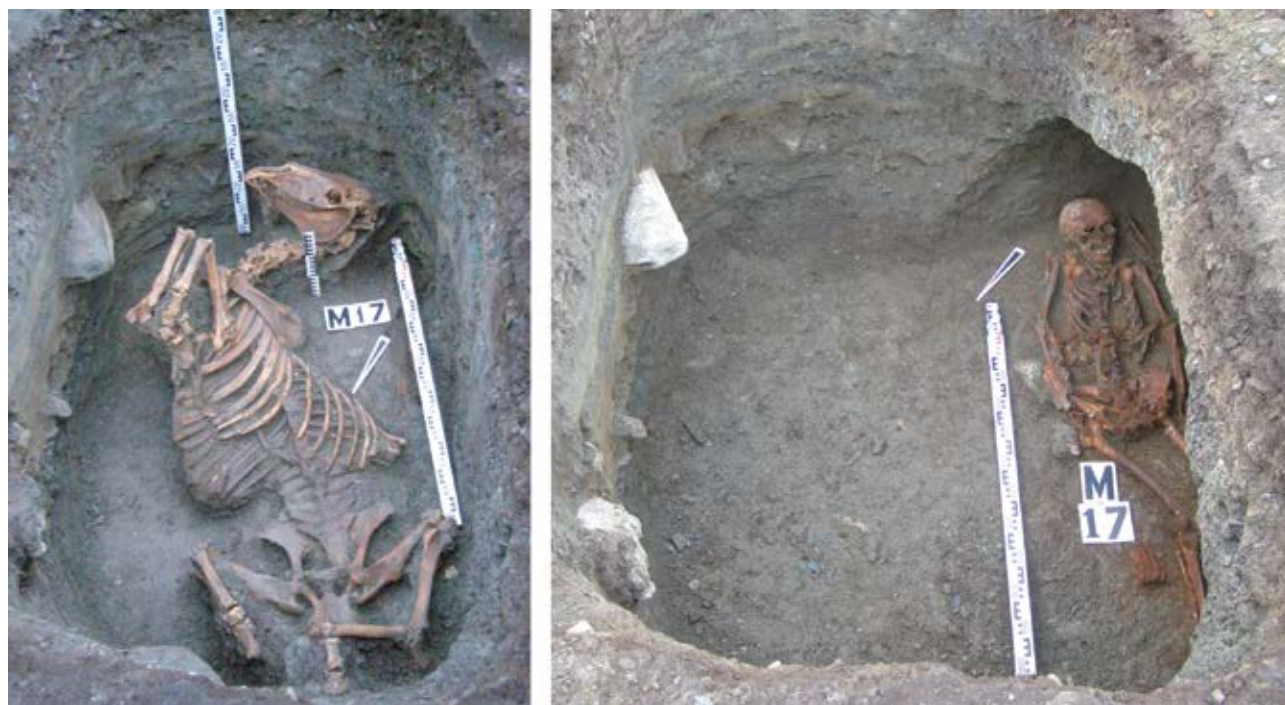

Рис. 7. Археологический комплекс Степушка-I,
погребение кургана №17 сянбийско-жужанского времени.
Фото С.С. Матренина

Рис. 8. Археологический комплекс Яломан-II,
погребение курганов №47–48 хуннского времени
(по: Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2016, рис. 13–14)

внимание сопроводительному захоронению лошади⁷ или отдельных ее частей. Погребения человека с конем и количество таких животных рассматриваются многими исследователями в качестве важных показателей половозрастного, социально-имущественного положения и этнического происхождения умерших людей скифской эпохи (Суразаков А.С., 1983в; Кубарев В.Д., 1991, с. 25; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 148, 170, 184; Марсадоллов А.С., 1997, с. 97–99). Доказательством в пользу тезиса об этнической нагрузке обряда трупоположения человека с лошастью у племен пазырыкской культуры является тот факт, что основная масса подобных свидетельств происходит из «классических» курганов с камерой в виде сруба, с ориентировкой покойных головой в восточный сектор в положении на правом боку, и намного реже встречается в захоронениях с иными формами погребального ритуала (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 150, 184–195; Степанова Н.Ф., 2004, с. 268, 273, табл. 1). Последние, как правило, достаточно «богатые» и отражают проникновение в высшие слои социальной иерархии общества кочевников 2-й половины I тыс. до н.э. представителей «непазырыкских» групп населения, которые могли составлять так называемую «двойную» элиту (Першиц А.И., 1994, с. 148; Тишкин А.А., 2005в–г).

Широко распространенный на Алтае и сопредельных территориях в раннем средневековье обряд ингумации с целой тушей лошади выступает этническим индикатором комплексов культурной традиции тюрков. С верховым конем или заменяющей его овцой хоронили в основном взрослых людей обоих полов независимо от их возраста (СерEGIN Н.Н., 2013, с. 55, табл. 2). Социальное содержание данного обычая проявлялось в числе животных, уложенных в могилу, а также в качественно-количественном составе найденных с ними предметов амуниции (Длужневская Г.В., 1976, с. 193–200; Горбунова Т.Г., 2003, с. 110, 112). В сургутинской культуре юга Западной Сибири, для которой характерно доминирование в структуре общества тюркского культурного компонента, составлявшего элиту данного образования, погребение с конем являлось этносоциальным маркером (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177–178; Горбунов В.В., 2003б, с. 37–38, 40–42; Горбунова Т.Г., 2003, с. 110–112; 2004, с. 18, 19; Кондрашов А.В., 2004а, с. 20–22; Григоров Е.В., Казаков А.А., 2018, с. 56).

В материалах Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени зафиксировано 136 (18%) погребений с лошастью. Результаты изучения данных свидетельств позволяют сделать вывод, что рассматриваемый элемент погребального обряда относится к числу признаков, обусловленных этносоциальными различиями среди «булан-кобинцев» (Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 160; СерEGIN Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 59–60).

Ингумация в сопровождении верхового коня практиковалась преимущественно (82%) в отношении мужчин: 111 человек (36,5%). Количество умерших мужчин, которых в могиле сопровождала лошадь, варьировало на отдельных хорошо документированных погребальных комплексах из Северного и Центрального Алтая⁸. Максимальным (от 60%) оно было на некрополях Бош-Туу-I, Верх-Уймон, Дялян, Улита, Яломан-II; средним (от 36 до 50%) – на могильниках Булан-Кобы-IV, Степушка, Усть-Эдиган; низким (меньше 18%) – на памятнике Айрыдаш-I. Социальный статус умерших мужчин, погребенных с конем на площади данных комплексов, был неодинаковым.

В анализируемых материалах раскопок погребальных комплексов Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. выявлены 17 женских могил с лошастью (12%). Данные случаи зафиксированы всего на четырех некрополях. Важно подчеркнуть, что на памятниках Верх-Уймон, Дялян, Яломан-II (ранняя группа) наблюдается относительно равномерное распределение могил с конем среди женщин и мужчин. В отношении женских захоронений без лошадей следует заметить, что они принадлежали немногочисленным индивидам с одинаковым и более низким социально-имущественным положением (Матренин С.С.,

⁷ Для большинства особей археозоологические определения отсутствуют, поэтому приводимые в тексте обозначения «лошадь» и «конь» следует понимать условно.

⁸ Традиция захоронения человека с лошастью не характерна для населения Восточного, Юго-Восточного и, возможно, Северо-Западного Алтая.

Тишкин А.А., 2005, с. 160). Наблюдаемая на большинстве могильников диспропорция случаев помещения лошадей в могилы взрослых людей, а также отсутствие данных свидетельств в женских погребениях, объясняется, по-видимому, разноэтничным происхождением умерших при включенности в общую систему клановых отношений. Очевидно, женщины хоронились без верхового коня по традициям своего рода. В целом, женские погребения демонстрируют социальную неоднозначность ингумации с конем, что обусловлено сочетанием семейного и этнического факторов, определявших в совокупности реальное положение представительниц слабого пола в общественной иерархии. Это выражается в присутствии на некоторых могильниках «бедных», «средних» женских и «богатых» мужских погребений с конем, а также не уступавших последним по данному критерию женских захоронений без коня (Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 160).

В сформированной выборке зафиксировано восемь (5%) индивидуальных детских погребений с верховым конем. Кроме того, известны два случая, когда ребенок похоронен с мужчиной в сопровождении лошади. Среди одиночных детских захоронений три относились к возрастной подгруппе Infant-I, пять – Infant-II. Данные могилы, безусловно, являются исключением из общего правила и отражают принадлежность похороненных таким образом детей к семейно-родовым коллективам с достаточно высоким социально-имущественным положением. В случае с рядовым населением булан-кобинской культуры, практиковавшим погребение с конем, право снабжения им имели лица мужского, реже женского пола, начиная с конца подросткового – юношеского периода (13–14 лет) и вплоть до глубокой старости.

Почти одну десятую часть (9%) погребений Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени составляют кенотафы, которые представлены «классическими» (полноразмерными) и «миниатюрными» объектами (Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 62–63). Данный вид «захоронения» практиковался в отношении взрослых людей разного пола и, возможно, для детей. Среди кенотафов с вещами преобладают объекты, предназначенные для отсутствовавших мужчин (очевидно, погибших на чужбине, пропавших без вести и др.). Только в четырех объектах зафиксирован «женский» инвентарь (пряслице, украшения, керамический сосуд). Для большой группы кенотафов характерно отсутствие сопроводительного инвентаря.

Элементом похоронного ритуала населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. было снабжение умерших людей мясной пищей, от которой в погребениях сохранились фрагменты скелета овцы – преимущественно поясничные и крестцовые позвонки, реже другие части (конечности, лопатка, ребра). Такие свидетельства наиболее многочисленны (около 60%) в хуннуское время (II в. до н.э. – I в. н.э.). В сяньбийско-жужанский период (II–V вв. н.э.) данный элемент обрядовой практики встречается реже, так как у отдельных групп населения булан-кобинской культуры отсутствие такой заупокойной пищи являлось нормой погребального обряда – вероятнее всего, тризна была представлена бескостной частью туши животных. В общей серии объектов булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э. кости овцы зафиксированы в 30% мужских, 21% женских, 14% детских и подростковых захоронениях. Важно подчеркнуть, что мясной пищи на кости были полностью лишены дети до трех лет.

Среди других элементов погребального ритуала необходимо также упомянуть каменные «столбики» и «obelisks». Очевидно, что данный показатель отражал гендерную дифференциацию обрядовой практики населения булан-кобинской культуры, так как подобные объекты зафиксированы возле курганов с захоронениями мужчин (Матренин С.С., Шелепова Е.В., 2007).

На основании проведенного анализа представляется возможным сделать вывод о том, что размеры погребальных сооружений, сопроводительные захоронения верховых коней и ритуальная мясная пища могут считаться второстепенными по социальной значимости характеристиками погребального обряда носителей булан-кобинской культуры. Они отражают в основном половую и/или возрастную дифференциацию, а также в определенной мере «этнические» различия умерших людей.

2.1.4. Погребальный инвентарь

Имеющийся опыт палеосоциологических исследований показывает, что погребальный инвентарь выступает главным маркером половозрастной, социально-имущественной и профессиональной стратификации населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (Матренин С.С., 2004а, с. 41; 2005б; Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 161–177)⁹. Для проведения объективной оценки его социальной значимости вся совокупность вещей из захоронений была разделена на шесть предметных комплексов:

- 1) предметы вооружения;
- 2) снаряжение человека;
- 3) украшения;
- 4) снаряжение верхового коня;
- 5) орудия труда;
- 6) предметы быта, туалета и культа.

Данные комплексы объединяли разное количество категорий определенного функционального назначения.

При анализе артефактов использовался прием так называемых сопряженных групп, в соответствии с которым все зафиксированные в захоронении вещи существуют в системной взаимосвязи единиц, выражающей определенное смысловое единство (Кондрашов А.В., 2004а, с. 17). Данный прием включает два уровня операций:

- 1) установление тенденций взаимной встречаемости категорий инвентаря, входящих в состав одного предметного комплекса;
- 2) определение особенностей сочетания отдельных категорий инвентаря, относящихся к разным предметным комплексам.

Итогом его применения станет выделение разных по степени социальной престижности наборов вещей, которые в совокупности отражают индивидуальный статус умерших людей в разных типах стратификации булан-кобинского общества.

Подсчет приведенных далее результатов статистического изучения сопроводительного инвентаря осуществлен от общего количества захоронений мужчин (304), женщин (139), детей и подростков (158) (табл. 1).

Таблица 1

Предметный комплекс из погребений Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Предметный комплекс	Категория предметного комплекса	Мужские захоронения 304 (100%)	Женские захоронения 139 (100%)	Захоронения детей и подростков 158 (100%)
Предметы вооружения	Лук	185 (60,8%)	–	–
	Стрелы с железными наконечниками	183 (60,1%)	4 (2,8%)	1 (0,6%)
	Боевой нож / кинжал	92 (30%)	2 (1,4%)	4 (2,5%)
	Чекан	1 (0,3%)	–	2 (1,2%)
	Меч	9 (2,9%)	–	–
	Копье	3 (0,9%)	–	–
	Защитное вооружение	7 (2,3%)	2 (1,4%)	1 (0,6%)
Снаряжение человека	Пояс с небольшим количеством гарнитур	170 (55,9%)	45 (32,3%)	17 (10,7%)
	Пояс с большим количеством гарнитур (более 10 экз.)	34 (11,1%)	22 (15,8%)	5 (3,1%)
	Колчанный крюк	31 (10,1%)	–	–
	Ножны с железными деталями крепления	22 (7,2%)	–	1 (0,6%)
	Колчан	7 (2,3%)	–	–

⁹ Сравнение археологических и антропологических материалов из памятников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. показывает высокую степень достоверности определения пола взрослых людей по составу обнаруженного инвентаря.

Окончание таблицы 1

Предметный комплекс	Категория предметного комплекса	Мужские захоронения 304 (100%)	Женские захоронения 139 (100%)	Захоронения детей и подростков 158 (100%)
Украшения	Металлическая бляха или подвеска небольшого размера	14 (4,6%)	71 (51%)	19 (12%)
	Металлическая бляха большого размера	1 (0,3%)	10 (7%)	–
	Металлическая пронизь	8 (2,6%)	11 (8%)	5 (3%)
	Серьги	10 (3,2%)	31 (22%)	10 (5,4%)
	Металлический наконечник	2 (0,6%)	27 (19,4%)	2 (1,2%)
	Гривна	2 (0,6%)	12 (8,6%)	5 (3%)
	Металлическая пластина-диадема	2 (0,6%)	20 (14%)	–
	Кольцо	1 (0,3%)	1 (0,7%)	–
	Нашивки из кости и раковин	1 (0,3%)	11 (8%)	2 (1,2%)
	Бусы, бисер из кости и стекла	38 (12,5%)	65 (46,7%)	34 (21,5%)
	Подвеска из кости и камня	12 (3,9%)	7 (5%)	5 (3%)
	Костяная пронизь	4 (1,3%)	2 (1,4%)	1 (0,6%)
	Булавка	–	4 (2,8%)	–
	Каменная бляха	–	2 (1,4%)	–
Снаряжение верхового коня	Удила и (или) псалии	56 (18%)	10 (7%)	7 (4%)
	Уздечные пряжки, застёжки	12 (4%)	5 (3,5%)	–
	Уздечные бляхи	11 (3,6%)	5 (3,5%)	1 (0,6%)
	Распределители ремней	1 (0,3%)	1 (0,7%)	–
	Седло с «жестким» остовом	6 (2%)	–	2 (1,2%)
	Подпружная пряжка	27 (8,8%)	8 (5,7%)	–
	Застёжки, цурки	9 (3%)	1 (0,7%)	–
	Металлический нагривник	1 (0,3%)	–	–
	Костяная подвеска	2 (0,6%)	–	–
Орудия труда	Нож	120 (39,4%)	37 (26,6%)	32 (20,2%)
	Стрелы с костяными наконечниками	118 (38,8%)	2 (1,4%)	–
	Плеть	52 (17,1%)	3 (2,1%)	2 (1,2%)
	Шило	23 (7,5%)	–	–
	Пряслице	–	15 (10,7%)	3 (1,8%)
	Тесло	8 (2,6%)	–	–
	Станок	3 (0,9%)	–	–
	Долото	1 (0,3%)	–	–
	Зубило	1 (0,3%)	–	–
	«Напильник»	1 (0,3%)	–	–
	Пинцет (щипцы)	–	1 (0,7%)	–
	Осенок	4 (1,3%)	–	1 (0,6%)
	Пест	–	1 (0,7%)	–
	Заступ / пешня	1 (0,3%)	2 (1,4%)	–
	Рыболовный крючок	3 (0,9%)	–	–
Предметы быта, туалета и культа	Зеркало	–	15 (10,7%)	3 (1,8%)
	Гребень	2 (0,6%)	12 (8,6%)	1 (0,6%)
	Неметаллическая посуда	33 (10,8%)	17 (12%)	15 (9,4%)
	Металлический котел	1 (0,3%)	1 (0,7%)	–
	Косметическая щетка	1 (0,3%)	3 (2%)	2 (1,2%)
	Кожаная сумочка	2 (0,6%)	1 (0,7%)	–
	Берестяной футляр	1 (0,3%)	1 (0,7%)	–
	Берестяная «подставка»	1 (0,3%)	–	1 (0,6%)
	Костяная ложка	1 (0,3%)	–	–
	Деревянный пенал	4 (1,3%)	–	–
	Прибор для добывания огня	2 (0,6%)	–	–
	«Алтарик-курильница»	–	1 (0,7%)	–
	«Игральные бобы»	1 (0,3%)	–	–
	Музыкальный инструмент	1 (0,3%)	–	–

Предметы вооружения

Предметы вооружения являются одним из главных маркеров сопроводительного инвентаря мужчин на всех этапах существования булан-кобинской культуры. Изделия данной категории зафиксированы у 228 (75%) из 304 мужчин (табл. 2). Значительная часть полученных артефактов приходилась на средства ведения дальнего боя: сложносоставные луки с роговыми накладками (62%) (рис. 9) и стрелы с железными наконечниками (60%) (рис. 10). Частота встречаемости обозначенных категорий на протяжении хуннуско-сяньбийско-жужанского периода оставалась стабильно высокой. Количество стрел в погребении варьирует от 1 до 50 и в среднем составляет 2–4 экз. Наиболее многочисленны они в колчаных наборах 2-й половины IV – V в. н.э. Приведенная статистика свидетельствует о доступности луков и стрел для большинства «булан-кобинцев», а также высокой сакральной значимости этих предметов при совершении погребального обряда. Стрелковое оружие являлось обязательным элементом паноплии пеших и конных воинов Алтая (Горбунов В.В., 2006а, с. 46).

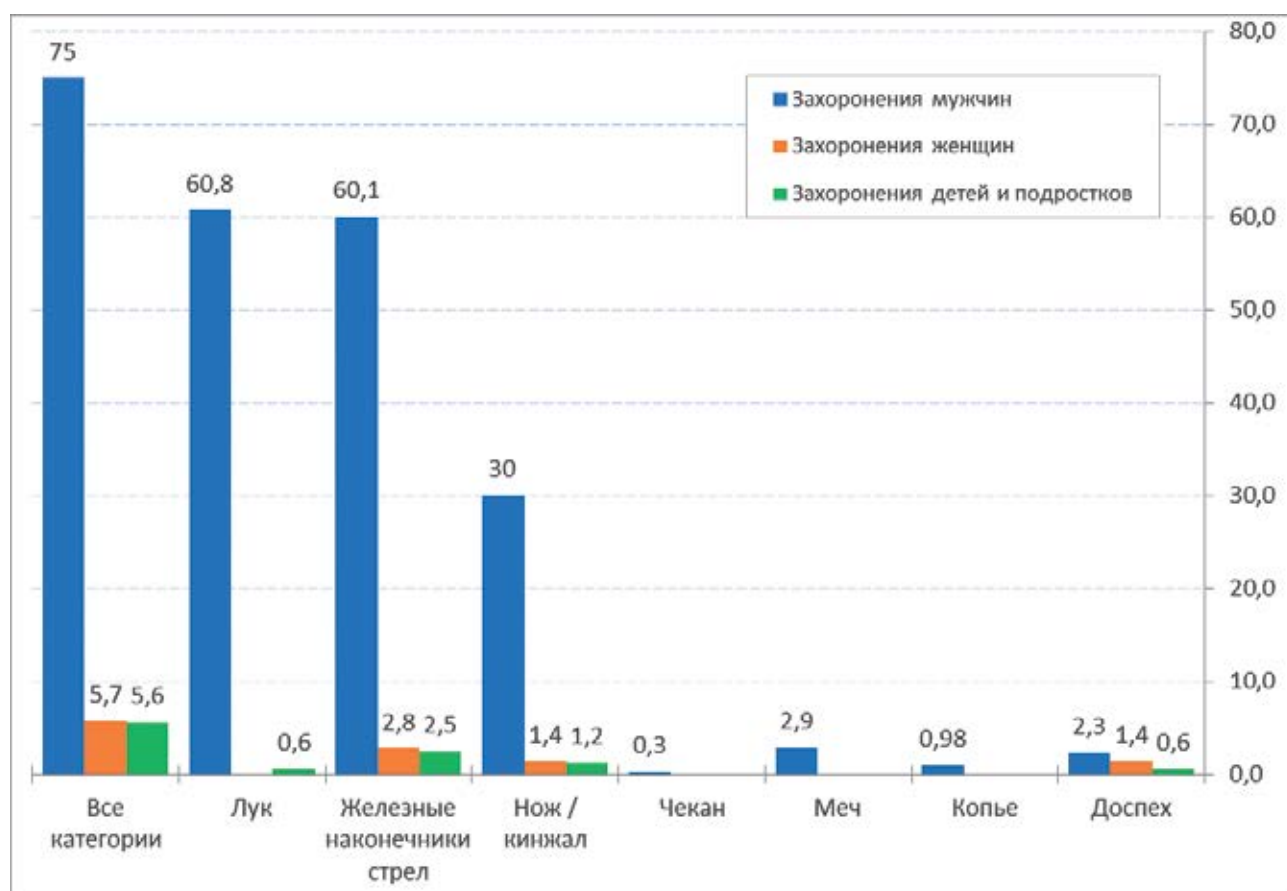

Таблица 2. Процентный состав предметов вооружения в погребениях Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Почти у трети умерших мужчин присутствовало клинковое оружие ближнего боя, что, безусловно, свидетельствует о его большой ценности. Преимущественно (30%) это боевые ножи или кинжалы (рис. 11–12), и существенно реже (3%) – мечи. В одном (0,3%) мужском погребении хуннуского времени сохранилась деревянная модель чекана (рис. 13). Три (1%) захоронения сяньбийско-жужанского времени включали копья. Достаточно редко (семь случаев – 2,3%) в мужских могилах встречены доспехи, представленные панцирными пластинами из железа, а иногда из рога (рис. 14). Большая часть случаев фиксации средств защиты в захоронениях приходится на комплексы, датирующиеся в рамках 2-й половины IV – V в. н.э.

Рис. 9. Роговые накладки на лук из комплекса Пазырык.
Государственный Эрмитаж. Фото Н.Н. Серегина

Анализ взаимного сочетания предметов вооружения показал, что 89 (29%) наборов из одной категории в 52 (58%) случаях представлены луками, в 36 (40%) – стрелами с железными наконечниками, единожды (1%) – боевым ножом или копьем. Наборы вооружения из двух категорий (71 случай – 31%) состоят преимущественно из лука и стрел с железными наконечниками (81,6%) и намного реже включают железные на-

Рис. 10. Железные наконечники стрел из погребений комплексов Степушка-I и Яломан-II (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, рис. 2.197.-17-19, 2.204.-7-14)

конечники и боевой нож / кинжал (15,4%), либо лук и боевой нож (2,8%). Наборы из трех (63 случая – 27,6%) и четырех (5 случаев – 2%) категорий предметов характеризуются доминирующей встречаемостью луков, железных наконечников стрел и боевых ножей (87%), а также менее многочисленными комбинациями, в которые входят мечи (9%), доспехи (7%), копья (1,5%), чеканы (1,5%). Показательно, что доспехи и боевые ножи / кинжалы находились в захоронениях с двумя и более категориями, а чеканы, мечи, копья – в могилах с не менее чем тремя разновидностями предметов вооружения. Демонстрируемые выкладки подтверждают тезис о том, что у населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени мечи, копья и доспехи являлись самыми престижными категориями оружия, которыми владели профессиональные воины, занимавшие высокое социальное положение (Горбунов В.В., 2006а, с. 46, 56).

Рис. 11. Железный кинжал из комплекса Яломан-II (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, рис. 2.197.-24)

На основе имеющихся в нашем распоряжении антропологических материалов не выявлены закономерности снабжения отдельными категориями боевых средств индивидов разного возраста. Правда, если лук и стрелы с железными наконечниками присутствовали у большинства мужчин на всех этапах жизненного цикла (начиная с 13,5–16 лет и до 45–55 лет), то доспехи и мечи не встречаются в могилах юношей. Разница наборов предметов вооружения у мужчин 20–45 лет не связана с возрастом и, вероятнее всего, демонстрирует профессиональные воинские заслуги покойных. Возрастной принцип мог проявляться в отношении пожилых индивидов, что выражается в некотором сокращении количества оружия и отсутствии доспехов в погребениях представителей данной группы социума.

Предметы вооружения зафиксированы в восьми (5,7%) женских захоронениях (табл. 2), относящихся к усть-эдиганскому и бело-бомскому этапам в развитии булан-кобинской культуры. Это одиночные изделия: в четырех случаях (2,8%) – стрелы с железными наконечниками, в двух (1,4%) – пара железных панцирных пластин, еще в двух (1,4%) – миниатюрный железный кинжал. Данные факты, вероятно, следует интерпретировать как «подношения» (обереги). Предметы вооружения найдены с женщинами возмужалого возраста.

Стоит отметить, что наличие оружия в женских погребениях всегда вызывает у исследователей проблему интерпретации данных комплексов и в том числе подводит к закономерной постановке вопроса о достоверности результатов антропологических определений, по крайней мере, для половины таких случаев (Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 163). Особого внимания в этом плане требуют материалы раскопок могильника Кок-Паш. По мнению авторов книги «Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв. н.э.)», из десяти женских захоронений данного комплекса шесть содержали оружие (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, табл. IX, X). Нисколько не сомневаясь в профессионализме антрополога А.Р. Кима, определения которого приведены в обозначенной монографии, все же трудно допустить интерпретацию воинских погребений этого некрополя, в первую очередь с мечами, кинжалами, доспехами, наборными поясами, обилием железных наконечников стрел как женских, особенно на фоне «бедности» оружием большинства мужчин. В этой ситуации, скорее всего, имеет место ошибка, допущенная в ходе обработки материалов и представления их в итоговой публикации. В связи с этим важно указать на частое несовпадение нумерации погребений в публикации с маркировкой костных останков людей с установленной половозрастной принадлежностью, приведенной в описи А.Р. Кима (хранится в кабинете антропологии Алтайского государственного университета), а также на факты несоответствия в распределении инвен-

таря по отдельным захоронениям (Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И., 2018, с. 137).

Приведем краткий обзор имеющихся расхождений в антропологических определениях. Начнем с того, что всего на некрополе Кок-Паш исследованы 43 захоронения предтюркского времени. В монографии В.В. Боброва, А.С. Васютина, С.А. Васютина со ссылкой на публикацию А.Р. Кима (1990, с. 134–136) приводится информация по 20 умершим с установленной половозрастной принадлежностью. Среди них двое детей, восемь мужчин и десять женщин (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 44). Судя по текстовому описанию, среди исследованных погребений 30 содержали костные останки взрослых людей (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 175–181). В описи А.Р. Кима фигурируют 34 определения, которые распределяются следующим образом: 12 детей, один индивид 14–16 лет, 12 женщин, 9 мужчин. Интересно, что на плане-схеме могильника Кок-Паш на северном участке обозначены раскопанные курганы №18, 20, 21, 25, 26, 30, которые отсутствуют в описании, зато некоторые из них приведены в антропологической описи как захоронения детей (№18, 20, 21, 25). Стоит заметить, что из десяти женских захоронений, представленных в монографии, только пять (курганы №4, 9, 12, 13, 33) имеют нумерацию, совпадающую с описью. При этом молодой человек 14–16 лет из кургана №4 у А.Р. Кима не имеет указания на женский пол. Для остальных захоронений нумерация не совпадает: курганы №28, 37, 47 – в антропологической описи отсутствуют; захоронение из

Рис. 12. Железные боевые ножи из погребений комплекса Степушка-I (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, рис. 112.-5, 125.-1)

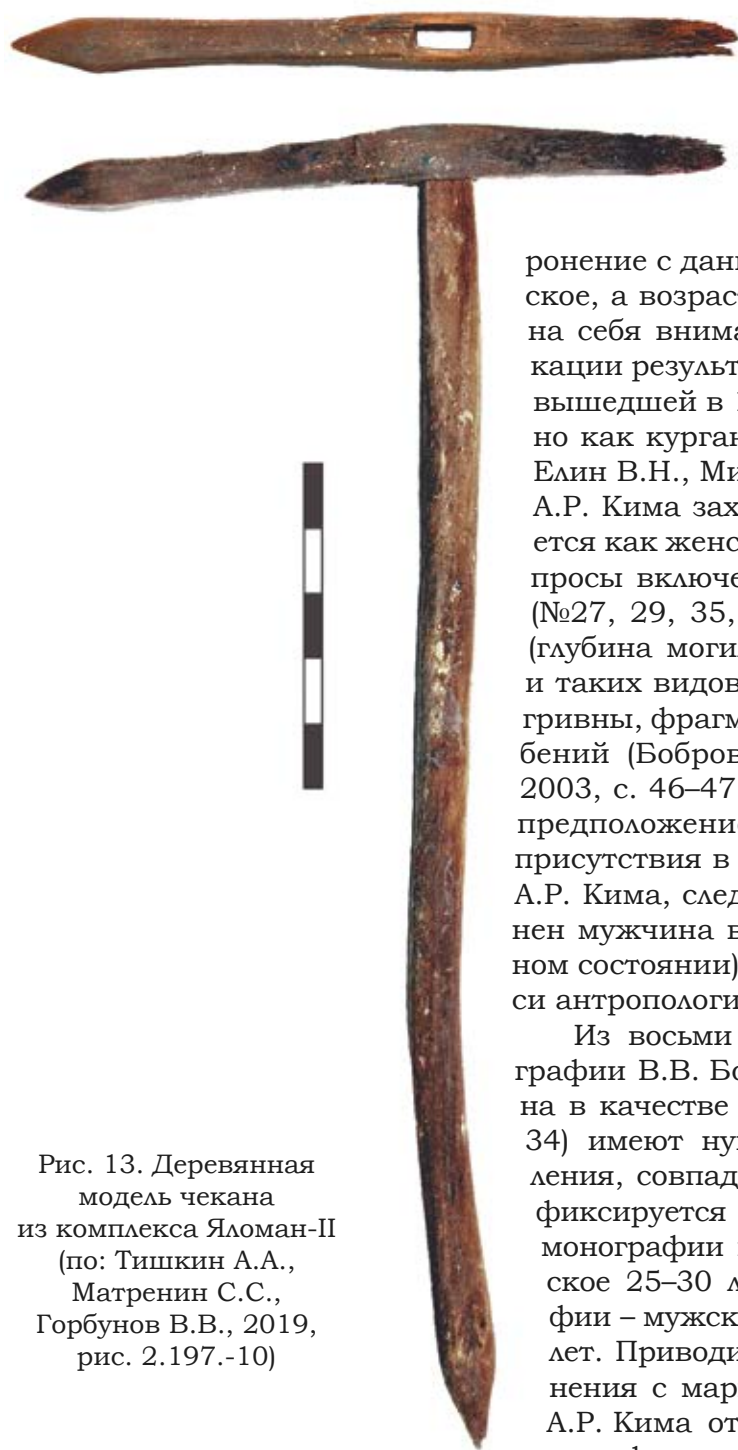

Рис. 13. Деревянная модель чекана из комплекса Яломан-II (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, рис. 2.197.-10)

кургана №38 в монографии принадлежит женщине 35–40 лет, а в описи определяется как мужчина 40–45 лет. В кургане №36, как сообщается в монографии 2003 г., находилось захоронение женщины 25–30 лет. В описи захоронение с данным номером определяется как муж-

ское, а возраст человека – около 45 лет. Обращает на себя внимание, что в предварительной публикации результатов раскопок могильника Кок-Паш, вышедшей в 1985 г., данное погребение обозначено как курган №46 (Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевич Е.А., 1985, с. 46). В описи А.Р. Кима захоронение из кургана №46 определяется как женское, возраст 25–30 лет. Вызывает вопросы включение авторами книги ряда курганов (№27, 29, 35, 39, 40) по формальным признакам (глубина могил, присутствие в инвентаре оружия и таких видов украшений, как подвески, бляшки, гривны, фрагменты зеркал) в число женских погребений (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 46–47, табл. XII). При этом именно данное предположение создает картину почти массового присутствия в выборке «амазонок». Согласно описи А.Р. Кима, следует, что в кургане №40 был похоронен мужчина в возрасте 25–30 лет (череп в отличном состоянии). Захоронения №27, 29, 35, 39 в описи антропологических определений отсутствуют.

Из восьми погребений, определенных в монографии В.В. Боброва, А.С. Васютина, С.А. Васютина в качестве мужских, только два (курганы №32, 34) имеют нумерацию и половозрастные определения, совпадающие с описью. Для двух курганов фиксируется разночтение: захоронение №46 – по монографии мужское 35–40 лет, по описи – женское 25–30 лет; захоронение №45 – по монографии – мужское 18–20 лет, по описи женское 18–20 лет. Приводимые в монографии мужские захоронения с маркировками №14, №50, №51 в описи А.Р. Кима отсутствуют. Захоронение №52 в монографии определяется как мужчина 40–45 лет, а в описи – как ребенок 5–6 лет.

Таким образом, полное совпадение нумерации захоронений и половозрастных определений в рассматриваемой монографии с антропологической описью А.Р. Кима отмечено для шести из 18 взрослых человек: четырех из 10 женщин, двух из восьми мужчин. С учетом проведенных выше сопоставлений получается, что картина присутствия оружия в большинстве женских погребений вызвана, по-видимому, причинами технического характера – непоследовательностью нумерации захоронений, изменениями маркировки, ошибками в распределении остеологического материала при подготовке археологической публикации. Более или менее уверенно можно говорить о двух (из десяти) случаях нахождения оружия в женских погребениях (курганы №12, 33), для которых наблюдается полное совпадение нумерации и половозрастных определений.

Рис. 14. Железные панцирные пластины из погребений комплекса Яломан-II (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, рис. 2.197.-20-23, 2.211)

Правда, в отношении кургана №12 наблюдается совершенно уникальная ситуация захоронения женщины с мечом, боевым ножом, большим количеством стрел.

Представленные наблюдения исключают возможность использования материалов могильника Кок-Паш для статистического анализа количественного распределения предметов вооружения, как, впрочем, и других категорий вещей, по отдельным половым группам.

Предметы вооружения присутствовали в сопроводительном инвентаре девяти (5,6%) детских захоронений бело-бомского этапа (табл. 2). Зафиксированы преимущественно наборы из одной категории: в четырех случаях (2,5%) это одна-две стрелы с железными наконечниками¹⁰, в двух (1,2%) – боевой нож, в одном (0,6%) – лук, еще в одном (0,6%) – железная панцирная пластина от доспеха. Обозначенные изделия найдены у трех детей 3–6 лет (боевой нож, железные наконечники стрел), одного ребенка 2 лет (панцирная пластина), подростка 9,5 лет (лук), подростка 12–13 лет (железный наконечник стрелы), а также у двух индивидов с не установленным возрастом (железный наконечник стрелы, боевой нож). Один подросток 9,5–10,5 лет был снабжен двумя категориями вооружения: луком и боевым ножом. Присутствие оружия определенно указывает на высокое социальное положение этих детей, которое было

¹⁰ Авторы исследования не относят к числу оружия стрелы с костяными (роговыми) наконечниками, которые являются элементом охотничьего инвентаря. При этом следует признать, что не исключена возможность их боевого применения против слабо защищенного противника (Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И., 2018, с. 135–136).

обусловлено не возрастом, а происхождением и, вероятно, в меньшей степени – индивидуальными особенностями их физиологического развития. Факт обнаружения панцирной пластины в могиле двухлетнего ребенка можно интерпретировать как подношение.

Снаряжение человека

Данный предметный комплекс включает приспособления, предназначенные для ношения личного оружия, средств защиты и иных вещей, а также запасов продовольствия. Главным его элементом выступает поясной ремень, служащий для затягивания на теле человека верхней одежды, к которому крепятся портупейные ремешки, разная функциональная и декоративная гарнитура (пряжки, застёжки, бляхи, распределители, наконечники, «блоки» и др.), футляры (ножны, колчаны, налучья, сумочки и пр.) (Матренин С.С., 2017, с. 3). Примерно для 80% поясов качественный и количественный состав обозначенных гарнитур был идентифицирован в полном объеме.

Пояса встречаются в инвентаре 67% мужских захоронений Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (табл. 3). В количественном отношении среди них преобладают (83%) наборные пояса с небольшим числом гарнитур (до десяти) и простые пояса с кожаной основой. Просматривается тенденция преобладания случаев снабжения умерших мужчин наборными поясами на поздней стадии бело-бомского и верх-уймонском этапах булан-кобинской культуры. Вероятно, большей престижностью отличалось ношение пояса с многочисленными и разнообразными гарнитурами, изготовленными, преимущественно, из железа (зафиксированы у 11% мужчин). Вариативный состав поясной гарнитуры определенно отражал прижизненное социальное неравенство мужчин, в том числе в военной сфере (рис. 15–16). На имеющемся материале не выявлена зависимость комплектации поясов от возраста покойных.

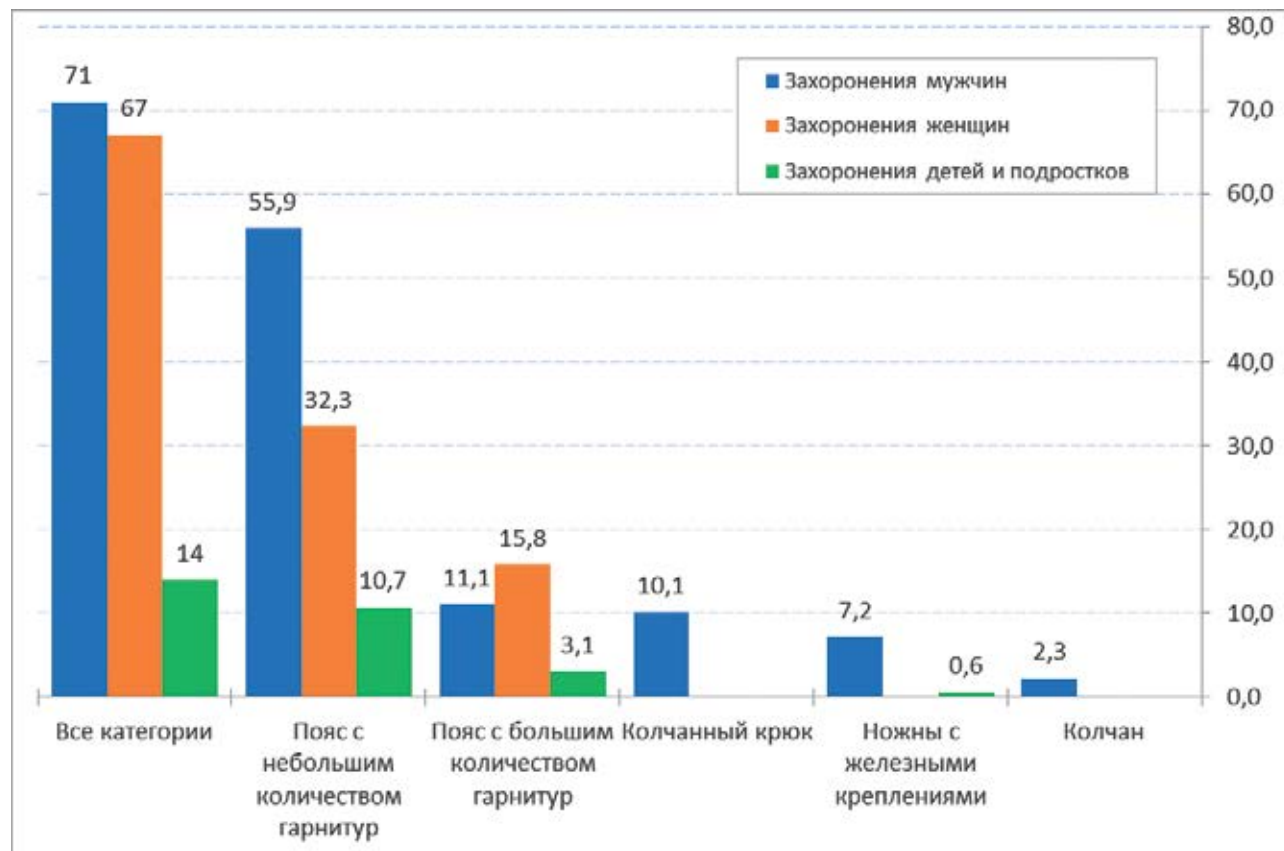

Таблица 3. Процентный состав предметов снаряжения человека в погребениях Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Рис. 15. Детали поясной гарнитуры из погребений комплекса Яломан-II
(по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, рис. 2.198)

Показательными элементами мужского снаряжения «булан-кобинцев» во 2-й половине III – V в. н.э. являлись саадачные (стрелковые) пояса, имеющие застежку в виде металлического крюка (зафиксированы в 10% захоронений) (рис. 17–18), а также ножны клинкового оружия (нож, кинжал, меч) с железными окантовками и цепочками для крепления к портупее (прослежены в 7% захоронений). Исключительно редко

Рис. 16. Железные детали наборного пояса из комплекса Степушка-I (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, рис. 114)

(7 случаев – 2,3%) в мужских погребениях сохранились колчаны (рис. 19). Данные свидетельства происходят из памятников IV–V вв. н.э. (Горбунов В.В., 2006а; Матренин С.С., 2017, с. 25–26; Тетерин Ю.В., Пилипенко С.А., 2017; Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018).

Простые и наборные пояса зафиксированы у 67 (48%) умерших женщин (табл. 3). Наиболее редко они встречаются в погребениях усть-эдиганского этапа. При этом во II в. до н.э. – I в. н.э., судя по имеющимся материалам, преобладали простые пояса с обычными, иногда ажурными пряжками из цветного металла. Наборные пояса встречаются редко и имеют гарнитуру преимущественно в виде колец. Захоронение женщин с поясами становится практически нормой (50% случаев) погребальной практики «булан-кобинцев» в сянбийско-жужанское время (II–V вв. н.э.). Социальная престижность данного элемента сопроводительного инвентаря выражается в составе гарнитур наборных поясов, количество которых заметно возрастает.

Пояса присутствовали в инвентаре 22 (14%) детских захоронений всех этапов булан-кобинской культуры (табл. 3). Они

представлены, главным образом, простыми и крайне редко (3%) наборными модификациями, в том числе с большим количеством гарнитур (не менее 10 предметов). Пояса преобладали (63%) в погребениях индивидов старшей возрастной группы (7–12 лет). Остальные образцы происходят из могил детей 4–6 лет.

Рис. 17. Бронзовый колчаный крюк из комплекса Бальктыюль. Государственный Эрмитаж. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 19. Деревянное дно колчана из комплекса Яломан-II (по: Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2016, рис. 57.-1)

Рис. 18. Железный колчаный крюк из комплекса Степушка-I (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, рис. 100.-26)

Украшения

Украшения зафиксированы в 69 (22,6%) мужских захоронениях булан-кобинской культуры (табл. 4). Декорирование одежды как массовое явление (59%) характерно для сопроводительного инвентаря мужчин в хуннуский период (II в. до н.э. – I в. н.э.). В обозначенное время украшения представлены, главным образом, золотыми и бронзовыми бляхами небольшого размера, нашивающимися на головной убор (45%) (рис. 20), бусами (рис. 21–22), реже серьгами (22,7%) (рис. 23–24) и гривнами (4,5%) (рис. 25–26). В сяньбийско-жужанское время (II–V вв. н.э.) украшения в мужских погребениях встречаются существенно реже (20%), а их качественно-количественный

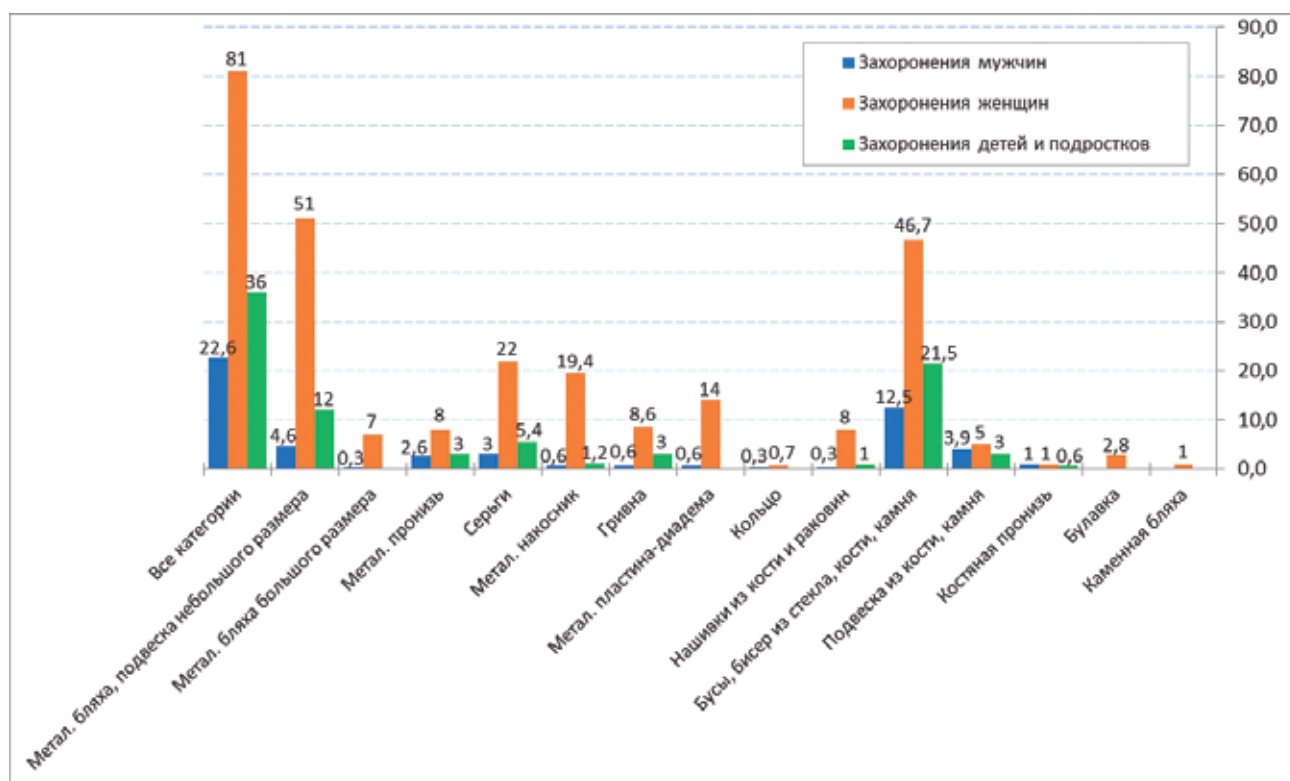

Таблица 4. Процентный состав украшений в погребениях Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

состав изменяется: преобладают бусы, металлические и костяные пронызы, костяные и роговые подвески, серьги, иногда присутствуют другие категории предметов, в том числе не известные в хуннуский период. К таким «новым» изделиям относятся металлические наконники (рис. 27), бляхи большого размера (рис. 28). В двух мужских захоронениях, раскопанных на комплексах Айрыдаш-I и Яломан-II, обнаружены металлические (бронзовая и «золотая») пластины-диадемы (рис. 29), являющиеся типично женскими украшениями. Расположение этих предметов не в области головы покойных дает основание рассматривать данные ситуации как проявление обряда подношения. В целом, у мужчин преобладают наборы из одной категории украшений (88%): бусы (36%), металлические бляхи-нашивки (16%), костяные пронызы (11%), подвески из кости и рога (11%), металлические пронызы (10%), костяные и каменные подвески (6%), серьги, наконники, пластины-диадемы (составляют суммарно 10%). В наборах из двух украшений (10%) доминируют маленькие металлические бляхи (66%) и серьги (45%), реже встречаются другие предметы. Комплекты из трех категорий украшений малочисленны (2%) и выделить для них господствующие сочетания изделий не представляется возможным. Возрастная дифференциация в качественном и количественном распределении украшений в мужских захоронениях не прослеживается.

Рис. 20. Бронзовые бляхи-подвески и бляхи-нашивки из комплекса Степушка-I (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, рис. 66.-3-4, 14)

Рис. 21. Бусы из комплекса Яломан-II (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, рис. 2.200.-5)

Украшения присутствовали в 81% женских захоронений (табл. 4). Удельный вес данных предметов в сопроводительном инвентаре памятников разных этапов булан-кобинской культуры варьировал. Наибольший процент случаев присутствия украшений наблюдается в хуннуский период (II в. до н.э. – I в. н.э.). Зафиксированные изделия представлены, главным образом, маленькими металлическими бляхами-нашивками (48%) и подвесками (36%), применявшимися для декорирования головных уборов и верхней одежды. Далее по частоте встречаемости среди украшений головы и прически шли серьги (22%), наконечники (19%), пластины-диадемы (14%), пронизи (8%), крупные металлические бляхи-нашивки (7%), булавки (2,8%), каменные бляхи (1,4%). Массовую категорию украшений верхней одежды женщин представляют костяные и стеклянные бусы (46,7%). Существенно реже встречаются гривны (8,6%), раковины-каури (8%), костяные и роговые подвески (5%) и некоторые другие изделия. Важно отметить, что если на усть-эдиганском этапе металлические украшения были преимущественно из золота, то на бело-бомском и верх-уймонском этапах они изготавливались в основном из бронзы, реже из железа, золота и серебра. Кроме того, в ранних

Рис. 22. Бусы
из комплекса Айрыдаш-I.
Национальный музей
Республики Алтай
им. А.В. Анохина.
Фото Н.Н. Серегина

булан-кобинских погребениях пока не обнаружены металлические наконечники и гривны.

Определить доминирующие комбинации украшений в женских могилах достаточно сложно. Укажем лишь, что наборы из одной категории изделий (23%) представлены в 65% случаев бусами, в 19% – маленькими металлическими бляхами-нашивками и крайне редко – каменными и костяными пронизьями, серьгами, наконечниками (суммарно около 16%). Наборы, включающие две разновидности украшений (16%), также характеризуются преобладанием бус (50%), но вместе с тем – более частым присутствием металлических блях-нашивок и подвесок (38%), реже наконечников, серег, гривен, пластин-диадем. Для комплектов из трех категорий (19%) отмечено количественное преобладание маленьких металлических блях-нашивок и подвесок (70%), многочисленность серег (30%), пластин-диадем (20%), редкость гривен и булавок. Наборы из четырех (22%) и пяти (10%) категорий содержат преимущественно маленькие металлические бляхи и подвески (90%), бусы (60%), серьги (40%), наконечники (40%), пластины-диадемы, реже крупные бляхи-нашивки, ино-

Рис. 23. Бронзовая серьга
из комплекса Айрыдаш-I.
Национальный музей Республики
Алтай им. А.В. Анохина.
Фото Н.Н. Серегина

Рис. 24. Бронзовая серьга
из комплекса Яконур.
Государственный Эрмитаж.
Фото Н.Н. Серегина

Рис. 25. Бронзовая и золотая гривны из комплексов Айрыдаш-I и Кок-Паш.
Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина. Фото Н.Н. Серегина

гда кольца. Наконец, наборы, состоящие из шести и более наименований вещей, обладают максимальной насыщенностью такими металлическими украшениями, как серьги, гривны, пластины-диадемы, крупные бляхи-нашивки. Проследить возрастную дифференциацию женских украшений на имеющейся серии антропологических определений пока не представляется возможным.

Украшения обнаружены в 57 (36%) детских захоронениях булан-кобинской культуры (табл. 4). Наибольшая частота (не менее 70%) снабжения умерших детей украшениями наблюдается на усть-эдиганском этапе. На бело-бомском и верх-уймонском этапах данный показатель существенно меньше: 36 и 18% соответственно. Рассматриваемый предметный комплекс из детских могил характеризуется доминированием бус (21%). Значительно реже встречаются другие категории изделий: малень-

Рис. 26. Золотые гривны из комплекса Кок-Паш. Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Фото Н.Н. Серегина

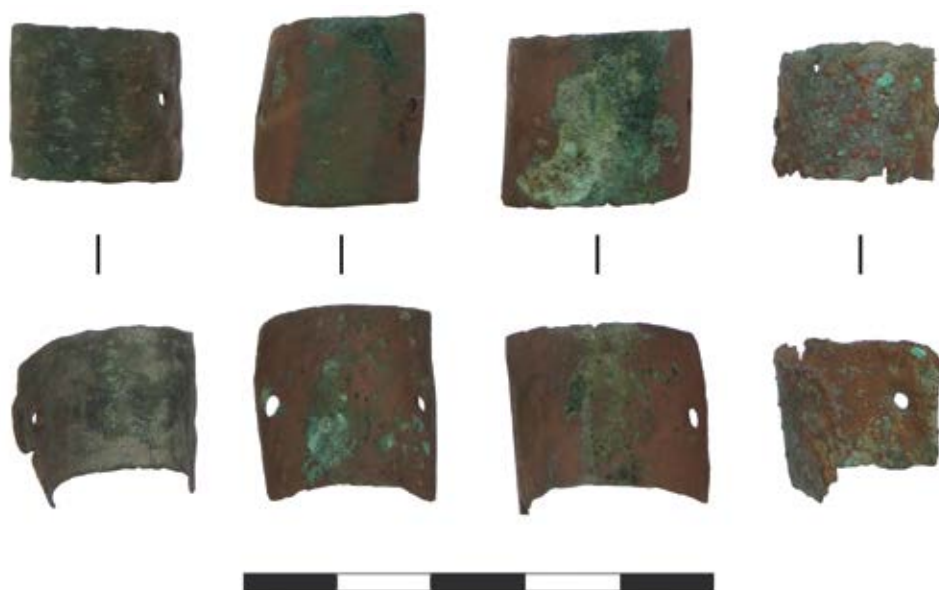

Рис. 27. Бронзовые наконечники из комплекса Степушка-I
(по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, рис. 66.-7-10)

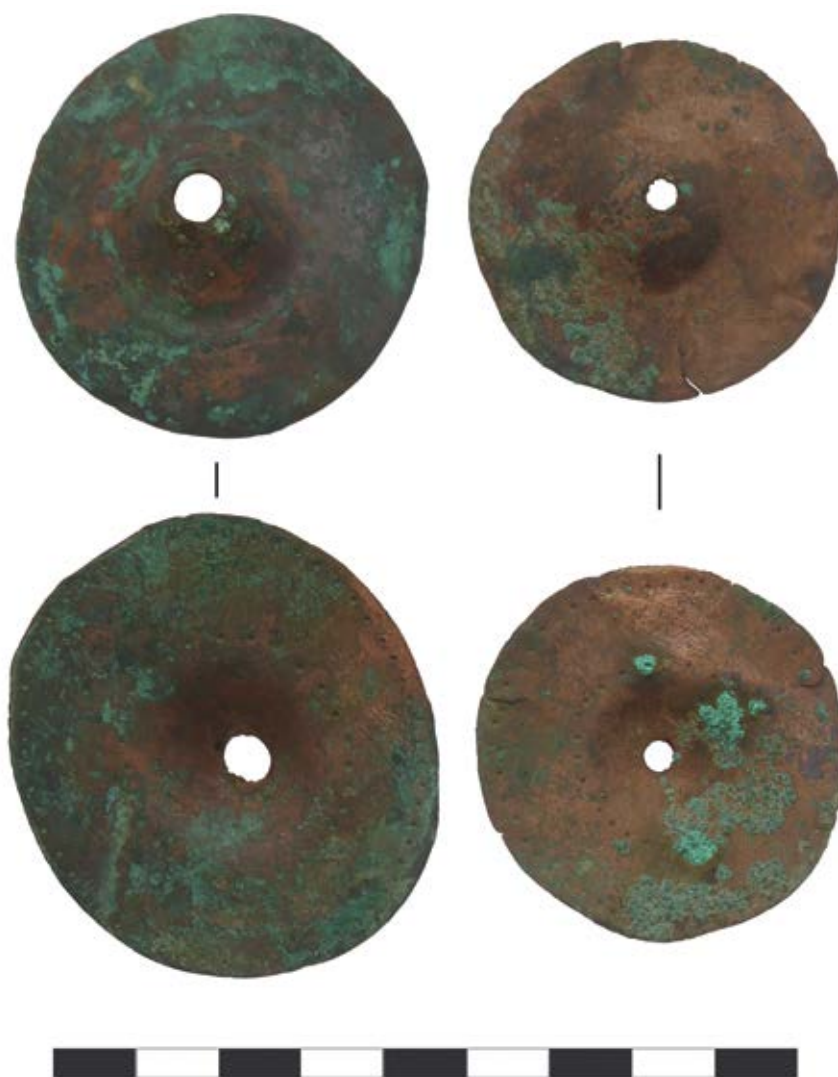

Рис. 28. Бронзовые большие бляхи из комплекса Степушка-I
(по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, рис. 66.-1-2)

Рис. 29. Золотая пластина-диадема из комплекса Яломан-II
(по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, рис. 2.200.-25)

кие металлические (бронзовые и золотые) бляхи-нашивки и подвески на головные уборы и верхнюю одежду (12%), серьги (5%), гривны (3%), пронизи (3%), подвески из кости и клыков животных (3%). Удельный вес в инвентаре остальных украшений (бронзовые наконечники, булавы, раковины-каури, каменные бляхи, колокольчики) не превышает 1%.

Распределение детских погребений с одной (72%), двумя (15,6%), тремя (5,8%), четырьмя (5,8%) категориями украшений демонстрирует некоторую зависимость от возраста. Так, детям до трех лет данные предметы в основном не полагались. Украшения зафиксированы у четырех из 39 индивидов этого возраста. В одном случае с ребенком найдена маленькая золотая бляха-нашивка (Яломан-II, курган №53а), в другом – серьги и бусина (Степушка-2, объект №22), в остальных – бусы (Степушка-2, объекты №18а, 20). Видовой и количественный состав украшений у детей 4–6 и 7–10 лет характеризуется высокой степенью сходства и в то же время вариативностью. Количественно преобладают могилы с одной категорией изделий из разряда массовых и невыразительных (бусы). Реже встречаются захоронения с одной, двумя и тремя разновидностями более престижных предметов (серьги, гривны, колокольчики, металлические бляхи-нашивки, подвески из металла и органических материалов). Наблюдаемые расхождения, по-видимому, обусловлены отдельным или совокупным влиянием полового, возрастного и социально-имущественного факторов. Большим разнообразием отличаются наборы украшений у подростков 11–13 лет, что вызвано переходным состоянием обозначенного этапа жизненного цикла. В половине случаев у подростков, как и у детей 4–10 лет, обнаружена одна категория изделий (бусы, иногда подвески, маленькие металлические бляхи). У остальных 50% подростков наряду с ранее известными присутствуют новые разновидности украшений (наконечники, булавы), которые входят в наборы из трех и четырех категорий, а также примерно в два раза чаще встречаются головные уборы с металлическими украшениями (увеличивается их общее количество). Данная ситуация, как мы полагаем, отражает разновременное прохождение детьми обряда инициаций, а также их неодинаковое социальное происхождение. У отдельных девочек-подростков 11–13 лет состав украшений максимально сопоставим с комплектами, характерными для взрослых женщин 14–19 лет.

Снаряжение верхового коня

Предметы, связанные с верховой ездой, являются важной составляющей сопроводительного инвентаря носителей булан-кобинской культуры, практиковавших интимацию человека с лошадью.

Элементы конской амуниции присутствовали в 60 (20%) мужских могилах (табл. 5). Они зафиксированы в 40% объектов усть-эдиганского этапа и 73% комплек-

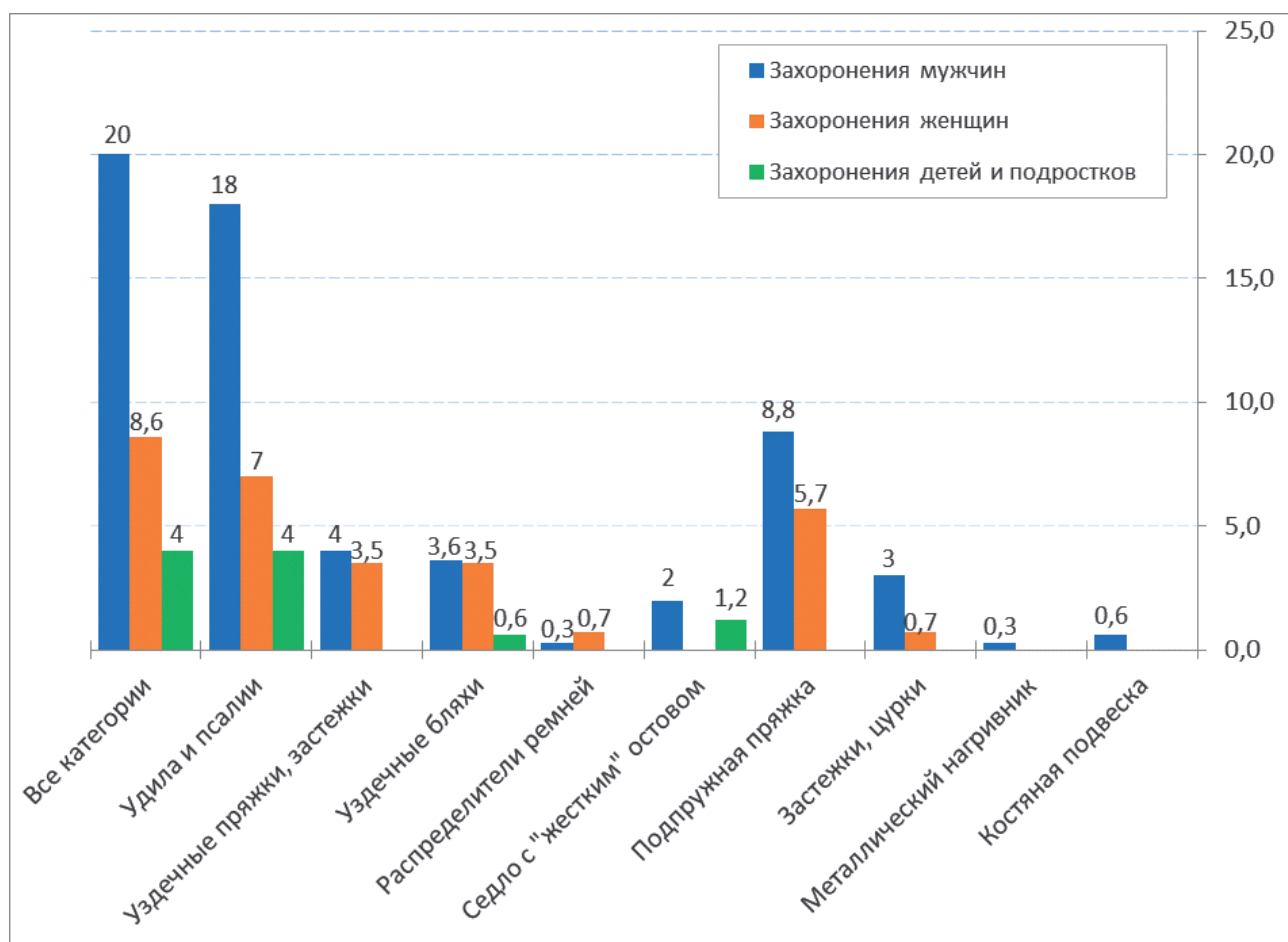

Таблица 5. Процентный состав предметов конского снаряжения в погребениях Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Рис. 30. Железные удила и псалии из комплекса Чобурак-I (по: Серегин Н.Н. и др., 2019, рис. 8.-1)

Рис. 31. Роговые подпружные пряжки из комплекса Чобурак-I
(по: Серегин Н.Н. и др., 2020, рис. 3)

Рис. 32. Железная бляха от узды из комплекса Чобурак-I
(по: Серегин Н.Н. и др., 2019, рис. 8.-4)

сов верх-уймонского этапа. На бело-бомском этапе удельный вес предметов конского снаряжения в сопроводительном инвентаре достигает всего 10%. У мужчин в различных вариациях обнаружены следующие категории изделий: удила и (или) псалии – 18% (рис. 30), подпружные пряжки – 9% (рис. 31), металлические бляхи от узды – 3,6% (рис. 32), цурки – 3% (рис. 33), уздечные застёжки – 2,6% (рис. 34), седла с жестким каркасом – 2% (рис. 35), уздечные пряжки – 1,3%. Единичными находками представлены железные распределители ремней, металлические нагивники, костяные пронизи, роговые подвески (составляют в совокупности 1,2%). Зависимость качественно-количественных характеристик снаряжения лошадей от возрастной принадлежности покойных не прослеживается.

Изучение взаимной встречаемости различных элементов конской амуниции показало, что наиболее часто в могилу помещался один предмет – в основном удила и (или) псалии, а также подпружные пряжки. Данная практика зафиксирована для 32 (53%) мужских, пяти (71%) детских, двух (16%) женских захоронений со снаряжением верхового коня. Наборы из двух категорий характеризуются следующим соотношением для разных половозрастных групп: восемь (13%) мужчин (удила и подпружные пряжки – 75%; удила и застёжки – 15%, удила и уздечные бляхи – 15%); три (25%) женщины (удила и застёжка, удила и подпружная пряжка, удила и распределители), один (14%) ребенок (удила и седло). Три категории конского снаряжения встречены в семи (11%) мужских (удила с псалиями одинаково часто сочетаются с уздечными бляхами и застёжками или с подпружными пряжками и застёжками, либо с застёжками и уздечными пряжками), трех (25%) женских (удила, подпружные пряжки, уздечные бляхи или блоки), одном (14%) детском (удила, уздечные бляхи, седло) погребении. Наборы из четырех категорий снаряжения верхового коня за-

Рис. 33. Костяные (роговые) застёжки от пут (цурки) из комплекса Степушка-I (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, рис. 2.212.-11-13)

Рис. 34. Железная уздечная застёжка из комплекса Чобурак-I (по: Серегин Н.Н. и др., 2019, рис. 8.-5)

Рис. 35. Деревянная основа жесткого седла из комплекса Яломан-II (по: Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2016, рис. 90.-2)

фиксированы в инвентаре восьми (13%) мужчин, трех (25%) женщин, одного (14%) ребенка и отличаются, как правило, присутствием редких уздечных гарнитур (бляхи, пряжки, распределители), часто подпружных пряжек, цурок, в отдельных случаях седел с жестким каркасом. Наличие от пяти и более категорий снаряжения верхового коня характеризует погребальную практику мужчин. Представленные наблюдения определенно указывают на то, что декоративная уздечная гарнитура и седла с жестким каркасом выступали маркерами более высокого социального статуса покойных в обществе кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Снаряжение верхового коня обнаружено в 12 (8,6%) женских захоронениях (табл. 5), относящихся преимущественно к усть-эдиганскому (четыре случая) и верх-уймонскому (семь случаев) этапам булан-кобинской культуры. По частоте встречаемости на первом месте находились удила и (или) псалии (7%), реже встречалась другая уздечная и седельная гарнитура: пряжки от узды (3,5%), подпружные пряжки (5,7%), металлические бляхи (3,5%), распределители (0,7%), блоки (0,7%). Важно подчеркнуть, что в хуннуский период (II в. до н.э. – I в. н.э.) для изготовления декоративной гарнитуры узды использовался цветной металл, тогда как в сяньбийский (II – 1-я половина IV в. н.э.) и жужанский (2-я половина IV – V в. н.э.) периоды основным материалом стало железо. Немногочисленность женских погребений не позволяет говорить о возрастной обусловленности снабжения конским снаряжением.

Предметы конской амуниции наиболее малочисленны (семь случаев – 4%) в детских могилах (табл. 5). Они представлены в основном удилами и (или) псалиями (4%), в двух случаях седлами с жестким каркасом (1,2%), уздечными бляхами (0,6%). С изделиями данной категории хоронили детей 4–6 (три раза) и 7–10 лет (также трижды). Возраст одного ребенка не известен. Наличие и состав элементов конского снаряжения в захоронениях детей не зависели от возрастного фактора, а определялись социальным и этническим происхождением родителей.

Орудия труда

Орудия труда представлены универсальными или специализированными предметами, предназначенными для производственной деятельности разного уровня. Сложность статистического изучения данных изделий обусловлена плохой сохранностью значительного массива железных вещей, а также не всегда однозначной функциональной атрибуцией некоторых орудий.

В погребальных памятниках Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени орудия труда являлись атрибутом инвентаря 217 (71%) мужчин (табл. 6). Основная их масса (39%) приходится на железные ножи (рис. 36) и стрелы с костяными наконечниками (38,8%) (рис. 37), плети с костяной рукоятью (17%) (рис. 38–39), шилья (7,5%). К более редким предметам, связанным с производственной деятельностью, относятся тесла (2,6%) (рис. 40), оселки (1,3%), рыболовные крючки (0,9%), стамески (0,9%), заступ (0,3%), напильник (0,3%), трепало (0,3%), долото (0,3%), зубило (0,3%), заступ (0,3%). С учетом представленных выкладок типично мужскими орудиями труда следует считать стрелы с костяными наконечниками, шилья,

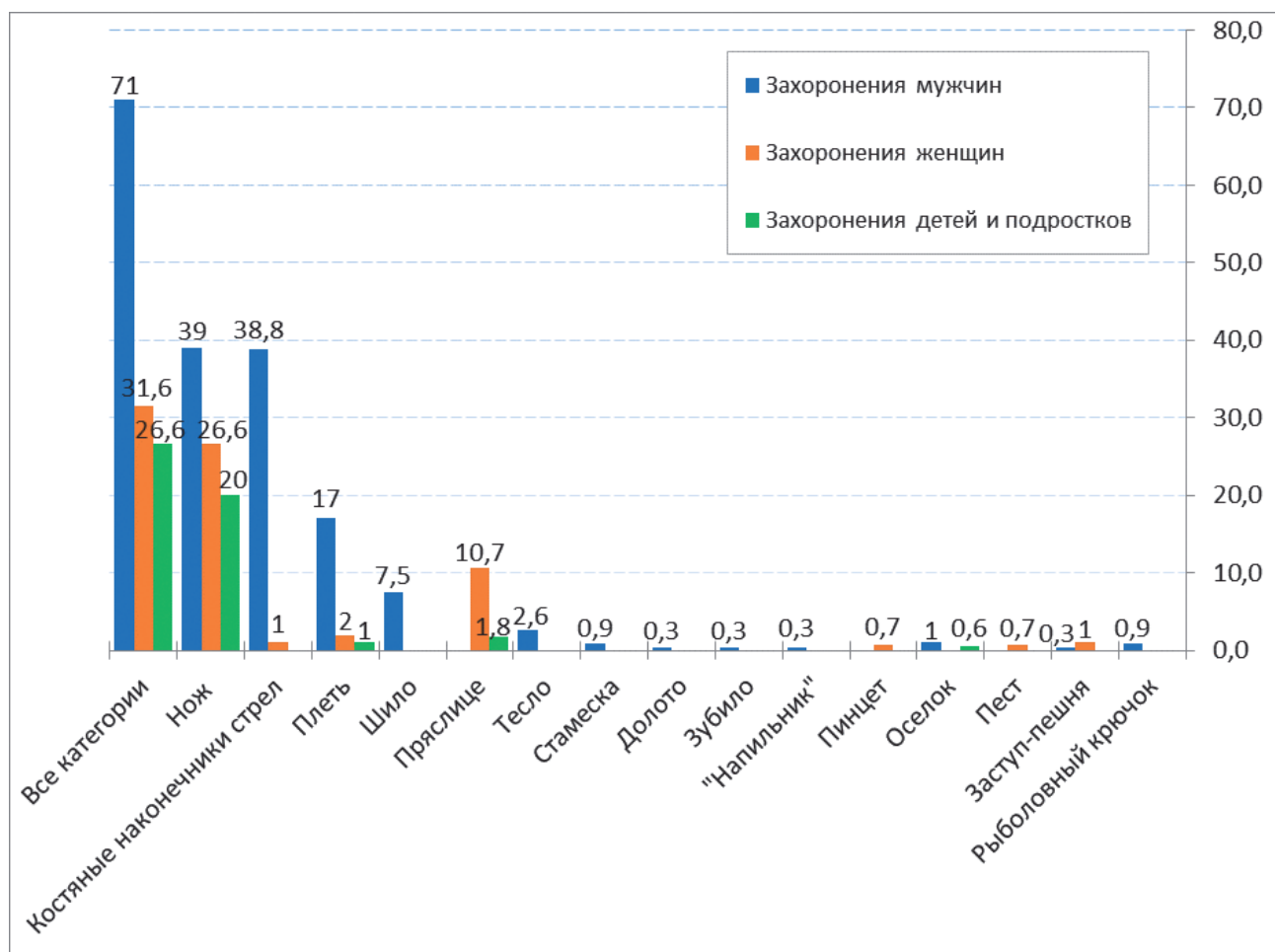

Таблица 6. Процентный состав орудий труда в погребениях Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Рис. 36. Железный нож из комплекса Степушка-I (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, рис. 2.208.-8)

Рис. 37. Костяные (роговые) наконечники стрел из комплекса Чобурак-I (по: Серегин Н.Н. и др., 2020, рис. 3)

плети с костяной рукоятью, специализированные инструменты для обработки дерева, металла, а также скорняжного производства. Наблюдение о том, что в мужских погребениях железные ножи встречаются в 1,5 раза чаще, чем в женских, может в отдельных случаях учитываться при определении пола умерших людей, не имеющих антропологических определений. По разбросу возможных комбина-

Рис. 38. Костяной элемент плети из комплекса Белый Бом-II. Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета.
Фото С.С. Матренина

Рис. 39. Костяные элементы плети из комплекса Степушка-I
(по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, рис. 2.208.-5-6)

Рис. 40. Железное тесло из комплекса Степушка-I
(по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, рис. 2.208.-4)

Рис. 41. Каменное пряслице из комплекса Белый Бом-II. Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета.
Фото С.С. Матренина

(рис. 41), плетями с костяной рукоятью (2%), заступами (1,4%), стрелами с костяными наконечниками (1,4%), пестом (0,7%), «пинцетом» (0,7%). Орудия труда у женщин характеризуются большой однородностью, что выражается в наличии наборов из одной (72%), реже (25%) двух (обычно нож и пряслице) и в исключительном случае (2,2%) четырех категорий (пряслице, оселок, заступ, костяные наконечники стрел). С пряслицами, очевидно, хоронили именно лиц «слабого» пола. Возрастные особенности распределения орудий труда на имеющихся материалах не фиксируются.

Довольно редкими были орудия труда в детских захоронениях. Такие предметы отмечены в 34 (21,5%) погребениях представителей обозначенной возрастной группы (табл. 6). Малочисленность данных свидетельствует о том, что большая часть детей до достижения определенного возраста была полностью исключена из производственного процесса. Найденные изделия представлены железными ножами (20%), пряслицами (1,8%), плетями (1,2%), оселком (0,6%). Документировано пока только два факта (1%) присутствия орудий труда (железного ножа) в сопроводительном инвентаре ребенка младше трех лет. Для детей 4–6 и 7–10 лет ассортимент орудий труда и частота их встречаемости составляют 51 и 60% соответственно. В захоронениях детей старше 6 лет появляются пряслица. В захоронениях подростков 11–13 лет показатель наличия орудий труда составляет около 40%. Зафиксирован единственный случай помещения в могилу подростка 9,5 лет сложносоставного лука, являющегося одновременно оружием. Несмотря на разный возраст, дети почти всегда похоронены с одним предметом. Только у трех человек (1,8%) обнаружены две разновидности орудий труда: железный нож и пряслице (девочка подросток); железный нож и плеть с костяной рукоятью (ребенок 5–6 лет и с не определенным возрастом).

Таким образом, орудия труда отражают распределение мужских и женских функций в хозяйственной сфере, а по отношению к детям они также выступают индикатором возрастных и социально-имущественных отличий.

ций орудия труда из мужских могил отличаются наибольшей вариативностью, хотя среди них преобладают (64%) наборы из одного предмета. Комплекты, образованные путем сочетания двух, трех, четырех и более категорий, составляли 26, 7 и 2,3% соответственно. Отметим, что шилья фиксируются в наборах, включающих не менее двух категорий орудий, а тесла и стамески зафиксированы в комплектах, состоящих из трех и более разновидностей изделий рассматриваемого предметного комплекса. Можно сделать вывод о том, что специализированные инструменты являются маркерами профессионального статуса возмужалых и зрелых мужчин. Отметим также фактическое отсутствие таких орудий в захоронениях юношей.

Орудия труда зафиксированы у 44 (31,6%) погребенных женщин (табл. 6) и представлены железными ножами (26,6%), пряслицами (10,7%)

Предметы быта, туалета и культа

Данные изделия относятся к числу малочисленных находок из погребальных комплексов Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. В значительной мере это обусловлено тем, что многие категории бытовой утвари, сделанные из дерева, бересты и кожи, обычно не сохраняются в захоронениях. Это обстоятельство определяет некоторую условность статистического анализа обозначенного комплекса сопроводительного инвентаря населения булан-кобинской культуры.

Предметы бытовой утвари зафиксированы в 41 (13%) мужском захоронении (табл. 7). Имеющиеся материалы демонстрируют преобладание данных свидетельств в памятниках усть-эдиганского этапа (36%). Бытовая утварь представлена в основном (10,8% – 33 случая) неметаллической посудой (преимущественно деревянной)¹¹ (рис. 42–43). У небольшой группы мужчин найдены другие вещи: деревянные пена-

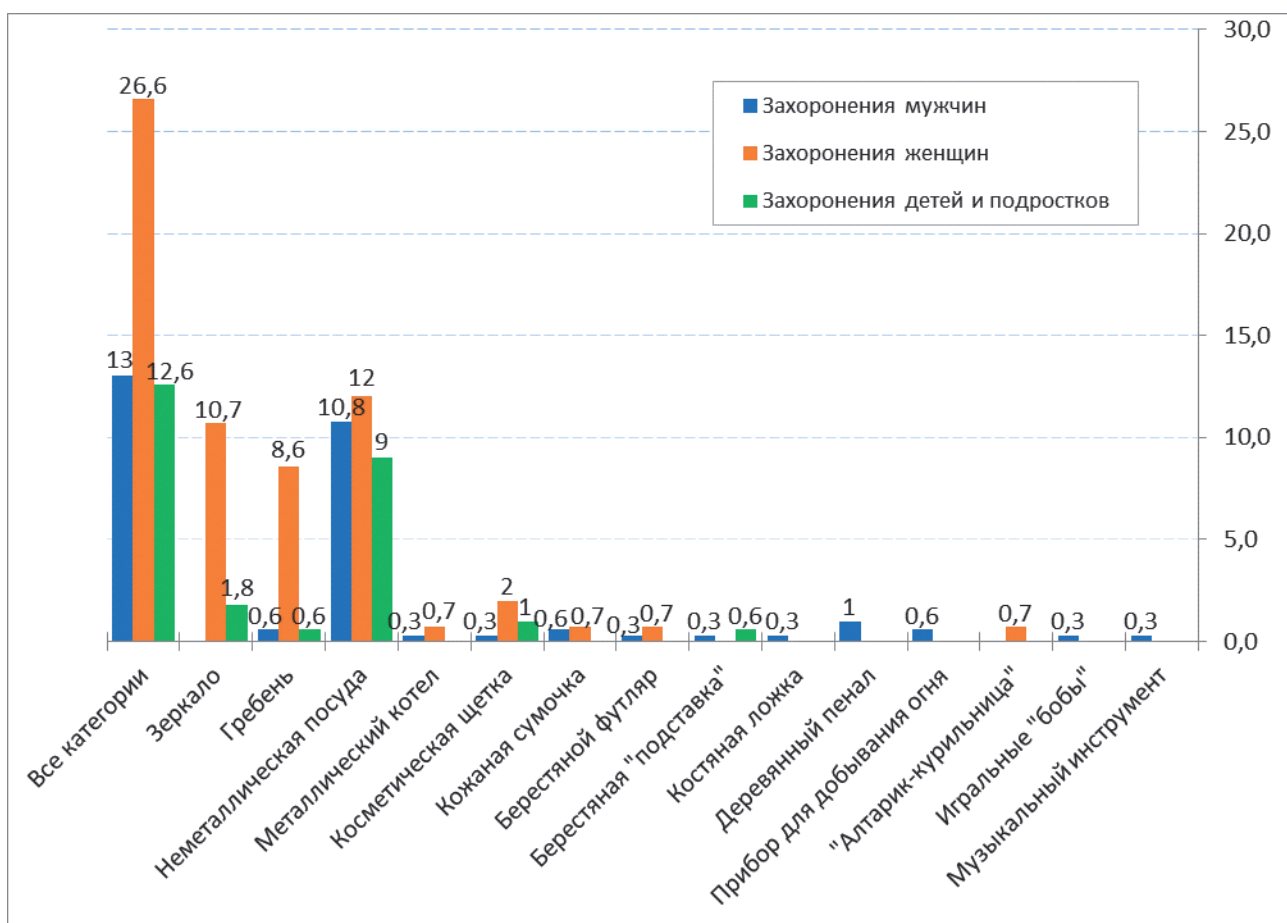

Таблица 7. Процентный состав предметов быта, туалета и культа в погребениях Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

лы (1,3%), костяные косметические щеточки (1%) (рис. 44), гребни (0,6%) (рис. 45), кожаные сумочки (0,6%), приборы для добывания огня (0,6%), костяной футляр для шпильки (0,3%), костяная ложка (0,3%), берестяная подставка (0,3%), берестяной туюсок (0,3%), бронзовый котел (0,3%) (рис. 46). В мужском захоронении хуннуского времени на могильнике Яломан-II (курган №62) сохранилась часть деревянного корпуса музыкального инструмента типа «арфы» (Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2016, с. 53–54) (рис. 47).

¹¹ В трех из четырех случаев керамическая посуда найдена в мужских погребениях раннего этапа булан-кобинской культуры (II в. до н.э. – I в. н.э.).

Рис. 42. Керамические сосуды из комплекса Яломан-II
(по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, рис. 2.202.-8-9)

Рис. 43. Деревянный сосуд из комплекса Яломан-II (по: Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2016, рис. 70.-1)

Рис. 44. Костяная косметическая щеточка из комплекса Белый Бом-II. Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. Фото С.С. Матренина

В большинстве (87,8%) мужских погребений присутствует один бытовой предмет. Единичные захоронения с двумя, тремя и более категориями изделий (суммарно 12%) отличаются наличием редких артефактов (деревянный пенал, гребень, металлический котел, сумочка, прибор для добывания огня, ложка). На имеющейся источниковой базе не прослеживается зависимость количественно-качественного состава бытовых предметов от возраста мужчин.

Предметы бытового обихода зафиксированы в 37 (26,6%) женских захоронениях (табл. 7). Они достаточно многочисленны (88%) в памятниках хуннского периода, тогда как их удельный вес в сяньбийско-жужанский период составляет около 18%. По отношению к женщинам наиболее часто практиковалось снабжение неметаллической, обычно керамической, посудой (9% – 13 случаев), преимущественно во II в.

Рис. 45. Деревянный гребень
из комплекса Яломан-II (по: Тишкин А.А.,
Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, рис. 2.213.-2)

Рис. 46. Бронзовый котел из комплекса Яломан-II (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, рис. 2.202.-12)

до н.э. – I в. н.э. (52,9%)¹². Атрибутами женского инвентаря выступают металлические зеркала (10,7%) (рис. 48) и костяные гребни (8,6%), которые являлись социально престижными у «булан-кобинцев» на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. В женских могилах крайне редко (3,5%) встречены деревянная и кожаная посуда (3,5%), костяные косметические щеточки (2%), кожаные сумочки (0,7%), берестяные футляры (0,7%), металлические котлы (0,7%). В 73% женских захоронений обнаружен только один бытовой предмет (одинаково часто зеркала, гребни, керамическая посуда, иногда косметическая щеточка, деревянный футляр). В исключительных случаях набор бытовых предметов включал две (16%), три (5,4%) и четыре (5,4%) категории вещей, выступающих в различных комбинациях. Возрастные закономерности в качественно-количественном составе рассматриваемого комплекса не выявлены.

Предметы быта сохранились в 20 (12,6%) детских захоронениях (табл. 7). Наиболее часто они встречены на усть-эдиганском этапе (57%) и являются большой редкостью (7%) в погребальном инвентаре комплексов бело-бомского и верх-уймонского этапов. Бытовая утварь в детских могилах представ-

¹² Судя по самой большой на сегодняшний день коллекции керамики, полученной из могильника Усть-Эдиган, у женщин заметно чаще находились сосуды баночной формы с орнаментом, а у мужчин преобладали горшки, лишенные орнаментации (Худяков Ю.С., 1998а, с. 207–208).

Рис. 47. Сохранившаяся деревянная часть музыкального инструмента из комплекса Яломан-II (по: Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2016, рис. 38.-1)

Рис. 48. Металлические зеркала из комплекса Яломан-II (по: Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, табл. XIX, XXI-XXII)

лена следующими вещами: керамическая посуда (6,3%), деревянная посуда (4,4%), металлические зеркала (1,8%), косметические щеточки из кости (1,2%), костяной гребень (0,6%), берестяная «подставка» (0,6%). Стоит заметить, что семь из десяти случаев присутствия в детских захоронениях керамической посуды, а также все факты обнаружения зеркал и гребней относятся ко II в. до н.э. – I в. н.э. Деревянная утварь преобладает (шесть из семи случаев) в погребениях II – 1-й половины IV в. н.э. Бытовые предметы отсутствуют у 98% детей, умерших до трех лет. В захоронении одного младенца сохранилась деревянная чашечка. Еще у одного ребенка 1,5 лет обнаружен керамический сосуд. Бытовая утварь присутствует в сопроводительном инвентаре 21% индивидов 4–6 и 7–13 лет. У детей независимо от возраста обычно (69%) встречается один предмет. В остальных случаях (31%) фиксируются наборы из

Рис. 49. Каменный алтарик («курильница») из комплекса Яломан-II (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, рис. 2.202.-10)

двух категорий изделий: керамическая и деревянная посуда, керамическая посуда и зеркала, зеркало и гребень.

При изучении вещевых комплексов большую сложность имеет выделение предметов, связанных с религиозной практикой. В погребениях булан-кобинской культуры Алтая к ним, на наш взгляд, с большой степенью вероятности можно отнести каменный алтарик («курильницу»), обнаруженный в женском погребении II в. до н.э. – I в. н.э. (Яломан-II, курган №51) (рис. 49), а также деревянные «игральные (гадальные?) бобы», зафиксированные в мужском кенотафе 2-й половины IV – V в. н.э. (Яломан-II, курган №31) (Tishkin A., 2011; Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2016, с. 79).

2.1.5. Корреляция категорий инвентаря разных предметных комплексов

Во избежание интуитивного характера механизма оценки «социального веса» сопроводительного инвентаря относительная престижность всех категорий предметов предварительно проверялась нами комбинаторным путем, исходя из степени их взаимной сопряженности и общих тенденций распределения в наборах. Изучение особенностей взаимной встречаемости изделий, принадлежащих к разным предметным комплексам, осуществлялось на основе попарного сопоставления категорий, после чего выводилась связь между отдельными предметами и их комбинациями. В целях эффективного вычисления результатов такого сравнения (в первую очередь, для многочисленных признаков), а также снижения в той или иной мере субъективного фактора в восприятии материала вводились следующие усредненные значения частоты взаимного сочетания признаков, которые определяли уровень связи показателей и их совокупностей как слабый (совпадение переменных со значением до 40%), средний (от 40 до 60%), сильный (от 60% и выше). При определении характера связи между двумя отдельными категориями во внимание принималось их общее количество в погребениях¹³. Для отдельных пар сравниваемых признаков имела место ситуация, когда в силу статистической невыразительности (немногочисленности и единичности) предметов было невозможно квалифицированно определить значение их сочетаемости и поэтому приходилось ограничиться описанием конкретных случаев.

¹³ Например, для женских захоронений связь удил (зафиксированы 10 раз) и металлических блях-нашивок и подвесок на головной убор или верхнюю одежду (прослежены 67 раз) определяется как сильная, так как в восьми из десяти случаев (абсолютное значение сочетаемости – 81,8%) вместе с конской амуницией находились бляхи. В свою очередь, связь блях-нашивок и указанной категории снаряжения верхового коня, ввиду немногочисленности последней, должна быть классифицирована как слабая, поскольку их совместимость не превышала 18%. В этой и других подобных ситуациях при оценке социальной представительности предметов приходилось ориентироваться в большей степени на анализ их количественного распределения по отдельным комбинациям категорий.

При взаимной корреляции основной акцент делался, с одной стороны, на выявление устойчивых сочетаний категорий инвентаря с сильной связью (в том числе между редкими, немногочисленными и массовыми предметами), а с другой – на фиксацию комбинаций, обладающих одинаковой связью с большинством элементов инвентаря для женской и мужской серии анализируемой выборки. Для большей объективности в данной процедуре учитывались только погребения взрослых людей, поскольку отмеченная в детских захоронениях нестабильность в составе инвентаря была обусловлена в значительной степени возрастной и половой дифференциацией, особенностями их индивидуального физического развития. Анализ материала с учетом обозначенных выше положений дал следующие результаты.

Мужские погребения

Предметы вооружения в виде одной, двух, трех, четырех и более категорий из средств ведения дальнего и ближнего боя, таранного удара, а также защитных доспехов в мужских погребениях обнаруживают сильную связь с поясами (наборными и простыми). Захоронения с поясами, в которых содержалось короткоклинковое оружие (нож, кинжал) или (и) доспехи, копья, характеризуются высоким показателем (сильная и средняя связь) встречаемости серег, гривен, маленьких металлических блях-нашивок и неметаллической посуды (II в. до н.э. – I в. н.э.), предметов снаряжения верхового коня, ножей, костяных наконечников стрел.

Пояса имеют среднюю связь с большинством категорий снаряжения верхового коня, украшений, бытовых предметов. При этом в могилах без оружия, но с орудиями труда (ножи и (или) стрелы с костяными наконечниками), бытовыми предметами (неметаллическая посуда), бусами, пояса присутствуют заметно реже (меньше 40%).

Маленькие металлические бляхи-нашивки в мужских погребениях II в. до н.э. – I в. н.э. соотносятся чаще всего (90%) с предметами вооружения, обычно (58%) с наборами, в состав которых входят лук и (или) стрелы с железными наконечниками, боевые ножи (кинжалы), иногда мечи, почти всегда пояса, в отдельных случаях со снаряжением верхового коня. Реже они сочетаются только с оружием дальнего боя (33,3%). Серьги в мужских погребениях прослежены в одном комплексе с железными наконечниками стрел и (или) луком, боевым ножом (мечом), поясами, а у «булан-кобинцев», практиковавших ингумацию с лошадью, – дополнительно со снаряжением верхового коня. Диадемы-пластины найдены в двух мужских захоронениях с разной насыщенностью инвентарем: в одном случае – лук, три стрелы с железными наконечниками, наборный пояс с небольшим количеством гарнитур, железный нож; в другом – лук, 49 стрел с железными наконечниками, меч в ножнах, доспех, стрелковый пояс, наборный пояс с большим количеством гарнитур, деревянный пенал с инструментами, разнообразное снаряжение верхового коня. Украшения в виде каменных и костяных подвесок, а также бусы не образуют стабильной корреляции с какой-то определенной группой вещей.

Снаряжение верхового коня в мужских погребениях обнаруживает сильную связь с такими категориями вооружения, как боевые ножи (или кинжалы), копии чеканов, мечи, копья, доспехи, которые почти всегда входят в один комплекс с луками и (или) железными наконечниками стрел, простыми или наборными поясами. При этом изделия, являющиеся функциональными и декоративными элементами уздечной гарнитур, а также седла происходят в основном из захоронений с луками, железными наконечниками стрел, боевыми ножами (кинжалами), мечами / доспехами, поясами, неметаллической посудой, различными орудиями труда. В захоронениях только с оружием дистанционного боя (или без такового) находятся почти исключительно удила и (или) подпружные пряжки.

Орудия труда в виде ножей, стрел с костяными наконечниками стрел, плетей с костяными рукоятками фиксируются одинаково часто в захоронениях с одной, двумя, тремя, четырьмя и более категориями вооружения, с поясами, украшениями, бы-

товой утварью, снаряжением верхового коня или без таковых, в также в могилах без оружия. Исключение в орудийном наборе представляют тесла и стамески, которые найдены с наборами оружия дистанционного и ближнего боя, поясами (наборными), часто (75%) с многочисленными предметами конского снаряжения (в том числе с украшениями узды, седлами), иногда с доспехами.

Неметаллическая посуда обнаруживает сильную связь с луками и железными наконечниками стрел, боевыми ножами (кинжалами), поясами, орудиями труда, снаряжением верхового коня в памятниках II–V вв. н.э. и металлическими бляхами-нашивками на одежду в комплексах II в. до н.э. – I в. н.э. Бронзовый котел из мужской могилы II – 1-й половины IV в. н.э. зафиксирован в комплекте с железными наконечниками стрел, кинжалом, наборным и стрелковым поясом, крупной бронзовой бляхой, железным ножом. Косметические щеточки происходят из трех погребений с разнообразными наборами вещей: лук, 12 железных наконечников стрел, боевой нож, меч, наборный пояс с большим количеством гарнитур, коротколезвийный нож, костяной наконечник стрелы, плеть с костяной рукоятью, подвески из кости и клыков, удила; боевой нож в ножнах с железной цепочкой, железный инструмент, коротколезвийный нож; наборный пояс с большим количеством гарнитур, бронзовая пронизь, костяная фигурная подвеска, три клыка-подвески, два коротколезвийных ножа. Гребни происходят из двух мужских погребений с разным категориальным составом инвентаря: в одном случае это пять стрел с железными наконечниками, наборный пояс с большим количеством гарнитур, костяной наконечник стрелы, железный нож; в другом – лук, более 30 стрел с железными наконечниками, два боевых ножа, доспех, наборный и стрелковый пояса, удила, подпружная пряжка, седло, уздечная гарнитура, многочисленные орудия труда (ножи, тесло, шило, костяные наконечники стрел) и деревянная посуда, «игральные (гадальные?) бобы».

Женские погребения

Железные наконечники стрел, обнаруженные в погребениях II – 1-й половины IV в. н.э., имеют сильную связь с поясами, бусами, железными ножами, среднюю – с бляхами-нашивками, подвесками, пронизями, наконечниками, пряслицами. Панцирные пластины, найденные в двух женских погребениях II в. до н.э. – I в. н.э., зафиксированы в комплекте с многочисленными бляхами-нашивками, неметаллической посудой, зеркалами, в одном случае с серьгами, бусами, гребнем поясом, ножом, а также с редкими вещами в виде крупных металлических блях, пластин-диадемой, ажурных пряжек.

Пояса в женских погребениях II в. до н.э. – I в. н.э. демонстрируют сильную связь с маленькими и большими металлическими бляхами, серьгами, бусами. Ажурные пряжки зафиксированы в двух погребениях с большим числом категорий практически всех предметных комплексов. В захоронениях II–V вв. н.э. наблюдается сильная связь поясов и маленьких металлических блях, подвесок, бус, зеркал или гребней.

Маленькие металлические бляхи-нашивки имеют сильную корреляционную связь с неметаллической посудой, бусами, серьгами, зеркалами и гребнями во II в. до н.э. – I в. н.э. Пластины-диадемы с орнаментом, найденные в пяти женских могилах II в. до н.э. – I в. н.э., соотносятся с большим количеством металлических блях-нашивок и подвесок на одежду, в четырех случаях с серьгами, неметаллической посудой, зеркалами или гребнями, в двух – с бусами, орудиями труда, крупными бляхами-нашивками, в одном – с простым поясом, панцирными пластинами, удилами, ажурной пряжкой. Пластины-диадемы из погребений II – 1-й половины IV в. н.э. и 2-й половины IV – V в. н.э. присутствуют обычно в наборах с большим количеством категорий инвентаря и обнаруживают наиболее высокий показатель сопряженности с металлическими бляхами-нашивками и поясами. Похожую тенденцию демонстрируют крупные металлические бляхи. Гривны обнаруживают максимальную связь с металлическими бляхами-нашивками во II–V вв. н.э.

Снаряжение верхового коня обычно (80%) встречается в могилах с большим количеством вещей, представленных четырьмя и более категориями. Только в одном женском погребении удила зафиксированы с двумя предметами, среди которых фрагмент металлического зеркала и коротколезвийный нож. Конское снаряжение обнаруживает доминирующую связь с маленькими металлическими бляхами-нашивками (всегда в большом количестве), серьгами, бусами, зеркалами, неметаллической посудой во II в. до н.э. – I в. н.э., маленькими металлическими бляхами-нашивками, поясами, ножами – во II–V вв. н.э. При этом наиболее редкие декоративные элементы узды (бляхи, распределители) встречаются в погребениях с ажурными пряжками, крупными бляхами, котлом, алтариком, панцирными пластинами.

Орудия труда имеют среднюю и слабую связь с большинством категорий сопроводительного инвентаря женских погребений.

Зеркала и гребни в женских погребениях II в. до н.э. – I в. н.э. имеют среднюю корреляцию с неметаллической посудой и серьгами. Для памятников II–V вв. н.э. сильная связь выражается в их сочетаемости с поясами и металлическими бляхами-нашивками небольшого размера. Зеркала и гребни количественно доминируют (80%) в могилах с разнообразным инвентарем (от четырех и более категорий). Засвидетельствован единственный случай, когда, кроме зеркала, в могиле не было других вещей. Все три факта обнаружения косметических щеточек отличаются разными составами сопроводительного инвентаря. В одном погребении это железная пластинка-диадема, металлические бляхи-нашивки и подвески, пояс, гребень, в другом – железный наконечник стрелы, пряслице, нож, пояс, бусина; в третьем – бронзовая гривна с подвеской, пояс.

Для неметаллической посуды отмечена слабая связь с оружием, поясами, предметами амуниции верхового коня, орудиями труда в погребениях II–V вв. н.э.

2.1.6. «Социальные стандарты» погребальной практики

На основе признаков, встречающихся в не менее 50% объектов, были выделены «социальные стандарты» погребальной практики для детской и взрослой части общества кочевников Алтая на разных этапах существования булан-кобинской культуры.

Усть-Эдиганский этап (III в. до н.э. – I в. н.э.)

Мужчины: одиночные захоронения глубиной 1–1,5 м в Центральном и Северном Алтае¹⁴, присутствие в инвентаре оружия дальнего боя (луки и (или) стрелы с железными наконечниками), основного пояса (обычно наборного с небольшим количеством гарнитур), маленьких металлических (золотых, реже бронзовых) блях-нашивок на головные уборы.

Женщины: одиночные погребения в могилах глубиной 0,5–1 м в Северном Алтае, 0,8–1,3 м – в Центральном Алтае, наличие в инвентаре маленьких металлических (золотых, реже бронзовых) блях-нашивок и подвесок на головные уборы и (или) верхнюю одежду, бус и (или) серег, керамической посуды.

Дети и подростки: одиночные захоронения глубиной 0,5–1 м в Северном и Центральном Алтае, отсутствие верхового коня, мясной пищи и сопроводительного инвентаря у детей в возрасте до 3 лет, минимальное количество вещей (в основном керамическая посуда, маленькие металлические (золотые, реже бронзовые) бляхи-нашивки, подвески, бусы, реже другие невыразительные изделия), не образующие устойчивых по сочетанию наборов у лиц 4–13 лет¹⁵.

¹⁴ Малочисленность погребений II в. до н.э. – I в. н.э., исследованных в Восточном Алтае, не позволяет определить стандартные параметры глубины могильной ямы.

¹⁵ Погребальная практика в отношении детей и подростков существенно варьировала в зависимости от возрастных, половых (с определенного момента) и индивидуальных физиологических особенностей.

Бело-Бомский этап (II – 1-я половина IV в. н.э.)

Мужчины: одиночные погребения глубиной до 0,5 м в Северном Алтае, 0,5–1 м – в Центральном Алтае, 1,5–2 м – в Восточном, Южном и Юго-Восточном Алтае, присутствие в инвентаре оружия дальнего боя, основного пояса (простого или наборного с небольшим количеством гарнитур), орудий труда в виде ножа и (или) стрел с костяными наконечниками.

Женщины: одиночные захоронения глубиной до 0,5 м в Северном Алтае, 0,5–1 м – в Центральном Алтае, 1,5–2 м – в Восточном, Южном и Юго-Восточном Алтае, присутствие в инвентаре основного пояса (преимущественно простого), маленьких металлических украшений (обычно блях-нашивок из бронзы на головной убор и верхнюю одежду).

Дети и подростки: одиночные погребения глубиной до 0,5 в Северном Алтае, 0,5–1 м – в Центральном Алтае, 1–1,5 м – в Восточном, Юго-Восточном и Южном Алтае, отсутствие захоронения лошади, мясной пищи и сопроводительного инвентаря у детей до 3 лет, одиночные предметы (нож, бусы, костяные подвески, реже другие изделия) у индивидов 4–13 лет.

Верх-Уймонский этап (2-я половина IV – V в. н.э.)¹⁶

Мужчины: одиночные захоронения на глубине 1–1,5 м в Северном и Центральном Алтае, 1,5–2 м – в Восточном Алтае, наличие в инвентаре оружия дальнего боя, основного пояса (простого или наборного с небольшим количеством гарнитур), костяных наконечников стрел и (или) железного ножа.

Женщины: одиночные погребения глубиной 0,8–1,3 м в Северном и Центральном Алтае, 1,5–2 м – в Восточном Алтае, наличие в инвентаре основного пояса (преимущественно простого), маленьких металлических (бронзовых) блях-нашивок и подвесок на головной убор и верхнюю одежду.

Дети и подростки: одиночные погребения глубиной 0,8–1,3 м в Центральном и Восточном Алтае, 1–1,5 м – в Северном Алтае, отсутствие верхового коня, мясной пищи и сопроводительного инвентаря у детей до 3 лет, присутствие орудий труда (как правило, нож) или одиночных предметов украшений и костюма у индивидов 4–13 лет.

Таким образом, проведенный анализ археологических материалов из погребальных памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени позволил, во-первых, определить признаки погребального обряда и сопроводительного инвентаря детей, женщин, мужчин, демонстрирующие общую для них норму ритуала; во-вторых, выделить показатели, которые являются отличительными маркерами половых групп¹⁷; в-третьих, обозначить вещественные маркеры, отражающие социальное, имущественное и профессиональное положение умерших людей в изучаемом обществе.

Сделанные выводы и обработанные данные станут основой для реализации следующих ступеней программы палеосоциального исследования – реконструкции палеодемографической ситуации и гендерной структуры, а также моделирования социально-имущественной стратификации скотоводов Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

¹⁶ Мы допускаем, что верхняя хронологическая граница заключительного этапа булан-кобинской культуры «уходит» в начало VI в. н.э.

¹⁷ Результаты статистического анализа вещевых комплексов дают основания с большой долей вероятности установить половую принадлежность взрослых людей из могильника Кок-Паш по составу сопроводительного инвентаря. К числу мужских нами отнесено 21 захоронение с предметами вооружения и снаряжения из курганов №4, 7, 10, 12, 14, 15, 27–29, 31, 34, 36–42, 46, 54, 55. В качестве женских определены четыре могилы с украшениями из курганов №9, 13, 30, 33, 35. С учетом этих сведений общая серия захоронений взрослых людей из памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени включает 321 индивида мужского и 145 женского пола.

2.2. Палеодемографическая ситуация, возрастная и гендерная структура общества

2.2.1. Основания для проведения палеодемографического исследования

Реконструкция демографической ситуации, а также изучение возрастной и гендерной структур являются важными составляющими социальных исследований, построенных на использовании археологических материалов (Кислый А.Е., 1995). Демографический анализ базируется на положении о допустимости проецирования тенденций развития палеопопуляции (число индивидуумов, похороненных на одном или группе могильников, оставленных определенной территориальной или культурно-хронологической общностью людей) на состояние реально существовавшего в прошлом человеческого коллектива (Алексеев В.П., 1989, с. 75–78). Палеопопуляция выступает в качестве условно-стационарной статистической модели, отличающейся относительным постоянством уровня рождаемости, среднего возраста смерти, длительности поколений (Алексеев В.П., 1989, с. 76–77; Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003, с. 22). Одной из целей такого исследования является оценка результатов адаптации населения к конкретным историко-экологическим условиям (Богатенков Д.В., 2000, с. 27–28).

Согласно заключению отечественных и зарубежных специалистов, одним из достаточно эффективных способов реконструкции демографической ситуации по антропологическим материалам из древних погребений является вычисление таблиц смертности, отражающих корреляцию различных показателей, которые демонстрируют структуру и особенности функционирования популяций (Молодин В.И., Чикишева Т.А., Рыбина Е.В., 1997, рис. 1, табл. 1; Богатенков Д.В., 2000, с. 29; Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003, с. 21–24, табл. 4). Обязательным условием для эффективной демографической характеристики социумов по материалам погребальных памятников является как можно более представительная выборка качественных антропологических заключений по костным останкам умерших людей, в идеале из полностью раскопанных некрополей определенного исторического периода.

При изучении демографических процессов, происходивших на Алтае в хунно-сяньбийско-жужанское время, нами использованы половозрастные определения 444 погребенных людей из 27 комплексов: Айрыдаш-I (85), Аккол-1 (1), Балыктыюль (4), Белый-Бом-II (25), Бийке (1), Бике-I (14), Боочи (4), Бош-Туу-I (51), Булан-Кобы-IV (61), Верх-Еланда-II (1), Верх-Уймон (8), Дялян (6), Кальджин-6 (5), Кара-Коба-II (1), Карбан-I (13), Кок-Паш (33), Курайка (18), Пазырык (1), Сальдяр-II (5), Степушка (50), Тьткескен-VI (5), Улита (16), Усть-Бийке-III (1), Усть-Эдиган (13), Чендек (3), Ябоган-III (2), Яломан-II (17)¹⁸. В располагаемой выборке оказалось 136 (30,6%) детей и подростков, 106 (23,8%) женщин, 202 (45,4%) мужчины. Этот объем данных составляет не менее 67% всего имеющегося корпуса антропологических источников: 166 детей, 181 женщина, 314 мужчин (табл. 8).

¹⁸ Антропологическое изучение костных останков людей из памятников Балыктыюль, Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II, Бош-Туу-I, Дялян, Кок-Паш, Бийке, Верх-Еланда-II, Тьткескен-VI, Улита, Сальдяр-II, Боочи, Усть-Эдиган, Кара-Коба-II, Карбан-I, Айрыдаш-I осуществлялось А.Р. Кимом. Повторная обработка некоторых этих данных и исследование материалов из других комплексов проведено С.С. Тур (Усть-Бийке-III, Верх-Уймон, Курайка, Степушка), Д.В. Поздняковым (Яломан-II, Кальджин-6, Аккол-1), Т.А. Чикишевой (Кальджин-6, Аккол-1).

Таблица 8

**Уровень смертности и процент доживаемости населения Алтая
хуннуско-сяньбийско-жужанского времени**

Возрастной период	Дети (136/106)			Женщины (106)			Мужчины (202)			Взрослые (308)			Вся палео-популяция (444)		
	Число умерших в интервале	Процент смерти в интервале	Процент доживаемости до интервала	Число умерших в интервале	Процент смерти в интервале	Процент доживаемости до интервала	Число умерших в интервале	Процент смерти в интервале	Процент доживаемости до интервала	Число умерших в интервале	Процент смерти в интервале	Процент доживаемости до интервала	Число умерших в интервале	Процент смерти в интервале	Процент доживаемости до интервала
0–6 лет	90	66	99,9										90	20,2	99,9
0–3 лет	39	36,8											39	8,7	
4–6 лет	33	31,1											33	7,4	
7–12 лет	46	33,8	33,9										46	10,3	79,7
7–10 лет	21	19,8											21	4,7	
11–13 лет	13	12,2											13	2,9	
13–19 лет				15	14,1	99,9	14	6,9	99,9	29	9,4	99,9	29	6,5	69,4
20–25 лет				19	17,9	85,8	8	3,9	93,9	27	8,7	90,5	27	6,1	62,9
25–30 лет				24	22,6	67,9	40	19,8	89,1	64	20,7	81,8	64	14,4	56,8
30–35 лет				10	9,4	45,3	34	16,8	69,3	44	14,2	61,1	44	9,9	42,4
35–40 лет				8	7,5	35,9	37	18,3	52,5	45	14,6	46,9	45	10,1	32,5
40–45 лет				14	13,2	28,4	26	12,8	34,2	40	12,9	32,3	40	9,0	22,4
45–50 лет				9	8,4	15,2	24	11,8	21,4	33	10,7	19,4	33	7,4	13,4
50–55 лет				4	3,7	6,8	12	5,9	9,6	16	5,1	8,7	16	3,6	6,0
55–60 лет				3	2,8	3,1	7	3,4	3,7	10	3,2	3,6	10	2,2	2,4

Принимая во внимание неравноценное распределение материалов по разным этапам булан-кобинской культуры и фрагментарность сведений по многим памятникам, мы ориентировались, прежде всего, на анализ обобщенной серии. В отдельных случаях выполнялось сравнение получаемых результатов с выкладками по отдельным наиболее хорошо документированным погребальным комплексам.

2.2.2. Базовые параметры возрастной и гендерной структуры популяции

Структура палеопопуляции Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. характеризуется ярко выраженным количественным доминированием мужчин над женщинами и детьми почти в 2 раза. На большинстве некрополей мужские захоронения численно превосходят женские в 2,5–2,8 раза (табл. 9–14). Однако на отдельных погребальных комплексах соотношение детских, женских и мужских захоронений имеет свою специфику. Так, в полностью раскопанном памятнике Степушка мужчины численно превосходят детей в 3 раза, а женщин – в 4,7 раза (табл. 15). На некрополе Айрыдаш-I мужских захоронений в 1,4 раза больше, чем детских и в 1,65 раза больше, чем женских (табл. 16). Нетипичная ситуация зафиксирована на комплексе Усть-Эдиган, в котором, по предварительным данным, из 66 умерших людей с идентифицированным по инвентарю полом 38 (57,5%) были женщинами, 17 (25,5%) – мужчинами, 11 (16,6%) – детьми (Худяков Ю.С., 1994а, с. 135) (табл. 17). Отклонением от нормы является могильник Бике-I,

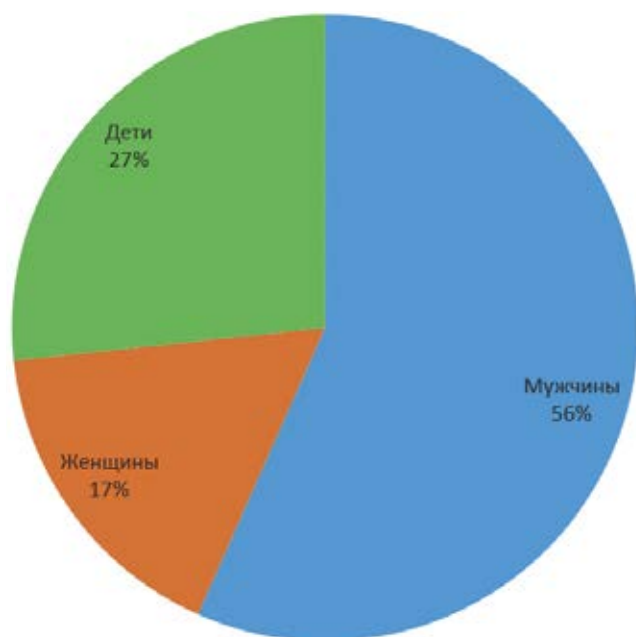

Таблица 9. Процентное соотношение детских, женских и мужских захоронений на памятнике Белый-Бом-II

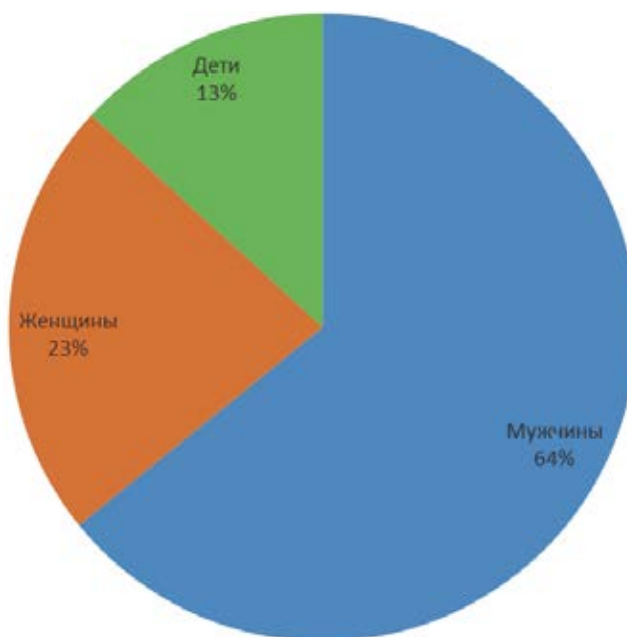

Таблица 10. Процентное соотношение детских, женских и мужских захоронений на памятнике Бош-Туу-I

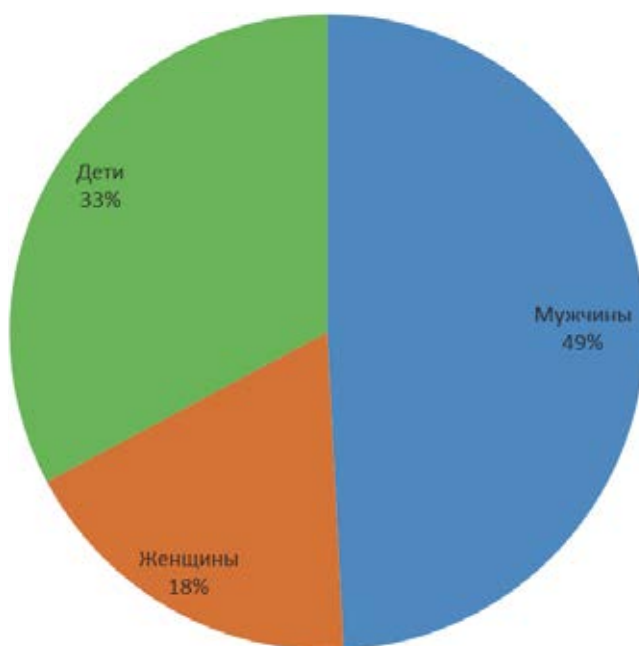

Таблица 11. Процентное соотношение детских, женских и мужских захоронений на памятнике Булан-Кобы-IV

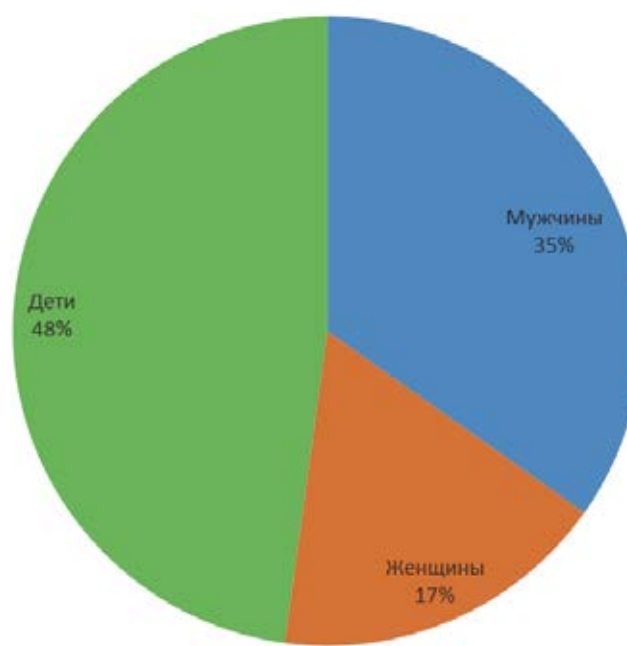

Таблица 12. Процентное соотношение детских, женских и мужских захоронений на памятнике Курайка

где были раскопаны погребения младенцев, детей-подростков, женщин юношеского возраста (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 89).

Численность детской группы по отношению к взрослым индивидам составляет 25%¹⁹. Если учесть достаточно представительный процент детских захоронений

¹⁹ Наибольшее количество детских захоронений на фоне могил взрослых людей зафиксировано на комплексах Булан-Кобы-IV (32,7%), Кок-Паш (36,3%), Курайка (47,8%), Бике-I (75%). На многих могильниках раскопано достаточно мало погребений детей, умерших до 1,5 лет, так как их, по-видимому, хоронили отдельно.

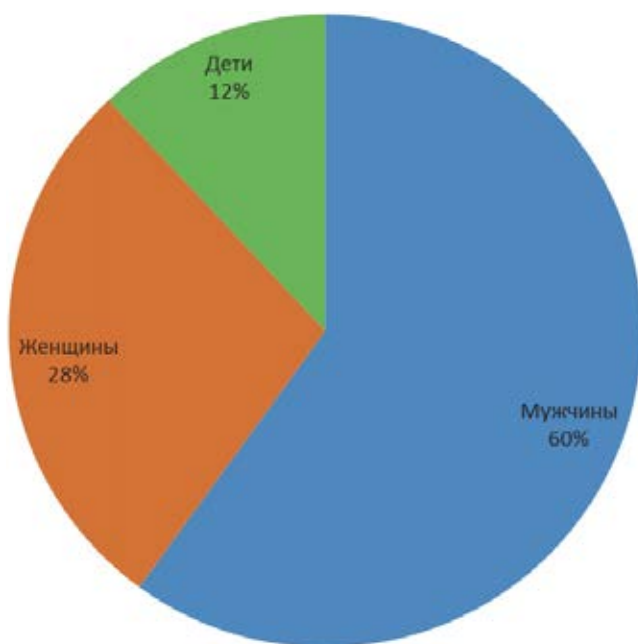

Таблица 13. Процентное соотношение детских, женских и мужских захоронений на памятнике Улита

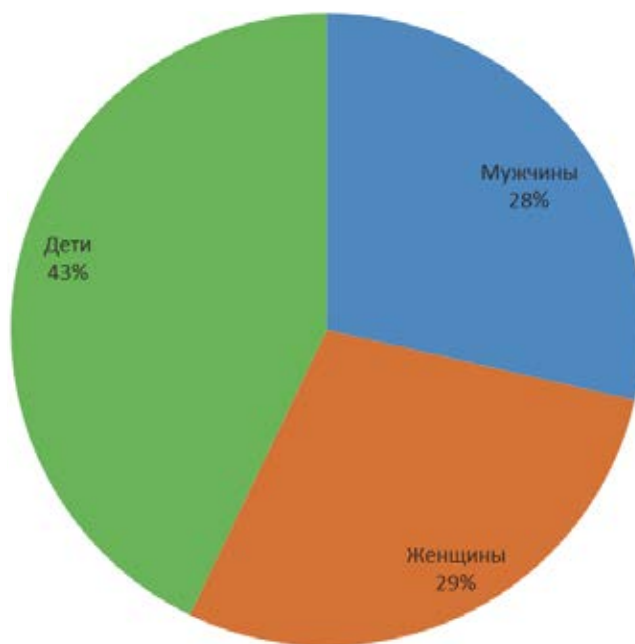

Таблица 14. Процентное соотношение детских, женских и мужских захоронений на памятнике Яломан-II (комплекс хуннского времени)

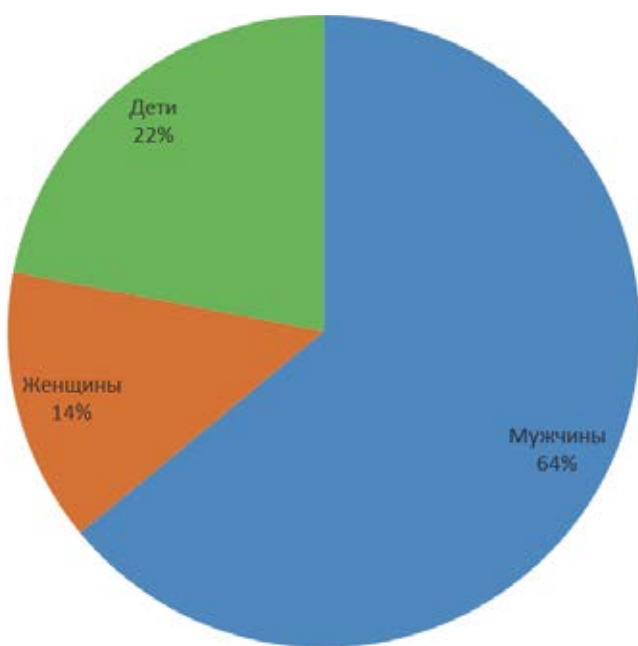

Таблица 15. Процентное соотношение детских, женских и мужских захоронений на памятнике Степушка

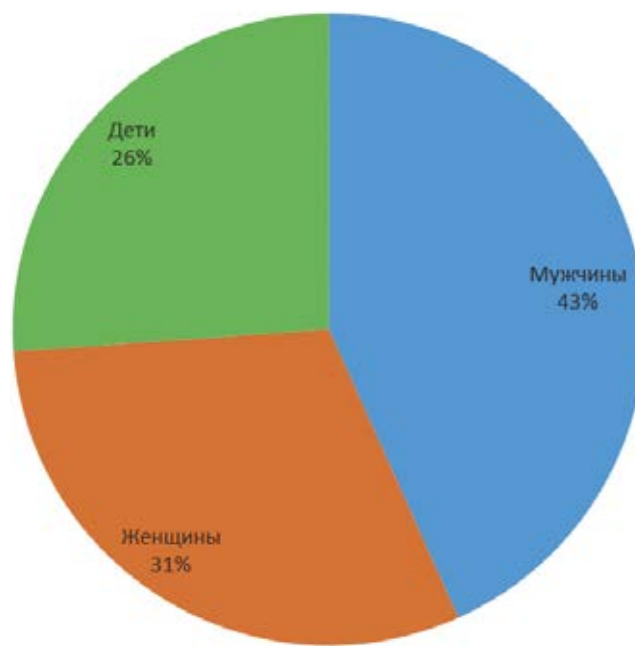

Таблица 16. Процентное соотношение детских, женских и мужских захоронений на памятнике Айрыдаш-I

в возрасте до трех лет, данную цифру можно с большой долей вероятности экстраполировать на реальную «булан-кобинскую» популяцию (для отдельных памятников можно сделать вывод о том, что младенцы не хоронились на общем кладбище). Близкие по уровню показатели зафиксированы по археологическим данным для других обществ Северной и Центральной Азии периода поздней древности, например, у «пазырыкцев» Алтая – 23,3% (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 195), «саргатцев» Обь-Иртышского междуречья – 19–22% (Матвеева Н.П., 2000, с. 240), скотоводов Хорезма – 19% (Яблонский Л.Т., 1999, с. 37), хунну Забайка-

лья – 17,7–23,7% (Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004, с. 36, 43, 50, 56, 62, 65, 68, 72, 73), «кокэльцев» Тувы – 21,8–22,3% (Алексеев В.П., Гохман И.И., 1970, с. 24–248, 251; Kenk R., 1984, s. 93).

Средняя продолжительность жизни детей у населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени составляла 5,2 года, а взрослых людей обоего пола – 34,7 лет. При этом средний возраст смерти женщин (32 года) был на четыре года ниже, чем у мужчин (36 лет). Такая диспропорция представляет собой типичное явление для многих древних популяций и обусловлена, главным образом, высокой смертностью женщин в репродуктивный период, а также формированием более благоприятных условий для мужской части общества (Козинцев А.Г., 1971, с. 152; Алексеев В.П., 1989, с. 84; Медникова М.Б., 2000, с. 70). С учетом

детей средняя продолжительность жизни населения булан-кобинской культуры достигала 25 лет. Необходимо отметить, что значение названного индекса для взрослых людей совпадает с данными о других социумах периода поздней древности (35,8 года) и средневековья (36,7 года) широкого территориально-хронологического среза (Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003, рис. 14, табл. 10–12). По рассматриваемым параметрам «булан-кобинцы» немного превосходили племена Алтая предшествующего пазырыкского времени: мужчины – 34,6 года, женщины – 30,4 года, взрослые обоего пола – 32,7 лет (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 196). Представленные выкладки согласуются с общим выводом о прогрессирующем росте продолжительности жизни скотоводов Азии на протяжении I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (Алексеев В.П., 1972, с. 19). Одним из факторов роста средней продолжительности жизни людей в хуннуско-сяньбийско-жужанское время, несмотря на сложную этнокультурную и военно-политическую обстановку в Центральной Азии, мог быть усилившийся процесс метизации разных по происхождению групп населения, который способствовал формированию более сильного генотипа. Сравнивая средний возраст смерти горно-алтайских скотоводов II в. до н.э. – V в. н.э. с известными нам сведениями о других обществах Центральной Азии данного периода, следует указать, что по данному критерию носители булан-кобинской культуры незначительно уступали кочевникам Тувы, оставившим комплекс Аймырлыг – 37,6 года (вычислено по: Радзюн А.Б., 1984, с. 17) и некрополь Кокэль – 38,4 года (Алексеев В.П., Гохман И.И., 1970, с. 251).

Важно отметить, что у отдельных групп населения Алтая сяньбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.) зафиксированы отклонения от «нормальных» значений, которые демонстрируют разные условия жизни. Например, у популяции, оставившей некрополь Айрыдаш-I, средний возраст смерти мужчин достигал 33,7 лет, женщин – 27,9 лет, взрослых людей обоего пола – 30,9 лет. В отношении умерших из могильника Степушка прослежено, что средняя продолжительность жизни женщин (40 лет) была больше, чем у мужчин (32 года), а у всех взрослых она составляла 33 года (Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, с. 184). В могильнике Бош-Туу-I данный показатель у мужчин составлял 36 лет, у женщин – 38 лет, у всего взрослого населения – 36,7 лет. В антропологической выборке из памятника

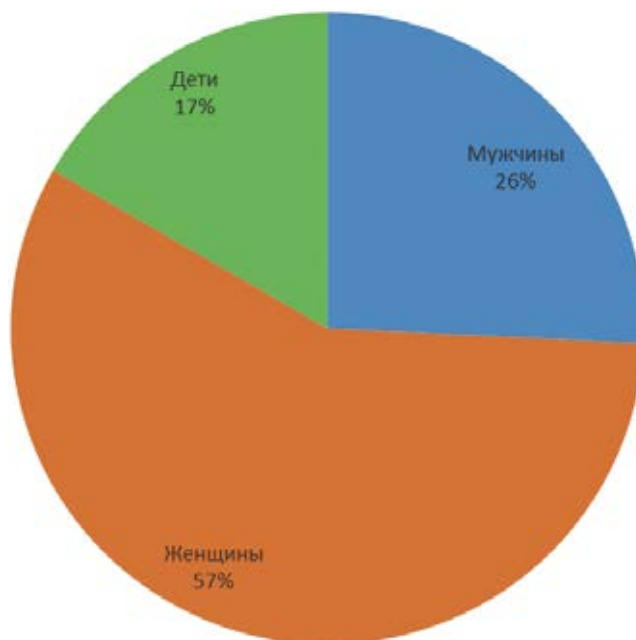

Таблица 17. Процентное соотношение детских, женских и мужских захоронений на памятнике Усть-Эдиган

Кок-Паш отмечено преобладание среднего возраста смерти мужчин (44 года) над женщинами (29,9 лет) почти на 14 лет²⁰.

В возрастном отношении мужчины характеризуются следующим образом: 50% индивидуумов относятся к подгруппе зрелых (35–54 лет), 40% – возмужалых (20–34 лет), 6,9% – юных (13–19 лет), 3,4% – старых (от 55 лет и старше). Для женщин распределение по обозначенным интервалам выглядит по-иному: 50% принадлежат к возмужалому, 33% – зрелому, 14,1% – юному, 2,8% – старческому периодам (табл. 8). Максимальное количество детских захоронений (66%) представляют младшую возрастную подгруппу (до 6 лет), а уровень смертности в интервалах 0–3 и 4–6 лет составлял 36,8 и 31,1% соответственно. Процент умерших детей в возрасте 7–12 лет находился на отметке 33,8%: 7–10 лет – 19,8%, 11–12 лет – 12,2% (табл. 8).

Построенные на основе разных когорт диаграммы и графики (табл. 18–20) по обобщенной антропологической серии показывают, что первый пик повышенной смертности населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени наблюдается у детей 0–6 лет (20,2% всего коллектива; 66% детей). Похожая картина отмечена для многих других древних и средневековых обществ и является одной из основных причин низкой средней продолжительности жизни населения. Вероятность смерти на протяжении всего детства оставалась стабильно высокой, благодаря чему только 79,7% человек доживали до 13 лет.

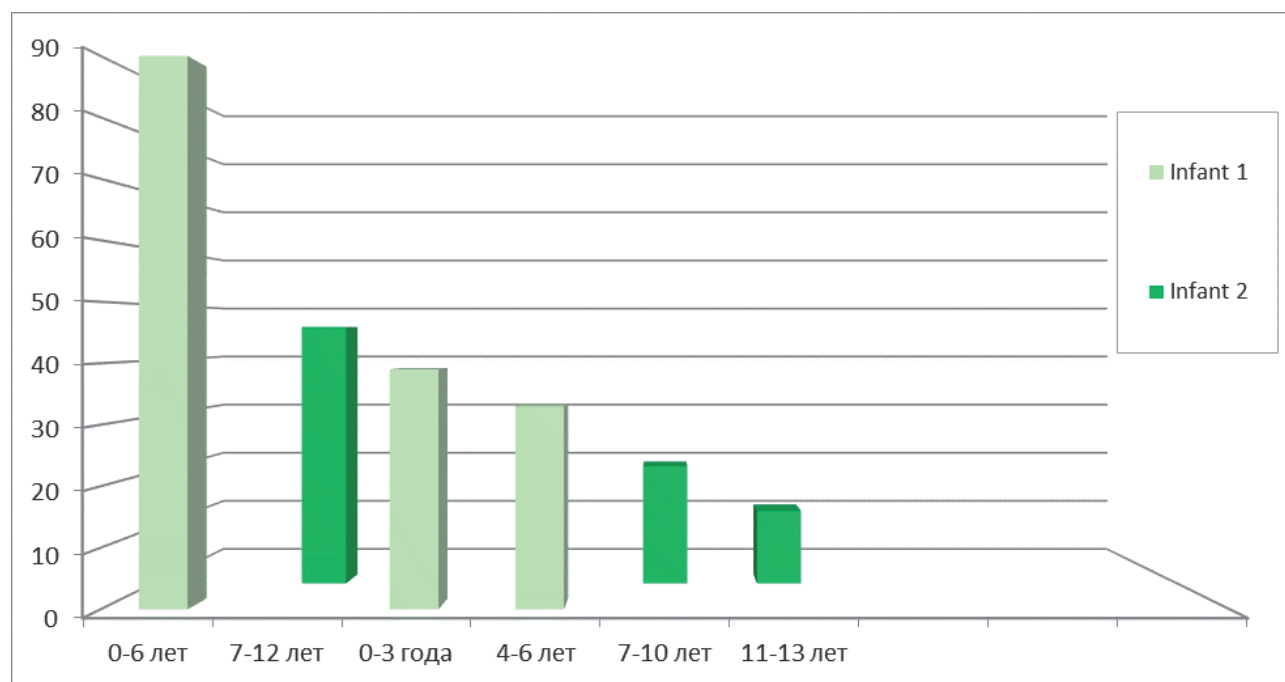

Таблица 18. Диаграмма смертности детей из погребальных памятников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Второй пик смертности выявлен у женщин в 20–30 лет (40%). Он обусловлен, главным образом, интенсивным деторождением в условиях низкого уровня акушерства и гигиены. При этом у женщин фиксируется достаточно большой удельный вес (14%) случаев гибели уже в возрасте 13–19 лет (для сравнения: в выборке мужских захоронений на интервалы 13–19 и 20–25 лет приходится 6,9 и 3,9% индивидов соответственно). Значительная масса случаев смерти молодых женщин, вероятнее всего, была связана с неудачным течением беременности и, возможно, первыми родами.

²⁰ Авторы осознают определенную условность данных сравнений в виду неполной изученности многих памятников и наличия половозрастных определений останков не всех индивидов.

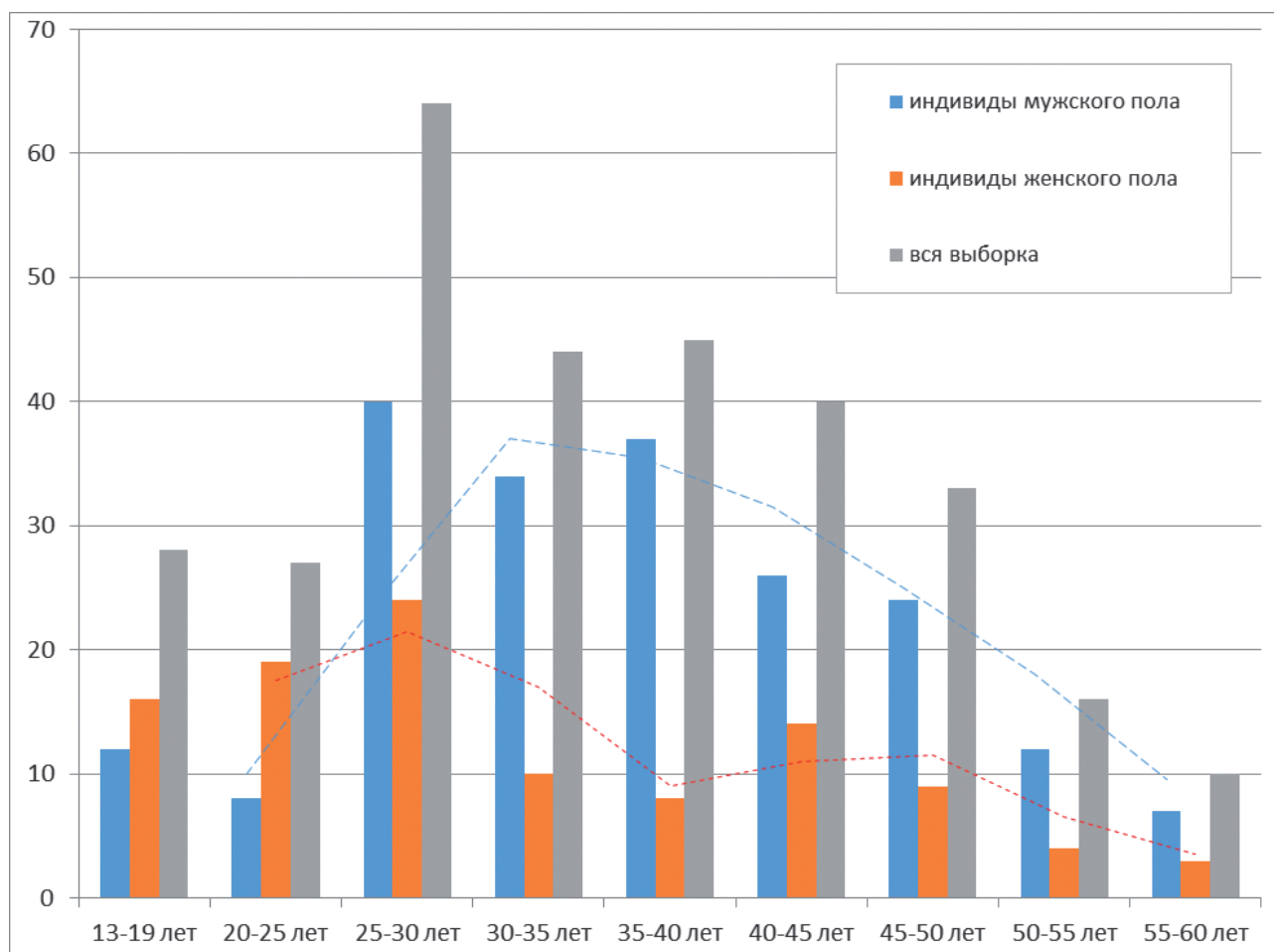

Таблица 19. Диаграмма смертности взрослого населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

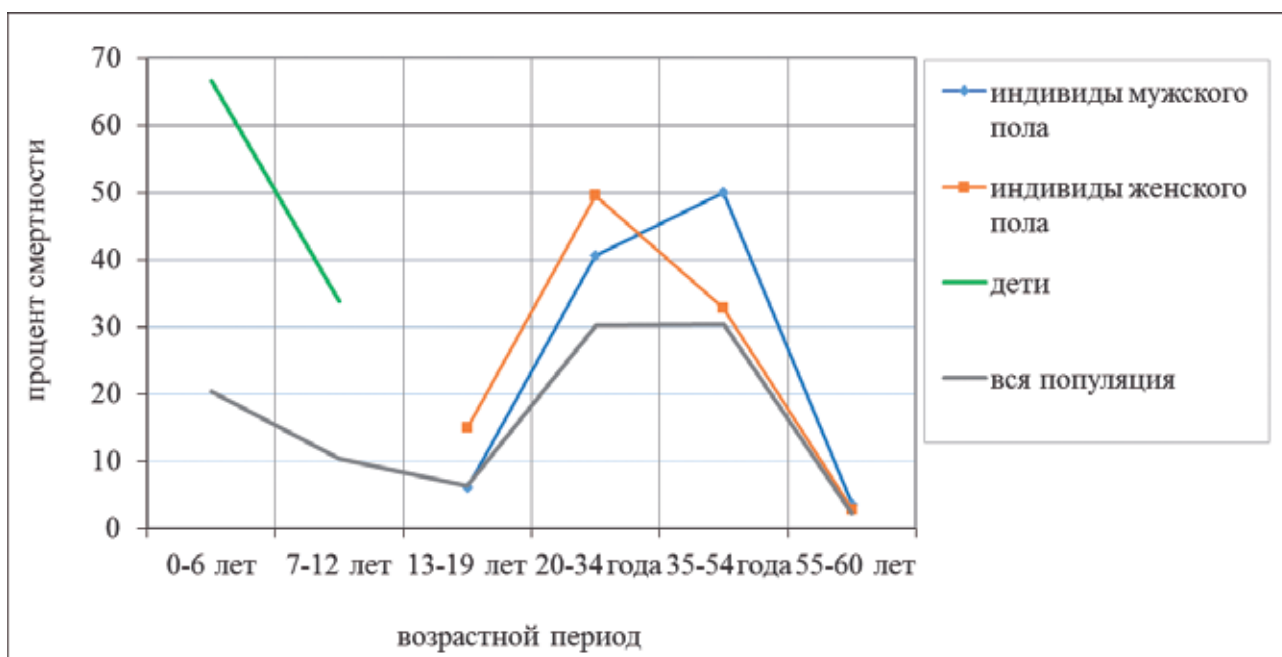

Таблица 20. Кривые смертности людей из погребальных памятников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Этот фактор стал причиной того, что к 25–30 годам у «булан-кобинцев» в живых оставалось 67,9% женщин (отсюда средний возраст смерти около 32 лет). Похожая ситуация характерна для многих древних социумов (Бобров В.В., Фрибус А.В., 2005, с. 199–200; Молодин В.И., Чикишева Т.А., Рыбина Е.В., 1997, с. 46, 48, 49; Грушин С.П., 2003, с. 50).

Следующий пик повышенной смертности фиксируется у мужчин в интервале с 25 до 42,5 (45) лет и отражает время их максимальной активности в различных сферах общественного производства. Стабильно высокая и относительно «ровная» кривая в течение обозначенного отрезка (25–30 лет – 19,8%; 30–35 лет – 16,8%; 35–40 лет – 18,3%; 40–45 лет – 12,8%) жизни является результатом участия мужчин в военных действиях, других формах межгрупповых столкновений, демонстрирует большое влияние случаев насильственной смерти. При этом до 40–45 лет доживала только третья часть мужского населения. Показательно, что у женщин уровень смертности по сравнению с возрастными когортами 20–25 лет (17,9%) и 25–30 лет (22,6%) к концу возмужалого – началу зрелого периода падает почти в два раза, достигая значений 9,4% в 30–35 лет и 7,5% в 35–40 лет. Данные изменения можно объяснить уходом на второй план фактора гибели при родах и завершением к 30 годам репродуктивного цикла. До интервала 40–45 лет доживали 28,4% женщин.

Заключительный пик смертности наблюдается у женщин после 40 лет, достигая максимального значения к 45 годам (процент доживших до 40–45 лет – 28,4%, до 45–50 лет – 15,2%). Данный возраст маркирует рубеж старости как времени максимальной изношенности организма. В последующих возрастных периодах численность живых женщин сокращается в два раза: до 50–55 лет доживало 6,8%, до 55–60 лет – 3,1% представительниц «слабого» пола.

Среди зрелых мужчин удельный вес индивидов, умерших в интервале 45–50 лет (11,8%) был примерно таким же, как в 40–45 лет (12,8%). Для мужчин 45–50 лет фактор насильственной смерти уходит на второй план. К 50 годам количество живых мужчин сокращается вдвое, а к 55 годам – втрое. В результате к 50–55 годам оставалось только 9,6% индивидов. При этом процент доживших до 55–60 лет был приблизительно таким же, как среди женщин. Таким образом, представленные выкладки отчетливо демонстрируют несовпадение периодов максимальной смертности у взрослых людей разного пола.

Необходимо подчеркнуть, что у отдельных групп «булан-кобинцев» Алтая показатели уровня смертности и доживаемости взрослого населения могли отличаться (табл. 21–28).

Например, в популяции из могильника Степушка (табл. 23–24) наблюдается высокий процент (18,7%) мужчин, умерших в возрасте 13–19 лет (это в три раза больше нормы), демонстрирующий участие юношей в межперсональных и межгрупповых конфликтах, в том числе с применением летального оружия (Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И., 2018; Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, с. 185). Наибольшее число умерших молодых мужчин имеет возраст 30–35 лет (28%). Зрелые мужчины составляют всего 37,5%, и среди них преобладают лица 35–40 лет. У женщин пик смертности приходится на 40–45 лет (57,1%), при единичных случаях смерти в 13–19 лет, 35–40 лет и в возрасте около 50 лет. Пока трудно сказать, какими причинами вызвано отсутствие на некрополе Степушка погребений молодых женщин 20–35 лет. По одной из версий это могло быть связано с взятием их в полон, в то время как мужчины участвовали в дальних набегах (Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И., 2018, с. 138).

На могильнике Бош-Туу-1 (табл. 25–26) количество молодых и зрелых мужчин практически одинаковое, при этом нет людей, умерших в возрасте 14–16 лет. Среди молодых мужчин повышенный процент смертности приходится на 25–30 лет (34%). Для женщин наблюдается также примерно равное распределение по возмужалой и зрелой возрастным группам с выраженным количественным преобладанием случа-

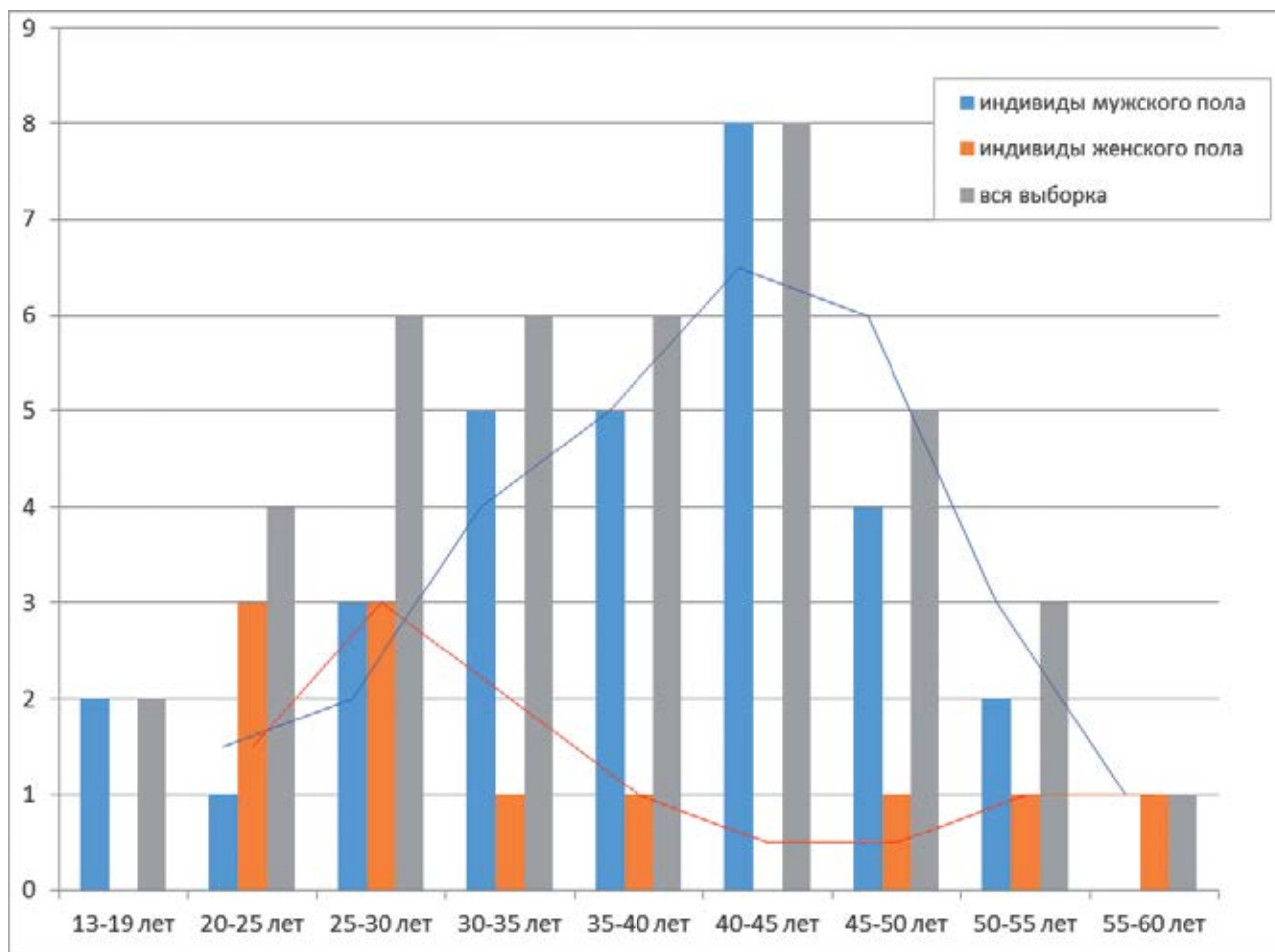

Таблица 21. Диаграмма смертности взрослых людей из памятника Булан-Кобы-IV

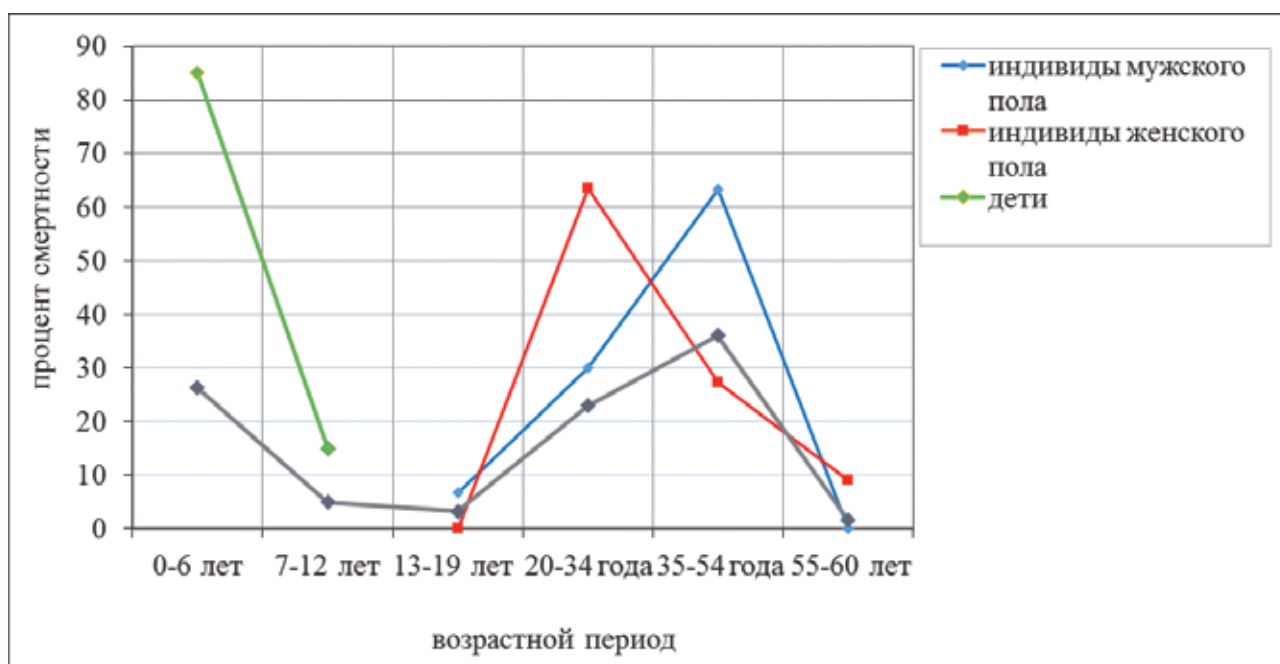

Таблица 22. Кривые смертности людей из памятника Булан-Кобы-IV

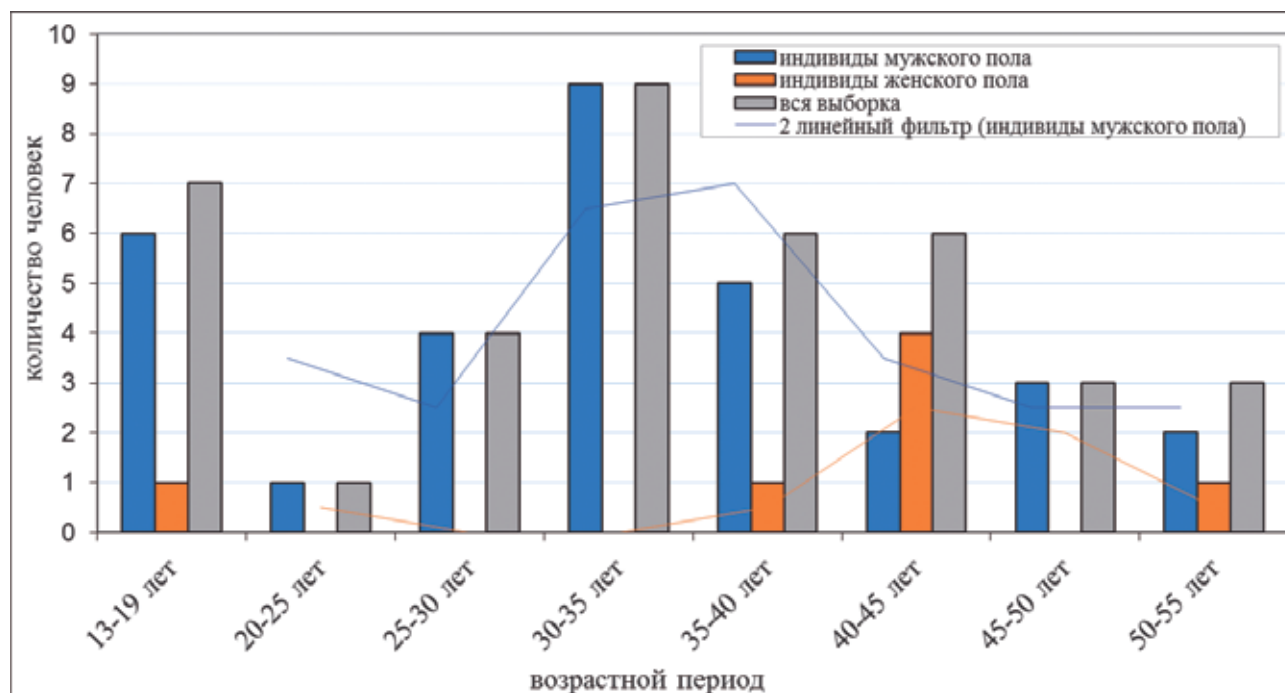

Таблица 23. Диаграмма смертности взрослых людей из памятника Степушка

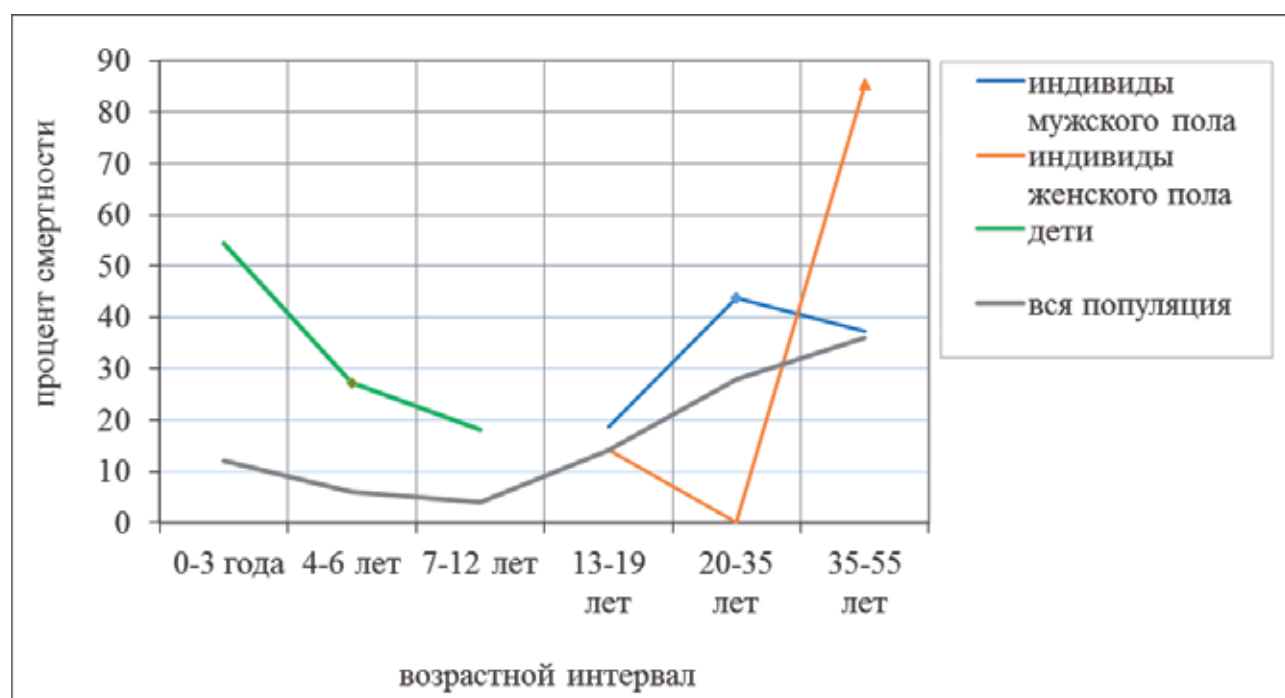

Таблица 24. Кривые смертности людей из памятника Степушка

ев смерти в 20–25 лет (25%) и 40–45 лет (25%). В выборке имеются захоронения старых людей обоего пола, которые прожили более 55 лет.

Для погребального комплекса Айрыдаш-I (табл. 27–28) характерно одинаковое соотношение возмужалых и зрелых мужчин, а также сравнительно большой (10,3%) процент захоронений юношей. Среди женщин на могильнике существенно преобладают индивиды 20–35 лет (59%) и девушки 14–19 лет (22%).

Исходя из средней продолжительности жизни женской части населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, начало репродуктивного периода

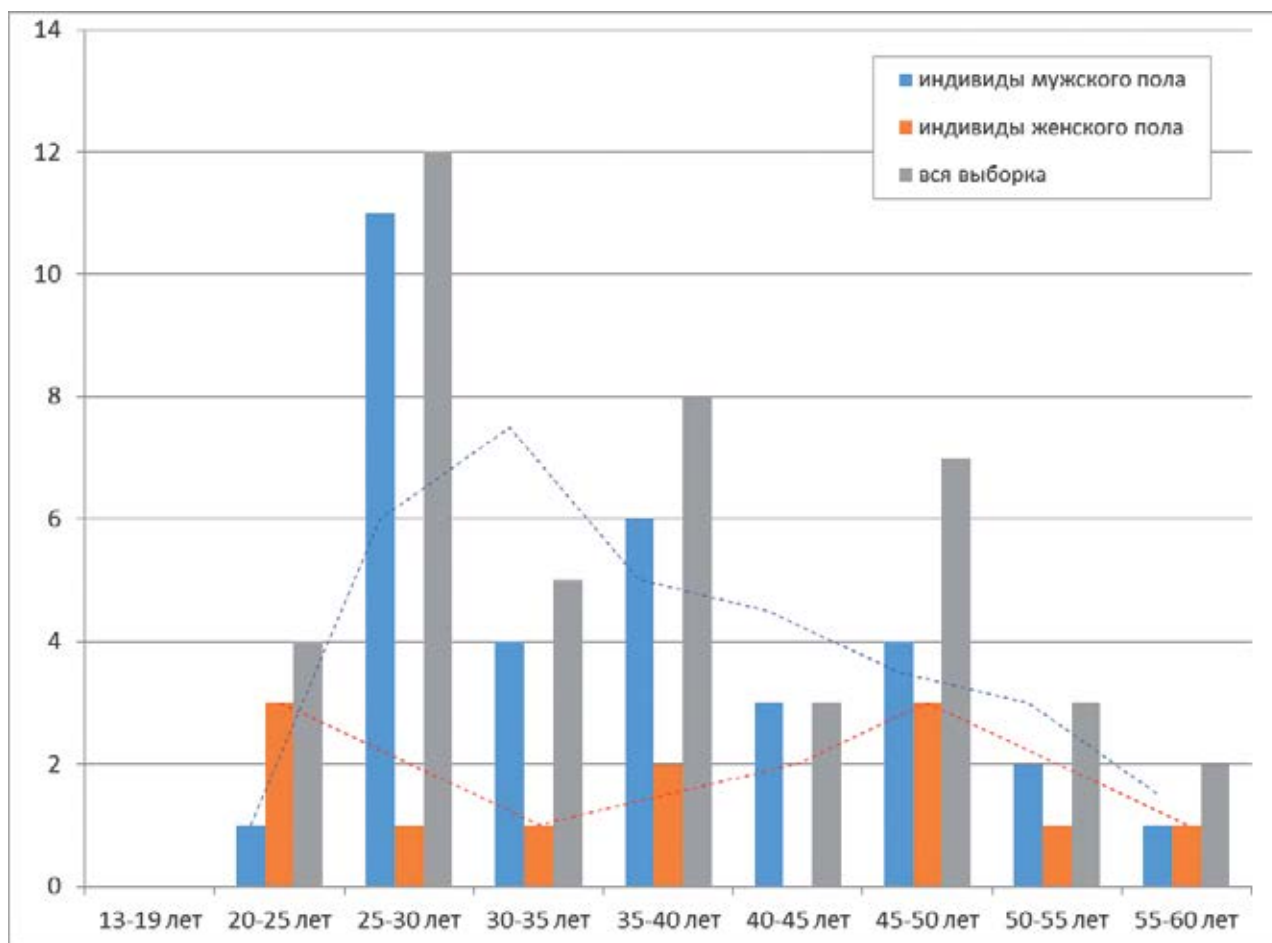

Таблица 25. Диаграмма смертности взрослых людей из памятника Бош-Туу-1

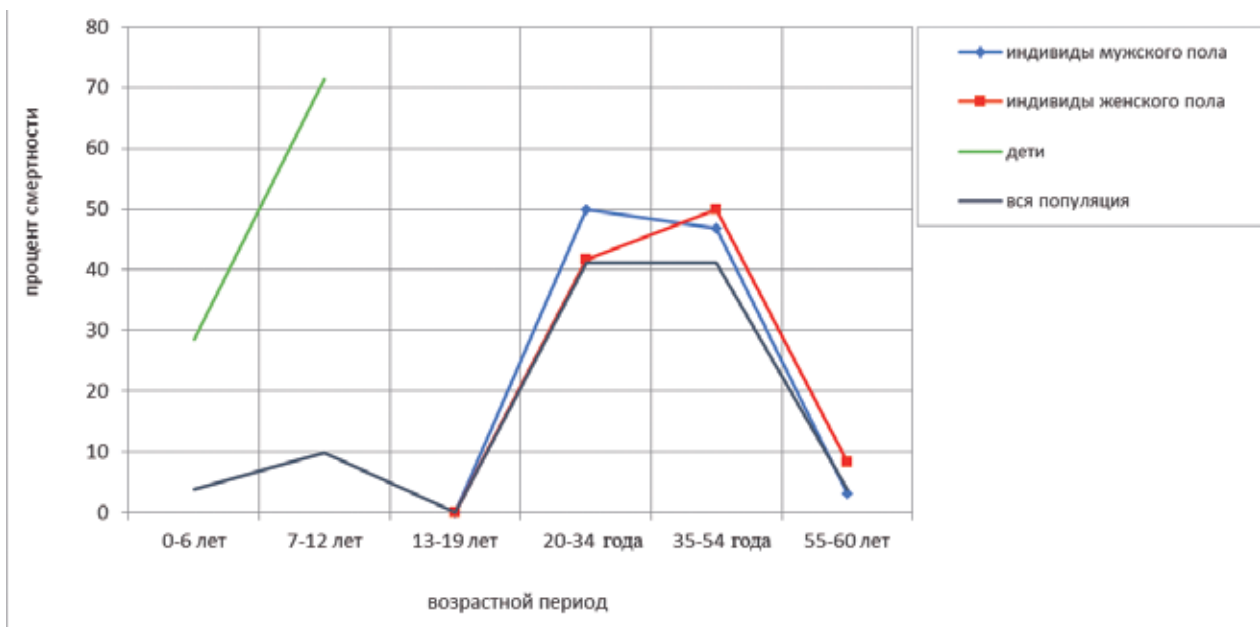

Таблица 26. Кривые смертности людей из памятника Бош-Туу-1

и времени вступления в брак следует установить в рамках 16–20 лет. Этот интервал подтверждается вычислениями, сделанными, например, для «саргатцев» Западной Сибири (Матвеева Н.П., 2000, с. 242–244) и «пазырыкцев» Алтая (Тишкин А.А., Даш-

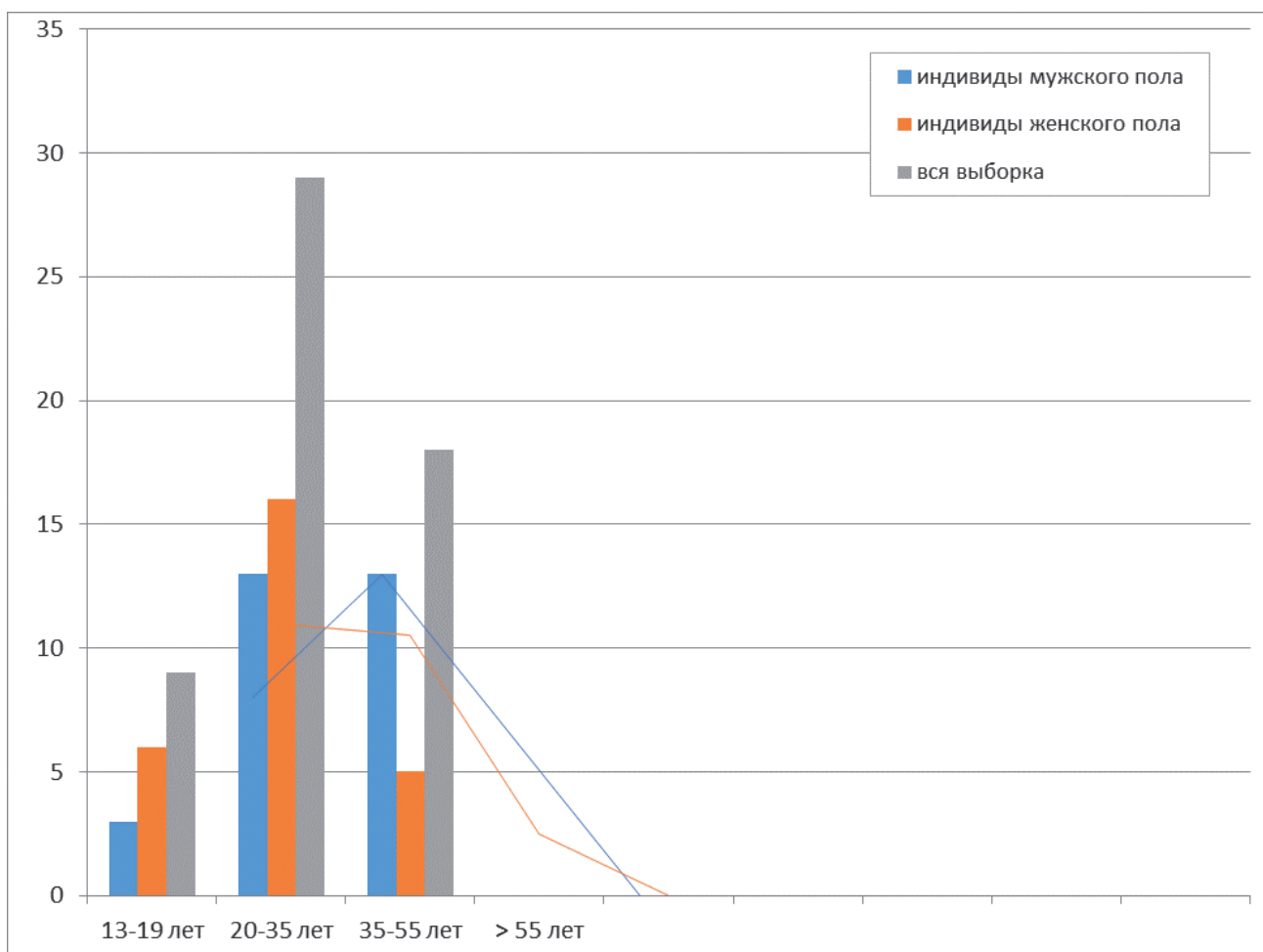

Таблица 27. Диаграмма смертности взрослых людей из памятника Айрыдаш-I

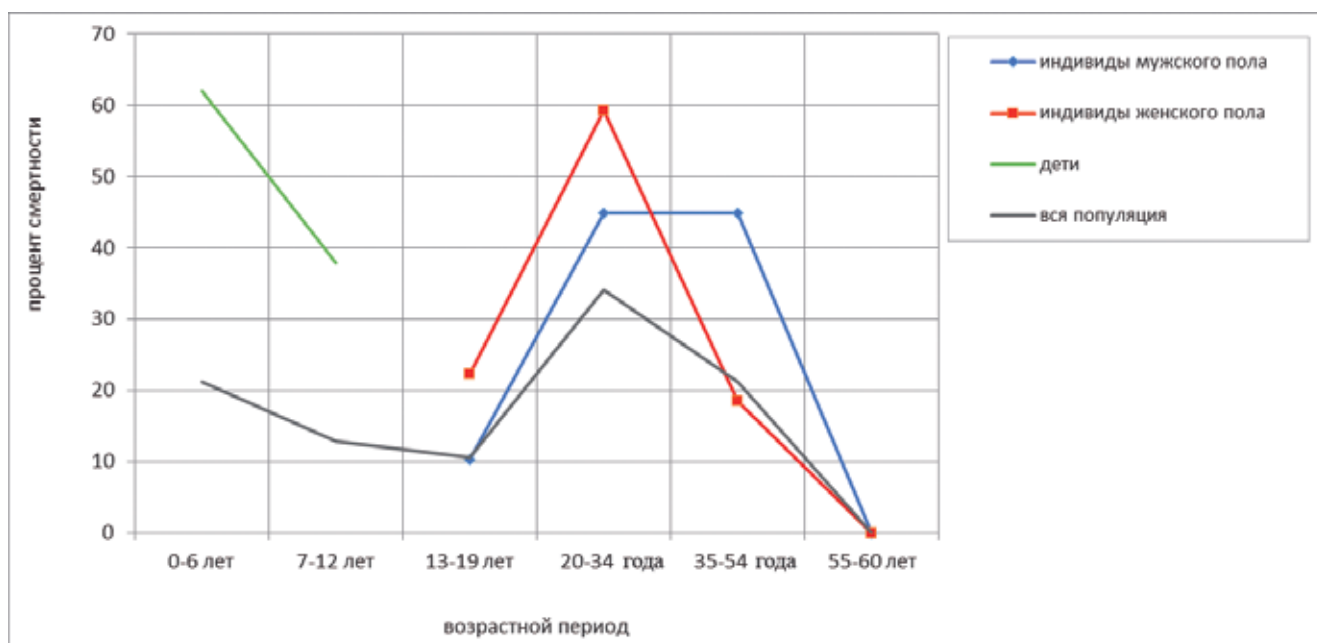

Таблица 28. Кривые смертности людей из памятника Айрыдаш-I

ковский П.К., 2003, с. 197), демонстрируя общую тенденцию воспроизводства человеческих коллективов (Козлов В.И., 1969, с. 111). С опорой на вычисленные индексы, а также сравнительные данные о палеодемографии этнокультурных общностей различных исторических эпох (Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003, табл. 11, 12) можно предположить, что средняя длительность жизни одного поколения у «булан-кобинцев» составляла 16 лет. Принимая во внимание умирание до 25–30 лет трети всех женщин и высокую вероятность смерти детей в период до 6 лет, для поддержания стабильности популяции одной женщине нужно было рожать не менее трех детей. Представленные расчеты косвенно указывают на наличие малой семьи нуклеарного типа, состоявшей вместе с детьми из четырех-пяти человек, характерной для большинства кочевых и полукочевых скотоводов древности, средневековья, этнографической современности (Масанов Н.Э., 1995; Садовой А.Н., 1990).

Важным аспектом палеодемографического анализа является восстановление численности древнего населения (Тихонов С.С., 2005, с. 65–68). В настоящее время в специальной литературе имеются различные методики определения вероятного уровня названного параметра, базирующиеся на моделировании возможных вариантов эксплуатации ресурсов экосистемы посредством оценки экологической емкости ландшафта, величины и особенностей территориально-планиграфической организации могильников и поселенческих комплексов. В кочевниковедении практикуются исследования, ориентирующиеся на изучение соотношения первичной биопродуктивности пастбищ, преимущественно аридной зоны, и допустимой численности диких и домашних животных как критерия предельно возможного количества проживавших там людей (Железчиков Б.Ф., 1984; Халдеев В.В., 1987; Гаврилюк Н.А., 1989, с. 17–24; Тортика А.А., Михеев В.К., Кортиев Р.И., 1994, с. 65–68; Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995, с. 53, 57, 60, 61; Крадин Н.Н., 2001, с. 71–79; 2004; и др.). Для проверки результатов этих реконструкций используются обычно этнографические данные о народах не столь отдаленных периодов. Однако такая процедура применима лишь по отношению к весьма ограниченным участкам местности Алтайской горной страны, главным образом к межгорным котловинам (Садовой А.Н., 1990; Васютин А.С., Садовой А.Н., 1999; Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003). Характеристика биоэнергетического потенциала всего рассматриваемого региона является очень трудоемким делом ввиду большой вариабельности геоклиматических условий разных горно-долинных комплексов даже в пределах одного орографического района и отдельных промысловых ареалов. К этому нужно добавить нерешенность вопроса о структуре хозяйства разных групп булан-кобинского населения. Можно указать пока только на опыт определения приблизительной численности одновременно проживавших людей, оставивших погребения на могильнике Кок-Паш (Васютин С.А., Васютин А.С., 1997, 2005; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003). Использование формул расчета данного показателя в вариантах, предложенных С.С. Сорокиным (1975, с. 20–25) и Б.Ф. Железчиковым (1984, с. 65), позволило сделать на материалах данного памятника достаточно гипотетичные выводы. Существенную погрешность в этих построениях дает отсутствие обстоятельно проработанных принципов сужения растянутой хронологии погребальных комплексов, поскольку большое количество захоронений не всегда может выступать аргументом длительности функционирования древнего кладбища. Новые результаты археологических исследований показывают, что некоторые достаточно крупные некрополи Алтая сяньбийско-жужанского времени формировались на протяжении весьма непродолжительного периода, что определялось фактором насильственной смерти значительной части индивидов (Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, с. 194). Кроме того, на отдельных памятниках могли хоронить своих родственников представители нескольких кланов, что также ускоряло процесс накопления захоронений.

Основой для реконструкции половозрастной структуры населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени стали результаты проведенного половозрастно-

го анализа погребальной практики. Институт половозрастных групп является самой ранней формой социальной стратификации, основу которой составляют различные функции людей в производственной сфере, и выступает главным структурообразующим элементом всех древних и традиционных коллективов (Андреев И.А., 1971, с. 13–25; Калиновская К.П., 1976, с. 143; Колесников А.Г., 1985, с. 156–157; Артемова Ю.А., 1993, с. 48–52; и др.). Ключевая проблема изучения указанной общественной подсистемы заключается в выяснении соотношения биологической и социальной периодизаций жизненного цикла. У разных народов имелись свои представления о возрастных группах, об их временной продолжительности, символических границах, ролевом содержании. Возраст, измерявшийся с позиции древних людей не только как количество реально прожитых лет, но также и как способность к выполнению определенных социально-производственных ролей, выступал одним из главных факторов приобретения индивидом статуса полноправного члена общества с набором присущих ему прав и атрибутов (Кон С.И., 1979). Это получало свое оформление в прохождении цикла обрядов, обозначаемых в этнографии понятием «инициация».

2.2.3. Возрастные ступени булан-кобинского общества

С большой вероятностью следует говорить о наличии у носителей булан-кобинской культуры следующих возрастных ступеней: детство, юность, зрелость и старость. Подобное деление отмечено для абсолютного большинства древних и современных социумов и является в известном смысле универсальным (Грач А.Д., 1975, с. 175–176; Грачева Г.Н., 1975, с. 138–140; Кон С.И., 1979, с. 212–213; Бутинов Н.А., 1982, с. 63–68; Калиновская К.П., 1982, с. 59–62; Попов В.А., 1982, с. 68–78; Масанов Н.Э., 1995, с. 131–155; и др.). При этом в рамках обозначенных состояний существуют и более узкие периоды, варьирующие в том числе у лиц разного пола (Попов В.А., 1981, с. 90).

Опираясь на данные погребального обряда, а также археологические и этнографические материалы о других кочевых и полукочевых обществах Центральной и Северной Азии различных эпох, можно наметить следующую половозрастную градацию населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

«Детство». Данным понятием в этнографической литературе обозначают состояние человека от момента рождения до завершения цикла обрядов инициаций (Бутинов Н.А., 1992, с. 13–15). Анализ обряда захоронения и сопроводительного инвентаря позволил выделить такие этапы данного жизненного цикла.

«Младенчество» – период от рождения до 2,5–3 лет. В представлениях многих традиционных народов ребенок этого возраста являлся еще «дочеловеком», находился как бы на границе миров, не был включен в жизнь коллектива, не всегда имел имя. Несмотря на это, у «булан-кобинцев» дети до 2,5–3 лет могли хорониться на общем кладбище (часто рядом с женщинами) с полным соблюдением обязательных канонов погребального ритуала. Для них возводились самые маленькие по размеру курганы с минимальной глубиной могильной ямы. Абсолютному большинству умерших детей (93,3%) инвентарь не полагался, хотя они принадлежали к разным слоям общества.

«Детство» – 2,5 (3)–6 (7) лет. Предполагает постепенное приобщение к простым формам трудовой деятельности: выпас скота, стрельба из лука, охота, верховая езда. Дети уже пользовались отдельными орудиями труда (обычно ножами) и посудой, хотя среди найденных в могилах вещей преобладали украшения и предметы костюма. Начиная с 2,5–3 лет детей снабжали ритуальной мясной пищей на кости (курдючная часть овцы), а иногда сопровождали взнузданным конем. На протяжении обозначенного жизненного цикла половые различия в инвентаре выражены достаточно слабо (это объясняется, в частности, тем, что у многих народов мальчики и девочки до определенного возраста носили одинаковую одежду и прическу). Так, с большей долей

вероятности к захоронениям девочек следует отнести погребения, из которых происходят гребни, зеркала, пряслица. Ориентиром для идентификации мужского пола детей выступают предметы вооружения (железные наконечники стрел, боевой нож) и воинского снаряжения (наборный пояс). В целом, ребенок уже становился членом общества, хотя его статус напрямую определялся этносоциальным положением той или иной семейно-родовой группы. Отражением этого выступает появление признаков социальной дифференциации. Некоторые дети хоронились с разнообразными и более многочисленными вещами, в том числе с отдельными социально престижными категориями предметов (гривна, серьга, зеркало, пояса с большим количеством гарнитур, панцирная пластина, удила, боевой нож). Для основной массы индивидов, напротив, характерна слабая насыщенность погребений изделиями или большой процент безынвентарности. Присутствие оружия в могилах детей можно трактовать как подношения.

«Отрочество» – 7–12 (13) лет. Данная группа была переходной и ее можно разделить на младшую («раннее отрочество» – 7–10 лет) и старшую («позднее отрочество» – 11–12 лет) подгруппы. Первая из них примыкала к предыдущей возрастной ступени (об этом говорит высокая степень сходства инвентаря у детей 3–6 и 7–10 лет), вторая являлась пограничной с группой юношей. В течение этого периода оформлялось стабильное разделение на мужские и женские занятия, происходило освоение самых различных трудовых навыков, что способствовало превращению детей-подростков в помощников по хозяйству. Его окончание знаменовалось преодолением стадии обряда инициаций, определяющей рубеж между детским и взрослым состоянием. Благодаря раннему половому созреванию и включению в семейно-брачные отношения взросление девочек шло более быстрыми темпами, чем мальчиков. Это подтверждается тем, что качественно-количественный состав предметов в погребениях некоторых девочек-подростков 10–12 лет максимально сопоставим с наборами вещей из могил взрослых женщин. Интересно заметить, что в погребениях детей и подростков 7–12 лет предметы вооружения встречаются крайне редко и не могут рассматриваться как свидетельства их более раннего социального взросления²¹.

Следующая возрастная позиция – «**юность**», уже характеризует жизнь взрослых людей и практически полностью совпадает с антропологической группой *Juvenis* (14–19 лет). Следует понимать неоднородность данной возрастной позиции, обусловленной асинхронным прохождением разными индивидами стадий инициаций.

Первая стадия, связанная с завершением полового созревания и оформлением совершеннолетия, у основной массы девочек и мальчиков приходилась на интервал 14–16 лет. Маркером ее успешного преодоления лицами мужского пола было появление в погребальном инвентаре набора, состоявшего из предметов вооружения дальнего боя (лук, стрелы с железными наконечниками) и пояса. Хорошо известно, что оружие и воинская экипировка у всех скотоводов считались обязательными атрибутами полноправного мужчины, являвшегося всегда воином (Худяков Ю.С., 1997а–б). Возможно, что у «булан-кобинцев», как и у раннесредневековых тюрок, юноша по результатам обряда «посвящения» получал специальное героическое (мужское) имя (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 144), независимо от своего социального и имущественного положения. Особое значение этой ступени, регламентировавшей начало военной практики, подкрепляется сведениями о других кочевых и оседлых народах Азии периода поздней древности, средневековья и нового времени (Грачева Г.Н., 1975, с. 138–139; Викторова Л.А., 1983, с. 56, 59; Кустова Ю.Г., 1993, с. 18; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 200–201).

²¹ На могильнике Айрыдаш-I раскопано погребение ребенка 9,5 лет с луком и захоронение подростка 12–13 лет с железным наконечником стрелы. При объяснении данных фактов следует принимать во внимание экстремальные условия жизни айрыдашской популяции, ставшей объектом вооруженного насилия со стороны культурно/этнически чужеродных групп населения (Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И., 2018, с. 138).

Однако прижизненное социальное положение многих юношей было ниже, чем возмужалых мужчин. В захоронениях индивидов 13–20 лет не обнаружены наиболее престижные категории вооружения (мечи, копья, защитные доспехи), а также специализированные инструменты и металлическая посуда. Тем не менее отдельные представители этой возрастной подгруппы уже принимали участие во многих сферах производства, в том числе включались в военные действия.

На имеющемся вещественном материале трудно выявить в полном объеме индикаторы инициаций индивидов женского пола. По-видимому, они выражались, прежде всего, в увеличении количества украшений, а также в смене прически (появление накосников). Согласно многим этнографическим и археологическим источникам, данные элементы костюма отмечали переход девочек в разряд девушек, а последних – в группу замужних женщин (Таскин В.С., 1980, с. 58, 73; Ключева Н.И., Михайлова Е.А., 1988, с. 120–127; Кадыева В.Я., 1990, с. 233–242; Дьяконова В.П., 2001, с. 104; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 202).

Превращение молодых людей в полноправных членов коллектива знаменовалось вступлением в брак, что следует рассматривать как последнюю стадию инициаций. Учитывая результаты палеодемографического анализа, логично предположить начало брачного периода у населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. с 16–17 лет.

Определить четкие границы охарактеризованных выше состояний вряд ли возможно, поскольку такие переходы не приурочивались к строгому количеству прожитых лет и по своим темпам были во многом индивидуальными. Этнографический материал демонстрирует факты, когда отдельные люди в силу физиологических качеств и более высокого социального происхождения преодолевали обряды «посвящения» намного раньше своих сверстников (Артемова Ю.А., 1993, с. 49; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 144). В случае войны мальчишки-подростки нередко проходили досрочное «взросление». У девушек совершеннолетие и вступление в брак могли совпадать, что автоматически сокращало продолжительность юношеской ступени.

Этап **«зрелости»** у носителей булан-кобинской культуры продолжался с 20 до 40–45 лет. Захоронения возмужалых (от 20 до 35 лет) и основной массы зрелых людей (от 35 лет и старше) обоим пола принципиальных различий между собой не обнаруживают. Мужчины и женщины в этот период обладали наибольшим социальным весом и максимальной мобильностью. Это демонстрирует обнаруживаемый в погребениях предельно насыщенный и разнообразный вещевой комплекс. Полноценные взрослые люди участвовали во всех направлениях деятельности общества, среди которых ведущими занятиями для мужчин были война, обеспечение безопасности, управление, «сложные» ремесла (косторезное, кузнечное и ювелирное дело, деревообработка), организация перекочевов и ухода за скотом, охота, другие крупные мероприятия, для женщин – домашнее производство и ремесло, заготовка и обработка продуктов питания, воспитание детей. В располагаемой выборке наблюдается наибольший социальный престиж мужчин 30–40 лет, являющихся воинами и охотниками. Для женщин не прослеживается прямая зависимость качественно-количественных характеристик погребального инвентаря от возрастных особенностей. Предварительно стоит сделать наблюдение, что только в захоронениях женщин 20–35 лет встречаются предметы вооружения. Данный факт можно условно принять как свидетельство того, что в вынужденных ситуациях отдельные представительницы «слабого» пола могли брать на себя функции обеспечения безопасности коллектива (при условии, если все случаи присутствия оружия в женских могилах не трактовать как подношения). Представляется возможным также допущение о том, что отдельную группу составляли женщины детородного возраста (до 30 лет).

«Старость» рассматривается как результат биологических, психологических и социальных процессов, сопровождающихся значительными изменениями прежних и появлением новых функций. Возрастные параметры, критерии старости, отношение к ней у разных народов зависели от типа хозяйства, природной, экологической

среды, конкретных историко-культурных условий жизни. У мужчин и женщин наступление данного периода могло не совпадать.

С учетом показателей средней продолжительности жизни, нижнюю границу старости женщин у населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени можно определить в районе 40–45 лет. У мужчин старость наступала в интервале 45–50 лет. Социальная активность пожилых мужчин несколько снижалась, о чем свидетельствует сокращение в погребениях количества оружия, отсутствие среди них самых престижных категорий. Женские могилы не отличались по инвентарю от захоронений предыдущей возрастной ступени. Каким образом менялись у «булан-кобинцев» позиции индивидов на этом этапе жизни еще предстоит выяснить на более обширном объеме археологических источников. Очевидно одно – их общественный статус был неоднозначным, поскольку факторы социально-имущественной и профессиональной дифференциации сохраняли свое значение и в пожилом состоянии.

В заключение отметим, что демографическая модель населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени обладает средними и «нормальными» для рассматриваемой эпохи показателями, обусловленными общими тенденциями социально-экономического развития скотоводов Северной и Центральной Азии эпохи поздней древности, а также являющимися результатом эффективной адаптации к природно-климатическим условиям этой территории. У носителей булан-кобинской культуры имела место традиционная для многих кочевников физико-генетическая структура, характеризующаяся социальным приоритетом возмужалых и зрелых мужчин при достаточно высоком положении женщин и ограниченной значимости детей. Совпадение биологического и социального возрастов отмечено только по отношению к отдельным этапам жизненного цикла. Система возрастных групп не представляла жестких возрастных классов, а дополнялась генеалогическим принципом, в соответствии с которым статус человека в значительной мере определялся происхождением и неодинаковым социально-имущественным положением умерших людей.

2.3. Социальная структура населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

2.3.1. *Процедурно-методические аспекты моделирования социальной и имущественной стратификации по археологическим источникам*

В категориях неравенства социальная структура определяется как система иерархических общественных связей, отражающая соотношение отдельных индивидов и групп, что соответствует классическому пониманию содержания термина «социальная стратификация» (Сорокин П., 1992). Изучение такой структуры на основе данных погребальной обрядности включает в себя: 1) рассмотрение иерархии коллектива по вертикали и горизонтали; 2) интерпретацию индивидуальных статусов людей и социальных групп, слоев; 3) установление параметров социально-имущественной дифференциации и общего уровня развития общества. В археологии можно определить статус людей только как членов определенных социальных объединений, абстрагируясь от их личностных характеристик покойных.

Обязательным этапом анализа структуры древних народов на базе археологических источников является моделирование, ориентированное на определение механизмов, регулирующих объединение людей в социальные группы, слои и другие институты разного уровня интеграции, а также особенностей взаимодействия индивидов

в рамках этих образований и последних друг с другом. Обозначенный метод, обстоятельно рассмотренный на теоретическом уровне В.Ф. Генингом (1989), П.Ю. Черновсвитовым (1989), В.С. Ольховским (1995), В.М. Массоном (1996) и некоторыми другими специалистами, имеет своей исходной посылкой тезис о возможности создания на основе погребального обряда абстрактных заменителей (моделей) некогда существовавших общественных систем и образующих их элементов (Бунятян Е.П., 1985; Матвеева Н.П., 2000; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Кондрашов А.В., 2004а). Под моделью в этом контексте понимается относительно устойчивая комбинация признаков, полученная с помощью некоторого набора корреляционных принципов обработки эмпирического материала, отражающая социальное, имущественное, профессиональное положение индивидов, включенных в определенную совокупность людей в структуре конкретной этнокультурной общности (Генинг В.Ф., 1989, с. 247; Ольховский В.С., 1995, с. 96). Интерпретация таких идеальных конструкций выполняется посредством привлечения этнографических и письменных аналогий с учетом хозяйственно-культурного типа, географической среды, исторических условий существования выбранного для изучения общества, а также с использованием социологической или иной терминологии (Матвеева Н.П., 2000, с. 7, 10).

Ключевая проблема создания социальных моделей – это обоснование поддающихся более или менее надежному измерению и сопоставлению критериев статуса человека в разных типах общественной стратификации, соотношению его роли в производственной, управленческой, религиозной сферах, доступу к материальным благам, месту в генеалогической иерархии, а также субъективным качествам (Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 179).

При осуществлении социального моделирования мы намеренно отказались от факторно-кластерного анализа на базе компьютерных продуктов, несмотря на его широкую апробацию в последние годы многими специалистами, в том числе и в области изучения культур номадов Центральной Азии хуннуского периода (Крадин Н.Н., 2001, с. 171–179; Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004). Подобный шаг объясняется следующими причинами. Во-первых, кластерно-факторная обработка фактически бесполезна в отношении статистически невыразительных и в особенности единичных признаков, которые в социальном плане могли быть более показательными, чем массовые характеристики. Во-вторых, при обосновании социальных моделей и их различий не всегда производится четкое ранжирование признаков на главные и второстепенные, поскольку значение связи сравниваемых объектов (погребений) определяется формально (хотя и объективно) как совпадение необходимого количества признаков от общей массы переменных, характеризующих выборку. В-третьих, в корреляции механически уравниваются признаки, демонстрирующие разные формы общественной дифференциации, что не всегда позволяет выяснить принцип связи между разными социальными параметрами. Поэтому более предпочтительным является использование только отдельных элементов данного метода на этапе статистической обработки материала, а также для уточнения некоторых сделанных выводов на основе иных принципов анализа.

Как показано ранее, сопроводительный инвентарь является главным социально обусловленным элементом погребального обряда населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Основной методологической идеей моделирования социальной структуры было выделение среди разнообразных категорий инвентаря маркеров, характеризующих комплекс «власти» (индикаторы военно-управленческого лидерства) и комплекс «богатства» (показатели материального благосостояния), соотношение которых определяло социальный статус индивидов (Васютин С.А., 1998, с. 217; Кондрашов А.В., 2004б, с. 105). Правомерность обозначенного подхода подтверждается многочисленными палеосоциальными разработками на археологических материалах Алтая эпохи поздней древности и средневековья, авторы которых при ранжирова-

нии погребений руководствовались в основном характеристиками властной и имущественной дифференциации (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Кондрашов А.В., 2004а; Матренин С.С., 2005б; Серегин Н.Н., 2013). На социальное развитие скотоводов Северной и Центральной Азии в эпоху поздней древности большое влияние оказывал военный фактор, проявлявшийся в том, что общественное положение взрослых мужчин, выполнявших функции управления, в значительной мере зависело от занимаемого ими места в системе военной иерархии. Поэтому отражением комплекса «власти» следует считать видовой и количественный состав предметов вооружения и снаряжения. В свою очередь, комплекс «богатства» включает амуницию верхового коня, украшения и предметы костюма, бытовую утварь.

Второстепенные по социальной значимости вещи объединяются в комплексы «производства» (орудия труда, отражающие причастность людей к определенным видам хозяйственной деятельности и ремеслам) и «культы» (вещи, указывающие на выполнение «жреческих» функций). Они не играли существенной роли для идентификации положения человека в вертикальной стратификации рассматриваемого общества.

Социальная престижность всех элементов инвентаря определялась исходя из следующих показателей:

1) количество случаев (массовость, малочисленность, единичность) присутствия в захоронениях отдельных категорий предметных комплексов, видов, категорий вещей при наличии или отсутствии традиции помещения таковых в могилу, а также выявленных комбинаторным путем особенностей их качественно-количественного сочетания;

2) функциональное назначение предметов при учете скотоводства как главного компонента системы жизнедеятельности и сложной военно-политической обстановки существования исследуемого общества;

3) материальная ценность изделий с точки зрения количества и качества использованного для их изготовления материала, трудоемкости технологии производства, художественной сложности;

4) незаурядность сакрально-символической роли предмета в системе религиозно-мифологических представлений;

5) «модность» вещи, определяющаяся ее принадлежностью к образцам (оригиналам или копиям) материальной культуры господствовавшего в Центральной Азии кочевого этноса.

Данные параметры стали основанием для обоснования разных по социальной престижности наборов изделий (категорий) отдельных предметных комплексов сопроводительного инвентаря, обнаруженного в погребениях взрослого населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени.

Для предметов вооружения первый по социальной престижности набор включает мечи, доспехи, копья; второй – боевые ножи (кинжалы), чеканы; третий – луки, стрелы с железными наконечниками.

Снаряжение человека подразделяется на три набора: в первый входят наборные пояса с большим количеством деталей гарнитур (более десяти) или с высокохудожественными изделиями; во второй – стрелковые пояса с крюками-застежками, ножны с железными деталями; в третий – простые и наборные пояса с немногочисленными элементами гарнитуры.

Амуниция верхового коня представлена двумя социальными наборами, первый из которых – уздечная гарнитура (бляхи, распределители сложной конструкции) и седла с твердым каркасом; второй – удила, псалии, уздечные, подпружные пряжки, блоки, застежки.

Орудия труда включает два набора: в первый входят тесла, стамески, другие редкие инструменты; во второй – все остальные предметы (преимущественно ножи, косяные наконечники стрел, плети, шилья).

Бытовые предметы по степени престижности подразделяются на три набора: первый представлен металлическим котлом; второй – зеркалами, гребнями, косметическими щеточками; третий – всеми остальными изделиями.

Шкала социальной престижности украшений для взрослых людей разного пола отличается. У мужчин первое место занимают гривны, крупные бляхи-нашивки из бронзы; второе – серьги (бронзовые, из драгоценного металла) и кольца; третье – маленькие металлические (бронзовые, из драгоценного металла, железные) бляхи-нашивки, подвески, наконечники; четвертое – бусы (бисер), каменные и костяные подвески, пронизи. У женщин самый «привилегированный» набор украшений включает золотые и бронзовые пластины-диадемы со сложным орнаментом; второй по значимости – пластины-диадемы из бронзы и железа, гривны (бронзовые, железные), крупные бляхи-нашивки (бронзовые, железные); третий – маленькие металлические бляхи-нашивки, подвески, пронизи, наконечники на головной убор и верхнюю одежду, серьги и другие мелкие предметы; четвертый – бусы (бисер), раковины-каури, бляхи-нашивки, подвески и пронизи из кости, камня. По отношению к предметам культа градация не просматривается.

При обосновании наличия в погребении того или иного социального набора было достаточно присутствия хотя бы одного маркирующего его предмета (например, только лука или стрел с железными наконечниками). Количество категорий и число экземпляров в наборах являлось в некоторых случаях основанием для более дробной дифференциации захоронений.

Для выделения социальных моделей погребений булан-кобинской культуры Алтая было проведено сопоставление всех обозначенных социальных наборов по погребениям детей и подростков, женщин, мужчин, а также взрослых людей с неустановленной половой принадлежностью. При этом решающая роль в данной процедуре отводилась сопоставлению комплексов «власти» и «богатства», поскольку комплексы «производства» и «культа» отражали преимущественно место людей в горизонтальной стратификации. Таким образом, в пределах одной схемы нами учитывались разные проекции социальной стратификации.

Важно отметить, что соотношение комплексов «власти» и «богатства» проявлялось более четко у мужчин, поскольку женщины относились к управлению весьма опосредованно в силу своего семейного положения, и выделяемые для них социальные модели были в большей степени «имущественными». За исключением предметов вооружения и снаряжения верхового коня при систематизации можно было пренебречь наборами, занимавшими последнее место по критерию социальной престижности, так как они не ограничивали одну социальную модель от другой и в лучшем случае могли демонстрировать дифференциацию внутри отдельных моделей. В рамках комплекса «богатства» допускалась взаимозаменяемость наборов с одинаковым социальным весом. При этом более престижные наборы могли восполнить недостаток предметов, которые входили в «стандарт», а последние – компенсировать отсутствие невыразительных вещей.

2.3.2. Социальные модели погребений населения булан-кобинской культуры

С учетом обозначенных процедурно-методических аспектов выделены несколько социальных моделей погребений населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Они представляют собой «идеальные» типы, которые не задаются строгой комбинацией показателей, допуская некоторую вариабельность признаков, обусловленную персональными различиями умерших людей. Между тем каждая социальная модель имеет свои отличительные признаки (качественные и количественные) в сравнении с другими таксономическими образованиями подобного уровня. Кроме этого,

в рамках отдельных ячеек, как правило, имеются вариации сопроводительного инвентаря (здесь необходимо помнить, что погребения с одинаковыми вещами встречаются очень редко). «Верхние» и «нижние» границы моделей могли смыкаться. В итоге близкие по статусу модели допустимо объединять в слои.

При выделении социальных моделей использовались не потревоженные погребения и за редким исключением объекты с относительно хорошо сохранившимся инвентарем, даже несмотря на частичное ограбление.

Социальные модели мужских погребений

Социальная дифференциация по материалам мужских погребений отчетливо выражается в следующих соотношениях комплексов «власти» и «богатства» (разнице качественного и количественного состава предметов вооружения и воинского снаряжения, наличии престижных элементов экипировки верхового коня, а также специализированных орудий (инструментов), статусных украшений и бытовых предметов).

Модель 1 (16 захоронений – 5%)²². Погребения содержат три набора предметов вооружения (лук и/или стрелы с железными наконечниками; боевой нож и/или кинжал; меч и/или доспех, либо копье), преимущественно (80%) два набора воинского снаряжения (пояс с многочисленной ременной гарнитурой, стрелковый пояс с крюками-застежками и (или) ножны с железными деталями), достаточно часто (60%) один или два набора конского снаряжения, разнообразные орудия труда (90%), в том числе (33%) специализированные инструменты (обычно тесла), украшения (75%), реже бытовую утварь (43%) из дерева (обычно посуда). К данной модели относятся два захоронения бело-бомского и 14 верх-уймонского этапов булан-кобинской культуры. В возрастном отношении это мужчины 25–40 лет. Состав инвентаря позволяет обозначить несколько вариантов.

1 а – с разнообразной и многочисленной амуницией верхового коня (удила, уздечная и подпружная гарнитура, седло с твердым каркасом, уздечные бляхи), орудиями труда (нож, шило) и инструментами (тесло, долото, «напильник»), в одном случае с редкими бытовыми предметами (пенал для инструментов, гребень), «игральными (гадальными?)» бобами и «золотой» пластиной-диадемой. Всего три погребения жужанского периода из памятника Яломан-II (курганы №29, 30, 31).

1 б – с менее разнообразной амуницией верхового коня (удила с псалиями, иногда уздечные бляхи и другая гарнитура), одним-двумя орудиями труда (нож, стрелы с костяными наконечниками, плетень, кресало), украшениями из кости (клыки-подвески), камня (подвеска) или металла (кольцо). Всего четыре погребения (одно сяньбийского, три жужанского периодов) из памятников Булан-Кобы-IV (погребение №56), Берель (курган №3), Дялян (курган №13), Верх-Уймон (курган №13).

1 в – со специализированными инструментами (стамеска-ложкорез и (или) тесло), разнообразными орудиями труда (нож, шило, плетень, крючок, стрелы с костяными наконечниками), украшениями из кости (клыки-подвески), в одном случае с удилами и псалиями. Всего два погребения жужанского периода из памятников Верх-Уймон (курган №38)²³ и Степушка-I (курган №19).

1 г – без снаряжения верхового коня и специализированных инструментов, обычно с орудиями труда (нож и (или) плетень либо стрелы с костяными наконечниками), редко с украшениями (бусы, золотая подвеска). Всего семь погребений (одно сяньбийского, шесть жужанского периодов) из памятников Кокса (курган №1, впускное погребение), Кок-Паш (курганы №12, 28, 29, 39, 55), Катанда-I (курган №6).

²² Здесь и далее процентные показатели определены по материалам 309 (100%) мужских захоронений, включая кенотафы.

²³ Отсутствие предметов конского снаряжения в кургане №38 некрополя Верх-Уймон обусловлено разрушением сопроводительного захоронения лошади в результате осквернения (ограбления?) или каких-то иных действий, связанных с проникновением во входную часть могилы с подбоем (Соенов В.И., 2017).

Данная социальная модель соответствует элите булан-кобинского общества, которую можно отождествить с военными предводителями («вождями»), возглавлявшими вооруженные силы племен и кланов, а также руководителями воинских подразделений тяжеловооруженных всадников и «ездящей» пехоты. Некоторые из таких военных лидеров, по-видимому, также брали на себя выполнение определенных управленческих функций и в мирное время. Фиксируемая среди них неоднородность обусловлена субъективными различиями и, возможно, разными каналами пополнения этой группы. Власть предводителей была недостаточно институционализирована и стала передаваться по наследству, вероятно, только на заключительном этапе существования булан-кобинской культуры.

Модель 2 (15 захоронений – 4,8%). Погребения с двумя наборами предметов вооружения (преимущественно оружие дальнего боя и боевой нож/кинжал, реже боевой нож и доспех, боевой нож и меч), с одним или двумя наборами воинского снаряжения (обычно наборный пояс), часто (71%) с одним или двумя наборами снаряжения верхового коня (обычно удила и псалии), почти всегда (90%) с одним набором украшений (в основном золотые бляхи-нашивки небольшого размера, реже серьги, гривны, бусы, костяные подвески), одним или двумя наборами орудий труда (как правило, нож, стрелы с костяными наконечниками), с неметаллической посудой (58%), в отдельных случаях (16%) с престижной бытовой утварью (железный или бронзовый котел). Данная модель включает семь погребений усть-эдиганского, одно – бело-бомского, семь – верх-уймонского этапов булан-кобинской культуры. В возрастном отношении это преимущественно мужчины 25–35 лет, редко индивиды 18–20 и 35–55 лет. Зафиксированы следующие вариации сопроводительного инвентаря.

2 а – с разнообразным, в том числе с престижным снаряжением верхового коня (удила с псалиями, седло, уздечные бляхи, цурки и др.), многочисленными орудиями труда (нож, шило, плеть) и специализированными инструментами (тесло). Всего одно погребение жужанского периода из памятника Яломан-II (курган №32).

2 б – со снаряжением верхового коня (удила с псалиями), престижными (золотая серьга) и менее социально значимыми украшениями из металла (золотые бляхи-нашивки) и кости (подвески из зубов животных), с орудиями труда (нож или стрелы с костяными наконечниками либо плеть), деревянной и (или) керамической посудой, в одном случае с китайской лаковой чашечкой, а также с музыкальным инструментом типа «арфы». Всего восемь погребений (шесть – хуннского, два – жужанского периодов) из памятников Усть-Эдиган (курганы №22, 23, 31), Яломан-II (курганы №43, 48, 62), Дялян (курганы №6, 7).

2 в – с престижными украшениями (гривна с подвеской, бронзовая бляха-застежка большого размера), металлическим котлом и орудиями труда (нож), но без снаряжения верхового коня. Два погребения (одно сяньбийского, другое жужанского периодов) из памятников Балыктыюль (курган №227) и Кок-Паш (курган №40).

2 г – со снаряжением верхового коня (удила либо удила и уздечные бляхи), орудиями труда (нож, плеть или шило), в одном случае с железной подвеской и костяным украшением, а также с костяной ложкой и деревянной утварью (пенал, блюдо). Три погребения (одно – хуннского, остальные – жужанского периодов) из памятников Сары-Бел (курган №250), Берель (курган №2), Яломан-II (курган №20).

2 д – без снаряжения верхового коня, украшений и орудий труда. Всего одно погребение жужанского периода из памятника Кок-Паш (курган №27).

Обозначенная модель также демонстрирует социальную верхушку населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Умершие мужчины, вероятно, входили в ближайшее окружение военных предводителей и могли составлять высший командный состав средне- и тяжеловооруженной конницы. Можно предположить, что в их полномочия входило управление крупными подразделениями профессиональных воинов в хуннское время, а также командование дружиной в сяньбийско-жужанский период.

Модель 3 (65 захоронений – 21%). В погребениях присутствуют два набора предметов вооружения, представленных средствами ведения дальнего боя (лук и (или) стрелы с железными наконечниками) и ближнего боя (боевой нож/кинжал), один или реже два набора воинского снаряжения (обычно пояс с небольшим количеством ременных гарнитур). Данная модель отличается от предыдущей большей редкостью (36%) амуниции верхового коня и менее престижным составом входивших в нее элементов (удила, пряжки, застёжки), а также единичными (13%) украшениями в виде маленьких металлических блях-нашивок (во II в. до н.э. – I в. н.э.), металлических и костяных пронизей, бус, наконечников (во II–V вв. н.э.). У значительной части (57%) умерших имеется один социально непрестижный набор орудий труда, представленный, главным образом, ножом и (или) стрелами с костяными наконечниками, реже шилом, плетью или другими изделиями. В отдельных случаях встречаются специализированные инструменты (9%) и неметаллическая посуда (3%).

Обозначенные параметры зафиксированы в двух мужских погребениях усть-эдиганского, 52 могилах бело-бомского, 10 захоронениях верх-уймонского этапов булан-кобинской культуры. Среди умерших встречаются представители всех возрастных групп, в том числе юноши 14–19 лет (три случая) и старики 50–60 лет (один случай). По составу инвентаря имеется несколько вариантов.

3 а – со снаряжением верхового коня (удила, псаии, пряжки), почти всегда (16 из 20 случаев) с орудиями труда (нож, костяные наконечники стрел), редко (четыре случая) с украшениями в виде маленьких золотых бляшек-нашивок (во II в. до н.э. – I в. н.э.) и костяных подвесок (II–V вв. н.э.), а также с неметаллической посудой (четыре случая). Всего 20 захоронений (одно – хуннуского, 15 – сяньбийского, четыре – жужанского периодов) из памятников Усть-Эдиган (курган №33), Белый-Бом-II (погребение 22, курган №14; погребение 3, курган №25; погребение 4, курган №26), Булан-Кобы-IV (погребения 2, 8, 10, 33, 65, 66), Верх-Уймон (курганы №5, 9, 12), Яломан-II (курган №33, погребение 2), Степушка-I (курганы №5, 7, 17), Степушка-2 (объекты №40, 48).

3 б – со снаряжением верхового коня, орудиями труда, в том числе со специализированными инструментами (в одном случае – трепало, ножи, костяные наконечники стрел, шило, комплект роговых заготовок для изготовления наконечников; во втором – тесло, нож, шило, проколки, костяные наконечники стрел, рыболовный крючок; в третьем – стамеска-ложкорез и нож; в четвертом – только долото). Всего четыре захоронения (два – сяньбийского, два – жужанского периодов) из памятников Белый-Бом-II (курган №25, погребение 2), Белый-Бом-II (погребение 23), Верх-Уймон (курганы №15, 37).

3 в – без снаряжения верхового коня, с одним специализированным инструментом для деревообработки (тесло), в одном случае с ножом и костяным наконечником стрелы, в другом – с шилом и плетью. Всего два захоронения сяньбийского периода из памятников Карбан-I (курган №39) и Степушка-I (курган №13).

3 г – без снаряжения верхового коня и специализированных инструментов, преимущественно с орудиями труда (32 случая), иногда (семь случаев) с украшениями (бусы, пронизы из кости и металла, маленькие металлические бляхи-нашивки) и бытовой утварью из дерева (три случая). Всего 38 погребений (одно – хуннуского, 33 – сяньбийского, четыре – жужанского периодов) из памятников Айрыдаш-I (курганы №19, 25, 26, 28, 30 (восточный скелет), 44, 66, 122, 139, 146, 169), Усть-Эдиган (курганы №85), Белый-Бом-II (курган №12, погребение 3; курган №13 (западный скелет); курган №30, погребение 7), Булан-Кобы-IV (погребения 3, 55, 26, 27, 45, 50), Карбан-I (курганы №9, 11, 33), Кок-Паш (курганы №31, 36), Верх-Еланда-II (курган №10), Пазырык (курган №6, впускное погребение), Улуг-Чолтух-I (курганы №3, 4, 5, 8, 10, 11, 13), Кызыл (курган №3, впускное погребение 1), Верх-Уймон (курганы №20, 22).

Данную модель можно интерпретировать как группу профессиональных воинов (на позднем этапе булан-кобинской культуры «дружинников»), относящихся к средневооруженной и легкой коннице. По своему материальному достатку они находились

примерно на одном уровне с зажиточной частью рядовых скотоводов, из которых происходило их выдвижение. Некоторые представители данной социальной модели могли являться главами «кочевых» общин.

Модель 4 (два захоронения – 0,6%). Погребения без снаряжения с двумя наборами вооружения, представленными сочетанием стрелкового оружия с боевым ножом либо с доспехом. С умершими зафиксированы также орудия труда (костяные наконечники стрел и (или) нож), а в одном случае – бусина. Такие могилы исследованы на памятниках бело-бомского (Белый-Бом-II, курган №13, восточный скелет) и верх-уймонского (Чендек, курган №2) этапов булан-кобинской культуры. Возрастные определения отсутствуют. Данную социальную модель можно рассматривать как захоронения профессиональных воинов, выделявшихся своими индивидуальными качествами (физическое развитие, воинское искусство, личный авторитет), но не обладавших «богатством». Помещение в могилу престижных предметов вооружения могло быть обусловлено обстоятельствами их смерти.

Модель 5 (98 захоронений – 31,6%). Погребения с одним набором вооружения, представленным стрелковым оружием (лук и (или) стрелы с железными наконечниками), с одним или двумя наборами снаряжения (обычно пояс с небольшим количеством гарнитур или только с одной пряжкой), иногда заменяющей его амуницией верхового коня (удила, псаии, пряжки, реже единичные уздечные бляхи). У большинства умерших (85,8%) присутствуют орудия труда в виде ножа, стрел с костяными наконечниками. Большой редкостью являются украшения (16%) и снаряжение верхового коня (9%), бытовая утварь из органических материалов (5%). Отмеченные характеристики выявлены в семи погребениях усть-эдиганского, 79 бело-бомского, 12 верх-уймонского этапов булан-кобинской культуры. Они представляют юную, возмужалую и зрелую часть мужского населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Разная насыщенность вещами позволяет обозначить следующие варианты данной модели.

5 а – с простым поясом, двумя или реже одним набором снаряжения верхового коня (удила с псаиями, уздечная бляха), преимущественно с орудиями труда, редко с украшениями (маленькие золотые бляхи нашивки, бусы). Всего четыре захоронения (одно – хуннского, два – сяньбийского, одно – жужанского периодов) из памятников Усть-Эдиган (курган №15), Улита (курган №36), Степушка-2 (объект №26), Верх-Уймон (курган №32).

5 б – с поясом, гребнем или бронзовой гривной, либо пластиной-диадемой или серьгой, с орудиями труда (костяные наконечники стрел и (или) нож). Всего четыре погребения сяньбийского периода из памятников Айрыдаш-I (курганы №63, 71, 160) и Степушка-2 (объект №34).

5 в – с поясом обычно из небольшого количества гарнитур, орудиями труда (76 случаев), редко (восемь случаев) с украшениями из кости (бусы, подвески) и металла (золотые или бронзовые бляхи небольшого размера, пронизи, подвески) и неметаллической посудой (три случая). Всего 86 захоронений (шесть – хуннского, 71 – сяньбийского, девять – жужанского периодов) из памятников Усть-Эдиган (курганы №1, погребения 2, 3; курганы №37, 80), Карбан-I (курган №14), Айрыдаш-I (курганы №17, 20, 21 (парное), 22, 23, 24, 31, 36, 42, 55, 58, 59, 64, 91, 95, 98, 101, 102А, 109, 110, 117, 119, 124, 126, 132, 136, 142, 147, 148, 158, 166, 168), Булан-Кобы-IV (погребения 18, 23, 35, 69), Ябоган-III (курган №2, впускное погребение 1 (восточный скелет)), Катанда-3 (курган №9, впускное погребение), Балыктыюль (курган №3), Белый-Бом-II (курган №14, погребение 1; курган №30, погребения 6, 11), Тьткескен-VI (курганы №2, 3), Кок-Паш (курганы №10, 14, 15, 46, 38, 41, 57), Чендек (курган №30), Яломан-II (курган №23а), Улуг-Чолтух-I (курганы №1 (погребение А), 3, 9, 31, 33, 36), Верх-Уймон (курган №19а), Степушка-I (курганы №6, 9, 15), Степушка-2, (объекты №5, 9, 10, 19, 32, 33, 39, 41а, 46), Улита (курган №22, погребения 1, 2, 25, 34), Тянгыс-Тьт (курган №1, впускное погребение), Пазырык (курган №24), Боочи (курган №4), Усть-Бийке-III (курган №4).

5 з – без пояса, но со снаряжением верхового коня (удила, цурки), орудиями труда, в двух случаях с деревянной посудой. Всего четыре погребения (два – сяньбийского, два – жужанского периодов) из памятников Белый-Бом-II (курган №25, погребение 1), Булан-Кобы-IV (курган №26), Верх-Уймон (курган №11), Кок-Паш (курган №7), Усть-Бийке-III (курган №4).

К данной модели относится основная масса рядового населения булан-кобинской культуры (полноправные свободные скотоводы и охотники, в военное время – легковооруженные ополченцы), имевшего разный уровень материального благосостояния: зажиточная часть (погребения вариантов а, б), менее состоятельная часть (захоронения вариантов в, з).

Модель 6 (пять захоронений – 1,6%). Погребения с одним социально престижным набором вооружения, представленным боевым ножом или доспехом либо копьем, с одним набором снаряжения (обычно пояс с небольшим количеством гарнитур), либо заменявшей его конской амуницией (удила с псалями), обычно (60%) с орудиями труда (нож, стрелы с костяными наконечниками, заступ), иногда с бытовой утварью (косметическая щеточка). Такой состав инвентаря представлен в трех мужских захоронениях бело-бомского этапа (Булан-Кобы-IV, погребение 6; Белый-Бом-II, погребения 12, 18) и двух верх-уймонского этапа (Катанда-I, курган №7; Кок-Паш, курган №34) булан-кобинской культуры. Среди них встречаются возмужалые и зрелые индивиды. Данная модель является профессиональной и, судя по всему, демонстрирует выдающихся, но не богатых воинов.

Модель 7 (42 захоронения – 13,5%). Погребения с одним набором вооружения, состоявшим из лука и (или) стрел с железными наконечниками, без снаряжения и конской амуници, как правило, с орудиями труда (81%), исключительно редко (12%) с одиночными украшениями (бусы) и бытовой утварью (14%), представленной деревянной посудой, а в одном случае (2,3%) косметической щеточкой из кости. Данная модель включает одно захоронение усть-эдиганского, 37 – бело-бомского, четыре – верх-уймонского этапов булан-кобинской культуры из памятников Сары-Бел (курган №27), Айрыдаш-I (курганы №35, 53, 113, 134), Бош-Туу-I (курганы №21, 24, 28, 30, 31, 32, 37, 40, 41, 42, 43, 45, 47, 52, 54, 55), Улут-Чолтух-I (курган №14), Булан-Кобы-IV (погребения 1, 5, 16, 20, 30, 36, 37), Курайка (курган №99), Верх-Уймон (курган №4), Чендек (курган №9), Кок-Паш (курганы №4, 54), Улита (курганы №12, 13, 21, 30), Белый-Бом-II (погребение 19), Степушка-I (курганы №1, 4). Возраст мужчин варьирует от 14–16 до 50–60 лет. Погребения данной модели оставлены малоимущим рядовым населением, сохранявшим основные права свободных общинников и входящим в резерв ополчения.

Модель 8 (одно захоронение – 0,3%). Погребение без предметов вооружения с социально престижными элементами снаряжения (наборный пояс с большим количеством ременных гарнитур, железные цепочки) и бытовой утварью (косметическая щеточка с орнаментом), с разнообразными украшениями (бронзовая пронизь, костяные подвески, в том числе с фигурным корпусом и орнаментом, подвеска из клыка животного, железные бляхи-застежки), железным ножом. Данная модель включает единственное захоронение мужчины (40–45 лет) сяньбийского периода, раскопанное на могильнике Булан-Кобы-IV (погребение 19). Отсутствие оружия и наличие достаточно разнообразного снаряжения и украшений демонстрируют уникальную для «булан-кобинцев» ситуацию, когда достаточно высокий социальный статус мужчины не связан с выполнением военно-управленческих функций. Данный индивид принадлежал к зажиточной части рядового населения изучаемого общества.

Модель 9 (66 захоронений – 21%). Погребения без предметов вооружения с одиночными социально невыразительными элементами снаряжения, орудиями труда, украшениями, иногда с деревянной посудой либо без данных изделий. Такими признаками характеризуются три захоронения усть-эдиганского, 59 – бело-бомского, четыре – верх-уймонского этапов булан-кобинской культуры. В возрастном отношении

это юные, возмужалые, зрелые и старые мужчины. Показательным является большое количество среди них индивидов старше 50 лет. Выделяется два варианта обозначенной социальной модели.

9 а – в половине случаев с орудиями труда (преимущественно нож и (или) костяные наконечники стрел, иногда плеть (четыре случая), оселок (один случай), рыболовный крючок (один случай), с поясом, имеющим только пряжку, реже немногочисленную иную гарнитуру (40%), украшениями (31%) в виде бус, подвесок из кости и раковин, в исключительных случаях металла (золотая подвеска с бусиной), редко (9% – 3 случая) с деревянной посудой. Всего 33 захоронения (32 – сяньбийского, одно – жужанского периодов) из памятников Булан-Кобы-IV (погребения 17, 28, 31, 38, 53), Степушка-2 (объекты №23, 27, 30, 41), Карбан-I (курганы №7, 27, 30), Кальджин-6 (курганы №5, №35), Айрыдаш-I (курганы №30, 47), Бош-Туу-I (погребение 5, курганы №6, 7, 13, 26), Сальдьяр-II (курган №7), Улита (курганы №7, 9, 14, 24, 32), Курайка (курган №8), Верх-Уймон (курган №8), Белый-Бом-II (погребение 20), Улуг-Чолтух-I (курганы №12, 28), Курайка (курган №21).

9 б – без инвентаря. Всего 33 захоронения (три – хуннского, 27 – сяньбийского, три – жужанского периодов) из памятников Усть-Эдиган (курган №3, погребение 3а), Чендек (курганы №7, 19, 26, 29), Сары-Бел (курган №149), Карбан-I (курган №37), Бош-Туу-I (погребение 2, курганы №5, 13, 18, 27 (парное), 33, 38, 44, 48, 53), Кор-Кобы-I (курган №1, впускное погребение 1), Бийке (курган №16), Аккол-1 (курган №3), Курайка (курганы №9, 10, 11, 21, 31), Булан-Кобы-IV (погребения 21, 61), Тьткескен-VI (курган №4), Степушка-I (курган №10), Айрыдаш-I (курган №27), Улита (курганы №20, 35).

Социальный статус мужчин, погребенных в объектах данной группы, был ниже среднего. Умершие принадлежали к самой бедной части населения булан-кобинской культуры. Среди них могли быть разорившиеся и экономически зависимые от своих более зажиточных сородичей индивиды. Общественное положение этих лиц в целом у многих объединений скотоводов было схожим, что являлось результатом широко практиковавшихся саунных отношений (Крадин Н.Н., 2001; Масанов Н.Э., 1995). Вопрос о различиях положения в социальной структуре мужчин, похороненных с «бедным» инвентарем и без вещей, остается открытым.

Социальные модели женских погребений

Социальная дифференциация среди женщин проявлялась, прежде всего, в различном качественном и количественном составе украшений, бытовой утвари, снаряжении верхового коня и, в меньшей степени, в других предметных комплексах. В сопроводительном инвентаре представлены изделия, отражающие в основном уровень материального достатка («богатства») женщин, обусловленный в значительной степени происхождением и семейным положением.

Модель 1 (три захоронения – 2,1%)²⁴. В инвентаре данных погребений присутствуют самые престижные наборы украшений и снаряжения, а также амуниция верхового коня. Умершие женщины сопровождались кроме этого большим количеством (не менее десяти) маленьких золотых блях-нашивок, подвесок, зеркалами и (или) гребнями, неметаллической посудой, часто серьгами, железными панцирными пластинами от доспеха. Погребения с обозначенными характеристиками относятся к усть-эдиганскому этапу булан-кобинской культуры. Разная насыщенность вещами позволяет обозначить следующие варианты данной модели.

1 а – с ажурной поясной пряжкой в зверином стиле, колокольчиком, бронзовым котлом, наборным поясом, бронзовыми распределителями уздечных ремней, с бусами, каменным алтариком («курильницей»). Одно погребение из могильника Яломан-II (курган №51).

²⁴ Процентные выкладки определены из расчета 137 (100%) женских захоронений.

1 б – с ажурной поясной пряжкой в зверином стиле, золотой пластиной-диадемой с орнаментом, железными панцирными пластинами. Одно погребение из могильника Яломан-II (курган №57).

1 в – с крупной золотой бляхой-нашивкой, простым основным поясом, бронзовыми уздечными бляхами и подпружной пряжкой, бусами, железными панцирными пластинами, ножом. Одно погребение из могильника Яломан-II (курган №61).

В погребениях данной модели похоронены представители элиты булан-кобинского общества, являвшиеся, по-видимому, женами военных руководителей высшего ранга и глав кланов. Среди них выделяется женщина 20–25 лет (захоронение варианта 1а), похороненная с атрибутами служительницы культа.

Модель 2 (25 захоронений – 18,1%) отличается от предыдущей меньшим разнообразием украшений и снаряжения, а также отсутствием конской амунии. Погребения содержат, помимо предметов «социального стандарта» (в хуннское время – это маленькие металлические бляхи-нашивки на головной убор и верхнюю одежду, серьги, бусы, неметаллическая посуда; в сяньбийско-жужанский период – маленькие металлические бляхи-нашивки, подвески, пояс с небольшим количеством гарнитур), престижные украшения (пластина-диадема из бронзы и железа, гривна, серебряное кольцо, крупные бронзовые бляхи-застежки), реже бытовую утварь (зеркало, гребень, косметическая щеточка). Данная модель представлена четырьмя погребениями, относящимися к усть-эдиганскому этапу, и 21 захоронением – к бело-бомскому этапу булан-кобинской культуры. В возрастном отношении среди умерших преобладают лица 20–35 лет. По составу инвентаря выделяется два варианта.

2 а – преимущественно (90%) с пластинами-диадемами (золотыми и бронзовыми во II в. до н.э. – I в. н.э., бронзовыми и железными во II – 1-й половине IV в. н.э.) и (или) крупными бляхами (60%) и массивным наконечником-заколкой (10%), часто с большим (свыше 10) количеством золотых или бронзовых блях-нашивок небольшого размера, с серьгами (всегда в хуннский период, редко в сяньбийский период), с основным поясом (почти всегда в сяньбийский период, редко в хуннский период), разнообразными украшениями (наконечники – 50%; подвески – 54%, бусы – 45%, пронизи – 27%), реже с бытовой утварью (зеркала – 27%; гребни – 27%; косметическая щеточка – 9%) и орудиями труда (ножи – 20%; пряслице – 9%; нагайка – 9%; костяной наконечник стрелы – 9%; пинцет – 9%), в одном случае с железным наконечником стрелы (9%). Всего 11 погребений (четыре – хуннского, семь – сяньбийского периодов) из памятников Айрыдаш-I (курганы №60, 80, 105, 123, 151), Усть-Эдиган (курганы №10, 35, 86, 88), Степушка-I (курган №11), Степушка-2 (объект №8).

2 б – с гривнами (62%) либо с крупными металлическими бляхами (37%), или пластинами-диадемами из бронзы и железа (37%), преимущественно с немногочисленными маленькими бронзовыми бляхами-нашивками (до десяти экземпляров), подвесками, как правило, с основным (простым, наборным) поясом (81%), часто с бусами (56%), реже с металлическими наконечниками (31%), в половине случаев с орудиями труда (ножи – 37%, пряслице – 18%, шило – 6%, плеть – 6%), иногда с бытовой утварью (гребни – 12%, зеркало – 6%, неметаллическая посуда – 6%). Всего 16 захоронений сяньбийского времени из памятников Айрыдаш-I (курганы №52, 67, 70, 73, 79, 93, 103, 107, 128, 172, 176, 177, 181), Бике-I (курган №17), Белый-Бом-II (погребение 14), Улуг-Чолтух-I (курган №29).

По своему имущественному положению умершие женщины, захоронения которых отнесены к данной модели, несколько уступают представителям предыдущей социальной группы, однако их также можно отождествить с социально привилегированной частью булан-кобинского общества.

Модель 3 (10 захоронений – 7,2%). Характеризуется присутствием в погребениях амунии верхового коня, почти всегда снаряжения в виде простого или наборного пояса, достаточно многочисленных и разнообразных украшений, входящих в «социальный стандарт» женского инвентаря, а в отдельных случаях престижных изделий.

Данная модель представлена одним погребением усть-эдиганского этапа и девятью захоронениями верх-уймонского этапа. Разница в инвентаре позволяет разделить их на два варианта.

3 а – с пластиной-диадемой или гривной, одинаково часто с одним (удила с псалиями, пряжки) или двумя (удила с псалиями, пряжки и уздечные бляхи) наборами конского снаряжения, преимущественно с орудиями труда (нож, пряслице), в одном случае с железными панцирными пластинами и гребнем. Всего четыре погребения жужанского периода из памятников Верх-Уймон (курганы №27, 30) и Кок-Паш (курганы №33, 35).

3 б – с менее престижными металлическими украшениями в виде бронзовых блях или подвесок небольшого размера, преимущественно с бусами (83%), часто с серьгами (50%), иногда с металлическими наконечниками (16,6%), во многих случаях с орудиями труда (ножи – 66%, пряслица – 33%; оселок – 16,6%, заступ – 16,6%, костяной наконечник стрелы – 16,6%), главным образом с одним набором снаряжения верхового коня (удила с псалиями, пряжки, застёжки). Всего шесть погребений (одно хуннского времени, пять жужанского периода) из памятников Яломан-II (курган №54), Верх-Уймон (курганы №14, 19), Дялян (курганы №9, 14), Катанда-I (курган №5).

Данную модель можно соотнести с привилегированной прослойкой женского населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Модель 4 (50 захоронений – 36,2%). Ее особенностью является наличие в погребальном инвентаре предметов, которые входят в «социальный стандарт», либо заменяющих их одиночных престижных вещей. Такие характеристики зафиксированы у девяти погребений усть-эдиганского, 35 – бело-бомского, шести – верх-уймонского этапов булан-кобинской культуры. Разный состав изделий дает основание различать следующие варианты данной модели.

4 а – с большим количеством (от пяти и более) украшений в виде металлических блях-нашивок, подвесок, с бусами, металлическими наконечниками (83%), простым поясом (83%), в трех случаях (50%) с ножом и украшениями из раковин моллюсков или кости, в двух случаях (33%) с пронизьями, одном случае с серьгой (16,6%) и железным и костяными наконечниками стрел (16,6%). Всего шесть погребений (пять – сянббийского, одно – жужанского периодов) из памятников Айрыдаш-I (курганы №80, 97, 125, 161, 175), Верх-Уймон (курган №1).

4 б – с небольшим количеством металлических украшений (менее пяти изделий), представленных преимущественно маленькими бляхами-нашивками, подвесками (68%), бусами (50%), серьгами (45%), реже наконечниками (20%), гривнами (25%) и украшениями из раковин моллюсков (15%), пронизьями (10%), крупной бронзовой бляхой (5%), пластиной-диадемой (5%), в большинстве случаев (80%) с основным поясом, состоящим из пряжки или иной немногочисленной гарнитуры. У 30% женщин присутствовали орудия труда (в пяти случаях это нож, в одном – пряслице). Бытовая утварь представлена единственной (5%) находкой косметической щеточки. Всего 20 захоронений (одно – хуннского, 16 – сянббийского, три – жужанского периодов) из памятников Усть-Эдиган (курган №72), Булан-Кобы-IV (погребения 12, 42, 53, 58), Бике-I (курганы №18, 23), Айрыдаш-I (курганы №50, 145, 154, 155, 156), Карбан-I (курганы №10, 15), Верх-Уймон (курган №3), Кок-Паш (курганы №13, 30), Степушка-2 (объект №7), Улита (курганы №31, 33).

4 в – с небольшим количеством металлических украшений, преимущественно в виде маленьких блях-нашивок (50%), бус (50%), либо с заменяющими их зеркалами (66,6%) и (или) гребнями (50%), часто с простым поясом (50%), ножом (41%), редко с серьгами (16%), неметаллической посудой (16%), иногда с удилами (8%) и косметической щеточкой (8%). Всего 12 захоронений (пять – хуннского, семь – сянббийского периодов) из памятников Булан-Кобы-IV (погребение 22), Боочи (курган №3), Балык-тьюль (курган №1), Улуг-Чолтух-1 (курган №2), Айрыдаш-I (курганы №32, 81), Чендек (курган №28), Усть-Эдиган (курганы №18, 30, 69, 79), Белый-Бом-II (погребение 17).

4 г – с минимальным количеством металлических украшений, главным образом, с маленькими бляхами-нашивками и подвесками, либо заменявшими их зеркалами, редко с бусами (31%), наконечниками (31%), серьгами (25%), поясами (18%), раковинами-каури (12%), костяными подвесками (12%), пряслищем (6%), неметаллической посудой (6%). Всего 16 захоронений (три – хуннского, 10 – сяньбийского, три – жузжанского периодов) из могильников Степушка-2 (объект №37), Улут-Чолтух-I (курган №376), Верх-Уймон (курган №20а), Улита (курган №17), Айрыдаш-I (курганы №43, 45, 108, 112, 174), Усть-Эдиган (курганы №4, 29), Чендек (погребение 6), Бош-Туу-I (курган №10), Булан-Кобы-IV (погребение 47), Чендек (курган №10), Кок-Паш (курган №45).

Рассматриваемая модель соотносится с рядовым населением булан-кобинской культуры, имевшим высокий и средний уровень материального достатка. Умершие женщины, отнесенные к данной группе, при жизни могли являться женами как профессиональных воинов, так и простых ополченцев.

Модель 5 (пять захоронений – 3,6%). Погребения с одним предметом вооружения (в трех случаях это один железный наконечник стрелы, в двух случаях – миниатюрный кинжал) преимущественно (три случая) с бусами и простым поясом, реже с орудиями труда (в двух случаях – пряслище, в одном случае – нож) и бытовой утварью (косметическая щеточка). К данной модели относятся четыре захоронения бело-бомского этапа и одно верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры из памятников Балыктыюль (курган №225), Белый-Бом-II (курган №10, погребение 1), Булан-Кобы-IV (погребение 39), Курайка (курган №44), Кок-Паш (курган №57). Среди умерших индивиды юного, возмужалого и зрелого возраста. По своему статусу данные женщины принадлежали к бедной части рядовых «булан-кобинцев». На наш взгляд, случаи помещения отдельных предметов вооружения в женские могилы можно интерпретировать как подношения. Конечно, нельзя отрицать, что отдельные представительницы «слабого» пола могли брать на себя функции обеспечения безопасности коллектива. Однако системное участие женщин в военном деле представляется маловероятным.

Модель 6 (45 захоронений – 32,6%). Погребения с одиночными социально «нейтральными» предметами украшений, снаряжения, орудиями труда либо без подобных изделий. К данной модели относятся 39 захоронений бело-бомского, шесть – верх-уймонского этапов булан-кобинской культуры. По составу вещей они подразделяются на три варианта.

6 а – с украшениями в виде бус (14 случаев – 77,7%), раковин-каури (три случая – 16,6%), бронзовой бляшки небольшого размера (один случай – 5,5%), каменной подвески (один случай – 5,5%), костяной пронизи (один случай – 5,5%), в отдельных случаях с орудиями труда, представленными ножом (три случая – 16,6%), пряслищем (один случай – 5,5%), заступом-пешней (один случай – 5,5%), иногда также с поясом (один случай – 5,5%). Всего 18 захоронений (15 – сяньбийского, три – жузжанского периодов) из памятников Булан-Кобы-IV (погребение №48), Улита (курган №26), Бике-I (курган №16), Белый-Бом-II (курган №31), Бош-Туу-I (курганы №12, 17, 20, 50), Сальдьяр-II (курганы №6, 8), Курайка (курганы №24, 25, 39), Кальджин-6 (курган №24, впускное погребение), Чендек (курганы №4, 22), Айрыдаш-I (курган №170), Кок-Паш (курган №9).

6 б – без украшений, с простым поясом (семь случаев – 63%) и (или) орудиями труда в виде ножа (один случай – 9%), пряслища (один случай – 9%), плети (один случай – 9%) либо с неметаллической посудой (два случая – 18%) или застежкой (один случай – 9%). Всего 11 захоронений (10 – сяньбийского, одно – жузжанского периодов) из памятников Булан-Кобы-IV (погребение 34), Степушка-2 (объекты №15, 17), Пазырык (курган №3), Улут-Чолтух-I (курганы №23, 35), Айрыдаш-I (курганы №38, 48, 104), Кара-Коба-II (курган №6, впускное погребение), Чендек (курган №14).

6 в – без инвентаря. Всего 16 захоронений (14 – сяньбийского, два – жузжанского периодов) из памятников Айрыдаш-I (курганы №41, 59 (юго-западный скелет)), Бош-Туу-I

(курганы №9, 15, 19, 29, 46, 51); Булан-Кобы-IV (погребение 54), Карбан-I (курган №6); Кальджин-6 (курган №32); Улита (курганы №18, 19), Степушка-2 (объект №36), Чендек (курган №25), Кок-Паш (курган №48).

Данная модель представляет бедную и беднейшую часть населения булан-кобинской культуры Алтая, занимавшего самую нижнюю ступень в социально-имущественной стратификации женщин. Малочисленность безынвентарных могил в рассматриваемой группе, по-видимому, обусловлена состоянием имеющейся выборки²⁵.

Социальные модели погребений детей и подростков

Основная проблема изучения социальной стратификации детей и подростков заключается в том, что не всегда четко выражены археологические показатели, демонстрирующие их место в вертикальной и горизонтальной структуре общества. Формирование социального статуса детей в значительной степени зависело от возрастных особенностей и специфики индивидуального физиологического развития. Стоит отметить, что присутствие в могилах детей небольшого возраста не престижных или одиночных «элитных» предметов, а также захоронения верхового коня выступают маркерами их высокого социального происхождения как представителей определенных семейно-родовых коллективов. Детские погребения отличаются значительной вариабельностью и неустойчивостью наборов вещей, обусловленной неодинаковой динамикой социализации мальчиков и девочек, а также сочетанием в равной степени признаков, характерных для мужской и женской части населения. Несмотря на выявленную социальную обусловленность качественного и количественного состава инвентаря, далеко не всегда возможно оценить роль половозрастного и социально-имущественного факторов в реализации погребального обряда лиц обозначенной категории. С учетом этих замечаний нами были выделены следующие модели²⁶.

Модель 1 (12 захоронений – 7,7%)²⁷. Выделяется присутствием в погребениях нескольких вещей из престижных наборов инвентаря, представленных украшениями, бытовыми вещами, снаряжением верхового коня, предметами вооружения. Значительное число индивидов сопровождаются металлическими (золотыми, бронзовыми) бляхами-нашивками небольшого размера, подвесками, пронизиями, серьгами, основными поясами (простыми и наборными). Обозначенные характеристики зафиксированы в четырех погребениях усть-эдиганского, восьми – бело-бомского, трех – верх-уймонского этапов булан-кобинской культуры. Среди них семь человек (58%) похоронены с верховым конем. Данная модель характеризуется почти одинаковым численным соотношением возрастных групп Infant-I (пять человек) и Infant-II (шесть индивидов). Возраст одного ребенка не определен. По насыщенности инвентарем различаются следующие варианты.

1 а – с наборным поясом, разнообразным снаряжением верхового коня (удила, уздечные бляхи, седло), бронзовыми серьгами, ножом, в одном случае с деревянной посудой. Парное захоронение ребенка 6–7 лет и подростка 9–10 лет в сопровождении верховых коней из комплекса жужанского времени могильника Яломан-II (курган №33, погребение 1).

1 б – с боевым ножом, наборным поясом, снаряжением верхового коня (удила или псалии), ножом, деревянной посудой, в одном случае с плетью и бронзовой подвеской. Захоронения двух детей (один ребенок 5–6 лет с верховым конем) из памят-

²⁵ Не исключено, что не менее чем в четверти булан-кобинских погребений без вещей с неустановленным полом могли быть похоронены женщины.

²⁶ При изучении социальной стратификации детской части населения мы несколько укрупнили модели погребений, объединив, таким образом, некоторые их различия (социальные, имущественные, возрастные, половые, индивидуальные) на уровень внутренней дифференциации. Это обусловлено, главным образом, тем, что умершие дети и подростки разного возраста, включенные по формальным признакам сопроводительного инвентаря в одну модель, могли иметь неодинаковый социальный статус.

²⁷ Процентные выкладки определены из расчета 155 (100%) захоронений детей и подростков.

ников сяньбийского времени Белый-Бом-II (курган №14, погребение 4) и Степушка-I (курган №21).

1 в – с луком, боевым ножом и простым поясом. Захоронение подростка 9,5–10,5 лет в сопровождении верхового коня из памятника сяньбийского времени Айрыдаш-I (курган №131).

1 г – с железными наконечниками стрел, крючком-застежкой, удилами, ножом и бусами. Захоронение ребенка 3,5–4 лет с конем из могильника сяньбийского времени Булан-Кобы-IV (погребение 25).

1 д – с зеркалом, золотыми бляхами-нашивками небольшого размера, бусами, серьгами (два случая), гребнем (один случай), керамической посудой (два случая), удилами (один случай). Захоронения детей 5–6 и 7–8 лет и одного подростка 10–11 лет (в сопровождении коня) из памятников хуннского времени Усть-Эдиган (курган №73) и Яломан-II (курганы №52, 56).

1 е – с гривной, простым поясом, в одном случае с серьгой, оселком, деревянной и керамической посудой (ребенок младшей возрастной группы), в другом – с металлическими бляхами-нашивками небольшого размера, наконечниками, бронзовой и костяными подвесками, раковинами-каури, ножом (девочка 11–13 лет). Два погребения из памятников сяньбийского времени Бике-I (курган №21) и Курайка (курган №48).

1 ж – с серьгой, бронзовой пронизью, простым поясом, ножом, удилами. Погребение ребенка младшей возрастной группы в сопровождении верхового коня из памятника жужанского времени Верх-Уймон (курган №29).

Данная модель захоронений представляет детей, относившихся к верхнему слою (погребения вариантов 1 а–б) и зажиточной части рядового населения (погребения вариантов 1 в–ж) Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени.

Модель 2 (30 захоронений – 19,3%). Погребения детей и подростков с одним предметом из числа социально престижных наборов либо с несколькими менее статусными вещами. Данная модель включает пять захоронений усть-эдиганского, 23 – бело-бомского, два – верх-уймонского этапов булан-кобинской культуры. Среди умерших 12 индивидов принадлежат к младшей (до 6 лет) и старшей (7–13 лет) возрастным группам. Возраст шести человек не идентифицирован. У детей 3–6 лет инвентарь включал, в основном, пронизи, иногда серьги, маленькие бляхи-нашивки, железные наконечники стрел. У лиц 7–13 лет более многочисленными становились бляхи-нашивки, серьги, пронизи, а кроме того, чаще встречены пояса, в отдельных случаях фиксируются наконечники, булавы, железные наконечники стрел и лук. Неоднородный состав инвентаря позволяет обозначить следующие варианты.

2 а – с поясами и металлическими украшениями в виде маленьких блях-нашивок (не более пяти экземпляров) или серег, реже пронизей, преимущественно с бусами (пять случаев), ножом (четыре случая), иногда (один случай) с пряслищем, булавкой, наконечниками, колокольчиком, костяными и каменными подвесками, раковинами-каури, неметаллической посудой. Захоронения восьми детей (ребенок 4 лет, пять подростков, два индивида без возрастных определений) из памятников хуннского и сяньбийского времени: Усть-Эдиган (курган №25), Яломан-II (курган №47), Бике-I (курганы №11, 20, 26, 27), Айрыдаш-I (курган №174), Улуг-Чолтух-I (курган №23).

2 б – с металлическими украшениями в виде блях-нашивок небольшого размера или пронизей, либо серег, редко с другими предметами: бусами (пять случаев), ножом (четыре случая), украшениями из кости (три случая), неметаллической посудой (два случая), косметической щеточкой (один случай). Захоронения 13 детей (шесть младшей возрастной группы, в том числе ребенок 1,5–2 лет, четыре старшей возрастной группы, три индивида без возрастных определений) из памятников хуннского, сяньбийского и жужанского периодов: Яломан-II (курган №53), Усть-Эдиган (курганы №7, 9), Айрыдаш-I (курганы №29, 69, 92, 96, 168), Булан-Кобы-IV (погребение 41), Степушка-2 (объекты №2, 22), Верх-Уймон (курган №31), Чендек (курган №38).

2 в – с гривной, в одном случае с простым поясом. Захоронения четырех детей (двое младшей, один старшей возрастной группы, один с неустановленным возрастом) из памятников сяньбийского времени Балыктыюль (курган №2), Карбан-I (курган №19), Айрыдаш-I (курганы №137, 154).

2 г – с предметами вооружения (железный наконечник стрелы или лук, либо железные панцирные пластины), с пряжкой от пояса (?) и бронзовым изделием (один случай), железными поясными бляхами и бусами (один случай) либо с ножом (один случай). Захоронения трех детей (2 года, 3–4 года, 4–5 лет) и двух подростков (9,5 лет и 12–13 лет) из памятников сяньбийского времени Айрыдаш-I (курганы №40, 98, 113), Булан-Кобы-IV (погребение 49), Степушка-2 (объект №20).

Данную модель детских захоронений можно соотнести с зажиточной частью рядового населения булан-кобинской культуры Алтая. Отмеченная вариабельность состава инвентаря была обусловлена, на наш взгляд, половыми, возрастными, а также индивидуальными различиями покойных²⁸.

Модель 3 (113 захоронений – 73%). Погребения с минимальным количеством вещей из числа социально не престижных наборов украшений, орудий труда, бытовой утвари либо без таковых. Данная модель включает шесть захоронений усть-эдиганского, 97 – бело-бомского, 10 – верх-уймонского этапов булан-кобинской культуры. Выделяются два варианта.

3 а – преимущественно (29 случаев – 72%) с одним предметом в виде ножа (17 случаев – 42%), бус (16 случаев – 40%), неметаллической посуды (семь случаев – 17%), пряжки (шесть случаев – 15%), пряслица (два случая – 5%), плети (один случай – 2,5%). Всего 40 захоронений (три – хуннского, 33 – сяньбийского, четыре – жужанского периодов) из памятников Усть-Эдиган (курганы №8, 75), Белый-Бом-II (курган №12, погребение 1, западный скелет), Бош-Туу-I (курганы №1, 2, 4), Булан-Кобы-IV (погребения 4, 24, 40, 44 (парное), 51, 64), Тьткескень-VI (курган №5), Яломан-II (курган №49), Чендек (курган №27), Айрыдаш-I (курганы №54, 57, 99, 127, 140, 143, 165 (2), 173), Бике-I (курганы №15, 22), Курайка (курганы №6 (2), 40а, 100), Тете-4 (курган №4, впускное погребение), Улут-Чолтух-I (курган №36а), Верх-Уймон (курганы №16, 21, 22), Степушка-I (курганы №5, 24), Степушка-2 (объект №18а). Среди умерших девять человек – дети в возрасте до 6 лет; восемь – дети и подростки 7–13 лет; возраст остальных индивидов не определен.

3 б – без инвентаря. Всего 73 захоронения (три – хуннского, 64 – сяньбийского, шесть – жужанского периодов) из памятников Яломан-II (курган №53а), Усть-Эдиган (курганы №76, 100), Булан-Кобы-IV (погребения 1, 7, 14, 14, 15, 24, 43, 57, 59), Белый-Бом-II (курган №10, погребение 5; курган №12, погребения 1 (восточный скелет), 2, 8, 9), Бош-Туу-I (курганы №11, 22, 25, 35), Сальдьяр-II (курганы №9, 10), Кара-Коба-II (курган №6, впускное погребение 1), Карбан-I (курганы №13, 32), Курайка (курганы №4, 5, 22, 26, 28, 29, 41а), Пазырык (курган №42), Боочи (курган №7, погребение 2), Ябоган-III (курган №1, впускное погребение 1; курган №2, впускное погребение 1 (два подростка); курган №4, впускное погребение 1), Айрыдаш-I (курганы №27, 37, 58 (2), 97, 98, 106, 152, 154 (2), 157, 168, 169, 182), Балыктыюль (курган №4), Степушка-I (курган №15), Степушка-2 (объекты №16, 17, 18), Улита (курганы №5, 27, 28), Верх-Уймон (курганы №2, 17), Кок-Паш (курганы №8 (парное погребение), 44), Улут-Чолтух-I (курган №23), Кальджин-6 (курган №43, погребение 2), Кальджин-8 (курган №4), Чендек (погребение 4, курган №5). В 34 случаях (46%) это были дети до 7 лет, в 14 случаях (19%) – 7–13 лет. Возраст остальных 25 индивидов не установлен. Один подросток 12–14 лет был похоронен в сопровождении лошади.

²⁸ На фоне массового отсутствия инвентаря в погребениях детей, умерших в возрасте до 3 лет, резко выделяются ребенок 1,5–2 лет с одной золотой бляхой-нашивкой и керамическим горшком из комплекса хуннского времени некрополя Яломан-II (курган №53), а также двухлетний ребенок из могильника сяньбийско-жужанского времени Степушка-2 (объект №20), похороненный с железной панцирной пластиной, железными поясными бляхами, бусами из кости и стекла.

Детские погребения с одиночными предметами инвентаря (вариант а) могут относиться к основной массе рядового населения со средним материальным достатком. Безынвентарность являлась нормой похоронного ритуала для детей до трех лет, независимо оттого, что они относились к неравным по материальному и социальному положению семейно-родственным коллективам. Отсутствие вещей у подростков и некоторой части детей 4–6 лет может свидетельствовать о принадлежности их к малоимущей и самой бедной части рядового населения булан-кобинской культуры.

*Социальные модели погребений взрослых людей
с неустановленным полом²⁹*

Модель 1 (шесть захоронений – 3,8%)³⁰. Погребения с одним набором предметов вооружения, представленным железными наконечниками стрел, и снаряжением в виде пояса с небольшим количеством гарнитур (преимущественно только пряжка). С большинством умерших людей встречены одиночные украшения из металла и кости, реже орудия труда. Все погребения с данными признаками относятся к бело-бомскому этапу булан-кобинской культуры. Разница в инвентаре позволяет дифференцировать два варианта обозначенной модели.

1 а – с простым поясом, бронзовой гривной, ножом, плетью. Всего одно погребение сяньбийского периода из могильника Айрыдаш-I (курган №78). Данный человек занимал одинаковое положение с мужскими захоронениями модели 5 б.

1 б – с простым поясом, в двух случаях с ножом и (или) стрелами с костяными наконечниками, подвесками из кости, в одном случае с маленькими бронзовыми бляхами или бронзовыми пронизьями, либо бусами. Всего пять захоронений сяньбийского периода из памятников Белый-Бом-II (курган №10, погребения 1, 3, 4) и Айрыдаш-I (курганы №72, 185). Они могут быть соотнесены с моделью 5 в мужских погребениях.

Модель 2 (четыре захоронения – 2,6%). В отличие от предыдущей модели в погребениях присутствуют только стрелы с железными наконечниками (не более четырех). Все могилы с такими характеристиками относятся к бело-бомскому этапу и происходят из памятников Урочище Балчикова-3 (курганы №5, 6), Боочи (курган №5), Кызыл-Джар-I (курган №9, впускное погребение). Ее можно сопоставить с моделью 7 мужских захоронений.

Модель 3 (одно захоронение – 0,6%) выделяется отсутствием предметов вооружения при наличии престижного снаряжения в виде пояса с ажурными бляхами (из бронзы с золотым покрытием), выполненными в зверином стиле, и декорированного наконечника ремня, а также большого количества (свыше 10) маленьких золотых блях-нашивок на одежду, амуниции верхового коня (удила с псалиями, пряжки), неметаллической посуды. Обозначенные параметры зафиксированы в кенотафе хуннского времени, исследованном на памятнике Яломан-II (курган №60) (Тишкин А.А., Матренин С.С., 2011). Данный объект пока нельзя соотнести с выделенными социальными моделями мужских и женских погребений булан-кобинской культуры.

Модель 4 (12 захоронений – 7,7%). Погребения с немногочисленными (до пяти экземпляров) украшениями из золота или бронзы. Включает семь погребений усть-эдиганского и пять объектов бело-бомского этапов булан-кобинской культуры. В рамках данной модели выделяются следующие варианты.

4 а – с маленькими бляхами-нашивками / пронизьями, основным поясом либо с удилами. В половине случаев с покойными зафиксирована неметаллическая посуда, в одном захоронении – серьга, в другом – костяные наконечники стрел. Всего четыре погребения (три – хуннского, одно – сяньбийского периодов) из памятников Усть-Эдиган (курганы №32, 84), Яломан-II (курган №46), Айрыдаш-I (курган №77).

4 б – с маленькими бляхами-нашивками / подвесками или пронизьями в четырех случаях (57%) в сочетании с другими предметами: серьга; бусина и костяной наконеч-

²⁹ В данную выборку включены также кенотафы и потревоженные захоронения.

³⁰ Процентный состав определен по материалам 155 (100%) погребений.

ник стрелы; керамический сосуд; бусы и деревянное блюдо; бусина. Всего восемь погребений (четыре – хуннского, четыре – сяньбийского периодов) из памятников Усть-Эдиган (курганы №13, 38, 71), Чендек (погребение №7), Айрыдаш-I (курганы №61, 68), Курайка (курган №49), Улита (курган №15).

Инвентарь данных погребений демонстрирует наибольшее сходство с моделями 4 в, 2 женских погребений.

Модель 5 (131 захоронение – 85%). Погребения с одиночными социально не выразительными предметами либо без подобных изделий. К данной модели относятся 13 захоронений усть-эдиганского, 99 бело-бомского, 19 верх-уймонского этапов булан-кобинской культуры. Состав инвентаря позволяет различать следующие варианты.

5 а – с украшениями в виде бус, в редких случаях также с орудиями труда (шило, плеть, нож) или простым поясом. Всего семь погребений (шесть – сяньбийского, одно – жужанского периодов) из памятников Айрыдаш-I (курган №164), Чендек (курган №13), Кальджин-6 (курган №18), Ябоган-III (курган №5, впускное погребение), Улита (курганы №6, 8), Улуг-Чолтух-I (курган №1, скелет Б). Социальный статус данных индивидов можно сопоставить с представителями модели 9 а мужских погребений и 6 а женских погребений.

5 б – без украшений, с удилами и псалями, в одном случае с маленькой бронзовой накладкой. Всего четыре погребения (два – хуннского, одно – сяньбийского, одно – жужанского периодов) из памятников Яломан-II (курганы №59, 63), Булан-Кобы-IV (погребение 67), Катанда-I (курган №8). Аналогии данным захоронениям среди выделенных социальных моделей мужских и женских погребений отсутствуют.

5 в – без украшений, преимущественно с простым поясом (43%) и (или) орудиями труда (нож, плеть, костяные наконечники стрел), редко с неметаллической посудой. Всего 39 захоронений (два – хуннского, 29 – сяньбийского, восемь – жужанского периодов) из памятников Усть-Эдиган (курган №3, погребение 3), Кок-Паш (курганы №5, 11, 47, 52, 53), Чендек (курганы №6, 16), Кызыл (курган №3, впускное погребение 2), Бике-I (курган №13), Улуг-Чолтух-I (курган №1, скелет А), Боочи (курган №7, погребение 1), Булан-Кобы-IV (погребение №68), Кызык-Телань-II (курган №2, впускное погребение), Кальджин-6, (курган №40), Карбан-I (курганы №25, 40), Семисарт-I (курган №18), Айрыдаш-I (курганы №18, 34, 35, 65, 76, 138, 141, 144, 159, 163, 162, 165, 171, 178, 184), Улуг-Чолтух-I (курганы №32, 37а, 38в), Степушка-2 (объект №14), Яломан-II (курган №60а), Чендек (курган №18). Данные захоронения можно сопоставить с выделенными нами социальными моделями 9 а мужских и 6 б женских погребений населения булан-кобинской культуры.

5 г – без сопроводительного инвентаря. Всего 82 захоронения (10 – хуннского, 63 – сяньбийского, девять – жужанского периодов) из памятников Бош-Туу-I (погребения 1, 3, 4, 6, курганы №8, 23), Кальджин-6 (курганы №6, 17, 43, погребение 1), Курайка (курганы №7, 101, 102); Яломан-II (курганы №45, погребения 51а, 55, 57а), Чендек (курганы №11, 12), Сары-Бел (курган №150), Усть-Эдиган (курганы №27, 81, 87), Карбан-I (курганы №16, 23, 36, 38), Белый-Бом-II (курган №14, погребение 2), Улуг-Чолтух-I (курган №6), Ябоган-III (курган №2, впускное погребение 1, западный скелет; погребения 2 (два взрослых), 3; курган №3, впускное погребение 3; курган №4, впускное погребение), Боочи (курганы №1, 2, 4, 6, 8), Булан-Кобы-IV (погребение 9), Бике-I (курган №19), Усть-Кожолу-II (курган №3, впускное погребение), Усть-Кожолу-IV (курган №10, впускное погребение), Айрыдаш-I (курганы №18, 48, погребение 2; курганы №51, 75, 82, 83, 100, 102 Б, 111, 114, 115, 118, 120, 129, 130, 133, 135, 150, 153, 167, 179, 183), Верх-Уймон (курганы №10, 10а), Чендек (курганы №20, 24), Кок-Паш (курганы №3, 43, 50, 51, 56), Улита (курганы №3, 4, 10, 29), Степушка-2 (объекты №13, 36а), Улуг-Чолтух-I (курган №30), Чобурак-II (курган №2, впускное погребение), Балык-Соок-II (курган №1, впускное погребение). Стоит отметить, что среди них достаточно много (12%) впускных могил. В целом, данные захоронения идентичны модели 9 б мужских и модели 6 в женских погребений.

Таким образом, в результате проделанной работы было выделено несколько социальных моделей погребений (девять мужских, шесть женских, три детских, пять для людей с неустановленным полом) скотоводов Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени.

Выделение такого большого количества моделей, на наш взгляд, оправдано тем, что они демонстрируют широкий спектр возможных различий статусов людей, а также позволяют проследить динамику социального развития населения Алтая на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. Именно такие дробные дефиниции могут стать основой для сравнения нескольких проекций стратификации изучаемого общества, в том числе этносоциальной дифференциации. При этом если у женщин количество социальных моделей погребений на разных этапах существования булан-кобинской культуры было примерно одинаковым, то для мужчин характерно заметно выраженное усиление дифференциации во II–V вв. н.э. Отметим, что предложенная интерпретация социальных моделей отчасти схематична, что объективно обусловлено самой спецификой реконструкций социальной организации древних народов по данным погребального обряда археологических комплексов.

Рассмотренные выше модели были объединены по степени максимальной близости в четыре социальных слоя, которые отражают вертикальную структуру общества скотоводов Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Верхний привилегированный слой: модели 1, 2 мужских захоронений; модели 1, 2 а женских захоронений; модель 1 а–б захоронений детей и подростков.

Привилегированный слой: модель 3 мужских захоронений; модели 2 б, 3 женских захоронений; модели 1 в–ж, 2 детей и подростков.

Средний слой: модели 4, 5, 6, 7, 8 мужских захоронений; модели 4, 5 женских захоронений; модель 3 а–б захоронений детей в возрасте до трех лет; модели 1, 2, 4 захоронений взрослых людей с неопределенным полом.

Нижний слой: модель 9 мужских захоронений; модель 6 женских захоронений; модель 3 б захоронений детей и подростков; модель 5 захоронений взрослых людей с неопределенным полом.

2.3.3. Индивидуальный социальный статус мужского населения булан-кобинской культуры

Наиболее полную картину социальной структуры скотоводов Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени демонстрирует дифференциация мужского населения. Для повышения объективности оценки стратификации этой части населения нами проведено изучение социального положения мужчин в булан-кобинском обществе на основе метода расчета «индекса статуса» индивидов, реализованного в работах некоторых зарубежных антропологов (Sparacello V.S., d'Ercole V., Coppa A., 2015, p. 307–312)³¹. Важность использования данного подхода заключается в возможности получения математического результата социального группирования захоронений мужчин, а также сравнения полученных показателей с ранее сделанными выводами.

Вычисление индекса статуса (Status Index) осуществлялось по формуле:

$$SI(h) = \sum(k) [Nk \times Cs(k)],$$

где SI (h) – индекс статуса человека из конкретного погребения;

Cs – коэффициент статуса отдельной выбранной категории предметов сопроводительного инвентаря (сначала рассчитывается для каждой категории, затем значения всех категорий в каждом погребении суммируются);

K – категория или вид предмета (например, лук, копье, орудия труда);

³¹ Авторы выражают благодарность заведующей кабинетом антропологии Алтайского госуниверситета к.и.н. С.С. Тур за возможность ознакомления с данной методикой, практически не применявшейся отечественными археологами.

$N(k)$ – число погребений в выборке (на отдельном могильнике, в группе памятников или во всей совокупности погребальных объектов), которые содержат конкретную категорию инвентаря;

$N(hk)$ – общее число всех предметов в конкретном погребении, которое содержит выбранную категорию предметов «к».

Учитывая редкость отдельной выбранной категории предмета инвентаря и общее количество вещей в конкретно взятой могиле, которые ее «сопровождают», рассчитывается значение этой категории для выделения «элитности» погребения.

Опираясь на представленный алгоритм, можно рассчитать коэффициент статуса выбранной категории («к») для могильника или всей выборки погребений из разных погребальных комплексов путем суммирования этих коэффициентов для каждого погребения по формуле:

$$Cs(k) = \sum(h) [N(hk)/N(k)].$$

Для анализа индекса статуса индивидов нами были отобраны 13 «индикаторов» (категорий и видов предметов) сопроводительного инвентаря:

- К 1 – стрелы с железными наконечниками;
- К 2 – лук;
- К 3 – боевой нож, кинжал, чекан;
- К 4 – стрелковый пояс с крюком-застежкой, ножны с железными креплениями;
- К 5 – меч, копье;
- К 6 – доспех (панцирные пластины);
- К 7 – простой пояс, наборный пояс с небольшим количеством гарнитур (менее 10 экз.);
- К 8 – наборный пояс с большим количеством гарнитур (более 10 экз.);
- К 9 – серьги, гривны, кольца;
- К 10 – удила, псаии;
- К 11 – уздечная (пряжки, бляхи, распределители, застежки) и седельная гарнитура (пряжки, седло);
- К 12 – орудия труда (железные ножи, шилья, стрелы с костяными наконечниками, плети, оселки и др.);
- К 13 – металлическая посуда (котел), специализированные инструменты (тесло, стамеска, резец, долото).

Средние значения коэффициента статуса (Cs) выделенных категорий и видов предметов в обобщенной серии мужских погребений Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. выглядят следующим образом (табл. 29).

В результате суммирования персональных коэффициентов статуса³² обозначенных «индикаторов» в каждом отдельно взятом захоронении удалось определить индивидуальный индекс социального статуса 315 мужчин из непо потревоженных могил.

Для демонстрации алгоритма вычисления индекса статуса приведем пример извлечения вещественного материала непо потревоженных мужских захоронений из полностью раскопанного памятника сяньбийско-жужанского времени Степушка, материалы которого целиком введены в научный оборот (Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В., 2018; Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018). В данной процедуре использовалась матрица автоматизированного подсчета индивидуальных и общих (средних) значений, разработанная с помощью редактора Excel пакета Microsoft Office (2012) (табл. 30).

Полученные индексы статуса 315 мужчин³³ были упорядочены в порядке убывания значений с учетом медианы (показатель индекса, находящегося ровно посередине

³² В конкретном отдельно взятом захоронении Cs имеет свое значение.

³³ Для анализа не привлекались потревоженные захоронения и кенотафы.

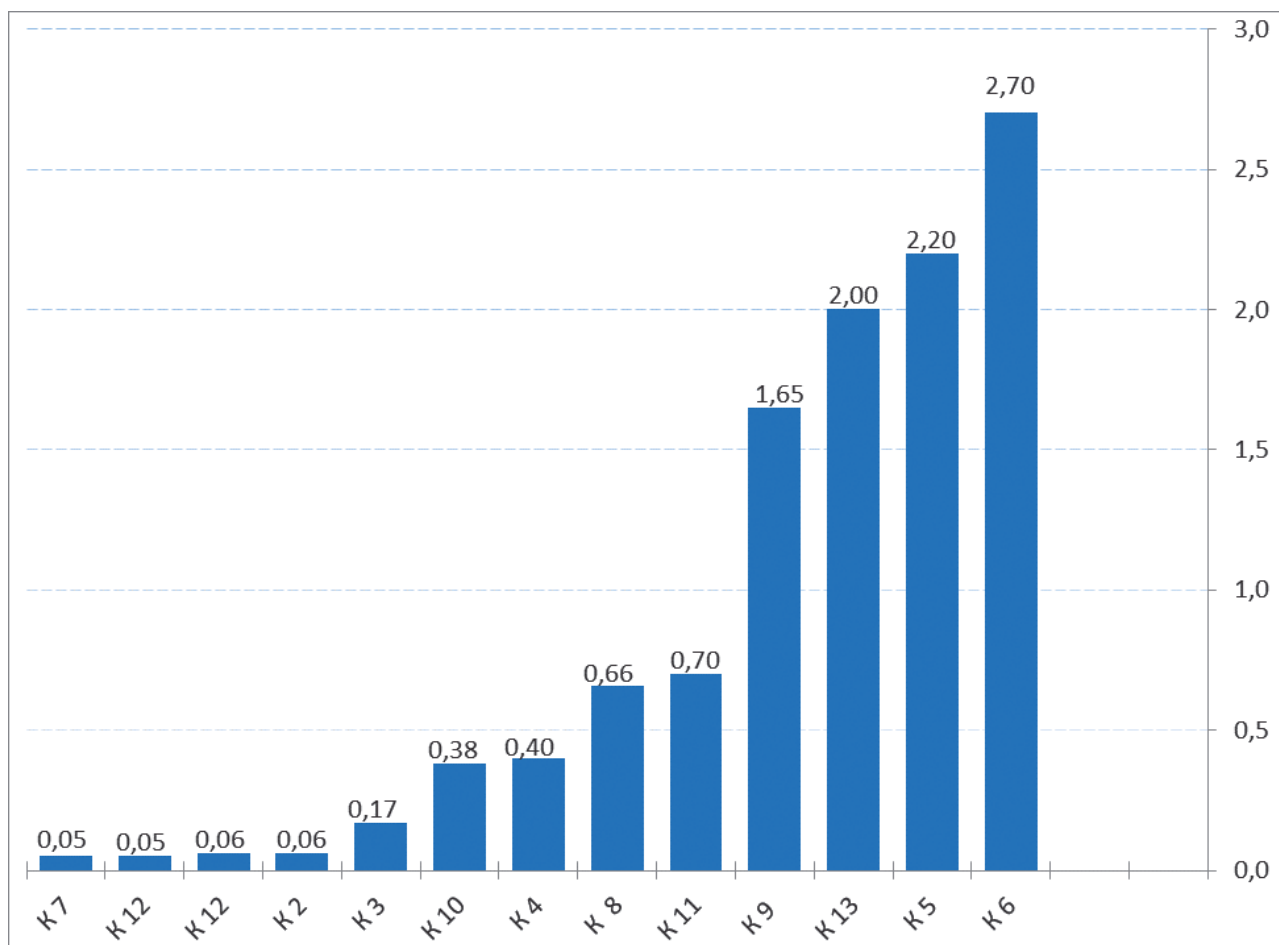

Таблица 29. Диаграмма средних значений коэффициента статуса (Cs) категорий и видов предметов в мужских погребениях Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

ряда числовых величин)³⁴. Для всей выборки захоронений медиана значения индекса статуса составляет 8 единиц. Полученные две совокупности величин (половина больше и меньше медианы) также были поделены на основе своих медиан. В результате сравнения разных выборок нами выделено несколько групп захоронений, отличающихся среднестатистическим (типичным) составом сопроводительного инвентаря.

Группа I (индекс статуса от 170 единиц)³⁵ – захоронения 34 (10,7%) индивидов с наиболее привилегированным социальным положением. Среднестатистические характеристики сопроводительного инвентаря, встречающиеся в не менее 50% захоронений этой группы: оружие дальнего боя (лук, стрелы с железными наконечниками), короткоклинковое оружие (боевой нож) часто в ножнах с железными креплениями, наборный пояс с большим количеством ременных гарнитур, стрелковый пояс с крюком-застежкой, снаряжение верхового коня (в том числе редкая гарнитура) и (или) редкие украшения (серьга, гривна). На данные погребения приходится практически

³⁴ Медиана в математической статистике – это такое число выборки (например, набор цифр), что ровно половина из элементов выборки больше него, а другая половина меньше него. Медиану можно найти, упорядочив элементы выборки по возрастанию или убыванию, определив средний элемент. Например, выборка {11, 9, 3, 5, 5} после упорядочивания превращается в {3, 5, 5, 9, 11} и ее медианой является число 5. Если в выборке четное число элементов, медиана может быть не определена однозначно: для числовых данных чаще всего используют полусумму двух соседних значений (т.е. медиану набора {1, 3, 5, 7} принимают равной 4. Для случайных величин медиана делит пополам распределение, т.е. это такое число, что вероятность получить значение случайной величины справа от него равна вероятности получить значение слева от него. Медиана согласуется с интуитивным пониманием «среднего» (Медиана // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 09.01.2020).

³⁵ Для удобства демонстрации значения персональных индексов статуса были увеличены в 10 раз.

Таблица 30

Расчет индекса статуса умерших мужчин из памятника Степушка

	Возраст	N (hk)	SI (h)	Cs (k1)	Cs (k2)	Cs (k3)	Cs (k4)	Cs (k5)	Cs (k6)	Cs (k7)	Cs (k8)	Cs (k9)	Cs (k10)	Cs (k11)	Cs (k12)	Cs (k13)
Ст. I, к. 1	20-23 л.	3	0,0298	0	0,0161	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,0137	0
Ст. I, к. 3	23-27 л.	3	0,0291	0,0154	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,0137	0
Ст. I, к. 4	ок. 50 л.	5	0,0767	0,0256	0	0,05102	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ст. I, к. 5	ок. 35 л.	13	1,1653	0,0667	0,0699	0,13265	0,2321	0	0	0,0722	0	0	0,22034	0,37143	0	0
Ст. I, к. 7	ок. 17 л.	15	1,1453	0,0769	0,0806	0,15306	0	0	0	0,0833	0	0	0,25424	0,42857	0,0685	0
Ст. I, к. 8	27-28 л.	11	0,1658	0,0564	0,0591	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,0502	0
Ст. I, к. 9	35-40 л.	4	0,0825	0,0205	0,0215	0	0	0	0	0,0222	0	0	0	0	0,0183	0
Ст. I, к. 10	14-18 л.	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ст. I, к. 13	ок. 50 л.	10	1,2827	0,0513	0,0538	0,10204	0,1786	0	0	0	0,2632	0	0	0	0,0457	0,58824
Ст. I, к. 15	35-40 л.	6	0,0915	0,0308	0	0	0	0	0	0,0333	0	0	0	0	0,0274	0
Ст. I, к. 17	15-16 л.	23	2,6443	0,1179	0,1237	0,23469	0,4107	0	0	0	0,6053	0	0,38983	0,65714	0,105	0
Ст. I, к. 19	ок. 35 л.	29	7,4566	0,1487	0,1559	0,29592	0,5179	0	2,4167	0	0,7632	0	0,49153	0,82857	0,1324	1,70588
Ст. 2, об. 5	35-40 л.	7	0,1067	0,0359	0	0	0	0	0	0,0389	0	0	0	0	0,032	0
Ст. 2, об. 9	25 л.	3	0,0482	0,0154	0,0161	0	0	0	0	0,0167	0	0	0	0	0	0
Ст. 2, об. 10	45-50 л.	4	0,0388	0,0205	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,0183	0
Ст. 2, об. 13	50-60 л.	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ст. 2, об. 19	30-35 л.	4	0,0427	0,0205	0	0	0	0	0	0,0222	0	0	0	0	0	0
Ст. 2, об. 23	30-35 л.	2	0,0091	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,0091	0
Ст. 2, об. 26	40 л.	10	0,3758	0,0513	0,0538	0	0	0	0	0,0556	0	0	0,16949	0	0,0457	0
Ст. 2, об. 27	35 л.	5	0,0754	0,0256	0,0269	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,0228	0
Ст. 2, об. 30	14-16 л.	2	0,0111	0	0	0	0	0	0	0,0111	0	0	0	0	0	0
Ст. 2, об. 32	ок. 30 л.	13	0,6329	0,0667	0,0699	0,13265	0,2321	0	0	0,0722	0	0	0	0	0,0594	0
Ст. 2, об. 33	25 л.	3	0,0328	0	0,0161	0	0	0	0	0,0167	0	0	0	0	0	0
Ст. 2, об. 34	35-40 л.	7	0,5722	0,0359	0,0376	0	0	0	0	0	0	0,4667	0	0	0,032	0
Ст. 2, об. 39	35-40 л.	4	0,0398	0	0,0215	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,0183	0
Ст. 2, об. 40	45-50 л.	14	1,5456	0,0718	0,0753	0,14286	0,25	0	0	0	0,3684	0	0,23729	0,4	0	0
Ст. 2, об. 41	35 л.	8	0,081	0	0	0	0	0	0	0,0444	0	0	0	0	0,0365	0
Ст. 2, об. 41a	25 л.	2	0,0321	0,0103	0,0108	0	0	0	0	0,0111	0	0	0	0	0	0
Ст. 2, об. 46	30-32 л.	6	0,0915	0,0308	0	0	0	0	0	0,0333	0	0	0	0	0,0274	0
Ст. 2, об. 48	50 л.	11	0,7896	0,0564	0,0591	0,11224	0	0	0	0,0611	0	0	0,18644	0,31429	0	0
Ст. 2 об. 36a	14-16 л.	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
N(k)				195	186	98	55	14	11	180	37	14	58	35	218	17

все находки престижных образцов вооружения (меч, копье, защитный доспех), тесел, металлических котлов. Среди опубликованных объектов к обозначенной группе относятся погребения из памятников Берель (курган №3), Степушка-I (курганы №17, 19), Яломан-II (курган №43), Верх-Уймон (курганы №13, 38), Кок-Паш (курганы №12, 28, 29, 39, 40, 55), Катанда-I (курган №5), Усть-Эдиган (курганы №22, 23, 31), Балыктыюль (курган №227) (Гаврилова А.А., 1965; Сорокин С.С., 1977; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992; Худяков Ю.С., 1998б; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Tishkin A., 2011; Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В., 2016; Соенов В.И., 2017; Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018).

Группа II (индекс статуса от 51 до 170 единиц) – захоронения 36 (11,4%) индивидов с социальным статусом выше среднего. Типичный состав сопроводительного инвентаря данной группы захоронений представлен оружием дистанционного (луки и железные наконечники стрел) и ближнего боя (нож), наборным поясом с небольшим количеством гарнитур или простым поясом, конским снаряжением (удила, псаии, реже иные изделия), орудиями труда. Некоторые мужчины похоронены с панцирными пластинами, копьем, теслом. К данной группе принадлежат опубликованные погребения из памятников Айрыдаш-I (курган №25), Берель (курган №2), Белый-Бом-II (курган №12, погребение 3, курганы №13; №14, погребение 3), Степушка-I (курганы №5, 7, 13), Кок-Паш (курган №27), Степушка-2 (объекты №26, 32, 34, 40, 48), Булан-Кобы-IV (курган №33), Усть-Эдиган (курганы №15, 33), Чендек (курган №2), Верх-Уймон (курган №12), Катанда-I (курган №7) (Гаврилова А.А., 1965; Глоба Г.Д., 1983; Мамадаков Ю.Т., 1985; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Суразаков А.С., Соенов В.И., 2010; Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В., 2018; Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018).

Группа III (индекс статуса от 9 до 50 единиц) – захоронения 73 (23%) индивидов со средним социальным статусом. Типичный сопроводительный инвентарь представлен луком, стрелами с железными наконечниками, наборным поясом с небольшим количеством гарнитур или простым поясом, орудиями труда. Данная группа включает опубликованные мужские захоронения из могильников Белый-Бом-II (курган №12, погребение 3; курганы №13; 14, погребение 1), Кызыл (курган №3, впускное погребение 1), Усть-Бийке-III (курган №4), Улуг-Чолтух-I (курганы №3, 4, 5, 7, 8, 10, 11), Верх-Еланда-II (курган №10), Верх-Уймон (курганы №5, 9), Пазырык (курган №6, впускное погребение) Усть-Эдиган (курган №37), Кок-Паш (курганы №7, 31, 36, 41), Степушка-I (курган №8), Степушка-2 (объект №26) (Гаврилова А.А., 1965; Глоба Г.Д., 1983; Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992; Худяков Ю.С., 1998б; 2002б; 2003в; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Кочеев В.А., Суразаков А.С., 2003; Могильников В.А., Суразаков А.С., 2003; Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В., 2018; Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018).

Группа IV (индекс статуса от 0,5 до 9 единиц) – захоронения 118 (37,4%) мужчин со средним социальным статусом, уступающим по своему положению представителям предыдущей группы. Типичный состав инвентаря – лук или стрелы с железными наконечниками, орудия труда. В некоторых погребениях отсутствуют предметы вооружения. К данной группе относятся опубликованные погребения из могильников Усть-Эдиган (курган №1, погребения 2, 3), Степушка-I (курганы №1, 3, 4, 9, 15), Степушка-2 (объекты №5, 9, 10, 14, 19, 27, 30, 39, 41, 46), Улуг-Чолтух-I (курганы №12, 14, 19), Тыхтескен-VI (курганы №1, 2, 3, 6), Кызыл-Джар-I (курган №9, впускное погребение), Чендек (курганы №9, 19, 30), Кок-Паш (курганы №14, 34, 54), Ябоган-III (курган №2, впускное погребение 1, восточный скелет), Катанда-3 (курган №9, впускное погребение), Верх-Уймон (курган №4), Кызык-Телань-II (курган №2, впускное погребение), Сары-Бел (курган №27), Курайка (курган №99) (Могильников В.А., 1983; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992; 1998;

Мамадаков Ю.Т., 1995; Соенов В.И., 1999; Суразаков А.С., 2001; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Могильников В.А., Суразаков А.С., 2003; Худяков Ю.С., 2003в; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С., 2014; Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В., 2016; Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018).

Группа V (индекс статуса до 0,5 единиц) – погребения 54 (17%) индивидов с социальным статусом ниже среднего. Большинство мужчин захоронены без вещей. В некоторых могилах присутствуют один-три социально невыразительных предмета (простой пояс, нож, костяные наконечники стрел, плетень, неметаллическая посуда, бусы, металлические бляхи-нашивки). Показательным признаком является отсутствие в погребениях предметов оружия. Из опубликованных комплексов к данной группе относятся захоронения из могильников Верх-Уймон (курган №8), Сары-Бел (курган №149), Чендек (курганы №7, 26, 29), Усть-Эдиган (курган №3, погребения 3, 3а), Пазырык (курган №23), Тыткескень-VI (курган №4), Бийке (курган №16), Кор-Кобы-I (курган №1, впускное погребение 2), Бош-Туу-I (курганы №2, 5), Сальдьяр-II (курган №7), Курайка (курганы №8–11, 21, 31), Кальджин-6 (курганы №5, 35), Степушка-I (курган №10), Степушка-2 (объекты №13, 23) (Сорокин С.С., 1977; Ларин О.В., 1990; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, 1998; Могильников В.А., Суразаков А.С., 1995, 1997; Худяков Ю.С., 1998б; Соенов В.И., 1999; Молодин В.И. и др., 2004; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005; Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И., 2008; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С., 2014; Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В., 2018; Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018).

Представленные результаты демонстрируют значительное сходство с критериями выделения наиболее многочисленных социальных моделей погребений мужского населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени.

Опираясь на полученные выкладки, представляется возможным установить средний групповой индекс статуса мужчин, похороненных на отдельных некрополях булан-кобинской культуры Алтая. Данный показатель определяется как отношение суммы индивидуальных индексов статуса мужчин к их общему количеству на конкретном некрополе. Для получения объективной картины учитывались только полностью раскопанные комплексы и могильники, на которых вскрыто не менее десяти мужских погребений. При сравнении полученных значений во внимание принимался также процентный состав и среднее значение индекса статуса выделенных пяти социальных групп мужских погребений по отдельным памятникам. В итоге выделены погребальные комплексы с «максимально высоким», «высоким», «средним» и «низким» средним групповым социальным статусом.

«Максимально высокий» групповой статус (от 30 единиц) зафиксирован для мужчин, оставивших погребения хуннуского и жужанского периодов на некрополе Яломан-II в Центральном Алтае.

«Высокий» групповой статус (8–12 единиц) имеют мужчины, похороненные на могильниках Усть-Эдиган (хуннуское время), Белый-Бом-II (сяньбийское время) Верх-Уймон и Кок-Паш (жужанское время) в Северном, Центральном и Восточном Алтае.

«Средний» групповой статус (2–7 единиц) мужского населения представляют могильники Айрыдаш-I, Карбан-I, Булан-Кобы-IV (сяньбийское время), Степушка-I и Степушка-2 (сяньбийско-жужанское время) Северного и Центрального Алтая.

«Низкий» групповой статус (до 2 единиц) демонстрируют захоронения мужчин на могильниках сяньбийского времени Бош-Туу-I, Улита, Тыткескень-VI, Улуг-Чолтух-I в Северном и Центральном Алтае.

Полученные данные об индивидуальном и групповом социальном статусе мужской части населения Алтая в хуннуско-сяньбийско-жужанское время в перспективе можно будет использовать для корреляции с антропологическими параметрами, отражающими морфологические различия людей, характер участия в межгрупповых столкновениях (боевой и бытовой травматизм, травматический рецидивизм и др.), а также общее состояние здоровья популяции.

2.4. Особенности социальной организации населения Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э.

2.4.1. Теоретические и практические аспекты реконструкции организации булан-кобинского общества

Реализованный опыт изучения стратификации социума по материалам погребальных комплексов позволяет охарактеризовать общие и особенные черты организации общества скотоводов Алтая в хуннуско-сяньбийско-жужанское время. Руководствуясь пониманием социальной организации как совокупности разнообразных функционально-детерминированных институтов, позиций, объединений индивидов и их групп, базирующихся на широком спектре связей, можно представить некоторые социальные ячейки населения данного региона во II в. до н.э. – V в. н.э. Методологическим основанием подобного осмысления проанализированных археологических источников выступает положение о типологической близости древних и средневековых народов, ведущих кочевой и полукочевой тип хозяйства, генезис которых происходил в схожих историко-политических и экологических условиях.

Большинство обществ кочевых и полукочевых скотоводов эпохи древности и средневековья характеризуются суперстратифицированностью, представляя собой многоуровневую систему сегментарных единиц различного плана (Хазанов А.М., 1975, 2002; Масанов Э.А., 1995; Крадин Н.Н., 2001; и др.). По оценкам многих специалистов, универсальность развития населения с данными хозяйственно-культурными типами различных исторических периодов и регионов проявлялась, например, в относительной самостоятельности отдельных единиц их социальной организации, слабой политической централизации, «военно-демократическом», «догосударственном», в лучшем случае, «раннегосударственном и раннеклассовом» характере общественного устройства (Хазанов А.М., 1975, с. 265–274; 2002, с. 250–262; Савинов Д.Г., 1984, с. 8; Бунятян Е.П., 1985, с. 129–130; Кычанов Е.И., 1997, с. 264–302; Крадин Н.Н., 2000а, с. 314–336; 2000б, с. 195–223; 2001; и др.). При очевидной значимости таких параллелей главная проблема заключается в практической сложности обоснования соотношения определенных ассоциаций археологического материала с теми или иными элементами социальной организации.

Развитие социальной организации населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени определяли взрослые мужчины, выполнявшие ведущие функции в жизни данного этнокультурного образования. Социальный статус женщин складывался преимущественно под влиянием их семейного положения и поэтому в меньшей степени зависел от происхождения. Дети и подростки до прохождения инициаций обладали ограниченной социальной значимостью.

Элементарным биосоциальным институтом населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени была семья, основанная на кровно-родственных связях и представлявшая собой отдельное домохозяйство, в рамках которого осуществлялась основная производственная деятельность. К сожалению, реконструкция семейно-брачных отношений «булан-кобинцев» объективно затруднена. По аналогии с другими кочевыми и полукочевыми скотоводами Евразии допускаем, что у «булан-кобинцев» существовала малая нуклеарная семья патрилокального типа (Хазанов А.М., 2002, с. 227–228).

Большую сложность имеет изучение по данным погребальной обрядности и таких социальных ячеек, как община и клан. В порядке рабочей гипотезы предположим, что обозначенными типами социальных объединений оставлены «малые» (до 20 объектов) и «средние» (от 20 до 100 объектов) по числу захоронений могильники или близкие им

по размеру группы погребений на площади «крупных» (от 100 до 300 объектов) некрополей Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Отдельные погребальные комплексы могли являться кладбищем представителей нескольких кланов.

В настоящий момент общепринятым является положение о том, что реально существовавшие социальные отношения между умершими людьми демонстрирует организация территориального пространства могильников. Данное основание является исходной посылкой метода социальной планиграфии (Kenk R., 1984, s. 95–96; Миняев С.С., 1985; 1989; 1998, с. 42–69; Савинов Д.Г., 2005б, с. 205–217). Реализация этого метода на материалах полностью и частично раскопанных погребальных комплексов Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени позволяет сделать ряд наблюдений.

Прежде всего, отметим, что пространственная структура некрополей булан-кобинской культуры не отражает айильный или куренной типы стойбищ скотоводов, как это было характерно для населения данного региона в предшествующее аржано-май-эмирское и скифо-сакское время (Шульга П.И., 1989, с. 41–44; 2003, с. 31–32; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 56; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 54–56; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 160, 206). Могильники Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. отличаются большой вариативностью в расположении погребений. Приходится констатировать, что в планиграфии однозначно не выражен семейный принцип локализации захоронений, поскольку преобладает ситуация раздельного размещения на территории могильников захоронений взрослых людей разного пола. При этом нельзя быть уверенным, что расположенные по соседству мужские и женские захоронения принадлежат именно супругам.

Значительное разнообразие наблюдается в планиграфии детских могил. Например, на памятнике Булан-Кобы-IV погребения детей и женщин составляют компактные группы цепочек и «сот» на отдельных участках кладбища. Другой характерной ситуацией может быть практика погребения детей преимущественно на периферии без привязки к курганам взрослых людей, прослеженная на могильнике Усть-Эдиган (Худяков Ю.С., 1994а). На полностью раскопанном некрополе Степушка большинство детских захоронений составляют скопление объектов в центральной части комплекса в окружении мужских погребений; также отмечено одиночное расположение могил детей на периферийных участках рядом с мужскими захоронениями (Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, с. 193–194). Особо выделяется памятник Бике-I, представляющий собой кладбище, на котором похоронены младенцы, дети, девочки-подростки и девушки (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990).

На многих погребальных комплексах булан-кобинской культуры тенденцию к более компактной локализации имеют погребения, близкие по степени «богатства» или «бедности» содержавшегося в них сопроводительного инвентаря (несмотря на присущие им в отдельных случаях различия обряда, демонстрирующие разную этническую или родовую принадлежность покойных). В отдельных случаях они образуют хорошо выраженные группы, в которых выделяется захоронение мужчины с наиболее высоким социальным статусом. Так на могильниках Белый-Бом-II и Булан-Кобы-IV указанные могилы были крайними или центральными в «сотах», на комплексе Кок-Паш – центральными в цепочках. Показательным является пример некрополя Белый-Бом-II, где в кургане №25 исследованы четыре пристроенных друг к другу мужских погребения (два из них – кенотафы) с выразительными наборами вооружения (луки, железные наконечники стрел, боевые ножи, наборные пояса) (Мамадаков Ю.Т., 1990). Похожая ситуация зафиксирована на памятнике Яломан-II при раскопках «элитного» комплекса пристроенных друг к другу мужских погребений (курганы №29–33) жужанского времени (Tishkin A., 2011, fig. 3). Родство или побратимство мужчин, похороненных в курганах №29 и 30 обозначенного комплекса, подтверждает обнаружение в сопроводительном инвентаре из данных объектов частей одного украшения в виде «золотой диадемы» (Тишкин А.А., Матренин С.С., 2015, с. 354). Можно утверждать, что таким образом были похоронены

воины с высоким социальным статусом, которые умерли в достаточно короткий промежуток времени.

С другой стороны, на памятнике Степушка могилы людей с одинаковым социальным статусом, как правило, не обнаруживают компактной локализации. При этом мужские захоронения со «средним» и «бедным» инвентарем, а также без вещей количественно преобладают на западной половине кладбища (комплекс Степушка-2) (Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, с. 193–194). Отсутствие четко выраженных половой, имущественной и профессиональной дифференциации умерших людей демонстрирует планиграфия могильника Курайка (Богданов Е.С., Новикова О.И., 2018, с. 230–232).

Представленное разнообразие пространственно-территориальной структуры погребальных комплексов определенным образом демонстрирует специфику социальной организации населения Алтая в хуннуско-сяньбийско-жужанское время.

2.4.2. Профессиональная стратификация «булан-кобинцев»

У древних и средневековых народов профессиональная стратификация людей определялась разделением на мужской и женский труд в производственной и военной деятельности. Разница занятий в сфере производства характеризует горизонтальные связи индивидов, тогда как распределение ролей в военном деле отражает преимущественно вертикальные (иерархические) отношения.

Производственная деятельность. Обширный корпус археологических источников, представленных преимущественно результатами раскопок погребальных памятников, позволяет сделать вывод о том, что население Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени вело комплексное хозяйство, основу которого составляло горно-долинное (яйлажное) животноводство (разведение мелкого рогатого скота и лошадей), сочетавшееся с охотой, рыболовством, развитым собирательством и ремеслом. У «булан-кобинцев» существовало достаточно четкое разделение на мужские (война, выпас скота) и женские (домашнее хозяйство) занятия. Больших успехов население Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. достигло в черной и цветной металлургии, костерезном деле, деревообработке, кожевенном и текстильном производстве (Бородавский А.П., 1997; Соенов В.И., Константинов Н.А., 2014; Константинова Е.А., 2014; Соенов В.И., Константинова Е.А., 2015; Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2016).

Домашние виды ремесел (скоряжное, шорное, текстильное, керамическое) предполагали широкий круг занятых в них лиц. Несмотря на полную (кузнечное, бронзолитейное, ювелирное производство) и частичную (костерезное и плотницкое дело) специализацию сложных видов «мужских» ремесел, в погребальных комплексах булан-кобинской культуры редко встречаются маркеры (специализированные инструменты, заготовки, полуфабрикаты), отражающие занятость умерших в какой-то узкой сфере обработки материалов и изготовления готовых предметов. С одной стороны, это могло быть обусловлено большой ценностью самих таких артефактов, а с другой – нормами погребального обряда, предусматривающими четко определенный («ритуализированный») перечень вещей для мужчин и женщин, необходимых для перехода в загробный мир.

Тем не менее в сопроводительном инвентаре одиннадцати мужских могил (среди них два кенотафа) булан-кобинской культуры присутствуют инструменты, демонстрирующие развитые навыки покойных в области деревообработки (тесла, в трех случаях «стамески-ложкорезы»³⁶, в двух случаях долото) (Соенов В.И., Константи-

³⁶ Радиальные «стамески-ложкорезы» применялись для производства деревянной посуды (чаши, блюда, сосуды, бокалы и др.). Деревянная утварь, при изготовлении которой использовались подобные инструменты, обнаружена в булан-кобинских памятниках II в. до н.э. – V в. н.э. (Балыктыюль, Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV, Бош-Туу-I, Курайка, Яломан-II) (Сорокин С.С., 1977, с. 62, рис. 4; Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2016, рис. 17; 18; 27–29; 42.-4; 43–50; 70–71; 82–83).

нова Е.А., 2013, рис. 1–2, фото 1; Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, с. 126–130). При этом в кенотафе из памятника Белый-Бом-II (курган №25, погребение 1) зафиксированы атрибуты костерезного дела (заготовки из рога косули для наконечников стрел и свистунок, заготовки в виде «пробок», полуфабрикаты роговых проникателей, роговая пластина, готовые изделия) и кожевенного производства (трепало, костяные иглы-проколки) (Мамадаков Ю.Т., 1990; Бородовский А.П., 1997, с. 93, рис. 11.-1–4, табл. 47.-10–14). Кроме того, в одном из данных захоронений (Степушка-I, курган №19), а также в погребении из могильника Яломан-II (курган №29) сохранились железные орудия, которые могли быть «напильниками», применявшимися для обработки металла (железа или бронзовых сплавов) (Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, табл. 38.-5). Важно подчеркнуть, что все обозначенные орудия найдены с мужчинами, принадлежавшими, судя по имеющимся материалам, к верхним слоям (социальные модели погребений 1 а, в, 2 а, 3 б-в) населения Алтая сяньбийско-жужанского времени. В возрастном отношении это индивиды не моложе 20 лет.

В одном «богатом» женском захоронении (социальная модель 2 а) из комплекса Степушка (некрополь Степушка-2, объект №8) обнаружен железный пинцет (щипцы) (Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В., 2018, рис. 25.-4). Данный предмет, вероятно, относится к набору инструментов, связанных с ювелирным делом (Кызласов И.А., 1983, с. 110–111, рис. 2).

Принимая во внимание характерную для скотоводческих обществ недифференцированность экономической специализации (Крадин Н.Н., 1996, с. 21), следует полагать, что у «булан-кобинцев» не существовало социального слоя ремесленников.

Военная деятельность. На протяжении хуннуско-сяньбийско-жужанского времени большая часть мужского населения Алтая была вовлечена в военную деятельность. Видовой состав предметов вооружения из погребений обозначенного региона свидетельствует о том, в хуннуское время основной ударной силой булан-кобинского войска выступала легковооруженная конница, хотя в это время и выделилась определенная прослойка средневооруженных воинов, способных вести ближний бой. Легкая конница использовала дальний бой, основанный на применении стрелкового оружия, и действовала рассыпным строем. На успех в ближнем бою такое войско могло рассчитывать только с легковооруженным противником. В сяньбийское время, судя по вещественным и изобразительным источникам, часть воинов оснащалась мечами, копьями, панцирями из роговых и железных пластин. Войско состояло также из легкой конницы, но в составе последней имелись средневооруженные воины, способные вести уже не только ближний бой, но и наносить таранный удар. В жужанское время у горно-алтайских скотоводов появились самостоятельные «бронированные» подразделения (в том числе пехота, вооруженная копьями или луками), произошло выделение средней конницы в самостоятельный род войск, первых тяжеловооруженных всадников (Горбунов В.В., 1998, с. 124–125; 2003а, с. 90; Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2019, с. 298, 303, 307–308).

Сложность военно-управленческих функций в значительной мере определяла социальный статус мужчин и влияла на уровень материального достатка (богатства). Тесное пересечение воинской и социальной стратификации особенно усилилось в жужанский период, когда развитие военного дела достигло наиболее оптимального уровня, что привело к специализации войска по родам и формированию трех звеньев воинской иерархии.

Высшее (командное) звено – включало военных предводителей (вождей), возглавлявших вооруженные силы племени, руководителей крупных воинских подразделений, а также лидеров средних и тяжеловооруженных всадников и пехотинцев. Данное звено соотносится с выделенными нами социальными моделями 1 и 2 мужских погребений. В командный состав входили мужчины 25–40 лет (возраст смерти большинства индивидов не превышал 35 лет). В процентном отношении они составляли

10% мужского и 5% всего взрослого населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. На заключительном этапе существования булан-кобинской культуры из вождей могла сформироваться наследственная военная аристократия.

Среднее звено (дружина) – представлено профессиональными воинами, из которых в IV–V вв. н.э. складывалась дружина. Данной ступени воинской иерархии соответствуют социальные модели 3, 4, 6 мужских погребений. Среди таких воинов встречаются представители всех возрастных групп, в том числе юноши и старики 50–60 лет. По аналогии с другими скотоводами поздней древности и средневековья можно предполагать, что подобные объединения профессиональных воинов формировались за пределами традиционных родовых связей (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с. 68–73; Крадин Н.Н., 2001, с. 153; и др.). Сравнительно большой удельный вес (30% мужчин и 11% всего взрослого населения) рассматриваемого звена воинской иерархии свидетельствует об отсутствии его замыкания. Вероятно, в условиях недостаточной территориально-политической централизации генезис дружины у населения Алтая в жужанское время происходил на уровне отдельных племенных образований. У «булан-кобинцев» дружина, по-видимому, не являлась служилой знатью в полном содержании данного понятия. Многие профессиональные воины по уровню «богатства» были близки зажиточным рядовым скотоводам, из среды которых происходило их выдвижение. С другой стороны, они обладали более высоким социальным статусом и широким потенциалом для улучшения своего материального положения. На некоторых могильниках захоронения таких профессиональных воинов обнаруживают тенденцию компактной локализации в рамках цепочек и «сот». Из воинов этого уровня комплектовалась средневооруженная и легкая конница.

Нижнее звено (ополчение) – это основная масса воинов-ополченцев, являющихся в мирное время пастухами, охотниками, «ремесленниками». Данное звено воинской иерархии представляют социальные модели 5 и 7 мужских погребений. В количественном отношении они включают 45% мужчин, или 17% всего взрослого населения. На поле боя из них комплектовались ряды легковооруженных всадников и пеших лучников.

Следует отметить, что практически все мужчины, похороненные без предметов вооружения (модель 9 мужских захоронений), в булан-кобинском обществе занимали низкое социально-имущественное положение. Возможно, большая часть таких людей была исключена из военной сферы или принимала в ней ограниченное участие в рамках обеспечения безопасности отдельных семей и общин. В количественном отношении кочевники подобного уровня составляли около 20% мужского населения. Исключение представляет единственное захоронение мужчины без оружия (модель 8), относящееся к зажиточной части рядового населения. В целом, можно говорить об отсутствии у населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени «невоенной» элиты³⁷.

Важно подчеркнуть, что во 2-й половине III – V в. н.э. у скотоводов Алтая отмечен рост вооруженного насилия, свидетельствующий о социальной напряженности и сложных процессах взаимодействия отдельных локально-территориальных коллективов. В результате одни группы «булан-кобинцев» как жертвы, а другие как агрессоры вовлекались в вооруженные конфликты, в том числе с культурно (этнически) чужеродным населением. Данный вывод основан на фиксируемых антропологами смертельных скелетных травмах, которые представлены различными повреждениями: рубленые и резаные раны, насечки от оружия (орудия) с острым лезвием (вероятно, следы скальпирования), вдавленные и дырчатые переломы, застрявшие в костях

³⁷ В многочисленной серии раскопанных объектов нет ни одного мужского погребения без предметов вооружения, которое при этом бы демонстрировало привилегированные слои булан-кобинского общества. Выявлена положительная корреляция престижных категорий оружия и снаряжения со статусными изделиями, представленными экипировкой верхового коня, украшениями и предметами быта.

наконечники стрел, отсечения конечностей, а иногда головы³⁸. Частота краниальных травм, сопутствующих смерти у мужчин во 2-й четверти I тыс. н.э., составляет 16,8% (Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И., 2018). Достаточно много таких свидетельств зафиксировано у индивидов мужского пола (в том числе у подростков и юношей 13–19 лет) из некрополя Степушка в Центральном Алтае, а также у мужчин, женщин и детей, похороненных на могильнике Айрыдаш-I в Северном Алтае (Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И., 2018; Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В., 2018; Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018) (рис. 50–53). Отражением напряженной обстановки в позднеяньбийский (2-я половина III – начало IV в. н.э.) и раннежужанский (2-я половина IV – V в. н.э.) периоды является достаточно большое количество кенота-

Рис. 50. Комплекс Степушка-I. Следы вооруженного насилия (подросток с колотой травмой черепа без следов заживления) (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, рис. 39.-1; фото С.С. Тур)

³⁸ По заключению С.С. Тур частота травм черепа, сопутствующих смерти, в общей антропологической выборке из погребальных памятников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. составляет у мужчин 13,3%, у женщин – 6,4%, у детей и подростков – 4,8%. 34 из 470 черепов имеют 43 травмы без следов заживления: 18 рубленых и 5 резаных ран, 17 дырчатых и 3 вдавленных перелома. Среди них 24 мужчины, пять женщин, один подросток, четыре ребенка в возрасте 2,5–5,5 лет. В трех непо потревоженных мужских погребениях отсутствовали черепа, очевидно, вследствие декапитации. У двух мужских скелетов не было костей кисти и предплечья правой руки, которые, по-видимому, были отсечены. В одном захоронении кости кисти правой руки, сохранявшие анатомический порядок, лежали отдельно. У четырех мужчин (два из которых с отсеченной конечностью) зафиксированы ранения стрелой в глазницу, левую большую берцовую кость, в грудину, грудные позвонки. Все случаи предполагаемой декапитации и отсечения конечностей происходят из могильников, для которых выявлена повышенная частота смертельных травм черепа (Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И., 2018, с. 134–136).

фов с оружием и снаряжением. К этому следует добавить наличие кенотафов с женским инвентарем (могильник Айрыдаш-I, Бике-I). Внимание заслуживает также факт помещения отдельных предметов вооружения и воинской экипировки в захоронения детей и подростков (Глоба Г.Д., 1983, с. 120; Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В., 2015, с. 11; Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, с. 28, 37–38).

Служители культа. На сегодняшний день по-прежнему открыт вопрос о служителях культа в булан-кобинском обществе. Данная проблема традиционно обусловлена практической сложностью обоснования в погребальном инвентаре предметов, отражающих сопричастность похороненных с ними людей к выполнению определенных религиозно-магических действий (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 227–229). Кроме того, на большом круге этнографических примеров известны ситуации, когда лиц, занимавшихся отправлением культа, хоронили особым способом, обычно за пределами общего кладбища.

К числу известных нам атрибутов культовой практики населения булан-кобинской культуры с большой долей вероятности следует отнести каменный «алтарик-курильницу», обнаруженный в женском погребении хуннского времени на могильнике Яломан-II (курган №51) (Tishkin A.A., 2011, fig. 9.-6). Не исключено, что другие сакральные предметы могли быть выполнены из органических материалов и поэтому не сохранились до наших дней.

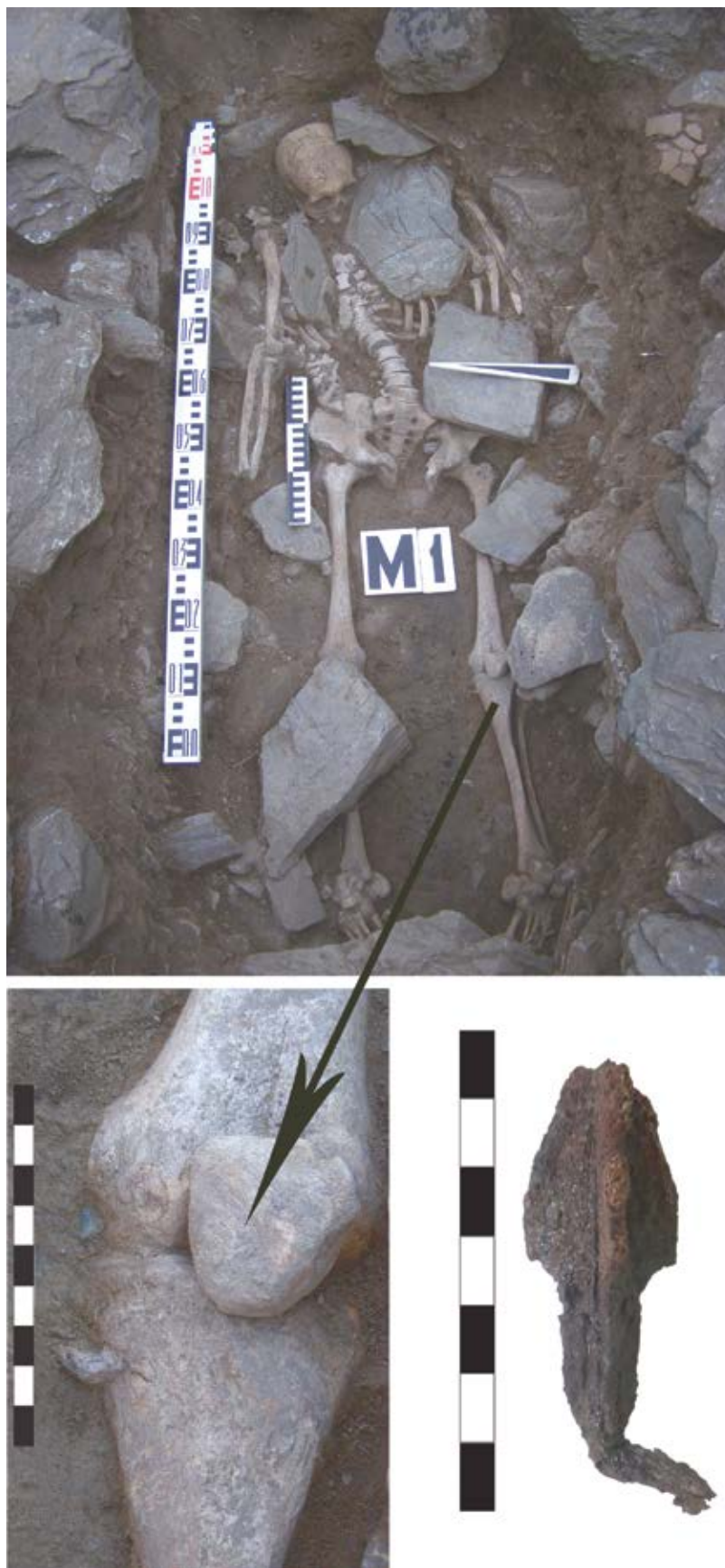

Рис. 51. Комплекс Степушка-I. Погребение с наконечником стрелы, застрявшим в большой берцовой кости (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, рис. 10)

Рис. 52. Комплекс Степушка-I. Следы насильственной смерти на скелете мужчины (декапитация) (по: Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018, рис. 28.-1; 84.-4)

Рис. 53. Комплекс Степушка-2. Следы вооруженного насилия (травма черепа) (по: Тур С.С., 2018, рис. 1)

В данном случае стоит отметить находку деревянных «игральных» (гадальных?) бобов из мужского захоронения жужанского времени в Центральном Алтае (Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2016, рис. 79.-1–3). Похожие предметы обнаружены в ходе иссле-

дования скального погребения жужанского времени Урд Улаан Унээт в Монгольском Алтае (Баярсайхан Ж. и др., 2017, с. 23).

В дополнение укажем, что в религиозной сфере «булан-кобинцев» большое значение могли иметь различные формы охотничье-скотоводческой магии, реализация которых осуществлялась, главным образом, в рамках отдельных семей и общин и выполнялась их главами. Принимая во внимание сведения письменных источников о синхронных и средневековых обществах кочевников Центральной и Северной Азии, а также этнографические материалы о многих традиционных народах указанного региона, «священнослужителей» населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени можно условно обозначить термином «шаман». В целом, имеющиеся археологические реалии пока не позволяют говорить о существовании у скотоводов рассматриваемого региона во II в. до н.э. – V в. н.э. «жречества» как социального института.

2.4.3. Этносоциальная стратификация и проблема политогенеза населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Формирование и развитие булан-кобинской культуры происходило на полиэтнической основе и определялось взаимодействием разных кланово-племенных образований. В связи с этим важным этапом реконструкции общественной организации населения Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. является изучение соотношения выделенных социальных групп населения с разными погребальными традициями. Аргументом для этого исследовательского шага выступает доказанное на обширном этнографическом материале положение, согласно которому этническая и социально-имущественная стратификации в различной степени пересекались, что проявлялось в форме разделения на доминирующие («династийные», «старшие») и подчиненные («младшие», иные по генеалогии и (или) этническому происхождению) роды, племена, правящие «этнос-элиты», «двойную элиту», различные группы зависимого и эксплуатируемого населения (Савинов Д.Г., 1979, с. 42–44; 1988, с. 83–84; 1995, с. 159–160; 2005в; Худяков Ю.С., 1980, с. 198; 1982, с. 36–48, 57–58; 1985, с. 89–90; Азбелев А.П., 1989, с. 154–155; 1990, с. 75–76; Першиц А.И., 1994, с. 148; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с. 6, 83–131; Масанов Н.Э., 1995, с. 145–148; Крадин Н.Н., 2001, с. 156–159; Тишкин А.А., 2005в–г). Стоит отметить положительный опыт изучения этносоциальной дифференциации скотоводов по археологическим источникам, в том числе для территории Северной Азии (Кондрашов А.В., 2004а).

Изучение обширного материала раскопок погребальных памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени предоставляет основания для выделения нескольких погребальных традиций населения булан-кобинской культуры, отличающихся сочетанием четырех «этнодиагностирующих» показателей: ориентировка умерших людей головой по основным направлениям горизонта (сторонам света); наличие/отсутствие сопроводительного захоронения верхового коня; размещение животного в могиле относительно человека; форма надмогильного сооружения (Матренин С.С., 2005б; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 147–165).

Яломанская традиция – ингумация с ориентировкой умершего человека головой в восточный сектор (с отклонениями к северу и югу) в сопровождении лошади, уложенной «сверху» или в «ногах» покойного, в курганах с кольцевой-выкладкой крепидой или многослойной стенкой. Данные погребения наиболее ярко фиксируют появление на Алтае в хуннуское время нового этнокультурного компонента, который, вероятно, составил костяк этноса-элиты раннебулан-кобинского социума. Объекты яломанской традиции происходят из разновременных памятников II в. до н.э. – V в. н.э. Центрального Алтая (Яломан-II, Булан-Кобы-IV, Сары-Бел, Чендек, Белый-Бом-II, Бош-Туу-I). Обряд захоронения «яломанцев» обнаруживает наиболее близкие аналогии в археологических материалах кула-жургинского типа Верхнего Прииртышья скифо-сакского времени.

Улуг-чолтухская традиция – погребения по обряду ингумации головой в восточный сектор (с разными отклонениями), без лошади, под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой или стенкой, реже без них. В ее формировании, по-видимому, приняло участие местное «непазырыкское» население скифо-сакского времени (оно отождествляется нами с погребениями без лошади в каменных ящиках, обкладках, рамах), а также выходцы из Верхнего Прииртышья, Тувы или Монголии. Погребальные объекты данной традиции исследованы на многих памятниках булан-кобинской культуры (Усть-Эдиган, Улуг-Чолтух-I, Чендек, Яломан-II, Сары-Бел, Белый-Бом-II, Бике-I, Булан-Кобы-IV, Бош-Туу-I, Боочи, Пазырык, Урочище Балчикова-3, Степушка и др.). Количественно они преобладают в Центральном Алтае на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э.

Карбанская традиция – погребения по обряду трупоположения с ориентировкой умершего человека головой в западный сектор (обычно с отклонением к северу), без лошади, под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой, реже без нее. Объекты с такими признаками в преобладающей своей массе раскопаны в Северном Алтае (Карбан-I, Бике-I, Верх-Еланда-II, Дялян, Айрыдаш-I, Тьткескен-VI, Усть-Эдиган), где они известны уже в хуннское время (II в. до н.э. – I в. н.э.), но становятся многочисленными во II–V вв. н.э. В Центральном Алтае данные захоронения составляют приблизительно 20% и датируются преимущественно II–V вв. н.э. (Улита, Бош-Туу-I, Степушка, Чендек, Яломан-II). Происхождение этой погребальной традиции могло быть связано с переселением на Алтай племен из Восточного Казахстана, Тувы, Верхнего Прииртышья в связи с экспансией кочевой империи хунну в северные районы Центральной Азии на рубеже III–II вв. до н.э. Не исключено, что в этногенезе «карбанцев» приняли участие потомки населения аржано-майэмирского времени, вытесненного в свое время «пазырыкцами».

Берельская традиция – ингумация с ориентировкой покойных головой в восточном направлении (с разными отклонениями), в сопровождении верхового коня, уложенного сбоку от человека в северной или южной половине могильной ямы, под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой и без таковой. Данные немногочисленные захоронения исследованы в Северном (Усть-Эдиган), Центральном (Степушка, Катанда-I) и Юго-Западном (Берель) Алтае. В формировании обозначенной погребальной традиции определяющая роль принадлежала, по-видимому, племенам «пазырыкцев» Алтая скифо-сакского времени (Тишкин А.А., Матренин С.С., 2007, с. 50). Некоторые захоронения «берельцев» III–V вв. н.э. демонстрируют сложение у небольшой группы населения булан-кобинской культуры норм обрядности, ставших впоследствии характерными для тюрок Алтая 2-й половины V – XI в. н.э.

Айрыдашская традиция – ингумация с ориентировкой умерших головой в западный или северо-северо-западный сектор в сопровождении лошади, уложенной «сбоку» от человека вдоль длинной (северной) стенки могильной ямы, под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой. Это серия разновременных объектов II в. до н.э. – V в. н.э. из Северного (Усть-Эдиган, Айрыдаш-I) и Центрального (Улита, Верх-Уймон, Чендек, Катанда-I, Степушка) Алтая, оставленных смешанным населением, аккумулировавшим в трансформированном виде традиции местного и пришлого этнокультурных компонентов. Последний мог быть близким по происхождению с населением, оставившим одиночные захоронения с западной ориентировкой умерших. На территории Центрального Алтая погребения айрыдашской погребальной традиции появляются не ранее III в. н.э. и количественно преобладают на Верхней Катуні в составе некрополей 2-й половины IV – V в. н.э. Потомки «айрыдашцев» могли принять участие в завоевательных походах тюрок на территорию Минусинской котловины в VI в. н.э. (Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 174–181).

Дялянская традиция – ингумация человека головой в западный сектор (преимущественно с отклонением на север) в сопровождении коня, уложенного «сверху» или «в ноги» покойного, под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой, иногда стенкой.

Данный вариант погребального обряда населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени является, по-видимому, результатом взаимодействия населения, практиковавшего трупоположение с лошастью «сверху»/в «ногах» человека и одиночные захоронения людей головой в западный сектор. Захоронения данной традиции исследованы на территории Северного (Усть-Эдиган, Дялян) и Центрального (Бош-Туу-И, Улита, Чендек) Алтая³⁹.

Курайская традиция – ингумация головой «на запад» (часто с отклонением на север) без сопроводительного захоронения лошади, в курганах с прямоугольной выкладкой-крепидой или стенкой. Погребения «курайцев» исследованы в Южном (Кальджин-6) и Юго-Восточном (Курайка) Алтае. Их появление связано с локальной миграцией во 2-й половине III – начале IV в. н.э. небольшой группы кочевников из Центральной Азии, возможно, с территории Тувы и Монголии. Пришлый характер данной погребальной традиции на Алтае демонстрируют заключения антропологов, согласно которым «курайцы» имели ярко выраженные признаки высоколицых монголоидов, резко отличающих их от местных популяций периода поздней древности (Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., 1997; 2000; Поздняков Д.В., 2004).

Кок-Паишская традиция – трупоположение человека головой на юг, юго-восток без сопроводительного захоронения лошади, в курганах с прямоугольной оградой-стенкой либо крепидой. Погребения данной традиции раскопаны в Восточном (Кок-Паш, Пазырык) и Южном (Аккол-И) Алтае. Они могли появиться на Алтае в результате аккультурации «курайцев» в среде населения булан-кобинской культуры.

Большинство носителей обозначенных традиций находились в тесном взаимодействии, так как были включены в семейно-брачные и производственные отношения. Они могли хоронить своих родственников на одном кладбище. При этом, несмотря на смешение отдельных групп скотоводов, в погребальном обряде сохранялись отличия, маркирующие разное происхождение покойных. Последнее, на наш взгляд, демонстрирует незавершенность процесса этногенеза «булан-кобинцев».

Представленные погребальные традиции, отражающие, по-видимому, клановый уровень интеграции населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, были соотнесены с выделенными нами социальными моделями захоронений взрослых мужчин и женщин из памятников разных этапов булан-кобинской культуры (табл. 31–40). В результате удалось проследить некоторые тенденции этносоциальной дифференциации скотоводов региона на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э.

Хуннуское время

Для усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры (II в. до н.э. – I в. н.э.) выделено пять социальных моделей мужских (2 б, г, 3 а, г, 5 а, в, 7, 9 б) и четыре модели женских (1 а–в, 2 а, 3 б, 4 б–г) захоронений (табл. 35–36).

Наиболее высокое положение в этносоциальной стратификации занимали носители яломанской погребальной традиции, возглавлявшие племенное объединение скотоводов Центрального Алтая. Вероятно, они были переселены туда во II в. до н.э. хунну (допускаем, что «яломанцы» попали в сферу влияния хунну еще до миграции на Алтай) для противовеса остальному горно-алтайскому населению. Мужчины-«яломанцы» представляли элиту, средний и нижний слои булан-кобинского общества. Женская часть «яломанцев» относилась к двум привилегированным социальным слоям. В хуннуский период «яломанцы» отличались достаточно равномерным соотношением мужской и женской части населения, что свидетельствует об их самодостаточности и, возможно, относительной обособленности. В данном контексте важно отметить небольшой процент объектов других погребальных традиций на памятнике Яломан-II, представляющем собой полностью раскопанный ранний булан-кобинский могильник на территории Центрального Алтая.

³⁹ Серия погребений дялянской традиции исследована в составе раскопанного недавно некрополя булан-кобинской культуры на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай) (Серегин Н.Н. и др., 2018; 2019).

Таблица 31

Распределение мужских погребений разных традиций
по социальным слоям булан-кобинского общества II в. до н.э. – V в. н.э.

Погребальная традиция, кол-во чел.	Верхний привилеги- рованный слой	Привилеги- рованный слой	Средний слой	Нижний слой
Яломанская 32 (100%)	9 (28,1%)	11 (34,3%)	7 (21,8%)	5 (15,6%)
Дялянская 25 (100%)	4 (16%)	1 (4%)	16 (64%)	4 (16%)
Айрыдашская 31 (100%)	6 (19,3%)	12 (38,7%)	13 (41,9%)	–
Берельская 8 (100%)	3 (37,5%)	3 (37,5%)	2 (25%)	–
Карбанская 83 (100%)	–	12 (14,4%)	47 (56,6%)	24 (28,9%)
Улуг-Чолтухская 94 (100%)	6 (6,3%)	16 (17%)	53 (56,3%)	19 (20,2%)
Кок-Пашская 11 (100%)	7 (63,6)	–	4 (36,3%)	–
Курайская 9 (100%)	–	–	1 (11,1%)	8 (88,8%)
Все традиции 293 (100%)	35 (11,9%)	55 (18,7%)	143 (48,8%)	60 (20,4%)

Таблица 32

Распределение женских погребений разных традиций
по социальным слоям булан-кобинского общества II в. до н.э. – V в. н.э.

Погребальная тра- диция, кол-во чел.	Верхний привилеги- рованный слой	Привилеги- рованный слой	Средний слой	Нижний слой
Яломанская 4 (100%)	3 (75%)	1 (25%)	–	–
Дялянская 5 (100%)	1 (20%)	2 (40%)	2 (40%)	–
Айрыдашская 5 (100%)	–	5 (100%)	–	–
Берельская 0 (0%)	–	–	–	–
Карбанская 62 (100%)	8 (12,9%)	13 (20,9%)	25 (40,3%)	16 (25,8%)
Улуг-Чолтухская 52 (100%)	2 (3,8%)	4 (7,6%)	28 (53,8%)	18 (34,6%)
Кок-Пашская 1 (100%)	–	–	1 (100%)	–
Курайская 5 (100%)	–	–	1 (20%)	4 (80%)
Все традиции 134 (100%)	14 (10,4%)	25 (18,6%)	57 (42,5%)	38 (28,3%)

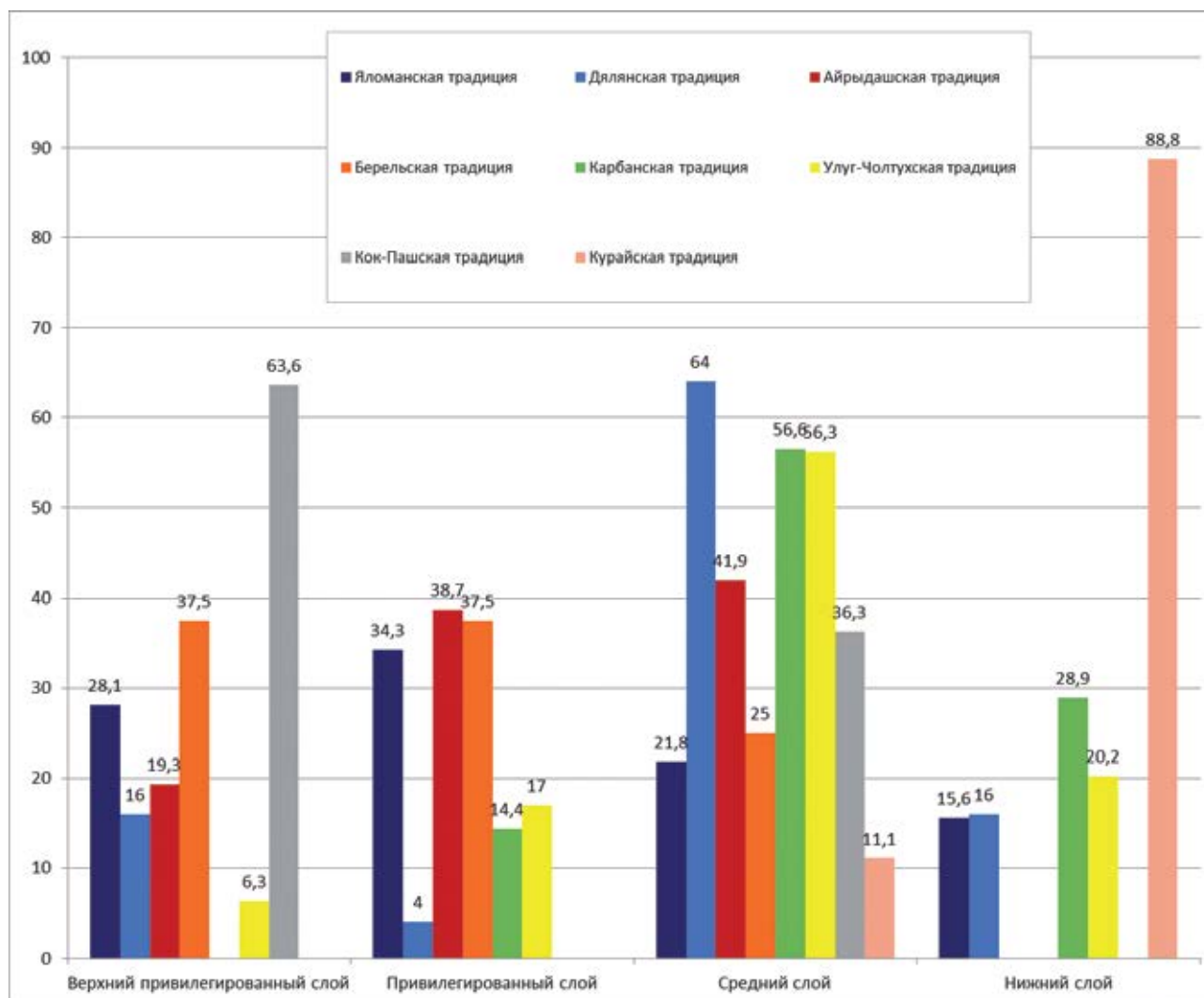

Таблица 33. Диаграмма распределения мужских погребений разных традиций по социальным слоям булан-кобинского общества II в. до н.э. – V в. н.э.

Расселявшиеся во II в. до н.э. – I в. н.э. в Северном Алтае «дялянцы» представлены моделью 3 а мужских захоронений и моделями 2 а, 4 г женских погребений, демонстрирующих привилегированный, средний и нижний слои социума. Малочисленные мужские захоронения «берельцев», раскопанные пока только в Северном Алтае, разделяются на социальные модели, соответствующие привилегированной (модель 2) и средней (модель 5 а) группам общества. Мужчины-«айрыдашцы» принадлежали к привилегированным (модели 2 б, 3 а) и к среднему (модель 5 в) слоям населения булан-кобинской культуры Северного Алтая. В целом, носителей айрыдашской, берельской и дялянкой погребальных традиций можно рассматривать в качестве представителей равноправных кланов, составлявших социальную верхушку кочевников Северного Алтая хуннского времени.

Более низкую позицию в этносоциальной стратификации занимала мужская часть носителей карбанской и улуг-чолтухской погребальных традиций, относящаяся к бедной части среднего слоя, а также к нижнему слою (модели 5 в, 9 б). При этом женщины-«карбанцы» могли входить в самый привилегированный слой (модель 2 а), что, вероятно, было обусловлено их семейным положением.

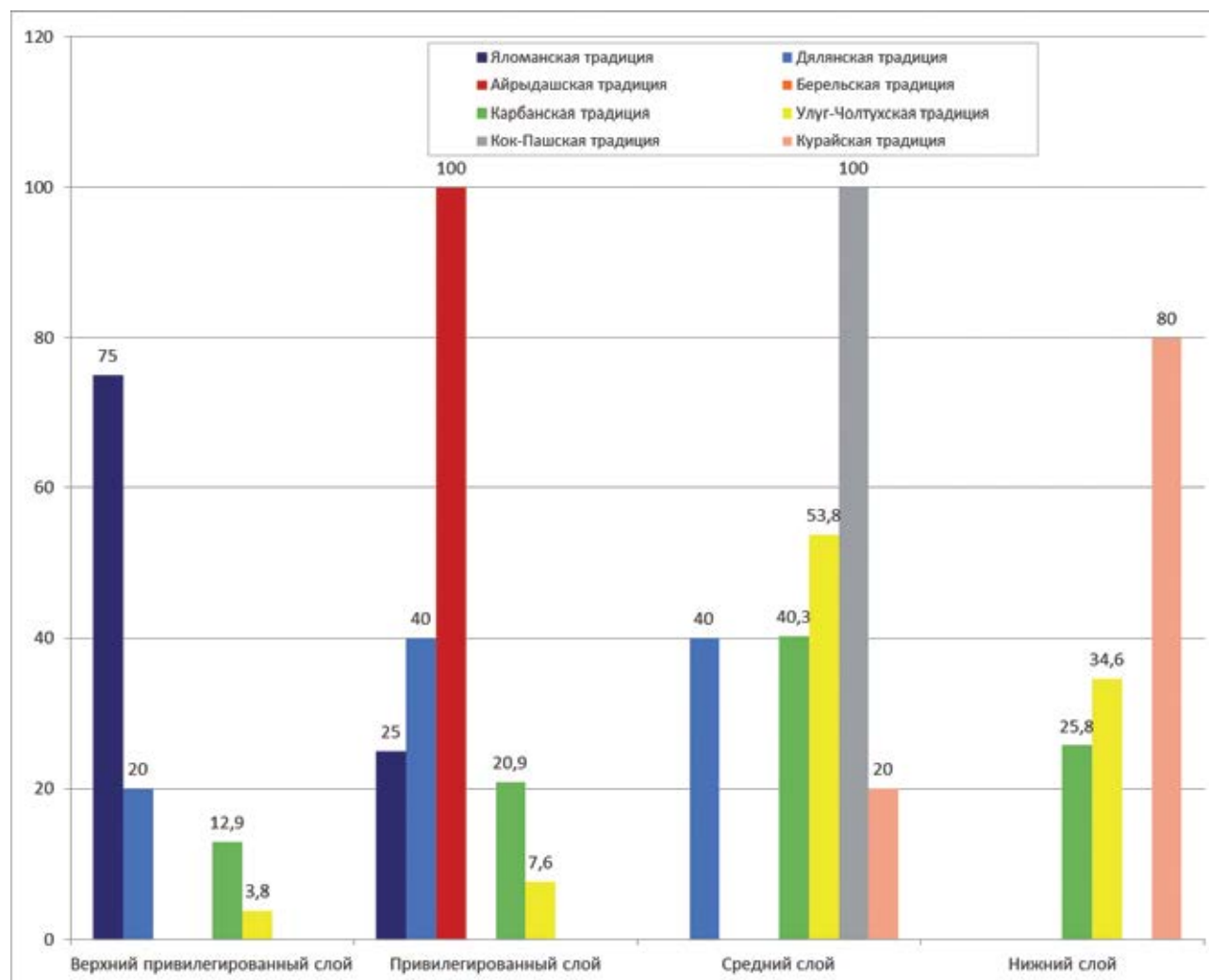

Таблица 34. Диаграмма распределения женских погребений разных традиций по социальным слоям булан-кобинского общества II в. до н.э. – V в. н.э.

Таблица 35

Соотношение социальных моделей и погребальных традиций мужских погребений Алтая хуннского времени

Погребальные традиции	Социальные модели								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Яломанская		4			1		1		1
Дялянская			1						
Айрыдашская		2	1		1				
Берельская		1			1				
Карбанская					2				
Улуг-Чолтухская					1				2
Кок-Пашская									
Курайская									

Таблица 36

Соотношение социальных моделей и погребальных традиций
женских погребений Алтая хуннского времени

Погребальные традиции	Социальные модели						
	1	2а	2б	3	4	5	6
Яломанская	3			1			
Дялянская		1			1		
Айрыдашская							
Берельская							
Карбанская		3					
Улуг-Чолтухская					8		
Кок-Пашская							
Курайская							

Сяньбийское время

На бело-бомском этапе развития булан-кобинской культуры (II – 1-я половина IV в. н.э.) происходило усиление стратификации, а также наблюдалась интенсификация межэтнического взаимодействия разных групп населения. Наиболее ярко это демонстрируют мужские захоронения, подразделяющиеся на восемь социальных моделей (1 б, 2, 3 а-г, 4, 5 а-г, 6, 7, 9 а-б). Женская часть скотоводов Алтая во II – 1-й половине IV в. н.э. представлена четырьмя социальными моделями захоронений (2 а-б, 4 а-г, 5, 6 а-б) (табл. 37–38).

Доминирующее положение в кланово-племенной организации населения Центрального Алтая в рассматриваемый период сохраняли «яломанцы» (модели 1 б, 3 а, г), хотя среди носителей данной погребальной традиции встречено довольно много мужчин с невысоким социальным статусом (модели 7, 9), принадлежавших к бедной части среднего слоя, а также к нижнему слою булан-кобинского общества.

Таблица 37

Соотношение социальных моделей и погребальных традиций
мужских погребений Алтая сяньбийского времени

Погребальные традиции	Социальные модели								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Яломанская	1		10		1		5		3
Дялянская					1		14		4
Айрыдашская			4		9				
Берельская			3		1				
Карбанская			12		37		4		21
Улуг-Чолтухская		1	14	1	30	1	11	1	17
Кок-Пашская									
Курайская							1		8

Таблица 38

Соотношение социальных моделей и погребальных традиций
женских погребений Алтая сяньбийского времени

Погребальные традиции	Социальные модели						
	1	2а	2б	3	4	5	6
Яломанская							
Дялянская							
Айрыдашская							
Берельская							
Карбанская		8	13		22		12
Улуг-Чолтухская		2	2		14	3	16
Кок-Пашская							1
Курайская						1	4

Достаточно высокий статус в сяньбийское время имели «берельцы» в Центральном Алтае (социальные модели 3 а, 5 а мужских захоронений) и «айрыдашцы» в Северном и Центральном Алтае (социальные модели 3 а, 5 б, 5 в мужских захоронений). Среди носителей данной традиции нет представителей нижнего социального слоя.

Проживавшие на территории Центрального Алтая мужчины-«дялянци» представлены в основном малоимущим рядовым населением (модели 7, 9 а-б). Только одно захоронение мужчины данной традиции демонстрирует более высокий социальный статус умершего человека (модель 5 а).

Наиболее дифференцированными во II – 1-й половине IV в. н.э. стали носители улуг-чолтухской погребальной традиции, для которых выделено семь социальных моделей мужских (2, 3, 4, 5 а-г, 6, 7, 9 а-б) и четыре модели женских (2, 4, 5, 6) захоронений. Отдельные мужчины-«улуг-чолтухцы» влились в привилегированный слой, хотя в целом среди них преобладали представители бедной части среднего слоя (социальные модели 5 в, 7), а также индивиды, относившиеся к нижнему слою (социальная модель 9 а-б). Материалы некоторых памятников Центрального Алтая демонстрируют тесное взаимодействие их с «яломанцами» (Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II), «яломанцами», «дялянцами», карбанцами» (Бош-Туу-I), «берельцами», «айрыдашцами», «карбанцами» (Степушка), по-видимому, в результате хозяйственных отношений. Показательная ситуация зафиксирована на некрополях Булан-Кобы-IV и Белый-Бом-II, где разные по происхождению, но имевшие одинаковый социальный статус мужчины хоронились рядом, в том числе в курганах, пристроенных друг к другу по принципу «сот». Женское население «улуг-чолтухцев» в Центральном Алтае могло поддерживать брачные связи с «яломанцами», «берельцами», «айрыдашцами», «карбанцами», «дялянцами».

Носители карбанской погребальной традиции в сяньбийское время представлены шестью социальными моделями мужских (3 в-г, 5 б-в, 7, 9 а-б) и тремя моделями женских захоронений (2 а-б, 4 а-г, 6 а-в). В этот период их социальный статус заметно повысился, и они вышли на ведущие позиции в Северном Алтае. С другой стороны, погребения мужчин-«карбанцев» из Центрального, Восточного, Южного Алтая относятся почти исключительно к нижнему слою булан-кобинского общества (модель 9 а-б)⁴⁰. Данное наблюдение также подтверждают захоронения

⁴⁰ Показательно, что на некрополе Бош-Туу-I, содержащем, в целом, достаточно «бедные» инвентарем мужские погребения разных традиций, предметы вооружения ни разу не обнаружены в могилах «карбанцев».

женщин, среди которых наиболее низкое социальное положение занимали выходцы из Центрального Алтая.

Достаточно сложной представляется объективная оценка места в этносоциальной системе скотоводов Алтая сяньбийского времени «курайцев», погребения которых локализованы пока только в южном и юго-восточном районах рассматриваемого региона. Важно отметить малочисленность раскопанных объектов данной традиции, высокий процент среди них «безынвентарности», наличие в отдельных могилах единичных импортных вещей (украшения, бытовая утварь, детали одежды), в том числе из органических материалов, не зафиксированных в процессе раскопок других памятников Алтая (Соенов В.И., Глебова Н.И., 2003; Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И., 2008; Соенов В.И., Константинова Е.А., 2015).⁴¹ Судя по имеющимся археологическим данным, курайское взрослое население было слабо дифференцировано (модели 7, 9 мужских захоронений; модели 5, 6 женских захоронений) и принадлежало к бедной части среднего слоя и к нижнему слою изучаемого общества.

Единичные погребения кок-пашской погребальной традиции из Южного и Восточного Алтая относятся к нижнему социальному слою: модель 9 б мужских захоронений (Аккол-1, курган №3) и модель 6 б женских захоронений (Пазырык, курган №3).

Жужанское время

На верх-уймонском этапе булан-кобинской культуры (2-я половина IV – V в. н.э.) стратификацию общества демонстрируют семь социальных моделей мужских (1 а-г, 2 а-д, 3 а-г, 4, 5 а, в-г, 7, 9 а-б) и четыре модели (3 а-б, 4 а-б, г, 5, 6 а-в) женских погребений (табл. 39–40).

Элиту населения Центрального Алтая в обозначенный период составляли «яломанцы» (модели 1 а, 2 а-б, г, 3 а мужских захоронений). По своему статусу им были близки «берельцы» (модели 1 б, 2 г мужских захоронений) и «айрыдашцы» (модели 1 б-г, 3 а-б, г, 5 а, г, 6 мужских захоронений, модель 3 а-б женских захоронений), которые возглавляли локальную группу населения Верхней Катунь и, возможно, контролировали западные и юго-западные границы территории расселения племен булан-кобинской культуры.

У населения Северного Алтая в жужанское время на ведущих позициях находились носители дялянкой погребальной традиции (модели 1 б, 2 б мужских погребений, модель 3 б женских погребений).

В этносоциальной структуре скотоводов Восточного Алтая во 2-й половине IV – V в. н.э. наиболее высокое положение занимали «кок-пашцы» (модели 1 г, 2 в, 5 в мужских погребений, модель 4 б женских погребений). Они, по-видимому, составляли локальную элиту скотоводов, проживавших на данной территории. Им немного уступали «улу-чолтухцы», среди которых имелись как индивиды с максимально привилегированным статусом (модель 1 г мужских погребений), так и представители среднего (модели 5 в-г, 6, 7 мужских погребений, модели 4 б, г, 5 женских погребений) и нижнего слоев (модель 6 а, в женских погребений) изучаемого общества.

Анализируемые археологические материалы показывают, что на заключительном этапе существования булан-кобинской культуры наиболее низкое положение в социальной стратификации имели носители карбанской погребальной традиции, которые проживали в разных частях Алтая. Они представляли население со средним материальным достатком, а также малоимущих рядовых общинников (модели 5 в-г, 7, 9 а-б мужских погребений, модели 4 а-б, г, 6 а-б женских погребений).

Обозначенные тенденции корреляции социальных моделей захоронений взрослого населения с погребальными традициями свидетельствуют о заметном влиянии происхождения (клановой принадлежности) на статус в изучаемом обществе. Генезис социальной организации населения Алтая в хуннуско-сяньбийско-жужанское время

⁴¹ Однозначно говорить об их низком социальном положении вряд ли возможно, учитывая то, что на памятнике Курайка раскопан «богатый» детский курган №48, который следует связывать с представителем верхнего слоя булан-кобинского социума.

определялся сложными формами взаимодействия кланов. Проведенное исследование показывает их неодинаковый статус на определенных этапах существования булан-кобинской культуры в разных районах Алтая, что, вероятно, отражает иерархию племен (кочевий)⁴². Клановое подразделение, которое бы доминировало в рамках всего рассматриваемого региона на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э., на имеющихся материалах пока не выделяется.

Таблица 39

Соотношение социальных моделей и погребальных традиций мужских погребений Алтая жужанского времени

Погребальные традиции	Социальные модели								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Яломанская	2	2	1						
Дялянская	1	2		1					
Айрыдашская	4		7		2	1			
Берельская	1	1							
Карбанская					2		2		3
Улут-Чолтухская	2	1	2		5	1	2		
Кок-Пашская	3	1			3				
Курайская									

Таблица 40

Соотношение социальных моделей и погребальных традиций женских погребений Алтая жужанского времени

Погребальные традиции	Социальные модели						
	1	2а	2б	3	4	5	6
Яломанская							
Дялянская				2	1		
Айрыдашская				5			
Берельская							
Карбанская					3		4
Улут-Чолтухская				2	2	1	2
Кок-Пашская					1		
Курайская							

⁴² Данные образования могут быть представлены территориальными группами погребальных памятников Центрального, Северного, Восточного, Южного и Юго-Восточного, возможно, Западного и Северо-Западного Алтая, среди которых выделяются локальные подгруппы (Верхнекатунская, Среднекатунская, Нижнекатунская, Урскульская, Чуйская, Ак-Алахинская, Чулышманская, Улаганская, Бухтарминская, Верхнечарышская).

Социально-имущественная дифференциация не привела к возникновению у «булан-кобинцев» Алтая ранжированного сословного деления, предполагающего устойчивый набор предписаний и правил, жестко регламентирующих, в том числе в наследственной форме, неравенство между людьми. В рассматриваемом обществе сохранялись возможности для вертикальной мобильности благодаря личным качествам, персональным воинским заслугам.

Главным фактором политогенеза населения булан-кобинской культуры Алтая было его включение сначала в состав кочевой империи Хунну (II в. до н.э. – I в. н.э.) в качестве одной из северных провинций, затем в орбиту влияния сяньбийских государств (II – 1-я половина IV в. н.э.), а после этого – во владения Жужанского каганата (2-я половина IV – V в. н.э.). Изменение контроля над регионом со стороны держав центральноазиатских номадов влияло на развитие этносоциальных процессов.

В хуннуский и сяньбийский периоды руководство племенами⁴³ осуществляли, вероятно, главы доминирующих кланов, выступавших одновременно старейшинами кочевых общин. Во время военных действий они выполняли функции выборных военачальников («вождей»). Племя обходилось без политической интеграции и не исключено, что могло иметь несколько временных руководителей, власть которых была невелика. Роль отсутствовавшего регулярного политического лидера восполнял доминирующий клан, а решения по всем важнейшим вопросам принимал, скорее всего, коллегиальный орган управления (совет племени?).

Приведенный нами вариант реконструкции кланово-племенной структуры типологически максимально сопоставим с хорошо изученной по письменным источникам моделью, выявленной для ряда кочевых народов, среди которых, например, ухуани, сяньби (Таскин В.С., 1980, с. 70, 71; Материалы..., 1984, с. 63, 64, 327, Крадин Н.Н., 1993, с. 33, 34, 37–40; 1994, с. 22–36), монголы XI–XII вв. (Владимирцов Б.Я., 1934, с. 79, 80), туркмены (Хазанов А.М., 2002, с. 292–293).

Переход булан-кобинского общества от акефального устройства к более устойчивой политической организации с развитой военно-иерархической структурой, вероятно, произошел в жужанское время. Важным каналом институционализации и централизации на уровне отдельных племен стало расширение функций военных предводителей и дружины, превращавшихся, по-видимому, в самостоятельную ветвь власти. Однако о формировании служилого слоя в строгом значении этого понятия говорить не приходится.

Анализ археологических источников позволяет сделать вывод об отсутствии на территории Алтая погребальных комплексов, представлявших элиту объединения всех булан-кобинских племен в течение II в. до н.э. – V в. н.э. Социально-политическая верхушка населения была по своему характеру локальной. Таким образом, централизованная социально-политическая организация, каким являлось «суперсложное вождество – раннее государство» скотоводов Алтая скифо-сакского времени (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 223, 287), во II в. до н.э. сменила менее структурированная на общетерриториальном уровне кланово-племенная система. Данная трансформация стала результатом политики метрополий кочевых империй Центральной Азии. Так, в китайских династийных хрониках засвидетельствовано, что хуннуские шаньюи и их преемники, заинтересованные в эффективном управлении и эксплуатации покоренных народов, проводили физическое устранение или значительное ослабление местной аристократии, поощряя менее влиятельные родовые группировки, осуществляли насильственное переселение племен, а также практиковали установление во главе завоеванных областей своих наместников или представителей других этносов (Худяков Ю.С., 1986, с. 134).

⁴³ При изучении многих скотоводческих обществ отмечено, что между кланом (родом) и племенем могла существовать еще одна связующая структура, обозначаемая в специальной литературе как фратрия или подплемя (Хазанов А.М., 2002, с. 220–221). Идентифицировать данный социальный сегмент на археологических материалах не представляется возможным.

Археологические материалы свидетельствуют, что после северных военных компаний хунну во II в. до н.э. на Алтае исчезла элита населения пазырыкской культуры и произошли кардинальные изменения в расстановке сил местных групп населения при определяющей роли пришедшего этнокультурного компонента. Одним из приоритетов «национальной» политики хунну являлось поддержание лидирующих позиций мигрантов и местного, «окраинного», ранее зависимого от «пазырыкцев» населения. Во II в. до н.э. – I в. н.э. в роли таких наместников «хунну» в Центральном Алтае могли быть «яломанцы» (Тишкин А.А., Матренин С.С., 2007, с. 50–51; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 145–147). Для контроля над территорией хунну опирались, кроме того, на собственные военные гарнизоны, которые размещались на южном и юго-восточном рубежах Алтайской горной страны⁴⁴. На возможность их присутствия там указывает пункт стационарного гончарного производства на р. Юстыд, а также факты присутствия хуннуской керамики в насыпях курганов пазырыкской культуры (Савинов Д.Г., 1978; Кубарев В.Д., Журавлева А.Д., 1986; Худяков Ю.С., 1993, с. 32). В сяньбийское время «булан-кобинцы», вероятно, обрели большую самостоятельность от кочевников Центральной Азии. Отчасти это подтверждается отсутствием существенно выделяющихся по социальному статусу погребений, находящихся только в одном районе Алтая. В дальнейшем сохранение децентрализации горно-алтайских племен было также важной частью политики Жужанского каганата.

Таким образом, наиболее вероятной формой политического объединения населения Алтая в хуннуско-сяньбийско-жужанское время является «племенная конфедерация» без самостоятельного руководящего центра в лице общего вождя и его аппарата. Статус членов конфедерации в течение II в. до н.э. – V в. н.э. был неодинаковым, что связано с поддержкой метрополиями кочевых империй Центральной Азии разных местных кланов и племен.

Похожая картина этнополитического развития обществ скотоводов эпохи поздней древности зафиксирована в письменных источниках, сообщающих об истории ухуаней, которые после поражения от шаньюя Модэ превратились в аморфную этническую общность, не имевшую специализированных органов управления, в то время как их предки – дунху – еще в конце III в. до н.э. были централизованы и возглавлялись одним вождем (Таскин В.С., 1980, с. 73; Крадин Н.Н., 1993, с. 39; 2001, с. 159).

В заключение можно сделать вывод о том, что социальная организация носителей булан-кобинской культуры Алтая включала несколько типов стратификации (этносоциальная, половозрастная, социально-имущественная, профессиональная), которые имели общие и особенные черты в сравнении с социальными институтами других скотоводческих народов Азии эпохи поздней древности и средневековья. Булан-кобинское общество представлено тремя уровнями социальных организмов: 1) семья и «кочевая» община; 2) клан; 3) племя и племенная конфедерация. На первых двух ступенях социальной интеграции доминировали производственные (хозяйственные) и реальные кровнородственные связи, а на высшей – господствовали неэкономические (генеалогические, политические) отношения.

⁴⁴ Другая модель взаимоотношения центра и периферии кочевой империи представлена в Туве, где в настоящий момент раскопаны «элитные курганы» (Бай-Даг-II), принадлежащие хунну или интегрированным в их среду выходцам из местной знати. При всей дискуссионности вопроса о культурной принадлежности этих объектов, вполне определенным является факт проживания на Верхнем Енисее представителей метрополии (Николаев Н.Н., 1992).

ГЛАВА III

СОЦИОГЕНЕЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

3.1. Источники, материалы и программа исследования

Важным периодом в истории Алтая стало раннее средневековье, когда данный регион являлся частью кочевых империй Центральной Азии. Крупные военно-политические объединения, созданные во второй половине I тыс. н.э., стали отражением конфедерации многочисленных племен кочевников. Так, тюркские каганаты в раннем средневековье простирались на огромные территории, выходя далеко за пределы центрально-азиатского региона. Значение Алтая в этих империях было различным и определялось перипетиями политической истории. Судя по имеющимся результатам археологических исследований, именно обозначенный регион стал местом формирования общности тюрков. После создания Первого каганата ставка новой империи была перенесена в Монголию, и Алтай стал северной окраиной тюркских владений. В последующее время кочевники рассматриваемой общности продолжали жить на данной территории. После крушения Второго Восточнотюркского каганата кочевники Алтая сохранили некоторую независимость, не вошли в состав уйгурской державы и впоследствии были присоединены к государству кыргызов лишь номинально (Серегин Н.Н., Тишкин А.А., 2019, с. 222–322).

Основным источником для исследования социальной истории тюрков Алтая и сопредельных территорий, несмотря на имеющийся корпус письменных материалов, являются результаты раскопок археологических комплексов, наиболее информативными из которых выступают погребальные памятники. К настоящему времени на Алтае раскопано менее 200 захоронений раннесредневековых тюрков (рис. 54). Незначительность этой цифры, имеющиеся ограничения сформированной источниковой базы, более подробно представленные далее, а также известная общность историко-культурных процессов определили целесообразность привлечения в рамках реконструкции социальной истории кочевников Алтая 2-й половины I тыс. н.э. результатов исследований погребений тюркской археологической культуры на сопредельных территориях – прежде всего, в Туве и Минусинской котловине и в меньшей степени учитывая немногочисленность изученных объектов, в Монголии. Такой подход не только позволил расширить круг имеющихся данных, но также способствовал рассмотрению сложных процессов, происходивших во 2-й половине I тыс. н.э., в конкретном историческом контексте и в динамике.

Изучение погребальных комплексов раннесредневековых тюрков Алтая и сопредельных территорий позволяет обозначить некоторые их источниковедческие характеристики, с одной стороны, осложняющие осуществление социальных реконструкций, а с другой – определяющие методы и подходы исследования.

Рис. 54. Карта-схема распространения памятников раннесредневековых тюрок на территории Алтая:

- 1 – Ак-Алаха; 2 – Ак-Кообы; 3 – Алагаил; 4 – Бажынты; 5 – Балтарган; 6 – Балык-Соок-I; 7 – Барбургазы-I-III; 8 – Бертек-27, 34; 9 – Бике-I, III, IV; 10 – Бирюзовая Катунь-1, 3, 9; 11 – Большой Яломан-II; 12 – Боротал-I, II; 13 – Верх-Еланда-I; 14 – Горно-Алтайск; 15 – Джолин-I, III; 16 – Дялян; 17 – Жана-Аул; 18 – Калбак-Таш; 19 – Кальджин-VIII; 20 – Каменный Лог; 21 – Кара-Коба-I, II; 22 – Катанда-I, II, III; 23 – Кишнег-Увал; 24 – Кок-су-I; 25 – Коо-II; 26 – Кудыргэ; 27 – Курай; 28 – Курайка-II; 29 – Курган у Тавдинской пещеры; 30 – Курота-I, II; 31 – Кырлык-II; 32 – Нижняя Соору; 33 – Ороктой; 34 – Пазырык; 35 – Песчаная-II; 36 – Сары-Кобы; 37 – Талдуаир-I; 38 – Талдура-II; 39 – Ташанта-I, III; 40 – Туэкта; 41 – Тыткескень-VI; 42 – Тянгыс-Тыт; 43 – Узунтал; 44 – Уландрык-I, III; 45 – Урочище Балчикова-III; 46 – Усть-Бийке-III; 47 – Усть-Ороктой; 48 – Усть-Чоба-I; 49 – Чоба-VII; 50 – Чобурак-I; 51 – Шибе-I, II; 52 – Юстыд-I, XII, XIV, XXIV; 53 – Ябоган-I; 54 – Яконур

Одной из трудностей, возникающих при изучении структуры общества раннесредневековых тюрок по материалам погребальных памятников, является то, что значительная часть объектов ограблена или потревожена. По нашим подсчетам, не менее 30% курганов кочевников обозначенной общности, раскопанных на Алтае и сопредельных территориях, подверглись полному или частичному разрушению. Очевидно, что данное обстоятельство в некоторой степени усложняет проведение реконструкций не только обряда, но также и социальной организации. При этом если первоначальный вид погребального сооружения и некоторые элементы ритуала после разрушения в той или иной степени восстанавливаются по сохранившимся деталям, то набор со-

проводительного инвентаря, являющийся одним из наиболее значимых показателей, представить почти невозможно.

Важно отметить, что имеющуюся источниковую базу ограничивает не только ограбленность ряда объектов, но в большей степени немногочисленность исследованных погребений. В настоящее время на Алтае и сопредельных территориях раскопано немногим более 400 захоронений раннесредневековых тюрок. Незначительность этой цифры особенно очевидна, если сравнить ее, к примеру, с количеством погребений булан-кобинской культуры Алтая, результаты социальной интерпретации которых представлены во второй главе данной книги. Сходные весьма представительные количественные показатели характерны для некрополей скифо-сакского и хунну-ско-сяньбийского периодов, раскопанных в разных частях Центральной Азии. Кроме того, качество раскопок и фрагментарность публикации ряда раннесредневековых памятников не позволяют привлекать данные комплексы в полной мере.

В целом, обозначенные обстоятельства определяют сравнительную ограниченность количества погребений тюрок Алтая и сопредельных территорий, используемых в ходе анализа. Это, в свою очередь, существенно сужает возможности применения методов статистического анализа, так как известно, что небольшие выборки в данном случае непрезентативны (Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004, с. 31).

Социальная организация кочевников характеризуется динамичностью, степень которой различна на конкретном этапе истории. Данное утверждение в полной мере справедливо и для объединений номадов раннего средневековья, статус которых в силу постоянно меняющейся ситуации в регионе мог варьировать. Следует учитывать и специфику межплеменного (а также межкланового и межродового) взаимодействия внутри различных политических образований кочевников, что также определяло статус конкретных групп номадов. В связи с этим при рассмотрении социальной структуры и организации населения на основе результатов раскопок погребальных комплексов целесообразным является выделение хронологических групп объектов. Однако данное требование сложно выполнимо на материалах раскопок памятников раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий. В первую очередь, необходимо указать на дискуссионность датировки многих комплексов. Во-вторых, важным обстоятельством является то, что большинство исследованных объектов относится к небольшому периоду (2-я половина VII – 1-я половина IX в.), а другие этапы развития культуры представлены в гораздо меньшей степени. Наконец, определяющим моментом в данном случае является нецелесообразность дробления и без того ограниченной источниковой базы. Более обоснованным представляется осуществление социальной интерпретации всех погребений в рамках анализа одной выборки. Подчеркнем, что такой подход не исключает возможности последующего определения тенденций, характерных для каждого из известных хронологических периодов, что также отражено в соответствующем параграфе книги.

Согласно современной методике палеосоциальных реконструкций, одним из начальных этапов работы при анализе материалов раскопок погребальных памятников является учет половозрастных определений (Ольховский В.С., 1995, с. 97; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 105; Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004, с. 29; Гуляева Н.П., 2006, с. 112; и др.). Это связано, главным образом, с различным положением в обществе представителей мужского и женского пола, а также детей и пожилых людей, что отражается и в погребальной обрядности. При изучении курганов раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий половозрастные определения в разные годы осуществлялись целым рядом специалистов (Алексеев В.П., 1960; Богданова В.И., 1980; Поздняков Д.В., 2004, 2006), однако антропологическая серия далека от того, чтобы признать ее представительной. Несомненно, несколько улучшает ситуацию тот факт, что в большинстве случаев наборы сопроводительного инвентаря маркируют женское или мужское погребение. При этом существенным образом ограничиваются возможности детализации комплекса показателей

обряда, характерных для представителей различных возрастных групп. Кроме того, за рамками исследования остаются многочисленные вопросы, связанные с определением степени влияния миграций на этнический состав населения, изучением демографической ситуации на территории Алтая и в сопредельных регионах, детализацией влияния этнической неоднородности кочевников на социальную структуру.

Существенным показателем, который был выявлен в ходе анализа погребальной практики раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий, является значительная нивелировка обряда. Причем это проявляется не в полной унификации и стандартизации сооружений, ритуала и предметного комплекса, а в стирании резких границ между погребениями, которые по ряду других признаков можно отнести к различным социальным группам.

В настоящее время в специальной литературе представлено значительное количество теоретических разработок в области анализа погребальных комплексов для определения отдельных характеристик общества (Массон В.М., 1976; Алексин В.А., 1981, 1986; Добролюбовский А.О., 1982; Генинг В.Ф. и др., 1990; Ольховский В.С., 1995; Васютин С.А., 1998; Васютин С.А., Дашковский П.К., 2009; и др.). Имеется и практический опыт в этом направлении (Матвеева Н.П., 2000; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004; Матренин С.С., 2005б; и мн. др.). В основном, эти работы связаны с изучением общественного устройства кочевников раннего железного века, однако существуют отдельные исследования, посвященные анализу и интерпретации материалов эпохи средневековья (Кондрашов А.В., 2004а, с. 16–23; 2004б).

Учет имеющегося опыта работ отечественных и зарубежных специалистов, а также специфики имеющейся источниковой базы позволил сформировать программу исследований для реконструкции процессов социогенеза у тюрок Алтая и сопредельных территорий. Она может быть представлена в рамках нескольких основных этапов.

На **первом этапе** проводится всесторонняя систематизация и анализ материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок, являющихся основой для реконструкции различных аспектов социальной истории кочевников. Результаты этой работы, проведенной одним из авторов книги, достаточно подробно изложены в ряде публикаций (Серегин Н.Н., 2013, с. 36–48; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 79–133; Серегин Н.Н., 2019, с. 22–30; и др.), что позволяет не дублировать их в настоящей монографии.

Второй этап исследования заключается в рассмотрении горизонтальной стратификации общества раннесредневековых тюрок, нашедшей отражение, главным образом, в гендерной и возрастной дифференциации погребальной обрядности. На данном этапе работы изучаются показатели погребальных сооружений, ритуала и наборов сопроводительного инвентаря, характерные для мужских, женских и детских захоронений, а также для погребений представителей конкретных возрастных групп. Важным моментом является расширение источниковой базы за счет определения половой принадлежности умерших людей из объектов, по которым отсутствуют антропологические характеристики.

Выделение признаков, вариативность которых связана с полом и возрастом погребенных, позволит перейти к обозначению социально обусловленных элементов обряда. Данная работа проводится на **третьем этапе** исследования. Выделение «социальных маркеров» основывается на учете ряда показателей, полученных в ходе обработки различных групп источников и материалов.

Четвертый этап исследования представляет собой интерпретацию полученных результатов анализа археологических материалов. Основной задачей является моделирование гипотетической структуры социума раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий посредством выделения и характеристики групп погребений.

Наконец, **пятый этап** работы предполагает корреляцию полученных результатов анализа погребальных комплексов с другими группами источников. На данном

этапе исследуются те аспекты социальной истории номадов, решение которых невозможно на основе анализа только материалов захоронений. В частности, появляется возможность рассмотрения основных аспектов организации общества раннесредневековых тюрок, а также динамики процессов социогенеза на протяжении 2-й половины V – XI в. н.э.

Социальная интерпретация материалов раскопок некрополей раннесредневековых тюрок потребовала формирования специальной выборки объектов, удовлетворяющих ряду показателей. Систематизация объектов показала, что наиболее цельную в этом плане группу составляют памятники Алтая, Тувы и Минусинской котловины, на которых исследована абсолютно большая часть известных погребений. Захоронения тюрок Монголии, а тем более Казахстана и Средней Азии, учитывая ограниченное количество таких объектов, специфику проведения раскопок комплексов на этих территориях, практически полное отсутствие антропологических определений, отсутствие детских погребений, а также не всегда высокий уровень фиксации получаемых материалов, служат, скорее, для сравнения и детализации отдельных конкретных показателей.

Сформированная выборка насчитывает 204 погребения, почти половина из которых раскопана на Алтае (95 объектов), и значительно меньшее количество захоронений изучено в Туве (48 объектов) и Минусинской котловине (61 объект). Основным фактором при отборе памятников из общего количества исследованных на сегодняшний день могил стала возможность определения пола умершего, что является необходимым условием для полноценной социальной интерпретации материалов. Формирование выборки для последующего анализа происходило следующим образом. На первом этапе осуществлено изучение погребений, для которых имеется антропологическое определение пола умершего. Результатом стало выделение устойчивых признаков обряда, характерных для мужских и женских могил. Далее на основе полученных данных из общего количества раскопанных объектов были обозначены погребения, материалы которых содержали устойчивые сочетания показателей, позволяющие определить пол умершего человека. При этом учитывались только не ограбленные погребения, а также частично потревоженные объекты, по которым сохранилась информация, достаточная для полноценного анализа. В итоге выделены 133 мужские могилы, 40 женских захоронений и 31 погребение детей и подростков.

Резкое преобладание погребений мужчин, помимо обстоятельств, связанных с ограниченным объемом имеющихся антропологических определений, может объясняться объективными причинами. К примеру, не следует исключать высокой смертности мужского населения, обусловленной характерными для них занятиями (Берсенева Н.А., 2010б, с. 80). Исследователи, рассматривая материалы различных популяций, подчеркивают, что большее количество мужских погребений по сравнению с женскими характерно для подвижных кочевых социумов (Балабанова М.А., 2009, с. 83–84). Низкий процент детских захоронений также зафиксирован в ходе раскопок памятников целого ряда общностей древности и средневековья (Берсенева Н.А., 2010а, с. 108). Следует признать, что возможна также специфика похоронной обрядности раннесредневековых тюрок. Не исключено, что погребения детей совершались не только в отдельных курганах, но также в сложно фиксируемых могилах в межкурганном пространстве (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 117). Имеются основания для утверждения о большем распространении детских скальных захоронений (Соенов В.И. и др., 2002; Кубарев Г.В., 2005, с. 372), обнаружение которых в ряде случаев весьма затруднительно.

Анализ сформированной выборки погребений стал основой для исследования гендерной и возрастной дифференциации общества раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий, выявления «социальных» маркеров обряда, а также моделирования структуры социума номадов.

3.2. Структура социума раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий

3.2.1. Гендерный анализ погребальных комплексов

Одним из важных аспектов реконструкции социальной истории древних и средневековых обществ является изучение гендерных отношений. Гендерный подход предполагает проведение исследования, направленного на реконструкцию роли мужчин и женщин в различных сферах жизнедеятельности (хозяйственной, политической, военной, культовой и др.). Перспективность реализации такой работы на материалах конкретных социумов кочевников очевидна, так как ее результаты представляют интерес не только для историков и археологов, но также имеют большое значение для социологов, этнографов и специалистов других областей знания (Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2000, с. 15).

Известно, что в каждом обществе существуют гендерные стереотипы – социально разделяемые представления о личностных качествах и поведенческих моделях мужчин и женщин. Обычно они весьма устойчивы, но при определенных условиях могут изменяться. Гендерные стереотипы являются одним из факторов, формирующих систему социальных отношений, поэтому их изучение имеет большое значение для реконструкции организации конкретных обществ (Рябова Т.Б., 2001, с. 4; 2003, с. 132). Опыт работ, осуществленных, главным образом, западными учеными, демонстрирует информативность материалов раскопок археологических памятников при исследовании социальных ролей мужчин и женщин (Берсенева Н.А., 2010б, с. 73).

Устоявшимся является представление о том, что центральной фигурой в социумах кочевников древности и средневековья являлся мужчина-воин. Данное утверждение выглядит вполне логичным и подкреплено сведениями многочисленных археологических, этнографических, письменных, иконографических и других источников. Вместе с тем в последние десятилетия стали появляться материалы, в свете которых такая картина гендерной истории представляется не столь однозначной. Так, введены в научный оборот и интерпретированы результаты раскопок целого ряда памятников скифо-сарматского периода, включавшие захоронения «выдающихся» женщин, которые, очевидно, занимали достаточно высокое место в обществе, а их социальная роль явно не ограничивалась ведением домашнего хозяйства (Полосьмак Н.В., 2001, с. 275–276, 279; Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р., 2004; и др.). Отмечено, что женские погребения этнографического времени, исследованные в различных районах Центральной Азии, по составу сопроводительного инвентаря значительно «богаче» мужских (Дьяконова В.П., 1975, с. 129; Кубарев Г.В., 2007, с. 296–297). Имеются и другие примеры, свидетельствующие о гораздо более сложной картине социальных отношений в обществах кочевников различных исторических периодов (Кильдюшева А.А., 2005; Китова Л.Ю., 2005; Тутаркова Н.В., 2007; Белинская К.И., 2009; Берсенева Н.А., 2011; и др.). Решение многих дискуссионных вопросов в этом направлении связано с детальным исследованием конкретных социумов.

Несмотря на очевидную актуальность реконструкции гендерных отношений в обществах кочевников, целенаправленного изучения данного вопроса на материалах погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий не предпринималось. Вместе с тем отечественными археологами высказывались ценные замечания по данному вопросу. Многие исследователи подчеркивали высокую степень сходства мужских и женских погребений раннесредневековых тюрок,

отмечая разницу между ними лишь в составе сопроводительного инвентаря (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 100; Гаврилова А.А., 1965, с. 28; Кубарев Г.В., 2005, с. 23; и др.). Анализ наборов вещей из могил номадов 2-й половины I тыс. н.э. позволил Г.В. Длужневской (1976) обозначить категории находок, характерных для захоронений лиц различных полов.

В связи с немногочисленностью женских погребений раннесредневековых тюрок большое внимание исследователей привлекло изучение показателей, характерных для данных объектов. Д.Г. Савинов (1994а, с. 148) обратил внимание на такую этнографическую особенность женских погребений кочевников, как наличие в них устойчивого набора предметов, включающего зеркало, гребень и маленький ножик. В.Н. Третьякова (2000, с. 55) отметила, что на некоторых раннесредневековых некрополях, раскопанных в Минусинской котловине, могилы представительниц слабого пола определенным образом приурочены к курганам мужчин. Исследовательница подчеркнула однотипность погребений женщин и отсутствие ярких признаков подобных объектов. Схожие наблюдения приведены в совместной статье Ю.С. Худякова и К.Ы. Белинской (2006, с. 498–499). Авторы публикации на материалах трех охарактеризованных женских захоронений раннесредневековых тюрок, обнаруженных в Монголии, пришли к выводу о том, что рассматриваемые объекты, по сравнению с мужскими могилами, отличаются меньшим разнообразием черт обряда.

Перспективы изучения женских погребений раннесредневековых тюрок Алтая обозначены в ряде публикаций К.Ы. Белинской (2007а–б, 2009). По ее мнению, в материалах захоронений представительниц слабого пола не наблюдается социальной градации, и все объекты принадлежат рядовым членам общества номадов раннего средневековья (Белинская К.Ы., 2007а, с. 147). Подобную слабую дифференцированность обряда К.Ы. Белинская (2009, с. 10) объяснила отсутствием резкого противопоставления между представителями элиты и рядовыми кочевниками. В работах исследовательницы представлена характеристика женской погребальной обрядности на основе анализа материалов раскопок раннесредневековых памятников Алтая (Белинская К.Ы., 2007б, 2009). Судя по приведенным описаниям, всего ею было учтено более 20 захоронений. При этом остался не ясным принцип определения половой принадлежности умерших из рассмотренных комплексов. К примеру, среди прочих объектов к женским погребениям отнесена могила 12 некрополя Кудыргэ, в составе сопроводительного инвентаря которой зафиксированы остатки меча и колчана (Гаврилова А.А., 1965, с. 25–26, табл. XX)⁴⁵, а также несколько других захоронений, однозначное определение которых вызывает вопросы.

В целом, многие вопросы, связанные с изучением гендерных отношений в обществе раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий, остаются открытыми. Возможности их решения связаны, главным образом, с осуществлением системного анализа материалов раскопок погребальных комплексов, результаты которого представлены далее.

Анализ наземных и внутримогильных сооружений, а также ритуала погребения, характерного для памятников раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий (рис. 55–57), позволил выделить две основные группы показателей.

В *первую* включены признаки, вариабельность которых не связана напрямую с гендерной дифференциацией обряда номадов. Сопоставление типов погребальных сооружений, а также их отдельных конструктивных элементов с половой принадлежностью умерших продемонстрировало отсутствие в абсолютном большинстве случаев какой-либо зависимости между обозначенными показателями (табл. 41). Некоторые тенденции в этом плане, характерные для отдельных некрополей ранне-

⁴⁵ Самой А.А. Гавриловой (1965) могила 12 определена в одном месте как женская (стр. 28), в другом – как мужская (стр. 25).

Рис. 55. Археологический комплекс Бике-IV. Наземная конструкция и погребение кургана №1 (по: Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, фото 27–30; раскопки и фото В.П. Семибратова)

Рис. 56. Археологический комплекс Курайка-2. Наземная конструкция и погребение кургана №1 (по: Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, фото 37–40; раскопки и фото Н.А. Константинова)

Рис. 57. Археологический комплекс Бирюзовая Катунь. Наземная конструкция и погребение курганов №3, 9 (по: Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, фото 33–36; раскопки и фото К.Ю. Кирюшина)

средневековых тюрок, отражают локально-территориальное своеобразие различных групп кочевников. К примеру, на могильнике Белый Яр-II в Минусинской котловине зафиксирована связь мужских могил с погребальной камерой в виде гроба (Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, рис. 4.-4, 7.-2, 10.-5-6, 12.-2). В ряде случаев достаточно четко фиксируется приуроченность некоторых «около-курганнных» объектов к насыпям, под которыми исследованы погребения мужчин и кенотафы, также определенные как «мужские». В то же время наибольшее распространение дополнительных элементов наземных и внутримогильных конструкций (кольцевая выкладка по периметру насыпи, перегородка, приступка, подбой, погребальная камера) характерно для женских погребений. В целом, распределение типов сооружений отражает тенденции, зафиксированные при рассмотрении общей совокупности объектов, и не связано с половой дифференциацией в обществе раннесредневековых тюрок. Вариабельность таких показателей ритуала погребения, как ориентировка и положение умерших и сопровождавших их животных, также определялась другими факторами.

Таблица 41

Специфика погребальных конструкций мужских, женских и детских захоронений раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий

Элемент конструкции	Мужские погребения 133 (100%)	Женские погребения 40 (100%)	Детские погребения 31 (100%)
Округлая насыпь	112 (84,21%)	31 (77,5%)	26 (83,87%)
Подквадратная насыпь	6 (4,51%)	4 (10%)	2 (6,45%)
Впускное погребение	14 (10,52%)	5 (12,5%)	1 (3,22%)
Скальное погребение	1 (0,75%)	–	2 (6,45%)
Кольцевая выкладка	29 (21,8%)	13 (32,5%)	10 (32,25%)
Крепида	21 (15,78%)	7 (17,5%)	8 (25,8%)
Ограда	8 (6,01%)	6 (15%)	2 (6,45%)
Перегородка	46 (34,58%)	18 (45%)	9 (29%)
Приступка	42 (31,57%)	19 (47,5%)	4 (12,9%)
Подбой	10 (7,51%)	5 (12,5%)	3 (9,67%)
Перекрытие	18 (13,53%)	6 (15%)	4 (12,9%)
Погребальная камера	17 (12,78%)	8 (20%)	4 (12,9%)

Вторую группу признаков обряда раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий составили показатели, различающиеся для мужских и женских захоронений. К ним отнесены параметры погребальных конструкций и количество лошадей, находившихся рядом с умершим. Для мужских погребений характерен большой объем трудозатрат на сооружение курганной насыпи и могильной ямы. Отметим, что данный показатель может быть зафиксирован только на уровне тенденции в силу разрушенности значительного количества объектов, а также наличия локальной специфики памятников раннесредневековых тюрок на различных территориях. Кроме того, для комплексов 2-й половины I тыс. н.э. отмечается высокая степень нивелировки размеров наземных и внутримогильных сооружений по сравнению с объектами раннего железного века. Более важным признаком является количество лошадей в погребении (табл. 42). Стандартом для мужских и женских захоронений раннесредневековых тюрок (более 70%) было помещение в могилу одного животного. Присутствие двух и более лошадей характерно только для погребений мужчин. В могилах без сопроводительного захоронения животного в процентном отношении также чаще находились представительницы слабого пола, что было связано с причинами в том числе и социального порядка.

Таблица 42

Сопроводительные захоронения животных в мужских, женских и детских погребениях раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий

Количество и вид животных	Мужские погребения 133 (100%)	Женские погребения 40 (100%)	Детские погребения 31 (100%)
Одна лошадь	95 (71,42%)	32 (80%)	3 (9,67%)
Две лошади	19 (14,28%)	1 (2,5%)	–
Три лошади	4 (3%)	–	–
Четыре лошади	1 (0,75%)	–	–
Лошадь отсутствует	13 (9,77%)	7 (17,5%)	16 (51,64%)
Овца	1 (0,75%)	–	12 (38,7%)

В связи с высокой степенью унификации погребального обряда раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий наиболее четким показателем, отличающим мужские и женские погребения, является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря. Для выявления и конкретизации закономерностей в этом плане был проведен статистический анализ, который позволил обозначить степень распространения конкретных находок в захоронениях лиц обоих полов, а также в детских могилах (табл. 43). При изучении тенденций распределения различных категорий инвентаря в погребениях выделены четыре группы предметов.

Таблица 43

Предметный комплекс из мужских, женских и детских погребений раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий

Категория предметов	Элемент предметного комплекса	Мужские погребения 133 (100%)	Женские погребения 40 (100%)	Детские погребения 31 (100%)
Вооружение	Лук	84 (63,15%)	–	–
	Наконечники стрел	105 (78,94%)	–	3 (9,67%)
	Клинковое оружие	34 (25,56%)	2 (5%)	–
	Топор	4 (3%)	–	–
	Копье	5 (3,75%)	–	–
	Защитное вооружение	6 (4,5%)	–	–
Украшения и предметы костюма	Наборный пояс	68 (51,12%)	2 (5%)	3 (9,67%)
	Серьги	23 (17,29%)	20 (50%)	2 (6,45%)
	Другие украшения	5 (3,75%)	9 (22,5%)	3 (9,67%)
	Фрагменты шелковой одежды	34 (25,56%)	8 (20%)	–
	Монеты	8 (6,01%)	1 (2,5%)	–
Предметы быта и туалета	Металлическое зеркало	1 (0,75%)	13 (32,5%)	1 (3,22%)
	Гребень	4 (3%)	7 (17,5%)	–
	Металлический сосуд	6 (4,5%)	1 (2,5%)	–
	Керамический сосуд	16 (12,3%)	6 (15%)	11 (35,48%)
	Котел	4 (3%)	–	–
	Игольник	–	5 (12,5%)	–
Орудия труда	Нож	77 (57,89%)	21 (52,5%)	7 (22,58%)
	Пряслица	–	7 (17,5%)	1 (3,22%)
	Тесло	41 (30,82%)	–	1 (3,22%)
	Оселок	7 (5,26%)	1 (2,5%)	–
	Кочедык	8 (6,01%)	–	–
	Плеть/стек	13 (9,77%)	4 (10%)	–
Снаряжение лошади	Удила, псалии	100 (75,18%)	25 (62,5%)	3 (9,67%)
	Стремена	93 (69,92%)	22 (55%)	3 (9,67%)
	Украшения узды	17 (12,78%)	13 (32,5%)	1 (3,22%)

Первую группу составили вещи, характерные только для захоронений мужчин. Главным образом, это предметы вооружения. Такие находки зафиксированы в абсолютном большинстве объектов – 124 (93,2%) погребения. Оружие отсутствовало только в 9 (6,8%) мужских могилах. Маркерами захоронений мужчин являлись также наборный пояс, серебряный сосуд, китайские монеты, котел, тесло, оселок и кочедык. Находки, отнесенные к первой группе вещей, зафиксированы и в некоторых женских погребениях. Предметы вооружения, а именно небольшие кинжалы, встречены в двух (5%) захоронениях представительниц слабого пола (Длужневская Г.В., 2000, с. 180, рис. IV.-4; Овчинникова Б.Б., 2004, с. 102, рис. 11.-10); также в двух могилах отмечен наборный пояс (Вайнштейн С.И., 1958, с. 218; Гаврилова А.А., 1965, с. 61, рис. 7.-1, 2). По одному разу в женском погребении зафиксированы серебряный сосуд (Савинов Д.Г., 1994в, с. 118, рис. 108–110), китайские монеты (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, с. 96, рис. 9.-1) и оселок (Гаврилова А.А., 1965, с. 22).

Вторая группа находок представлена вещами, не несущими гендерной нагрузки. Это фрагменты шелковой одежды, нож, предметы конского снаряжения, керамический сосуд, а также плетъ или стек. Обозначенные изделия в равной степени встречены в мужских и женских захоронениях раннесредневековых тюрок.

Третья группа предметов сопроводительного инвентаря включает находки, характерные преимущественно для женских погребений и встреченные в могилах мужчин более фрагментарно. К ним относятся серьги, различные украшения костюма (бусы, подвески, кольца и др.), гребень, а также украшения конского снаряжения.

К **четвертой группе** вещей отнесены предметы, встреченные только в захоронениях представительниц слабого пола. Показателями исключительно женских погребений являются металлическое зеркало⁴⁶, игольник и пряслице.

Представленные закономерности распределения предметов сопроводительного инвентаря в могилах умерших людей различных полов позволяют рассматривать некоторые характеристики общества раннесредневековых тюрок, получившие отражение в материалах погребальных комплексов. Важным показателем обряда кочевников являлось последовательное отражение традиционных гендерных стереотипов. Они соблюдены в абсолютном большинстве рассмотренных погребений. В связи с этим интерес представляет рассмотрение имеющихся отклонений от норм обрядности, связанных с гендерной принадлежностью умерших.

Так, в отдельных захоронениях представительниц слабого пола обнаружены «мужские» предметы. Правдоподобным выглядит предположение о том, что такие вещи помещались в могилу для последующей передачи ранее умершему владельцу (Нестеров С.П., 1999, с. 97). Подтверждение данной интерпретации находим в этнографических материалах. Известно, что у многих кочевых народов центрально-азиатского региона существовали представления о встрече родственников в загробном мире. Поэтому, к примеру, в ряде случаев в могилу вдовы клали кiset, предназначенный для передачи ее мужу (Дьяконова В.П., 1975, с. 23, 44–45, 130–131). Вероятно, похожие традиции были и у раннесредневековых тюрок. Именно так можно объяснить нетипичное расположение в женской могиле «мужского» наборного пояса, помещенного не на привычном месте, а у головы умершей (Гаврилова А.А., 1965, с. 61)⁴⁷.

Весьма вероятен и другой вариант интерпретации присутствия «мужских» предметов в женских погребениях. Имеющиеся материалы позволяют предположить, что такие вещи могли демонстрировать высокий прижизненный социальный статус

⁴⁶ В одном из тюркских погребений умерший, рядом с которым находилось металлическое зеркало, определен как мужчина (Грач А.Д., 1958; Алексеев В.П., 1960, табл. 3). В этом случае возможна неточность из-за плохой сохранности черепа, по которому проводилось определение (Нестеров С.П., 1999, с. 95). С другой стороны, на принадлежность погребения мужчине указывает наличие таких предметов, как котел и тесло.

⁴⁷ Судя по всему, такие представления нашли отражение и в материалах детского погребения, исследованного на могильнике Мойгун-Тайга. В этом захоронении наборный пояс, никак не подходивший по размеру ребенку, был положен в стороне, сбоку от умершего (Грач А.Д., 1960а, с. 32).

умерших. В ряде случаев захоронения женщин, в составе инвентаря которых обнаружены нетипичные для представительниц слабого пола изделия, включали и другие «престижные» категории предметов. Таким образом, нарушение гендерных стереотипов при создании рассмотренных погребений, вероятно, было призвано подчеркнуть особое положение погребенных.

Гендерные стереотипы нашли отражение и в материалах детских погребений ранне-средневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий. Основной характеристикой большинства таких объектов является фрагментарное присутствие сопроводительного инвентаря. Вместе с тем изучение ряда памятников позволило обозначить половую дифференциацию среди захоронений. Обнаружение в отдельных детских могилах наконечников стрел (Овчинникова Б.Б., 2004, с. 104; Кубарев Г.В., 2005, с. 373), наборного пояса (Грач А.Д., 1960а, с. 32; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 116) и тесла (Грач А.Д., 1960а, с. 33) («мужские» предметы), а также металлического зеркала (Соенов В.И. и др., 2002, с. 119), серег (Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, с. 91) и других украшений (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, с. 98), более характерных для женских погребений, отражает, судя по всему, попытку обозначения принадлежности умершего к определенной гендерной группе взрослых. Этой же причиной может быть объяснено присутствие лошади в трех детских захоронениях. Возможна и другая интерпретация случаев фиксации обозначенных показателей обряда в могилах детей. Не следует исключать влияния фактора, связанного с различным возрастом умерших. К сожалению, редкость антропологических определений исключает возможность обозначения тенденций в этом отношении. Известны и другие объяснения наличия «богатого» предметного комплекса в детских погребениях, к примеру, необходимость защиты ребенка от злых сил (Троицкая Т.Н., 1989, с. 66–67) и др.

Несмотря на наличие отмеченных частных случаев, изучение погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий демонстрирует весьма четкое разделение общественных ролей и функций мужчин и женщин. Для получения дополнительной информации в этом плане обратимся к информации письменных источников.

Общие сведения, содержащиеся в тюркских рунических текстах и китайских династийных хрониках, подтверждают традиционные для кочевых обществ модели поведения лиц обоих полов. Основным занятием мужчин было военное дело. Весьма подробное описание постоянных походов приведено в памятниках рунической письменности (Малов С.Е., 1951, 1959; Тугушева Л.Ю., 2008). Кроме того, мужчины пасли скот, занимались охотой, а также ремеслами, связанными, главным образом, с производством изделий из металла. Соответственно, все остальные многочисленные хозяйственные занятия, а также воспитание детей ложились на женщин. Вместе с тем отдельные сообщения раннесредневековых авторов позволяют предполагать, что представительницы слабого пола в обществе тюрок занимали достаточно высокое положение и могли выполнять гораздо более широкий круг функций.

Отдельные аспекты реконструкции статуса женщин в социуме тюрок 2-й половины I тыс. н.э. по письменным источникам рассматривались многими исследователями. Результаты, полученные учеными, выглядят достаточно противоречиво. С одной стороны, имеются сведения о высоком положении представительниц слабого пола, особенно во внутрисемейных отношениях (Бернштам А.Н., 1946, с. 97–99; Гумилев Л.Н., 2002, с. 85–86; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 183–184; и др.). Вместе с тем в письменных источниках приведена информация о существовании у тюрок женского рабства и о том, что женщины в ряде случаев приравнивались к имуществу, так как шли в уплату за некоторые уголовные преступления (Бернштам А.Н., 1946, с. 116, 120, 122; Кляшторный С.Г., 1985, с. 165–166; Кычанов Е.И., 1997, с. 110–111). Представим некоторые наблюдения, дополняющие выводы исследователей.

Справедливым представляется утверждение турецкого историка С. Максуди (2002, с. 276) о том, что положение женщин во многих обществах, в том числе и тюрк-

ском, находило отражение в статусе жен правителей. В письменных источниках неоднократно указывается на уважение и почтение, которым пользовались катун, а также мать кагана (Лю Маоцай, 2002, с. 70). В надписи в честь Тоньюкука описана ситуация, в которой каган, находясь в военном походе, оставил войско, чтобы вернуться домой и совершить «погребальные церемонии» над умершей женой (Малов С.Е., 1959, с. 68). В другом памятнике рунической письменности «мать-катун» названа первой по знатности из женщин, находящихся в орде, спасенной Кюль-Тегинотом от врагов (Малов С.Е., 1959, с. 42). Имеется упоминание о том, что жена правителя державы тюрок принимала участие в «военных предприятиях» (Лю Маоцай, 2002, с. 40). Судя по всему, весьма значимой была власть катун после смерти ее мужа и в периоды малолетства сына, выбранного каганом (Бичурин Н.Я., 1950, с. 277)⁴⁸. В династийных хрониках, в силу вполне понятных причин, неоднократно подчеркивается участие в политическом процессе китайских «царевен», выданных замуж за тюркских правителей (Бичурин Н.Я., 1950, с. 240–241, 247; Лю Маоцай, 2002, с. 64; и др.).

Анализ письменных источников позволяет обозначить свидетельства различного социального статуса представительниц слабого пола в обществе кочевников. Согласно сведениям китайских хроник, тюркские женщины могли относиться к конкретным рангам, что определяло их положение (Лю Маоцай, 2002, с. 70). Порядок перечисления спасенных Кюль-Тегинотом родственниц в ситуации, описанной выше, также, судя по всему, был обусловлен их знатностью (Малов С.Е., 1959, с. 42).

Особый интерес представляют упоминания в династийных хрониках о женщинах, выполнявших определенные культовые функции. Описывая обычаи раннесредневековых тюрок, китайские авторы отметили, что «они почитают богов и духов и верят в заклинательниц и заклинателей злых духов» (Лю Маоцай, 2002, с. 23). В биографии тюркского политического деятеля Аньлушаня имеется упоминание о его матери, которая «была волшебницей и жила предсказаниями» (Лю Маоцай, 2002, с. 97). В частности, указывается на то, что женщина обращалась к богу войны, моля его о сыне (Лю Маоцай, 2002, с. 99). Реконструкция культовой практики у центральноазиатских тюрок раннего средневековья затруднена целым рядом обстоятельств и требует проведения специального исследования. Вместе с тем из приведенных свидетельств письменных источников очевидно, что религиозная деятельность осуществлялась не только мужчинами, но и женщинами⁴⁹.

Таким образом, результаты изучения материалов раскопок погребальных памятников раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий свидетельствуют о наличии четких гендерных стереотипов, получивших отражение в обряде номадов. При этом вариативность многих показателей определялась не только половой принадлежностью умерших, но также их прижизненным социальным статусом, отношением к определенной профессиональной группе и др. Не следует исключать влияния фактора, связанного с этнической принадлежностью погребенных людей, учитывая значительное количество различных племен и групп номадов, включенных в состав политических объединений раннесредневековых кочевников. Гендерные стереотипы получили отражение в материалах детских погребений, что является одним из свидетельств раннего включения представителей данной возрастной группы в систему общественных отношений. Наличие устойчивых представлений, связанных с кругом функций лиц обоих полов, подтверждают сведения письменных источников. Определенная вариативность гендерных стереотипов могла быть характерна для элитных слоев общества номадов. Кроме того, специфика показателей погребального обряда определялась также возрастной дифференциацией социума раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий.

⁴⁸ Подобная ситуация отмечена при изучении политической истории кочевников монгольского времени (Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006, с. 84) и в целом является весьма распространенной.

⁴⁹ Известно, что у монголов некоторые обряды могли проводиться только женщинами (Скрынникова Т.Д., 1997, с. 135).

3.2.2. Возрастная дифференциация общества кочевников

Важным направлением в рамках исследования социальной истории обществ прошлого является реконструкция различных сторон возрастной дифференциации. Без выделения этапов социализации, определения тенденций динамики статуса индивида в течении жизни, а также детализации зависимости степени доступа к общественным благам людей от их возраста нельзя рассчитывать на полную и объективную характеристику организации исследуемого социума.

Несмотря на традиционную популярность социальных реконструкций в отечественной археологии, изучение возрастной дифференциации в обществе раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий представляет собой практически не разработанное направление исследований. До сих пор нет комплексной публикации, в которой на представительном материале раскрывались бы все аспекты данной проблемы. Известны лишь отдельные работы, посвященные анализу различных сторон рассматриваемого явления.

Некоторые характеристики возрастной дифференциации в обществе раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона представлены в статье Г.В. Длужневской (1976). При этом исследовательница обратила внимание только на специфику захоронений детей и подростков, подчеркнув, в частности, что одним из отличий детских погребений от могил взрослых людей является наличие одного стремени вместо двух (Длужневская Г.В., 1976, с. 194, 196).

Более развернутый опыт выявления возрастной дифференциации в раннесредневековых комплексах этого же региона предпринят С.А. Васютиным (2009). Исследователь подчеркнул, что полноценная реконструкция данного аспекта социальной системы кочевников по археологическим памятникам практически невозможна в связи со спецификой источниковой базы. С.А. Васютин (2009, с. 199–200) отметил высокую степень стандартизованности рядовых тюркских погребений, анализ которых позволяет наметить лишь общие контуры возрастной структуры раннесредневековых кочевников. Основными выводами исследователя, представленными в рассматриваемой публикации, являются заключения об особой роли в тюркском обществе женщин в возрасте от 25 до 35 лет, о возможности выделения по археологическим материалам отдельной группы представительниц слабого пола старше 55–60 лет, а также о специфике детских захоронений (Васютин С.А., 2009, с. 200–201).

Отдельные замечания об особенностях погребений детей представлены в публикациях, посвященных введению в научный оборот результатов полевых исследований на некрополях раннесредневековых тюрок. А.Д. Грач (1960а, с. 71), подводя итоги рассмотрения материалов комплекса Мойгун-Тайга, отметил, что зафиксированная на данном памятнике традиция сопроводительного захоронения овцы связана с символической «заменой» лошади. В последующие годы к этой точке зрения присоединились и другие археологи (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 65; Худяков Ю.С., 2004, с. 48; и др.), объясняя «замену» лошади на овцу в погребениях детей и подростков именно возрастом умерших, которые не являлись полноправными членами социума. Г.В. Кубарев (2005, с. 22) обратил внимание на малое количество детских погребений раннесредневековых тюрок и подчеркнул высокую степень вариативности и неустойчивости норм обрядности для таких объектов. В особую группу памятников исследователь выделил детские скальные захоронения, отметив распространение традиции сооружения подобных комплексов в рассматриваемом регионе в этнографическое время.

Дальнейшая разработка вопросов возрастной дифференциации общества раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий по археологическим материалам позволила существенно расширить и скорректировать представленные наблюдения.

Нет сомнений, что возрастная дифференциация общества находила отражение в погребальной обрядности и, соответственно, может быть в разной степени рекон-

струирована в ходе анализа материалов раскопок археологических комплексов (Берсенева Н.А., 2011, с. 48–49). Степень достоверности и объективности полученных результатов определяется многими факторами, в том числе не в последнюю очередь состоянием источниковой базы, имеющейся в распоряжении исследователя. Учитывая представленные в начале главы характеристики имеющихся материалов (ограниченное количество антропологических определений, ограбленность значительного количества комплексов, высокая степень унификации обрядовой практики, локальное своеобразие погребений на отдельных территориях и др.), приходится ограничиваться выделением лишь общих тенденций возрастной дифференциации, не имея возможности исследовать нюансы, столь значимые для целостной характеристики социальной системы раннесредневековых кочевников. Вместе с тем фрагментарность археологических материалов в некоторой степени компенсируется наличием других групп источников. Определенное значение имеют сведения китайских династийных хроник и тюркских рунических текстов, в которых представлены сюжеты, характеризующие отдельные стороны возрастной дифференциации в обществе кочевников. Некоторые замечания могут быть сделаны на основе соотношения имеющихся данных с этнографическими материалами по тюркским народам региона. Комплексный анализ всех групп источников позволяет составить общую картину возрастной дифференциации общества раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий.

Принимая во внимание ограниченное количество погребений, по которым имеются антропологические определения, дробление анализируемой выборки на значительное количество групп, согласно традиционному делению, принятому в антропологии (Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964, с. 39), представляется не продуктивным. Более обоснованным в такой ситуации является выделение лишь нескольких основных возрастных групп (Берсенева Н.А., 2011, с. 51). Такой подход, направленный, главным образом, на выявление общих тенденций и закономерностей возрастной дифференциации в обществе, вместе с тем не исключает возможности рассмотрения частных нюансов, в том случае, если такие наблюдения обеспечены необходимыми материалами.

Возрастная дифференциация социума раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий может быть рассмотрена в рамках четырех основных групп: 1) «дети» (до 14 лет, с выделением промежуточной группы «подростки» – до 18 лет); 2) «юные» (18–25 лет); 3) «взрослые» (25–45 лет); 4) «старшие взрослые» или «пожилые» (более 45–50 лет) (СерEGIN Н.Н., 2013, с. 67).

Представительной возрастной группой социума раннесредневековых тюрок, получившей отражение в материалах погребальных комплексов, являются **дети**. Анализ материалов раскопок погребальных комплексов позволил выделить 40 объектов, связанных с захоронением представителей рассматриваемой возрастной группы. Значительная часть детских погребений исследована в Минусинской котловине, остальные памятники обнаружены на территории Алтая и Тувы.

Обращает на себя внимание немногочисленность рассматриваемых памятников, составляющих всего около 10% от общего количества известных погребений раннесредневековых тюрок обозначенных регионов, особенно учитывая, что для определения детского погребения в большинстве случаев не требуется заключения антрополога. Вместе с тем данная ситуация не является уникальной. Низкий процент детских захоронений отмечен в ходе исследования памятников целого ряда обществ древности и средневековья (Берсенева Н.А., 2010а, с. 108). Особенно это характерно для кочевых социумов, отличающихся высокой степенью подвижности (Балабанова М.А., 2009, с. 83–84). Однако, судя по имеющимся материалам, основным объяснением зафиксированной ситуации является специфика похоронной обрядности раннесредневековых тюрок, более подробно представленная далее. Несмотря на обозначенные обстоятельства, известным образом ограничивающие возможности исследования, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют представить не только общую характеристику детских захоронений и выделить их отличительные особенности,

но также дают возможность для рассмотрения семантики объектов и определения направлений их дальнейшего изучения.

Проведенное исследование основных характеристик погребальных сооружений и ритуала раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий продемонстрировало возможность выделения нескольких групп детских захоронений.

Первая группа, наиболее многочисленная (20 погребений), представлена объектами, создание которых предполагало сооружение отдельной курганный насыпи, под которой находилась одна могильная яма. Специфика погребального ритуала позволяет обозначить в рамках первой группы три варианта реализации данного компонента обрядовой практики:

1) детские захоронения в сопровождении лошади (четыре объекта): Аргалыкты-VIII (курган №2), Кара-Тал-IV (курган №4), Даттыг-Чарык-Аксы (курган №2), Джолин-III (курган №2) (Трифонов Ю.И., 2013; Кубарев Г.В., 2005).

2) детские захоронения в сопровождении овцы (11 объектов): Монгун-Тайга-57-XXXVI, Кырлык-II (курганы №2, 4), Перевозинский чаатас (курганы №79, 94), Тепсей-III (курганы №15, 19, 32, 50), Капчалы-II (курганы №10, 17) (Левашова В.П., 1952; Грач А.Д., 1960а; Грязнов М.П., Худяков Ю.С., 1979; Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985; Худяков Ю.С., 2004).

3) «одинокое» детские погребения – без сопроводительного захоронения животного (пять объектов): Кара-Тал-III (курган №4), Аймырлыг-XX (курган №14), Катанда-III (курган №7), Белый Яр-II (курган №5), Усть-Чоба-I (курган №3) (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999; Соловьев А.И., 1999; Овчинникова Б.Б., 2004; Трифонов Ю.И., 2013).

Ко **второй группе** отнесены детские погребения раннесредневековых тюрок, отличительной характеристикой которых является расположение рассматриваемых объектов под одной курганный насыпью с другими захоронениями. При этом в ряде случаев отмечено присутствие специальной надмогильной конструкции в виде небольшой кольцевой выкладки, перекрытия и др. Погребения данной группы (11 объектов) исследованы только на некрополях Минусинской котловины: Белый Яр-II (Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999), Тепсей-III (Грязнов М.П., Худяков Ю.С., 1979). К данной группе также следует отнести детское впускное погребение, исследованное при раскопках кургана №3 могильника Кирбинский Лог (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988), под насыпью которого находились и другие захоронения.

Третья группа включает погребения детей, совершенные в одной могиле со взрослым человеком. Такие объекты раскопаны на некрополях Алтая, Тувы и Минусинской котловины: Белый Яр-II (курган №7, мог. 4, захор. 1); Бийке-IV (курган №1), Кара-Коба-I (курган №47), Кудыргэ (курган №4), Улуг-Хову (курган №54) (Гаврилова А.А., 1965; Кызласов Л.Р., 1979; Могильников В.А., 1990; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999; Семибратов В.П., Матренин С.С., 2008). Материалы раскопок обозначенных объектов показывают, что чаще всего ребенок был просто положен рядом со взрослым человеком. При этом в двух случаях останки детей помещены в специальный берестяной туесок. Интересно, что рассматриваемые захоронения зафиксированы как в женских, так и в мужских погребениях.

К **четвертой группе** отнесены немногочисленные скальные захоронения: Каменный Лог (Соенов В.И. и др., 2002), Юстыд (Кубарев Г.В., 2005).

Пятая группа, выделенная на основании материалов только одного памятника, включает детские погребения, совершенные в межкурганном пространстве. Такие объекты зафиксированы в ходе раскопок на комплексе Урочище Балчикова-III (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002).

По имеющимся материалам представляется возможным определить стандарт погребального обряда детей, характерный для значительного количества рассмотренных памятников раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий. Он предполагал:

- 1) возведение наземной конструкции в виде небольшой курганной насыпи;
- 2) захоронение в неглубокой могильной яме;
- 3) отсутствие сопроводительного захоронения лошади, в ряде случаев «замененной» на овцу;
- 4) ограниченный набор сопроводительного инвентаря или его отсутствие.

Такие характеристики погребального обряда в разном сочетании зафиксированы при исследовании большинства объектов рассматриваемой серии. Имеющиеся отклонения, отмеченные в ходе раскопок остальных памятников, демонстрируют вариативность обрядовой практики раннесредневековых кочевников.

Представленный стандарт погребального обряда детей демонстрирует высокую степень схожести основных показателей с традициями, характерными для взрослого населения общества раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий. Так, не наблюдается существенных расхождений в характеристиках наземных и внутримогильных сооружений. Погребальные конструкции в детских захоронениях даже выделяются своим разнообразием: каменный ящик, колода, каменная, грунтовая или деревянная перегородка, подбой, приступка, берестяной туесок и др. Вместе с тем достаточно четко фиксируются и отличительные признаки. Относительным показателем детских погребений являются уменьшенные, по сравнению с захоронениями взрослых людей, параметры наземных и внутримогильных сооружений. Кроме того, возрастная дифференциация общества раннесредневековых тюрок получила отражение в таких элементах ритуала, как вид и количество захороненных животных, сопровождавших умершего человека. Лошадь присутствовала только в четырех детских погребениях, в то время как в могилах взрослых наличие животного является стандартным показателем. Более чем в половине детских погребений животное отсутствовало. В 11 случаях зафиксирована символическая «замена» лошади на овцу. Данный показатель обряда получил наибольшее распространение на территории Минусинской котловины.

Наиболее существенным признаком, отличающим детские погребения раннесредневековых тюрок, является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря. Основная характеристика захоронений представителей данной возрастной группы – редкость или отсутствие большинства категорий предметного комплекса, распространенных в могилах взрослого населения. Наиболее частыми находками в погребениях детей являются ножи и керамические сосуды. Более чем в трети захоронений какие-либо вещи отсутствовали.

Своеобразными вариантами оформления детских погребений раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий являются захоронения в межкурганном пространстве, а также скальные объекты. Фиксация таких комплексов и немногочисленность «стандартных» памятников, связанных с представителями рассматриваемой возрастной группы, дает основания для утверждения о том, что захоронение далеко не всех умерших детей предполагало реализацию всех традиционных норм обрядовой практики. Не исключено, что определенная часть детских погребений еще не известна в связи с несовершенством реализованной методики раскопок (неполнотой исследования межкурганного пространства), а также очевидной сложностью обнаружения скальных объектов. Следует признать, что предположение о связи незначительного количества детских захоронений раннесредневековых тюрок с тем, что далеко не для всех умерших сооружался «стандартный» погребальный комплекс, является лишь гипотезой, требующей подтверждения в ходе дальнейших археологических исследований.

Итак, материалы раскопок детских погребений раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий, несмотря на их немногочисленность, демонстрируют определенный уровень вариативности признаков, обусловленных, судя по всему, как возрастными и индивидуальными особенностями, так и заметной социальной дифференциацией внутри данной группы.

Редкость определений возраста и фрагментарность археологических материалов не позволяют определить четкие этапы социализации в обществе раннесредневековых тюрок. Вместе с тем заметно выделение погребений **подростков** (от 14–15 лет), отличающихся более частым присутствием захоронения лошади и фиксацией предметов сопроводительного инвентаря, не встреченных в могилах детей и в ряде случаев демонстрирующих гендерную принадлежность умершего (Гаврилова А.А., 1965; Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н., 1992). Однако для ряда объектов, связанных с погребениями лиц рассматриваемой возрастной группы, сохраняются признаки, сближающие их с захоронениями детей – замена лошади на овцу, отсутствие животного, фрагментарность сопроводительного инвентаря (в том числе полное отсутствие «престижных» предметов и показателей богатства и власти), уменьшенные параметры наземных и внутримогильных сооружений и др. (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Митько О.А., 1992; и др.).

Количество захоронений **молодых людей** в анализируемой выборке весьма незначительно, что, вероятно, может объясняться низким уровнем смертности в этом возрасте. Очевидно, что лица данной возрастной группы отличаются повышенной активностью и, судя по имеющимся материалам, могли занимать достаточно высокое положение в обществе раннесредневековых тюрок. Данное утверждение представляется наиболее справедливым при характеристике статуса молодых воинов. Так, известна серия погребений молодых мужчин в возрасте 16–20 лет, отличающихся высоким положением в воинской иерархии (Кубарев В.Д., 1992; Могильников В.А., 1997а; Кубарев Г.В., 2005). Редкие погребения женщин данной возрастной группы, в целом, подтверждают обозначенные тенденции (Могильников В.А., 1990). С другой стороны, следует отметить, что далеко не все молодые люди имели возможность занять высокое положение в общественной иерархии. Ряд погребений мужчин в возрасте 16–20 лет (Грязнов М.П., Худяков Ю.С., 1979; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999) демонстрирует высокую степень сходства с захоронениями подростков. В этих объектах фиксируется устойчивое присутствие лошади и других показателей, отличающих рассматриваемые могилы от детских захоронений, но при этом полностью отсутствуют признаки высокого статуса и включения молодых людей в организацию войска.

К группе **взрослых людей** относится большая часть объектов, для которых имеется подробное антропологическое определение. Материалы раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок демонстрируют довольно высокий уровень смертности в этом возрасте, особенно в период после 35–40 лет. С другой стороны, на данном этапе жизни наблюдается наибольший уровень физической активности, что в традиционных обществах в значительной степени определяет высокий статус. Действительно, погребения, связываемые по комплексу признаков с представителями элиты социума раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий (Серегин Н.Н., 2013), чаще всего создавались для умерших людей зрелого возраста. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в рамках рассматриваемой возрастной группы наблюдается и наибольшая дифференциация статуса. Известна серия захоронений, в материалах которых отсутствовали какие-либо признаки принадлежности умершего к высшим слоям социума, а также объекты, очевидно, связанные с погребением людей, находившихся при жизни на нижних уровнях общественной иерархии. Различный статус в данном случае, очевидно, не был связан с возрастом умерших, а определялся другими причинами.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о статусе **пожилых людей** в обществе раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий. Отметим, что в силу ряда причин, в том числе из-за ограниченности источниковой базы, данный вопрос крайне редко рассматривается на материалах раскопок археологических памятников (Берсенева Н.А., 2013, с. 23). Вместе с тем особенности положения представителей старшей возрастной группы являются важным показателем уровня развития социума в целом.

К условно выделенной группе «старшие взрослые» отнесены все индивиды, умершие в возрасте более 45–50 лет. Сформированная серия подобных погребений, относящихся к археологической культуре раннесредневековых тюрок, насчитывает 35 объектов – 25 захоронений мужчин и 10 могил женщин. Большая часть этих комплексов (18 объектов) изучена на Алтае. Остальные происходят из некрополей Тувы (7), Хакасии (7) и Монголии (3).

Сопоставление обозначенных материалов с результатами общего анализа некрополей раннесредневековых тюрок показывает, что совершение захоронений пожилых людей предполагало реализацию стандартных форм обряда. Какие-либо системные отклонения в этом плане не выявлены. Большая часть погребений мужчин и женщин преклонного возраста совершена под наземной конструкцией в виде курганной насыпи; в могиле рядом с умершим находилось сопроводительное захоронение одной или нескольких лошадей. Фиксируемая вариабельность качественно-количественного состава сопроводительного инвентаря демонстрирует принадлежность покойных к различным группам общества раннесредневековых тюрок.

Судя по зафиксированным показателям, мужчины в возрасте более 45 лет нередко имели весьма высокий статус в обществе кочевников. В рассматриваемых материалах присутствует группа захоронений пожилых людей, относящихся к различным уровням элиты номадов (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941; Трифонов Ю.И., 2000; Кубарев Г.В., 2005). Устойчивое положение мужчин преклонного возраста в социуме тюрок подтверждается наличием в большинстве рассматриваемых объектов минимальных атрибутов «полноценного» кочевника – пояса и отдельных предметов вооружения. Такие изделия отсутствуют только в небольшой серии могил, относящихся, очевидно, к представителям обедневших слоев общества скотоводов.

Показательно, что в отдельных случаях пожилые мужчины продолжали сохранять свой статус в группах, относящихся к различным слоям профессиональных воинов или дружинников (Серегин Н.Н., Тишин В.В., 2018, с. 56–57). Вероятно, в данном случае определяющим фактором выступали полученный опыт и накопленный авторитет. С другой стороны, не менее очевидным является сокращение даже в «богатых» захоронениях мужчин после 45 лет общего количества предметов вооружения, в том числе редких и «престижных» изделий (главным образом, клинкового оружия). Случаи фиксации обозначенных находок в таких погребениях единичны (Гаврилова А.А., 1965; Нестеров С.П., Худяков Ю.С., 1979; и др.). Вероятно, данная ситуация демонстрирует общую тенденцию, связанную с сохранением пожилыми мужчинами высокого статуса в обществе, но снижением, в силу объективных обстоятельств, их положения в воинской иерархии. Такая ситуация была обусловлена, прежде всего, ограничением с возрастом физических возможностей людей, что также нашло отражение в материалах погребальных комплексов и было зафиксировано антропологами (Нестеров С.П., Худяков Ю.С., 1979, с. 88; Кирюшин К.Ю. и др., 2005, с. 340).

Весьма высоким был статус пожилых женщин в обществе раннесредневековых тюрок. Показательно, что в данном случае не наблюдается снижения социального положения с возрастом. Материалы раскопок некрополей тюрок Алтая и сопредельных территорий демонстрируют не только сохранение, но даже повышение роли лиц женского пола старше 45 лет в социуме номадов. Погребения представительниц этой возрастной группы составляют значительную часть комплексов, отражающих элитные слои кочевого общества. Для сопроводительного инвентаря, зафиксированного в ходе раскопок подобных объектов, характерно сочетание не менее двух или трех вещей из числа таких «престижных» находок, как металлические зеркала, а также украшения конской амуниции и серьги, изготовленные, чаще всего, с использованием драгоценных металлов (Евтюхова Л.А., 1957; Савинов Д.Г., 1994в; Кубарев Г.В., 2005; и др.). Очевидно, неизбежное снижение физической активности и ограничение степени участия в трудовых операциях не являлось критичным обстоятельством, влияющим на статус женщин в обществе тюрок Алтая и сопредельных территорий.

Основные тенденции возрастной дифференциации в обществе раннесредневековых тюрок, рассмотренные на основе анализа результатов раскопок археологических комплексов, получают подтверждение при изучении сведений письменных источников.

Судя по приведенной в тюркских рунических текстах информации, взросление детей и включение их в хозяйственные занятия, в том числе переход мальчиков в разряд взрослых воинов, происходили достаточно рано. По наблюдениям Р.С. Липец (1984, с. 51), во многом это зависело от степени знатности семьи ребенка. Известно упоминание о том, что Кюль-тегин к 16 годам уже «снискал воинское имя» и добился восстановления державы тюрок (Тугушева Л.Ю., 2008, с. 44). Бильге-каган в возрасте 17 лет успешно руководил военной операцией против тангутов (Тугушева Л.Ю., 2008, с. 58).

Вместе с тем в письменных источниках практически нет упоминаний о детях до подросткового возраста. Редкое исключение представляет ставшая хрестоматийной легенда о происхождении тюрок, где главным действующим лицом является мальчик, спасшийся от врагов и положивший начало роду Ашина (Бичурин Н.Я., 1950, с. 220). Это указывает на то, что, в целом, дети до достижения определенного возраста не рассматривались как самостоятельные члены социума кочевников и, видимо, получение такого статуса требовало реализации определенных обрядовых действий, различные варианты которых известны в этнографических материалах.

Находят подтверждение и наблюдения о достаточно высоком статусе пожилых людей. В китайских хрониках и тюркских текстах неоднократно фиксируется подчеркнутое уважение к матери (Лю Маоцай, 2002, с. 70; Тугушева Л.Ю., 2008, с. 42, 44), что, очевидно, отражает общее отношение к представительницам слабого пола преклонного возраста. В одном из памятников рунической письменности «мать-катун» названа первой по знатности из женщин, находящихся в орде, спасенной Кюль-тегином от врагов (Малов С.Е., 1959, с. 42). Имеются упоминания о значительной роли в управлении различными структурами общества и большом авторитете старейшин (Бичурин Н.Я., 1950, с. 221, 239, 243, 255, 271; Тугушева Л.Ю., 2008, с. 78). В надписи на памятнике, созданном в честь известного военачальника Тоньюкука, приведена следующая яркая характеристика статуса людей преклонного возраста: «...Сам я состарился и стал почтенным» (Тугушева Л.Ю., 2008, с. 86).

Итак, проведенный анализ материалов раскопок археологических комплексов раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий продемонстрировал существование возрастной дифференциации погребального обряда. Представляется возможным утверждать, что возраст человека хоть и не являлся главным фактором положения, которое он занимал в общественной иерархии (будучи опосредованным профессиональным статусом, степенью знатности семьи или рода, личными заслугами и др.), но тем не менее имел определенное значение. Зафиксированные тенденции возрастной дифференциации погребального обряда раннесредневековых тюрок, находящие подтверждение в сведениях письменных источников, демонстрируют общую ситуацию, характерную для многих традиционных обществ, в том числе кочевых социумов.

Обнаружение «богатых» детских погребений, очевидно, демонстрирует существование «предписанного» статуса, определявшегося знатностью семьи или рода. Очевидным является довольно раннее взросление детей, наиболее характерное для представителей элиты кочевников. Судя по всему, основные позиции в обществе раннесредневековых кочевников занимали взрослые люди в возрасте 25–45 лет. Зачастую приобретенный в это время статус и имевшийся авторитет сохранялись и в преклонном возрасте, что позволяло пожилым людям занимать достаточно высокое положение и после 45–50 лет. Вместе с тем фиксируется объективное ограничение степени их включения в различные сферы жизнедеятельности кочевого социума. Наиболее последовательно этот процесс получил отражение в материалах раскопок погребений

ний пожилых мужчин, как правило, не имевших прежних возможностей для участия в военных предприятиях. В то же время, судя по имеющимся археологическим и письменным источникам, пожилые женщины даже укрепляли свои позиции, не теряя с возрастом влияния на принятие решений и приобретая новые возможности в связи с накопленным обширным опытом.

3.2.3. «Социальные маркеры» погребального обряда

В ходе реконструкции социальной структуры и организации конкретного общества по материалам погребальных комплексов особое значение приобретает выделение так называемых социальных маркеров – элементов обряда, представляющих собой более или менее объективный показатель прижизненного статуса и положения умершего. Основания для выводов в этом направлении должны быть получены в процессе всестороннего анализа памятников. Непременным условием также является привлечение дополнительных материалов: данных письменной истории, этнографии, антропологии и др.

Выделение социально значимых элементов обряда раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий было основано, главным образом, на выводах, полученных в ходе всесторонней систематизации и анализа памятников данной общности. Кроме того, нами привлекались результаты изучения письменных документов (китайских династийных хроник, тюркских рунических текстов), фольклорных и этнографических материалов. Особую важность данные источники представляли при рассмотрении социальной значимости конкретных предметов, обнаруженных в погребениях. При обозначении «социального веса» различных элементов обряда всецело учитывались результаты изучения гендерной и возрастной дифференциации, получившей отражение в погребальной практике раннесредневековых тюрок. Следует отметить, что в процессе выделения социальных маркеров для кочевников 2-й половины I – начала II тыс. н.э. нами принимались во внимание результаты в этом направлении, полученные многими исследователями при изучении обществ кочевников Евразии различных исторических периодов раннего железного века и средневековья. Обоснованность аккуратного проведения подобных аналогий обусловлена наличием комплекса схожих черт и характеристик в существовании объединений кочевников рассматриваемого региона.

Комплексный анализ и интерпретация имеющихся источников и материалов позволили обозначить элементы погребального обряда раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий, вариативность которых была в той или иной степени связана с особенностями социального статуса умершего.

В ряде случаев при определении прижизненного статуса индивида показательной является планиграфия объектов. Одним из первых наличие социально обусловленных закономерностей в расположении курганов раннего средневековья на могильном поле отметил С.В. Киселев (1951, с. 533). Исследователь предположил, что приуроченность нескольких небольших по размеру объектов к крупной насыпи отражает социальное неравенство в обществе кочевников и зависимое положение некоторых групп населения. К сожалению, материалы раскопок С.В. Киселева в настоящее время остались опубликованными весьма фрагментарно, что затрудняет объективную оценку ситуации, зафиксированной ученым. Схожие тенденции, однако на большем материале, обозначены исследователями для памятников тюрок Минусинской котловины. В ряде случаев вокруг центрального «элитного» кургана сооружались объекты, содержащие погребения людей с более низким социальным статусом (Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1998, с. 402–403). В то же время обозначенные закономерности не подтверждаются материалами всех памятников. Обстоятельством, ограничивающим наблюдения в этом отношении, является то, что в большинстве случаев некрополи раннесредневековых тюрок не представляют большого скопления курганов.

Классификация погребальных сооружений, а также рассмотрение особенностей распространения отдельных элементов конструкций позволяют прийти к выводу о том, что вариабельность этих показателей была обусловлена, главным образом, спецификой развития археологической культуры раннесредневековых тюрок в различных районах Центральной Азии (Серегин Н.Н., 2019, с. 22–25). Возможно, в данном случае имеет место специфика этнической или родовой принадлежности конкретных групп кочевников. В ряде случаев особенности наземных и внутримогильных конструкций были связаны с полом и возрастом умерших. Также спецификой локально-территориального распространения комплексов раннесредневековых тюрок обусловлена вариабельность таких элементов погребального ритуала, как ориентировка и положение умерших.

Традиционно одним из основных социально значимых признаков обряда кочевников считаются параметры погребальных сооружений. Данный показатель использовался многими исследователями в ходе изучения дифференциации обществ кочевников степей Евразии раннего железного века. Эффективность применения метода определения объема трудозатрат на материалах I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. позволяла надеяться на подобные результаты и при рассмотрении памятников раннего средневековья. Вместе с тем анализ параметров погребальных сооружений тюрок Алтая и сопредельных территорий не позволил выявить четких закономерностей, связанных с проявлением имущественного и социального статуса индивида в размерах наземных и подкурганных конструкций. Параметры могильной ямы в значительной степени определялись физическими данными умершего и количеством лошадей, помещенных рядом с ним. Определенным фактором, несомненно, являлась специфика природно-климатических условий конкретных районов, а также сезон совершения погребения. К примеру, создание необходимой по размерам могильной ямы могло быть затруднено каменистой почвой, промерзшей землей и др.

По всей видимости, основными причинами фиксирующихся отклонений в параметрах погребальных сооружений были замкнутость отдельных локальных групп кочевников, различная родо-племенная принадлежность кочевников и др. Определенное значение могла иметь хронология памятников. К примеру, насыпи курганов раннего кызыл-ташского этапа археологической культуры тюрок в ряде случаев представляют небольшую однослойную наброску, подобную надмогильным сооружениям, исследованным на известном некрополе Кудыргэ. Достаточно четко фиксируются меньшие размеры значительного количества курганов кочевников Минусинской котловины, по сравнению с объектами Алтая, Тувы и Монголии. Таким образом, параметры наземных и внутримогильных конструкций не являются объективным показателем статуса умершего. Некоторые тенденции фиксируются только при рассмотрении материалов отдельных некрополей. Однако данное утверждение касается, в основном, рядовых кочевников. В ходе работы было определено, что для наиболее элитных групп скотоводов сооружались памятники, выделяющиеся своими размерами. Напротив, в ряде случаев о невысоком прижизненном положении умершего свидетельствует сооружение впускных погребений.

Одним из объективных показателей прижизненного положения умершего являлось количество сопровождавших его лошадей. Анализ признаков половозрастной дифференциации в погребальном обряде раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий продемонстрировал, что наличие животного было непременным атрибутом могилы полноправного взрослого человека. Вариабельность количества лошадей определялась имущественным статусом кочевника, что в большинстве случаев подтверждает корреляция данного показателя с другими социально значимыми признаками обряда. При этом необходимо подчеркнуть, что отсутствие животного далеко не всегда является основанием для утверждения о низком статусе умершего. Одной из причин распространения «одиночных» захоронений раннесредневековых тюрок, судя по всему, была специфика этнической или родовой принадлежности погребенного.

Показательной является такая редкая особенность ритуала раннесредневековых тюрок, как наличие зависимого захоронения человека с более низким социальным

статусом, чем у основного погребенного (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 113; Кубарев В.Д., 1985, рис. 4). Ситуация, зафиксированная в ходе исследования обозначенных объектов, находит некоторые аналогии с захоронениями зависимого населения в курганах скифского времени (Ильинская В.А., 1966, с. 166–171).

В целом, несмотря на вариабельность отдельных элементов погребальной обрядности раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий, наблюдается высокая степень унификации черт, которые традиционно рассматриваются как «социальные маркеры». В такой ситуации основным критерием для определения прижизненного статуса человека является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря, зафиксированного рядом с умершим.

Корректное определение социальной значимости предметов сопроводительного инвентаря не может быть интуитивным или основываться только на рассмотрении частоты встречаемости находок. Необходим учет комплекса показателей и привлечение дополнительных источников и материалов. Основными являются следующие факторы:

- 1) материальная ценность предметов;
- 2) символическая значимость вещей;
- 3) закономерности распределения изделий в погребениях и особенности распространения конкретных находок;
- 4) общие тенденции развития кочевых обществ центрально-азиатского региона в раннем средневековье («престижная» экономика, роль военного дела, направления торговых связей и др.).

Социальная значимость вещей в определенной степени была обусловлена их материальной ценностью. Это утверждение относится, в первую очередь, к предметам, изготовленным с использованием драгоценных металлов. Важным показателем является качество производства вещей, что отражается в ряде характеристик. К примеру, анализ раннесредневековых предметов торевтики малых форм позволил Г.Г. Король и Л.В. Коньковой (2007, с. 27–28) выделить несколько уровней качества их изготовления. Определенным показателем также является художественное оформление вещей, главным образом, специфика орнаментации. Вместе с тем следует учитывать, что данный признак во 2-й половине I – начале II тыс. н.э. был в значительной степени обусловлен хронологическим и этнокультурным факторами.

Не менее важной является символическая значимость предметов. Ее определение может быть основано на изучении письменных источников, этнографических и фольклорных материалов. Интерес представляет анализ иконографических изображений, на которых нередко представлены элитные слои общества кочевников, а также рассмотрение вещей, встречающихся на каменных изваяниях. Отметим, что в ходе такой работы обоснованным является привлечение материалов с сопредельных территорий.

Существенным обстоятельством является то, что состав сопроводительного инвентаря в погребениях элитных слоев общества раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий во многом определялся особенностями взаимоотношений центрального «правительства» и периферийной знати степных империй. В данном случае речь идет о редистрибутивных функциях власти, так называемой престижной экономике (Васютин С.А., 2004, с. 96). По мнению Н.Н. Крадина (2002, с. 73), первоочередной обязанностью кагана было получение и перераспределение китайских товаров, а также добычи, полученной во время военных походов. Очевидно, что тюркская знать получала значительную часть «подарков» из Поднебесной империи. Таким образом, важным признаком «элитных» погребений было присутствие среди предметов сопроводительного инвентаря импортных изделий. В целом, следует согласиться с тем, что обладание «модными» вещами «приближало» периферийную элиту к центральной (Харинский А.В., 2004, с. 110).

Учитывая обозначенные показатели, кратко представим основания для определения социальной значимости различных категорий вещей, обнаруженных в погребениях раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий.

Судя по имеющимся материалам, большая часть предметов конского снаряжения, представленная удилами и псалиями (рис. 58), стремянами (рис. 59), седлами, железными и роговыми подпружными пружками (рис. 60–61), застежками от пут

Рис. 58. Железные удила и роговые псалии из комплекса Катанда-II. Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 59. Железные стремяна из комплексов Кок-Су и Усть-Карасу. Государственный Эрмитаж, музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 60. Железная подпружная пряжка из комплекса Кок-Су. Государственный Эрмитаж. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 61. Костяная (роговая) подпружная пряжка из комплекса Усть-Бийке-III. Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. Фото Н.Н. Серегина

(рис. 62), не являлась социальными маркерами, демонстрируя «стандартный набор» рядовых кочевников. Данное утверждение справедливо по отношению к отдельным элементам снаряжения человека (колчан и колчаный крюк) (рис. 63), а также орудиям труда (нож, оселок, пряслице, тесло, костяные наконечники стрел и др.) (рис. 64–67) и бытовым предметам (керамическая и деревянная посуда) (рис. 68).

Рис. 62. Костяные (роговые) застёжки от пут (цурки) из комплекса Кара-Коба-I. Алтайский государственный краеведческий музей. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 63. Железные колчанные крюки из комплекса Кудыргэ. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 64. Каменный оселок из комплекса Усть-Бийке-III. Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 65. Глиняные пряслица из комплексов Кара-Коба-I, Мойгун-Тайга. Алтайский государственный краеведческий музей, Государственный Эрмитаж. Фото Н.Н. Серегина

Не исключено, что определенное значение имели художественно оформленные изделия из кости (рис. 69–72), однако единичность таких находок осложняет анализ тенденций их распространения в погребениях.

Одним из наиболее важных атрибутов воина-кочевника являлись предметы вооружения. Среди них выделяются вещи, имевшие особый статус благодаря целому комплексу представлений, связанных с их использованием. В первую очередь, следует обратить внимание на социальную значимость клинкового оружия ближнего боя. Особый культурный статус сабли, меча и кинжала в эпоху средневековья подтверждают многочисленные свидетельства письменных источников среднеазиатского происхождения (Дмитриев С.В., 2001). Такие предметы являлись символом оружия и атрибутом власти военачальника у многих народов Евразии различных исторических периодов (Распопова В.И., 1980, с. 79; Ульянов И.В., 2007, с. 189–190; Измаилов И.А., 2008, с. 39; Кочкаров У.Ю., 2010, с. 157; и мн. др.). Вполне характерными являются сведения о том, что меч присутствовал среди атрибутов, выделявших элиту об-

Рис. 66. Железное тесло из комплекса Кара-Тал. Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 67. Костяные (роговые) наконечники стрел из комплексов Кудэргэ, Катанда-3, Усть-Бийке-III. Государственный Эрмитаж, музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 68. Деревянное блюдо из комплекса Жана-Аул.
Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина. Фото Н.Н. Серегина

щества Золотой Орды из состава остального населения (Селезнев Ю.В., 2009, с. 21). Обратим внимание на то, что кинжал в раннем средневековье рассматривался не только как предмет вооружения, но также как элемент костюма и отличительный знак ранга знатного воина (Распопова В.И., 1980, с. 79; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 83). Дополнительным подтверждением этому является упоминание о кинжале как о поясном украшении тюрков, приведенное в китайских династийных хрониках (Лю Маоцай, 2002, с. 19).

Особое символическое значение имел также боевой топор, рассматривавшийся, по всей видимости, как знак власти военачальника (Распопова В.И., 1980, с. 76; Кубарев В.Д., 1992, с. 32; Кубарев Г.В., 2005, с. 99). К примеру, на одном из произведений пенджикентской живописи зафиксировано изображение царя без доспеха, но с топором (Распопова В.И., 1980, с. 76). Редкие изображения знатных воинов с обозначенным предметом вооружения известны на петроглифах раннего средневековья, обнаруженных в различных районах центрально-азиатского региона (Кляшторный С.Г., 2001, с. 214; Жолдошов Ч.М., 2005, с. 72).

Несомненно, ценным предметом воинского снаряжения являлся защитный доспех. Значимость данного элемента панοπлии в значительной степени определялась сложностью и трудоемкостью его изготовления. В том числе поэтому тяжеловооруженная конница была элитным родом войска кочевников и формировалась из представителей наиболее знатных родов общества. Отметим, что такая ситуация характерна не

Рис. 69. Костяные накладки на луку седла из комплексов Кара-Коба-I, Катанда-II. Алтайский государственный краеведческий музей, Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина.
Фото Н.Н. Серегина

Рис. 70. Костяные накладки на луку седла
из комплекса Кудыргэ
(по: Серегин Н.Н., Тишкин А.А., 2019, рис. 3.18.-1)

Рис. 71. Костяной игольник
из комплекса Узунтал.
Национальный музей
Республики Алтай им. А.В. Анохина.
Фото Н.Н. Серегина

Рис. 72. Костяной (роговой) блок для чумбура из комплекса Талдуаир. Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина. Фото Н.Н. Серегина

только для эпохи средневековья, но и для более раннего времени (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2005, с. 95, 97; Худяков Ю.С., 2007б, с. 119).

Судя по имеющимся сведениям, особый статус в обществе раннесредневековых кочевников имело копье. Такие изделия нередко фиксируются при исследовании наскальных изображений. При этом зачастую на копьях, находящихся в руках конных воинов, присутствуют дополнительные элементы – бунчуки и небольшие флажки (Советова О.С., Мухарева А.Н., 2005, с. 94). Известно, что такие атрибуты являлись отличительным признаком знатных воинов, командующих подразделениями различного уровня (Окладников А.П., 1951, с. 151–153; Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2005, с. 116–117). Кроме того, имеется информация о том, что бунчуки, знамена или штандарты в раннем средневековье представляли собой символ властных полномочий и использовались для подтверждения статуса послов при ведении переговоров (Худяков Ю.С., 2011, с. 294–295).

Помимо оружия, выделяются и другие предметы, которые следует рассматривать как символы власти в обществе кочевников. К таким вещам относятся плети и стеки, что

подтверждают сведения письменных источников среднеазиатского происхождения, а также фольклорные, этнографические и иконографические материалы (Соловьева О.А., 1996, с. 40; Кубарев В.Д., 2001, с. 98; Кубарев Г.В., 2005, с. 80). В научной литературе достаточно подробно обосновано особое символическое значение железных котлов и казанов, присутствие которых в погребениях отражает высокий прижизненный социальный статус умершего (Швецов М.А., 1980; Кравец В.В., 2005, с. 57).

Традиционно ярким признаком, отличавшим элитные слои общества от остального населения, являлся костюм (Доде З.В., 2005, с. 25). В данном случае особое внимание следует обратить на предметы торевтики, изготовленные из цветных металлов. В научной литературе весьма подробно представлена социальная значимость наборного пояса, являющегося своего рода «паспортом» раннесредневекового кочевника (Ковалевская В.Б., 1970, с. 144; Добжанский В.Н., 1990, с. 73; Король Г.Г., 2008, с. 224; и мн. др.). Основным показателем престижности пояса, судя по всему, был материал, из которого изготовлены его составляющие, а также их количество. Дополнительным признаком являлись изображения животных, в ряде случаев зафиксированные на наконечниках ремней (Добжанский В.Н., 1990, с. 74; Кубарев Г.В., 1996, с. 81). Имеются многочисленные свидетельства того, что в обществах раннего средневековья пояс с золотыми накладками считался признаком, определяющим принадлежность человека к элитным слоям населения (Распопова В.В., 1980, с. 97, 107–108; Добжанский В.Н., 1990, с. 77–78; Могильников В.А., 1997а, с. 214). По мнению некоторых исследователей, престижным элементом поясного набора тюрок являлись лировидные подвески (Добжанский В.Н., 1990, с. 79; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 38).

Схожие тенденции характерны для украшений конского снаряжения. Наиболее существенным показателем также являлся материал, из которого изготовлены элементы амуниции (Горбунова Т.Г., 2003, с. 110–112; 2004, с. 18–19). Не исключена особая значимость отдельных предметов снаряжения. По замечанию В.И. Распоповой (1980, с. 101), на пенджикентской живописи только лошадь предводителя была украшена султаном. Известны аналогичные данные и для других элементов конского снаряжения, изготовленных из органических материалов и не сохранившихся в погребальных комплексах (Мухарева А.Н., 2009, с. 36–37, рис. 1).

Очевидна социальная значимость в обществе раннесредневековых кочевников серебряных сосудов. По наблюдению Ю.С. Худякова (2003б, с. 137; 2007а, с. 155), обозначенные предметы являлись важным элементом тюркской военно-дружинной культуры. Сосуды нередко представлены на реалистичных каменных изваяниях, изображавших знатных воинов (Грач А.Д., 1961, с. 67; Кубарев В.Д., 1984, с. 33–36, 73). Имеются свидетельства о том, что рассматриваемые изделия были непременным атрибутом «княжеских» погребений аваров (Распопова В.И., 1980, с. 103).

Важным показателем, подтверждающим социальную значимость наборных поясов, украшений конского снаряжения и сосудов, изготовленных из драгоценных металлов, является обнаружение таких вещей в ходе исследований мемориальных «каганских» комплексов в Монголии. На памятнике в честь Тоньюкука (Цаган-Обо-I) зафиксированы золотые бляхи, относящиеся к конской амуниции (Войтов В.Е., 1996, с. 18). В ходе раскопок мемориального комплекса Бильгэ кагана найдено огромное количество предметов торевтики, среди которых были серебряные и золотые сосуды, бляхи наборного пояса и украшения снаряжения лошади (Баяр Д., 2004, с. 79, рис. 10–15). Кроме того, в состав клада входили золотые серьги, которые, по всей видимости, также относились к «престижным» элементам материальной культуры раннесредневековых кочевников.

Особое место в представлениях номадов различных исторических периодов занимали металлические зеркала. Определенные тенденции в этом плане характерны и для раннего средневековья (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011а). Если значение металлических зеркал как предметов культа остается дискуссионным, то социальная значимость таких изделий несомненна. Во второй половине I тыс. н.э. рассматри-

ваемые находки являлись предметами импорта, что стало одним из факторов, определивших их редкость и ценность. Дополнительным подтверждением в этом плане являются фрагментарные упоминания о зеркалах в письменных источниках, наряду с другими признаками «богатства» кочевника (Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г., 1973, с. 313).

Итак, рассмотрение дополнительных источников и материалов позволяет представить общие тенденции, связанные с определением социальной значимости конкретных предметов в обществе кочевников раннего средневековья. При этом необходимо признать, что обозначенные положения в значительной степени носят гипотетический характер и требуют подтверждения на конкретном материале.

Анализ предметного комплекса является одним из наиболее разработанных направлений в изучении археологической культуры раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий. Рассмотрению различных категорий изделий посвящены монографии, специальные разделы в обобщающих работах, а также многочисленные статьи, в которых представлены частные вопросы. Полученные результаты стали основой для уточнения хронологии погребальных и «поминальных» комплексов, обозначения этнокультурных связей между различными территориями и др. В гораздо меньшей степени затронуты вопросы, связанные с определением социально-диагностирующих возможностей вещей. В работах, представляющих результаты вещевого анализа, а также в рамках публикации материалов раскопок высказывались замечания по поводу социальной значимости наборных поясов, украшений конского снаряжения, серег, серебряных сосудов и зеркал (Добжанский В.Н., 1990; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 31–32, 43–44, 47 63–64; Савинов Д.Г., 1994а, с. 148; Горбунова Т.Г., 2004, с. 18–19; Кубарев Г.В., 2005, с. 53–56, 61, 71; и др.), упомянуты ценность и статусность различных предметов вооружения (Худяков Ю.С., 1986, с. 152; Кубарев Г.В., 2005, с. 99). Возможности конкретизации и расширения обозначенных наблюдений связаны с изучением места предметов в погребальном обряде раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий.

Обоснованным является выделение из совокупности предметов сопроводительного инвентаря «комплекса власти», включающего показатели военно-управленческого могущества и политического статуса, и «комплекса богатства», объединяющего признаки высокого имущественного положения, материального достатка. Такой подход, опыт теоретического осмысления и практической реализации которого представлен в ряде исследований (Васютин С.А., 1998, с. 18; Кондрашов А.В., 2004а, с. 20; 2004б, с. 105–107; Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 179), позволяет не только корректно обозначить значимость конкретных групп предметов, но также на последующих этапах работы способствует осуществлению объективной интерпретации как отдельных погребений, так и выделенных групп объектов.

«Комплекс власти» в обществе раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий был представлен, главным образом, предметами вооружения. Оружие дистанционного боя (лук и стрелы) (рис. 73–74) являлось весьма распространенным и не маркировало погребения знатных воинов. Показателем высокого статуса умершего было наличие меча, кинжала и копья (рис. 75–77). Имеются все основания, для того чтобы предполагать высокую степень распространения обозначенных предметов в раннем средневековье. В письменных источниках нередко упоминания об использовании мечей, кинжалов и копий как стандартного для тюркских воинов оружия (Худяков Ю.С., 2007б, с. 115–117). Мечи и кинжалы широко представлены на реалистичных каменных изваяниях, изображавших знатных кочевников (Грач А.Д., 1961, с. 63–64; Кубарев В.Д., 1984, с. 39–42; Кубарев Г.В., 2008, с. 69–70) (рис. 78). Копья являются непременным атрибутом конных воинов на петроглифах раннего средневековья (Горбунов В.В., 1998; Черемисин Д.В., 2004). При этом многие всадники облачены в защитный доспех (рис. 79). На наш взгляд, обоснованным является предположение о том, что исключительность рассматриваемых предметов в погребениях

Рис. 73. Роговые накладки на лук из комплекса Кара-Коба-I. Алтайский государственный краеведческий музей.
Фото Н.Н. Серегина

Рис. 74. Железные наконечники стрел из комплекса Мойгун-Тайга. Государственный Эрмитаж.
Фото Н.Н. Серегина

раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий обусловлена не ограниченностью их распространения, а тем, что они помещались только в могилы людей, имевших при жизни высокий статус⁵⁰.

Несколько иначе обстоит ситуация с использованием в раннем средневековье боевого топора (рис. 80). Не исключено, что применение его тюрками в ходе военных действий было ограниченным, и данные предметы стали рассматриваться как некий символ власти. Особое значение топора кос-

⁵⁰ Безусловно, нельзя в данном случае исключать и особенностей обрядовой практики кочевников. К примеру, по мнению С.А. Плетневой (1967, с. 157), рассмотревшей степень встречаемости сабель в погребениях кочевников южнорусских степей, редкость обнаружения таких предметов может объясняться традицией передачи клинкового оружия по наследству.

Рис. 75.
Железный меч
из комплекса
Балтарган.
Национальный
музей Респуб-
лики Алтай
им. А.В. Анохина.
Фото
Н.Н. Серегина

Рис. 76. Железные боевые
ножи из комплексов
Мойгун-Тайга, Яконур.
Государственный Эрмитаж.
Фото Н.Н. Серегина

Рис. 77. Железный наконечник
копья из комплекса Яконур.
Государственный Эрмитаж.
Фото Н.Н. Серегина

Рис. 78. Тюркские каменные изваяния с изображением клинкового оружия.
Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина,
Государственный Эрмитаж. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 79. Наскальные изображения воинов раннего средневековья, памятник Жалгыз-Тобе.
Фото Н.Н. Серегина

Рис. 80. Железный топор из комплекса Узунтал.
Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина. Фото Н.Н. Серегина

венно подтверждается обнаружением рассматриваемых изделий в составе «кладов» (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995; Кочеев В.А., 1999).

Довольно специфичным является распространение в погребальных комплексах раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий защитного доспеха (рис. 81). Прежде всего, обратим внимание на то, что такие изделия представлены в большинстве случаев сравнительно небольшими фрагментами, что может свидетельствовать об их ценности. Кроме того, части панциря крайне редко встречаются в «стандартных» погребениях. Чаще всего фрагменты защитного доспеха зафиксированы в кенотафах, каменных оградках и «ритуальных» курганах, что могло символи-

Рис. 81. Железные панцирные пластины из комплекса Кудыргэ; реконструкция тюркского шлема и панциря (по: Серегин Н.Н., Тишкин А.А., 2019, рис. 3.16.-1-2)

зировать не только социальную значимость рассматриваемых предметов, но также своего рода «замену» отсутствовавшего человека в обозначенных погребально-поминальных комплексах. Похожая тенденция, хоть и не столь последовательно, прослеживается и в распространении другого предмета вооружения – наконечников копий.

Подчеркнем, что одним из факторов, позволяющих отнести обозначенные предметы вооружения к социально значимым элементам вещевого комплекса раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий, является изучение тенденций их распространения в погребениях. Помимо редкости рассматриваемых изделий, существенным показателем в этом отношении можно считать то, что мечи, кинжалы, копья, боевые топоры и фрагменты доспеха в абсолютном большинстве случаев зафиксированы в могилах, при исследовании которых отмечено присутствие «богатого» сопроводительного инвентаря.

К предметам, включенным в «комплекс власти», по всей видимости, следует также отнести плети и стеки (рис. 82). Наибольшее значение, несомненно, имели богато оформленные находки (Кызласов Л.Р., 1951; Бородовский А.П., 1993, с. 186). Не исключено, что определенным символом являлся орнаментированный кочедык (Кубарев Г.В., 1998а, с. 268), что также подтверждают тенденции в распространении обозначенных изделий.

«Комплекс богатства» у раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий представлен, главным образом, предметами торевтики. К ним относятся сле-

Рис. 82. Костяной элемент плети из комплекса Аргалыкты-IX. Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Фото Н.Н. Серегина

дующие категории находок из цветных металлов: наборные пояса (рис. 83–84), металлические сосуды (рис. 85) и зеркала (рис. 86–87), украшения конской амунии (рис. 88), а также украшения костюма (серьги, бляхи, кольца и др.) (рис. 89). Основными показателями являлся сам факт наличия предметов торевтики в могиле, а также материал, из которого они были изготовлены⁵¹. Наиболее ценными были находки, произведенные с применением драгоценных металлов. В тех погребениях, где зафиксированы предметы торевтики из серебра или золота, обнаруживаются и другие социально значимые находки (вооружение, импорт и др.). Важным показателем является редкость обнаружения обозначенных вещей. Наборные пояса с накладками из серебра и золота встречены только в 14 (10,52%) мужских погребениях раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий. Еще более редкими являются украшения конского снаряжения и серьги из драгоценных металлов, обнаруженные, соответственно, в десяти (7,51%) и девяти (6,76%) могилах. Похожие тенденции характерны для погребений женщин. Украшения амунии лошади и серьги, изготовленные из серебра или золота, зафиксированы только в семи (17,5%) и пяти (12,5%) объектах. Показательно, что в детских захоронениях предметов торевтики из драгоценных металлов не встречено вообще.

Наблюдаются некоторые закономерности в распространении рассматриваемых изделий на различных территориях. В первую очередь, обратим внимание на редкость предметов торевтики в погребениях раннесредневековых тюрок Минусинской котловины. В ходе изучения захоронений с лошадью на этой территории не зафиксировано ни одного случая обнаружения вещей, изготовленных с применением серебра или золота⁵². Справедливым представляется замечание

⁵¹ В связи с тем, что изучение состава металла проводилось крайне редко, мы ориентировались на визуальные определения, приводимые в авторских публикациях материалов раскопок. В то же время имеется и опыт комплексного изучения поясных наборов (Рослякова Н.В., Щербаков Ю.Г., 2005; Горбунов В.В., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2008; Кирюшин К.Ю. и др., 2009, с. 271–273; Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009), украшений конского снаряжения (Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2006, 2007, 2009, с. 103–122) и других предметов торевтики (Богданова-Березовская И.В., 1975; Бородовский А.П. и др., 2005; Тишкин А.А., 2008; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011а, с. 61–88; 2018), демонстрирующий важность подобной работы, результаты которой весьма актуальны и в ходе осуществления социальных реконструкций.

⁵² Исключение представляют отдельные находки из ограбленных памятников раннесредневековых тюрок Минусинской котловины (Митько О.А., 1999, с. 156, рис. 1, 2; Тетерин Ю.В., 1999, с. 115–117, рис. 6; и др.). Такие объекты не учитывались в ходе социальной интерпретации погребений, однако принимались во внимание при осмыслении общих тенденций социальной истории кочевников Алтая и сопредельных территорий.

Рис. 83. Элементы серебряного пояса из комплекса Туэкта. Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 84. Серебряный наконечник пояса из комплекса Узунтал. Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина. Фото Н.Н. Серегина

Ю.С. Худякова (2004, с. 78), подчеркнувшего периферийный характер развития племен кочевников рассматриваемой общности на Среднем Енисее. Наибольшая концентрация различных категорий предметов торевтики наблюдается в погребениях Алтая.

Рис. 85. Металлический сосуд из комплекса Туэкта. Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 86. Металлическое зеркало из комплекса Курота. Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 87. Металлическое зеркало из комплекса Узунтал.
Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина. Фото Н.Н. Серегина

Именно на этой территории чаще всего фиксируются наборные пояса, украшения конского снаряжения, серьги и сосуды, изготовленные из драгоценных металлов.

Интересно, что подобные же тенденции отмечаются при изучении специфики территориального распространения некоторых «престижных» предметов вооружения. Копья и боевые топоры встречены в ходе раскопок погребений раннесредневековых тюрок исключительно на территории Алтая. Также в этом регионе наиболее часто обнаружены мечи, кинжалы и фрагменты защитного доспеха. Следует признать, что обозначенные закономерности в определенной степени могут быть обусловлены тем, что именно на территории Алтая на сегодняшний день исследовано наибольшее количество погребений тюрок раннего средневековья.

Добавим, что к «комплексу богатства» следует также отнести фрагменты одежды из шелка, а также другие изделия из этого материала, являвшегося, как известно, одним из наиболее распространенных предметов китайского импорта (Лубо-Лесниченко Е.И., 1994).

Итак, анализ материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий, а также привлечение дополнительных источников позволили обозначить «социальные маркеры» обряда кочевников. Определенное значение имели такие показатели, как размеры наземных и внутримогильных конструкций и количество лошадей, сопровождавших умершего. В ряде случаев важной характеристикой была планиграфия памятников. Основным критерием следует считать

Рис. 88. Бронзовые украшения конского снаряжения из комплекса Жана-Аул. Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 89. Бронзовые серьги из комплекса Кудыргэ (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011, с. 10)

качественно-количественный состав инвентаря. Необходимо отметить, что «социальные маркеры» для лиц обоих были различными. Принадлежность мужчины к элитным слоям общества демонстрировали редкие предметы вооружения, наборный пояс, изготовленный с использованием цветных металлов, а также серебряные сосуды, плети и котлы. В погребениях женщин, имевших при жизни высокий статус, обнаружены предметы торевтики, изготовленные с использованием серебра или золота, металлические зеркала и, в ряде случаев, гребни. Что касается детских захоронений, то безынвентарность многих объектов свидетельствует о том, что помещение любых предметов, а тем более тех, которые являлись престижными для взрослого населения, можно считать «социальным маркером». При этом очевидно, что положение ребенка определялось, в первую очередь, статусом семьи.

Корреляция встречаемости всех рассмотренных категорий изделий с обозначенными элементами погребального обряда позволяет рассматривать вопросы, связанные с моделированием структуры социума раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий.

3.2.4. Моделирование структуры общества раннесредневековых тюрок

Теоретические и практические аспекты моделирования социальной структуры и организации конкретных обществ древности и средневековья по материалам раскопок археологических памятников достаточно подробно представлены в ряде исследований (Дашковский П.К., 2002; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 106–108; Кондрашов А.В., 2004а, с. 22; Дашковский П.К., Тишкин А.А., 2005, с. 93–94; Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 179), а также во второй главе настоящей монографии, что избавляет от необходимости их рассмотрения в данном разделе. Отметим лишь наиболее принципиальные моменты, связанные с реализацией обозначенного подхода на имеющемся в нашем распоряжении материале. Основой для выделения социальных моделей, представляющих собой группы погребений, являлся многоступенчатый анализ объектов, предполагавший последовательную корреляцию всех рассмотренных показателей обряда, но главным образом тех, которые определены как социально значимые. Каждая из выделенных моделей характеризуется определенным набором маркирующих ее признаков. Мужские, женские и детские погребения рассматривались отдельно, что обусловлено наличием выявленной гендерной и возрастной дифференциации в обрядности раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий. Подчеркнем, что для объектов, объединенных в рамках выделенных групп, отмечена высокая степень унификации показателей, характерных для каждой из моделей. Вариабельность признаков, в целом, незначительна. Выделены девять мужских, четыре женских и три детских модели погребений. Ниже приведено краткое описание показателей, характерных для каждой из групп.

Социальные модели мужских погребений

I. Основным показателем погребений, объединенных в рамках данной модели, является максимальный по количеству и разнообразию состав сопроводительного инвентаря. Во всех могилах присутствовал наборный пояс, дополнительные аксессуары костюма и украшения конской амуниции, изготовленные с использованием драгоценных металлов, а также серебряные сосуды. Кроме того, зафиксированы серьги, фрагменты шелка, плетъ или стек и железный котел. Вариации наблюдаются в составе предметов вооружения, объяснение которым приведено ниже. Погребенного сопровождали две, три или четыре лошади, что является максимальным количеством животных, обнаруженных в памятниках раннесредневековых тюрок. Показательны также выдающиеся параметры курганных насыпей и могильных ям.

Всего к первой модели отнесены три объекта, что составляет 2,25% от всех учтенных мужских погребений. Кроме того, к данной группе представляется возможным причислить некоторые ограбленные памятники, не включенные в число анализируемых объектов, однако учитываемые при рассмотрении общих тенденций социальной истории раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий. В частности, к первой модели могут быть отнесены курган №21 комплекса Маркелов Мыс-I (Тетерин Ю.В., 1999) и курган №34 некрополя Маркелов Мыс-II (Митько О.А., 1999), исследованные в Минусинской котловине. Обозначенные объекты выделяются монументальностью наземных сооружений, особенностями планиграфического расположения на могильном поле, а также присутствием в составе сопроводительного инвентаря предметов торевтики, изготовленных с использованием драгоценных металлов. По ряду подобных признаков к первой модели, судя по всему, относится и ограбленное

погребение кургана №3 могильника Курай-IV, раскопанное на территории Алтая (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 113).

II. В ходе исследования погребений, отнесенных ко второй модели, зафиксировано сочетание редких предметов вооружения (клинковое оружие ближнего боя, топор, защитный доспех) с предметами торевтики, изготовленными в большинстве случаев с использованием драгоценных металлов. Почти во всех могилах второй группы отмечены фрагменты шелка. Более редкими являлись находки стеков (два случая), а также металлического сосуда и железного котла, встреченных по одному разу. В целом, качественный и количественный состав сопроводительного инвентаря рассматриваемых объектов все же уступает вещевому комплексу, обнаруженному в памятниках, отнесенных к первой модели. Кроме того, в могилах второй группы чаще всего присутствовала одна лошадь, и только дважды исследованы погребения с двумя захороненными животными. По размерам наземных и подкурганых конструкций объекты выделяются только в рамках отдельных некрополей, и то не во всех случаях. Ко второй социальной модели отнесены семь (5,25%) погребений. Отметим, что, помимо «стандартных» объектов, в данную группу включены два кенотафа.

III. Для погребений этой модели характерен минимальный набор вооружения (лук и стрелы или даже один из указанных элементов оружия дистанционного боя) и в то же время весьма показательный состав предметов торевтики. Во всех объектах зафиксирован наборный пояс и/или украшения конского снаряжения, а также дополнительные аксессуары костюма, изготовленные с использованием драгоценных металлов. При исследовании всех могил встречены фрагменты шелка. В одном из мужских погребений отмечено присутствие металлического китайского зеркала в сочетании с железным котлом. Умерших сопровождало чаще всего одно животное; в трех случаях в могиле находились две лошади. К третьей социальной модели отнесены восемь (6,01%) погребений, в том числе один кенотаф.

IV. Погребения данной модели, так же как и в предыдущем случае, характеризуются минимальным составом вооружения или даже его отсутствием, в сочетании с предметами торевтики. При этом качественный и количественный состав последних заметно уступает находкам, обнаруженным в ходе раскопок объектов третьей группы. В частности, в значительно меньшей степени фиксируются предметы из драгоценных металлов. Кроме того, в трех могилах отмечено отсутствие сопроводительного захоронения лошади, а в остальных объектах находилось только одно животное. Всего к четвертой социальной модели отнесены пять (3,75%) погребений.

V. Объекты, объединенные в рамках этой модели, сходны по разнообразному составу вооружения с погребениями второй группы, однако характеризуются более скромным набором предметов торевтики. Во всех могилах зафиксировано присутствие наборного пояса либо украшений конского снаряжения, элементы которых изготовлены из бронзы. Достаточно редкими были находки фрагментов шелка, и только в одном случае встречен серебряный сосуд. Умершего чаще всего сопровождало одно животное, в четырех могилах зафиксировано захоронение двух лошадей. Пятая социальная модель включает 12 (9,02%) погребений, в числе которых два кенотафа.

VI. К этой модели относятся погребения, основной отличительной характеристикой которых является разнообразный состав вооружения, предполагавший почти во всех случаях наличие клинкового оружия ближнего боя и значительно реже копья и защитного доспеха, в сочетании с полным отсутствием предметов торевтики и других вещей, включенных в «комплекс богатства». Во всех могилах присутствовало конское снаряжение. Умерших сопровождало чаще всего одно животное; дважды отмечено парное захоронение лошадей. В рамках шестой социальной модели объединены семь (5,25%) погребений, в том числе два кенотафа.

VII. Стандартным показателем погребений, отнесенных к данной модели, является минимальный набор вооружения (лук и стрелы или даже один из указанных элементов оружия дистанционного боя), а также наборный пояс, изготовленный в боль-

шинстве случаев из бронзы. В четырех могилах зафиксированы немногочисленные украшения конской амуниции. Для погребений рассматриваемой группы характерна наибольшая вариабельность такого показателя, как количество захороненных лошадей. При этом в абсолютном большинстве случаев умершего сопровождало только одно животное. По два раза в погребениях встречены две и три лошади, и трижды животное отсутствовало. К седьмой социальной модели отнесены 32 (24,06%) объекта, в том числе пять кенотафов.

VIII. Для объектов данной модели характерно полное отсутствие предметов, включенных как в «комплекс власти», так и в «комплекс богатства». Как и в предыдущем случае, в погребениях зафиксирован минимальный набор вооружения. Из предметов торевтики только в четырех могилах встречены бронзовые серьги. Для погребений данной группы, исследованных в Минусинской котловине, характерно присутствие железных элементов наборного пояса и керамических сосудов. В большинстве объектов, раскопанных на этой и других территориях, присутствовало конское снаряжение. Умерших чаще всего сопровождало одно животное. Также встречены могилы с парным захоронением лошадей (четыре случая) и их отсутствием (восемь случаев). Всего к рассматриваемой социальной модели отнесено 51 (38,34%) погребение, среди которых четыре кенотафа.

IX. В рамках данной модели объединены погребения, показателем которых является полное отсутствие вооружения и предметов торевтики. В ряде могил зафиксированы орудия труда (нож, тесло). Кроме того, в большинстве объектов обнаружено конское снаряжение. Умершего в большинстве случаев сопровождало одно животное, которое в одном из погребений отсутствовало, а в другом было заменено на овцу. К девятой социальной группе отнесены восемь (6,01%) объектов.

Социальные модели женских погребений

I. Для погребений данной модели характерен максимальный по количеству и наиболее выдающийся по качеству состав сопроводительного инвентаря. В могилах нередко обнаружены такие маркеры женских могил, как игольники и гребни. Наиболее показательными были предметы торевтики, присутствовавшие во всех погребениях. Для объектов рассматриваемой группы характерно сочетание не менее двух или трех вещей из числа таких «престижных» находок, как металлические зеркала, а также украшения конской амуниции и серьги, изготовленные чаще всего с использованием драгоценных металлов. Следует отметить, что в одном женском погребении обнаружен кинжал, являющийся редкой находкой даже для мужских могил. При исследовании всех объектов зафиксировано конское снаряжение; дважды встречена рукоять плети или стека. Стандартным является сопровождение умерших лошадью; известно только одно одиночное погребение. В рамках первой социальной группы объединены восемь (20%) женских могил.

II. Объекты, отнесенные к этой модели, несколько уступают погребениям первой группы по количеству и качеству обнаруженных изделий. В частности, для них характерна редкость фиксации предметов торевтики из драгоценных металлов, а также меньшее количество социально значимых находок в одной могиле (не более двух). При исследовании двух женских могил обнаружен наборный пояс, элементы которого изготовлены из бронзы. В одном случае встречен кинжал. В большинстве погребений зафиксировано конское снаряжение. Почти всегда, за единственным исключением, умершего сопровождала лошадь. Ко второй социальной модели отнесены 12 (30%) погребений.

III. Погребения данной модели отличаются от предыдущих групп отсутствием вещей, изготовленных с использованием драгоценных металлов. Во всех объектах присутствовала одна, реже две категории предметов торевтики из бронзы. При исследовании большинства могил зафиксировано конское снаряжение. Одна лошадь сопровождала умершего почти во всех случаях, и только в двух объектах животное отсутствовало. Третья социальная модель включает восемь (20%) погребений.

IV. Стандартным показателем объектов этой модели является полное отсутствие предметов торевтики. В большинстве случаев рядом с умершей обнаружен нож, в половине могил зафиксировано конское снаряжение. Почти всегда в захоронении находилась одна лошадь. Кроме того, исследованы три одиночных женских погребения. Всего в рамках четвертой социальной группы объединены 12 (30%) объектов.

Социальные модели детских погребений

I. К данной модели отнесены погребения детей, в состав сопроводительного инвентаря которых включены предметы торевтики из бронзы. В двух могилах обнаружен наборный пояс. В ходе исследования одного объекта зафиксированы украшения конской амуниции. Среди других вещей, являвшихся принадлежностью погребений взрослых, но встреченных в могилах первой группы, следует упомянуть металлическое зеркало, тесло, а также дополнительные аксессуары костюма. В одном случае рядом с умершим обнаружено захоронение овцы. К первой социальной модели отнесены три (9,67%) детских погребения.

II. Объекты, объединенные в рамках этой модели, характеризуются фрагментарным присутствием предметов сопроводительного инвентаря, характерных для погребений взрослых. В трех детских могилах встречены наконечники стрел, трижды отмечено присутствие предметов торевтики из бронзы (серьги, медальон). В большинстве погребений зафиксирован нож. В двух случаях в детской могиле обнаружено захоронение лошади. Во всех остальных захоронениях животное отсутствовало. Во вторую социальную модель включены шесть (19,35%) погребений.

III. Для погребений данной модели характерен минимальный состав сопроводительного инвентаря или его отсутствие. Наиболее распространенными являлись керамические сосуды, встреченные в ряде объектов, исследованных на территории Минусинской котловины. В 11 случаях в детской могиле обнаружено захоронение овцы. Лошадь сопровождала умершего только однажды. В остальных погребениях захоронение животного отсутствовало. Всего к третьей социальной модели отнесены 23 (74,19%) могилы.

Наиболее полная картина дифференциации общества раннесредневековых тюрок получила отражение в материалах мужских погребений. Менее объективной представляется ситуация, зафиксированная в ходе анализа женских и детских могил. Это обусловлено, главным образом, их сравнительно незначительным количеством, которое связано с различными факторами. Тем не менее, несмотря на фрагментарность свидетельств, полученных в ходе анализа погребальных комплексов, удалось проследить весьма интересные тенденции. В сочетании со сведениями письменных источников они позволяют более подробно представить специфику социальной организации раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий.

3.3. Основные аспекты изучения организации общества раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий

Сведения о структуре общества раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий, полученные в ходе анализа материалов раскопок погребальных комплексов, в сочетании с результатами исследования разноплановых «поминальных» объектов, а также некоторой информацией из письменных источников позволяют перейти к характеристике различных сторон социальной организации кочевников. Особый интерес в данном случае представляет рассмотрение вопросов, остававшихся до настоящего времени дискуссионными или исследовавшихся весьма фрагментарно и на ограниченной источниковой базе. К таким аспектам изучения социальной исто-

рии кочевников, несомненно, относятся проблемы профессиональной организации общества, вопрос о существовании рабов или зависимых слоев населения, а также особой группы жрецов или служителей культа. Кроме того, большое значение имеет работа, направленная на выделение и интерпретацию «элитных» погребальных комплексов и рассмотрение особенностей дифференциации высших слоев социума кочевников.

3.3.1. Специфика профессиональной организации

Важным фактором, влиявшим на особенности устройства общества кочевников, являлась профессиональная организация. Хозяйственные занятия так или иначе определяли статус как отдельных индивидов, так и группы лиц, которые ими занимались. Такая ситуация в целом характерна для традиционных обществ. Анализ археологических материалов центрально-азиатского региона раннего железного века и средневековья, а также сравнение этих данных с этнографическими свидетельствами показывает, что специфика профессиональной дифференциации внутри обществ кочевников была в общих чертах идентична для различных исторических периодов. В значительной степени она определялась разделением на мужской (война, выпас скота) и женский (домашнее хозяйство) труд, а также традиционным для скотоводов региона набором форм производственной деятельности.

Возможности общей интерпретации археологических и письменных источников при исследовании хозяйственной системы кочевников 2-й половины I – начала II тыс. н.э. представлены в ряде исследований (Киселев С.В., 1949, с. 285–298; Кызласов Л.Р., 1969, с. 44–48; Ганиев Р.Т., 2006, с. 92–116; и др.). Судя по имеющимся материалам, раннесредневековые тюрки не являлись исключением из общей картины развития обществ кочевников региона. Основой хозяйства было кочевое скотоводство. Большое значение имела металлургия, роль которой демонстрируется как отдельными сюжетами из письменных источников, так и многочисленными находками из археологических памятников. Не исключено, что у раннесредневековых тюрок произошло выделение крупных центров добычи и обработки металлов, о чем свидетельствуют обнаруженные комплексы производственных сооружений на Алтае. Так, по мнению Н.М. Зинякова (1988, с. 137), общее число людей, занимавшихся металлургией и металлообработкой, составляло 4–5% населения. Вспомогательными отраслями хозяйства кочевников были рыболовство, охота, собирание съедобных растений. Возможно, в ряде районов существовали некоторые элементы земледелия (Кызласов Л.Р., 1969, с. 46).

К сожалению, материалы раскопок погребальных памятников раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий практически не содержат информацию о конкретных профессиональных занятиях человека при жизни. Предметный комплекс захоронений отражает существование гендерной дифференциации, в значительной степени обусловленной разделением труда. Однако сопроводительный инвентарь, обнаруженный в захоронении, являлся показателем отношения человека к определенному социальному слою, а не принадлежности его к какой-либо профессиональной группе. Некоторое исключение в этом плане, вероятно, представляет набор предметов вооружения из погребений тюрок.

Военное дело, которым, если следовать сведениям письменных источников, занимались практически все дееспособные мужчины-кочевники, являлось важным элементом профессиональной организации кочевников. Эффективный комплекс вооружения, несомненно, был одной из составляющих успешной военной экспансии раннесредневековых тюрок, в результате которой ими был основан ряд крупнейших, хоть и недолговечных империй, простиравшихся в разное время далеко за пределы центрально-азиатского региона. Это обусловило пристальное внимание исследователей к изучению военного дела кочевников, рассмотрению всех категорий оружия, а также специфики его развития на различных территориях (Худяков Ю.С., 1986, с. 137–169; 2007; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 65–86; Горбунов В.В., 2003а; 2006а–б; 2007; и др.).

Наличие обширной историографии позволяет не останавливаться подробно на данном вопросе. Добавим лишь некоторые показатели, связанные с анализом погребальных комплексов Алтая и сопредельных территорий. Материалы раскопок захоронений раннесредневековых тюрок демонстрируют высокий уровень милитаризации общества кочевников. Оружие зафиксировано в абсолютном большинстве мужских погребений кочевников – 124 (93,23%) объекта. Оно отсутствовало только в 9 (6,76%) могилах. Судя по всему, отдельные предметы вооружения (например, боевые топоры, богато оформленное клинковое оружие) рассматривались как особые символы власти и демонстрировали высокое положение владельца.

Анализ выделенных моделей мужских погребений, представленных в разделе 3.2.4 монографии, показывает, что некоторые из них демонстрируют довольно устойчивый набор признаков, который дает основания связывать их с захоронениями профессиональных воинов различного уровня (Серегин Н.Н., Тишин В.В., 2018).

Весьма показательными являются объекты, включенные в модель II. Основной характеристикой таких захоронений, включающих 5,25% анализируемых объектов, является сочетание в могиле редких предметов вооружения и предметов торевтики, изготовленных чаще всего из драгоценных металлов. В целом, качественный и количественный состав сопроводительного инвентаря рассматриваемых памятников уступает вещевому комплексу, обнаруженному в памятниках, отнесенных к первой модели и связываемых с региональной элитой высшего уровня. Одним из наиболее характерных объектов, демонстрирующих обозначенный набор показателей, является погребение кургана №85 некрополя Кара-Коба-I (Могильников В.А., 1997а, с. 187–202, рис. 1–9). В результате исследования данного объекта зафиксировано захоронение молодого воина в сопровождении двух лошадей. В состав инвентаря могилы входили комплект предметов вооружения (меч, лук со стрелами), богато оформленный пояс, плеть, а также другие изделия.

Погребения, включенные в модель V (9% анализируемых объектов), сходны по разнообразному составу вооружения с захоронениями второй группы, однако характеризуются более скромным набором предметов торевтики. Примером комплекса, отнесенного к данной модели, является погребение кургана №5 некрополя Усть-Бийке-III (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 58–66, рис. 22–28). Раскопки данного объекта позволили обнаружить могилу воина 45–50 лет, захороненного в сопровождении лошади. Инвентарь объекта включал предметы вооружения (меч, лук со стрелами), элементы пояса, изготовленные из бронзы, а также другие изделия.

Следующая группа объектов, которые представляется возможным связывать с захоронениями профессиональных воинов определенного уровня, объединены в рамках модели VI (5,25% рассматриваемых памятников тюрок). Они отличаются довольно представительным составом предметов вооружения в сочетании с полным отсутствием предметов торевтики и других вещей, включенных в «комплекс богатства». Обозначенным характеристикам соответствует погребение воина, исследованное в ходе раскопок одиночного кургана некрополя Ябоган (Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 70–75, рис. 1–7). В могиле обнаружено сопроводительное захоронение лошади и зафиксирован инвентарь – предметы вооружения (меч, лук, наконечники стрел), а также немногочисленные бытовые изделия и снаряжение лошади.

Довольно перспективным представляется анализ отдельных случаев реализации обрядовой практики, зафиксированных в материалах раскопок тюркских некрополей Алтая и сопредельных территорий. К примеру, показательными являются результаты изучения парных кенотафов, составляющих отдельную группу «пустых могил» (Серегин Н.Н., 2015а, с. 49). Специфика объектов заключается в том, что кенотаф предназначался для двух мужчин-воинов. Об этом свидетельствуют наборы сопроводительного инвентаря, наличие двух лошадей, а также другие элементы ритуала. «Парные» кенотафы встречены при исследовании двух памятников раннесредневековых тюрок на Алтае (Гаврилова А.А., 1965, с. 27, табл. XXIII, XXIV; Савинов Д.Г., 1982, рис. 2, 5). Интересной особенностью указанных объектов является разное социальное положение

ние предполагаемых погребенных. Наиболее ярко эта черта прослеживается в составе сопроводительного инвентаря из кургана №2 могильника Узунтал-I, анализ которого позволил Д.Г. Савинову (1982, с. 120) предположить, что кенотаф был сооружен в честь знатного воина, принадлежавшего к дружинной аристократии, и его спутника.

Обратим внимание на то, что в рамках обозначенных трех групп объединены 26 погребений, что составляет чуть менее 20% мужских захоронений, включенных в выборку. Очевидно, что полученная картина может рассматриваться лишь как некое условное отражение существовавшей исторической ситуации и демонстрировать основные тенденции развития общества тюрок. Вместе с тем продемонстрированные результаты анализа археологических материалов показывают, что даже в милитаризованном обществе кочевников довольно отчетливо выделяются объекты, отражающие различные уровни в структуре слоя профессиональных воинов или дружинников. Учитывая неизбежную условность итогов анализа археологических материалов, соотносить выделенные группы с конкретными позициями войска тюрок пока сложно.

Другим дискуссионным вопросом, связанным с исследованием профессиональной дифференциации социума кочевников, является выделение особой группы лиц, занимавшихся отправлением культовых действий. При рассмотрении данной проблемы исследователями используются различные термины – «жрецы», «колдуны», «шаманы», «священнослужители» и др. На наш взгляд, учитывая фрагментарность источниковой базы и сложность точной интерпретации имеющихся зачастую отрывочных материалов, наиболее нейтральным и корректным определением для периода раннего средневековья является понятие «служители культа», используемое далее.

Анализ письменных источников по истории раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона позволил исследователям сделать ряд наблюдений, связанных с возможностью определения слоев населения, вовлеченных в процесс профессиональной реализации культовой практики. Учитывая накопленную значительную историографию и наличие специальных работ по этой тематике (Дашковский П.К., 2009; 2011, с. 176–181; Тишин В.В., Серегин Н.Н., 2017), представим лишь краткий обзор имеющегося опыта изучения сведений письменных источников, более подробно остановившись на проблемах интерпретации археологических материалов, практически не освещенных в литературе.

В значительном количестве работ отечественных специалистов отмечена особая роль кагана и его ближайшего окружения, принимавшего участие в отправлении культовых действий. Сакральная роль верховного правителя тюрок, в частности, проявилась в совершении жертвоприношений общегосударственного характера, а также в сложении культа кагана (Кляшторный С.Г., 2003, с. 337–338; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 6–67; Дашковский П.К., 2011, с. 176; и др.).

Сведения о существовании в обществе раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона особой группы служителей культа, не связанной с элитными слоями населения, весьма фрагментарны и разрозненны. Интересно, что в рунических текстах такая информация практически полностью отсутствует. В династических хрониках Поднебесной империи имеются лишь отдельные упоминания (Серегин Н.Н., 2013; Тишин В.В., Серегин Н.Н., 2017). Описывая обычаи раннесредневековых тюрок, китайские авторы отмечают, что «они почитают богов и духов и верят в заклинательниц и заклинателей злых духов» (Лю Маоцай, 2002, с. 23) или «поклоняются духам, верят в волхвов» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 231). В биографии тюркского политического деятеля Аньлушаня имеется упоминание о его матери, которая «была волшебницей и жила предсказаниями» (Лю Маоцай, 2002, с. 97); указывается на то, что женщина обращалась к богу войны, моля его о сыне (Лю Маоцай, 2002, с. 99). Имеются также упоминания о ворожбе (гадании?) при необходимости принятия важных политических решений (Бичурин Н.Я., 1950, с. 246–247).

В целом, анализ письменных источников позволяет сделать вывод о возможности существования у раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий отдельных лиц или даже особой группы, занимающихся культовой практикой и свя-

занных как с элитой общества, так и с рядовыми номадами. Вместе с тем отрывочность информации не позволяет оценить количество этих людей, их социальный статус, конкретные функции и др. Корреляция этих сведений с материалами раскопок археологических памятников позволила бы существенно приблизиться к объективной реконструкции сложной системы мировоззренческих представлений номадов. В частности, имеет смысл обратить внимание на возможную фиксацию в материалах погребальных комплексов, наиболее информативных с этой точки зрения, вещественных атрибутов культовой деятельности.

Все предметы, которые фиксируются в погребении, находятся в контексте обрядовой практики и сопровождаются особыми ритуальными представлениями. При этом выделяются вещи, различные признаки которых позволяют предположить, что они использовались для реализации определенных культовых действий. Достаточно подробно рассмотрены возможности интерпретации подобных изделий из погребальных комплексов кочевников скифо-сакского времени (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1978; Могильников В.А., 1997б; Яценко С.А., 2007; и мн. др.). К сожалению, объективные наблюдения такого плана на материалах археологических памятников раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий весьма фрагментарны. Вместе с тем имеется опыт интерпретации «предметов культа» из погребальных и «поминальных» объектов 2-й половины I – начала II тыс. н.э., раскопанных на сопредельных территориях (Арсланова Ф.Х., 1981; Басова Н.В., Кузнецов А.Н., 2005; Илюшин А.М., 2008; 2012; и др.). Аккуратное использование результатов подобных исследований, а также детальный анализ всех компонентов погребальной обрядности позволяет рассмотреть возможности выделения «предметов культа» в материальной культуре раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий.

Достаточно редкими находками в погребениях номадов рассматриваемого региона 2-й половины I – начала II тыс. н.э. являются небольшие шелковые мешочки (рис. 90). Судя по расположению в могиле, чаще всего они носились на поясе (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 105; Вайнштейн С.И., 1966б, с. 302–304) либо в кожаной сумочке (Овчинникова Б.Б., 1982, с. 213–214; Кубарев Г.В., 2005, с. 371, 376). Кроме того, зафиксировано помещение рассматриваемых предметов на груди человека (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 113), а также в специальном тайнике (Евтюхо-

Рис. 90. Шелковые мешочки из комплекса Туэкта (по: Киселев С.В., 1949, табл. LI)

ва Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 114). В ряде случаев в шелковых мешочках находились предметы, связанные, вероятно, с определенными культовыми представлениями. Особое внимание обращают на себя находки человеческих зубов (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 105; Евтюхова Л.А., 1957, с. 210; Вайнштейн С.И., 1966б, с. 302–304). Такие своеобразные предметы носились также в кожаных мешочках (Трифонов Ю.И., 2000, с. 146). По мнению Л.Р. Кызласова (1969, с. 22), это были амулеты, помогавшие от зубной боли. С одной стороны, данная интерпретация выглядит вполне логичной. Вместе с тем имеются основания для предположения о более сложных представлениях, реализованных в данном элементе погребального ритуала раннесредневековых тюрок. Так, уже в верхнем палеолите фиксируется использование человеческих зубов в качестве амулетов (Медникова М.Б., 2004, с. 127). Суеверия, связанные с необходимостью сохранять зубы и оберегать их от какого-либо негативного воздействия, известны у многих традиционных обществ (Фрэзер Д., 1986, с. 43–44). Не исключено, что похожие представления имелись и у кочевников Центральной Азии. Их универсальный характер подтверждается находками человеческих зубов в шелковых, кожаных или войлочных мешочках при исследовании погребений кочевников рассматриваемого региона различных хронологических периодов – от раннего железного века до монгольского времени (Кубарев В.Д., 1984, с. 43; Войтов В.Е., 1990, с. 140; Полосьмак Н.В., 2001, с. 74; и др.).

Среди других своеобразных находок, обнаруженных в шелковых мешочках, отметим туго свернутую шелковую ленту, свернутый в кольцо конский волос, небольшие камни, косточку миндаля, рыбы позвонки, а также различные предметы неизвестного назначения, главным образом, деревянные и костяные изделия. По мнению некоторых исследователей, эти вещи носили ритуальный или магический характер и могли являться своего рода оберегами (Овчинникова Б.Б., 1982, с. 213–214; 1990, с. 38; Кубарев Г.В., 2005, с. 58–59; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2009, с. 158–160). Не исключено, что ритуальное назначение имела шелковая полоска с 75 узелками, встреченная в исследованном кенотафе раннего средневековья (Грач А.Д., 1960б, с. 127).

В одном из шелковых мешочков находились китайские монеты (Евтюхова Л.А., 1957, с. 212). Такие находки являются достаточно редкими – на сегодняшний день они зафиксированы немногим более, чем в десяти погребениях раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2013, табл. 1) (рис. 91). Имеются все основания для утверждения о том, что кочевниками китайские монеты не использовались по прямому назначению (в качестве денежной единицы). Не исключено, что такие изделия могли носиться как амулеты (Молодин В.И., Соловьев А.И., 2004, с. 63–64; Басова Н.В., Кузнецов Н.А., 2005, с. 135; Кузнецов Н.А., 2007, с. 216). Косвенным свидетельством особого отношения к монетам можно считать благожелательные надписи, зафиксированные на отдельных экземплярах (Добродомов И.Г., 1980; Кляшторный С.Г., 2006, с. 117).

Рис. 91. Китайская монета из комплекса Кудыргэ (по: Серегин Н.Н., Тишкин А.А., 2019, рис. 3.20.-4)

Другой группой предметов китайского импорта, получивших распространение в среде раннесредневековых кочевников Алтая и сопредельных территорий, являются металлические зеркала (рис. 92). Данные изделия, нередко рассматриваемые как особые магические атрибуты в обществах кочевников, традиционно привлекают внимание исследователей. Об этом свидетельствует накопленная обширная историография, большая часть которой связана с интерпретацией предметов из археологических комплексов скифо-сакского времени (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011а, с. 111–116). На то, что раннесредневековыми тюрками зеркала относились к группе вещей, наделенных особыми свойствами, указывает ряд признаков. В ряде могил отмечены фрагменты рассматриваемых изделий с проделанным отверстием, что, вероятно, отражает их использование как своего рода подвесок-амулетов. В материалах раскопок памятников второй половины I тыс. известны находки частей зеркал с нанесенными благожелательными надписями (Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г., 1973, табл. II; Кляшторный С.Г., Лубо-Лесниченко Е.И., 1974; Васильев Д.Д., 1983, с. 37–39; Кляшторный С.Г., 2006, с. 177–192). Судя по всему, определенное значение имело отмеченное при раскопках погребений раннесредневековых тюрков устойчивое расположение металлических зеркал в районе головы умершего человека. Этому элементу ритуала имеется ряд объяснений, достаточно подробно изложенных в ряде работ (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011а, с. 117–119).

В материалах раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрков Алтая и сопредельных территорий зафиксирован ряд других предметов, возможно, имевших особое значение в представлениях кочевников. К ним относятся астрагалы, различные подвески из зубов животных, бронзовые подвески и др. Все эти находки, а также обозначенные выше изделия позволяют говорить о наличии у номадов определенной группы предметов, выполнявших функции личных оберегов, имевших некоторые магические свойства, и др. Вместе с тем основания для выделения вещей, явно связанные с культовой практикой, отсутствуют. Все рассмотренные выше предметы могли быть связаны с «личной магией» или локальными культовыми действиями, не носившими профессионального характера.

Таким образом, основания для выделения четких признаков, отличающих погребения особой группы лиц, занимавшихся культовой деятельностью, на имеющихся материалах отсутствуют. Нельзя исключать, что подобные объекты еще не известны в связи со специфичными канонами обрядности (к примеру, скальные или «воздушные» захоронения). Однако более вероятным объяснением представляется то, что культовые действия у рядовых номадов выполнялись не особой группой людей – служителей культа, а главами родов или старейшинами, неоднократно упоминаемыми в письменных источниках (Бичурин Н.Я., 1950, с. 221, 239, 243, 255, 256, 271 и др.; Тутушева Л.Ю., 2008, с. 78). В таком случае, вероятно, происходило совмещение общих управленческих функций на местном уровне с реализацией культовой практики. Правомерность такого предположения подтверждается подобным же сочетанием полномочий у верховных правителей раннесредневековых тюрков.

Другой не менее важной проблемой, к которой неоднократно обращались исследователи, является вопрос о существовании рабства у номадов. В большинстве случаев данный вопрос также решался на основе анализа показательных материалов раннего железного века. Не углубляясь в историографию данной темы, отметим, что в значительном количестве работ отечественных ученых, несмотря на вариативность использованных ими источников, а также подходов к оценке обществ кочевников, признана возможность существования у номадов рабства (главным образом, домашнего), но подчеркнута ограниченность его распространения (см. обзор: Хазанов А.М., 1975, с. 139–148).

Кратко остановимся на имеющемся опыте решения вопроса о существовании зависимых слоев населения у раннесредневековых тюрков Алтая и сопредельных территорий (Серегин Н.Н., 2013, с. 113–119; Серегин Н.Н., Тишин В.В., 2016). Сведения

Рис. 92. Металлические зеркала из комплекса Шибе
(по: Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, табл. XXIII–XXIV)

письменных источников о рабстве в обществе кочевников второй половины I тыс. н.э. рассмотрены в специальном разделе обобщающей работы А.Н. Бернштама (1946). Исследователь сделал вывод о существовании у раннесредневековых тюрок патриархального (домашнего) рабства, подчеркнув преимущественное распространение использования женского труда (Бернштам А.Н., 1946, с. 110). Представив многочисленные фрагменты рунических текстов, содержащих информацию по данному вопросу, востоковед отметил, что для обозначения рабов использованы различные термины, что, вероятно, отражало неодинаковое положение людей, дифференциацию в степени их зависимости и др. (Бернштам А.Н., 1946, с. 123–126). Основным источником для пополнения количества зависимых людей в тюркском обществе А.Н. Бернштам (1946, с. 117) считал военные походы.

Наблюдения А.Н. Бернштама позже получили развитие и были конкретизированы на более обширном материале С.Г. Кляшторным, в ряде статей специально рассматривавшим вопрос о существовании рабства в тюркском обществе. По мнению исследователя (Кляшторный С.Г., 1985, с. 167), захват невольников был одной из главных целей войн и набегов, совершавшихся раннесредневековыми кочевниками. На основе анализа сведений тюркских текстов, с привлечением информации из письменных источников более позднего времени, а также этнографических данных С.Г. Кляшторный (1985, с. 162–166) развернуто продемонстрировал преимущественную роль женского рабства в тюркском обществе. Сделанные обозначенными исследователями выводы были использованы в работе Е.И. Кычанова (2010, с. 136), который обратил внимание на значительное количество рабов, угоняемых тюрками из Китая. Так, по наблюдениям востоковеда, в письменных источниках речь идет о десятках тысяч людей, возвращенных в Поднебесную империю.

О широкой роли рабства в тюркском обществе писал С.В. Киселев (1949, с. 281). Опыт рассмотрения известной информации письменных источников исследователь дополнил наблюдениями, сделанными на основе анализа археологических материалов Алтая второй половины I тыс. н.э. По мнению С.В. Киселева (1949, с. 299–302), с рабами или зависимыми людьми может быть связан ряд объектов, раскопанных им на могильниках Туекта и Курай-IV. Суммируя выводы С.В. Киселева (1949, с. 299–302), отметим, что, согласно приведенному им описанию, представляется возможным выделить две группы рассматриваемых объектов:

1) небольшие каменные насыпи или кольца, расположенные отдельно или вокруг большого кургана, а также под его насыпью; в большинстве случаев погребения «одиночные», но в некоторых находилась лошадь; для всех объектов характерен фрагментарный сопроводительный инвентарь;

2) сопроводительные захоронения людей, находившиеся в основной могильной яме «элитного» кургана.

Необходимо подчеркнуть, что полноценное рассмотрение обозначенных материалов и оценка представленных выводов серьезным образом затруднены тем, что результаты работ С.В. Киселева остались опубликованными лишь частично. Поэтому в ряде случаев остаются вопросы, связанные с культурно-хронологической принадлежностью отдельных специфических захоронений, связываемых исследователем с зависимыми слоями общества тюрок.

Ситуацию, схожую с зафиксированной С.В. Киселевым в «элитном» кургане №1 могильника Курай-IV, отметил в ходе раскопок на некрополе Боротал-I В.Д. Кубарев (1985, с. 138–140, рис. 4). В одном из курганов раннесредневековых тюрок археолог исследовал кенотаф с «сопроводительным» захоронением человека, рядом с которым отсутствовал какой-либо инвентарь. По мнению В.Д. Кубарева (1985, с. 146–147), данное погребение иллюстрирует распространение у кочевников традиции помещать со знатными умершими рабов или зависимых людей.

Таким образом, вопрос о распространении рабства или существовании зависимых слоев населения в обществе раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных

территорий решался, главным образом, на основе сведений письменных источников, с фрагментарным привлечением археологических материалов. Следует отметить, что данный подход не связан с пренебрежительным отношением специалистов к материалам раскопок, а скорее объясняется сложностью интерпретации результатов исследования погребальных и поминальных комплексов 2-й половины I – начала II тыс. н.э., не демонстрирующих показательных черт для решения рассматриваемого вопроса. Вместе с тем представляется, что возможности анализа в этом направлении далеко не исчерпаны.

Одной из сложностей, возникающих при решении вопроса о существовании рабства у кочевников по археологическим материалам, является определение критериев для выделения погребений зависимых слоев населения. В ряде работ отечественных археологов представлен актуальный опыт интерпретации материалов раскопок с этой точки зрения.

В статье В.А. Ильинской (1966, с. 166–167) рассмотрена серия скифских курганов, в которых, по мнению исследовательницы, обнаружены захоронения рабов. Зависимый статус умерших определялся следующими показателями: нехарактерная для основного погребения скорченность костяка, расположение его за пределами внутримогильной конструкции, отсутствие инвентаря, обнаружение рядом основного, нередко «богатого» захоронения. Схожие признаки отмечены в обобщающей работе А.М. Хазанова (1975, с. 134–135), посвященной изучению социальной истории скифов. Исследователь подчеркнул немногочисленность погребений, предположительно связываемых с рабами, а также то, что в ряде случаев тело зависимого человека могло быть брошено в основную могилу более богатого представителя социума.

Идентичная ситуация, связанная с отражением зависимого статуса погребенных в материалах раскопок, продемонстрирована в монографии А.Д. Грача (1980, с. 48). Исследуя памятники скифского времени Тувы, археолог отнес к захоронениям «людей низших социальных групп» или «домашних рабов» сопроводительные по отношению к основным могилам погребения взрослых людей без какого-либо инвентаря, обратив внимание также на существование традиции человеческих жертвоприношений.

Интересные наблюдения сделаны исследователями в ходе раскопок отдельных некрополей раннего средневековья на территории Восточного Казахстана (Алехин Ю.П., Илюшин А.М., 1998, с. 207–219). По наблюдениям археологов, под насыпью ряда курганов, помимо центрального (основного) погребения, находились одна–две могилы зависимых людей, вероятно, рабов. Эти захоронения, значительно менее глубокие, не содержали сопроводительного инвентаря, а на костяках умерших людей были зафиксированы следы насильственной смерти (Алехин В.П., Илюшин А.М., 1998, с. 210–211).

Приведенный спектр наблюдений археологов ни в коей мере не является исчерпывающим, однако близость показателей, отмечаемых исследователями на различных материалах, позволяет не продолжать перечисление схожих ситуаций. Очевидно, что использование выделенных критериев в «чистом» виде некорректно при интерпретации археологических комплексов социумов других периодов и регионов. Вместе с тем аккуратное проведение аналогий является целесообразным, учитывая универсальный характер развития обществ кочевников в широких хронологических и территориальных рамках.

Материалы раскопок погребальных памятников раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий предоставляют весьма ограниченный объем информации по рассматриваемому вопросу. По сути, все показательные ситуации исчерпываются представленными выше материалами погребений, исследованных С.В. Киселевым и В.Д. Кубаревым на могильниках Курай-IV и Боротал-I. Наиболее показательными для интерпретации этих объектов являются следующие характеристики:

1) нетипичная ориентировка захоронения; расположение костяка поперек могильной ямы, без отдельной погребальной камеры или за пределами основной конструкции;

2) отсутствие инвентаря;

3) отсутствие сопроводительного захоронения лошади, являющегося важным показателем «стандартных» погребений раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий;

4) «сопроводительный» характер захоронения, находившегося в могиле с погребением представителя элитных слоев общества тюрок.

Как видим, представленные показатели практически полностью идентичны ситуациям, зафиксированным археологами в ходе раскопок разновременных памятников номадов на обширных территориях. Сама по себе схожесть объектов не является доказательством правильности приведенных интерпретаций, однако демонстрирует возможность проведения параллелей в указанном направлении.

Помимо отмеченных объектов, дополнительного рассмотрения либо конкретизации в ходе дальнейших раскопок требуют целый ряд комплексов раннесредневековых тюрок. Так, неоднозначной представляется интерпретация безынвентарных «сопроводительных» захоронений по обряду кремации, зафиксированных на некрополях Маркелов Мыс-I, II и находившихся за пределами ограды основного «элитного» погребения (Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1998, с. 402–403). Кроме того, к представителям низших слоев населения раннесредневековых тюрок могут относиться отдельные впускные захоронения, не содержавшие сопроводительного захоронения лошади и предметов инвентаря.

Косвенным фактором, подтверждающим существование у раннесредневековых тюрок зависимых слоев населения, является далеко зашедшая дифференциация общества и продемонстрированная в предыдущем разделе монографии сложная структура социума номадов. Следует подчеркнуть, что какие-либо четкие признаки зависимого положения погребенных при жизни в рассматриваемых археологических материалах не фиксируются. Вместе с тем низкий статус умерших мог проявляться, к примеру, в невозможности владения оружием, что являлось, судя по имеющимся сведениям, одним из главных показателей взрослого мужчины в обществе раннесредневековых номадов.

Нельзя исключать, что в археологических материалах захоронения представителей зависимых слоев населения раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий могли не найти отражения. Вполне возможно, что для погребения умерших с низким социальным статусом не сооружался стандартный комплекс, к примеру, не возводилась курганная насыпь. В таком случае имеющаяся в распоряжении археологов выборка носит в той или иной степени селективный характер. Возможность существования подобных традиций у различных обществ и культур неоднократно подчеркивалась археологами (Хазанов А.М., 1975, с. 135; Берсенева Н.А., 2011, с. 42–46). Результатами раскопок данное предположение пока не подтверждается, однако косвенными факторами в его пользу могут являться немногочисленность погребений раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий по сравнению с памятниками других периодов на рассматриваемой территории, а также специфика отдельных детских захоронений.

Итак, развитая социальная дифференциация общества, имеющиеся сведения письменных источников, а также отдельные показатели погребальных комплексов позволяют предположить существование в обществе раннесредневековых тюрок определенной, весьма немногочисленной группы населения, положение которой характеризовалось определенной степенью зависимости. Следует подчеркнуть, что эта зависимость, принимая во внимание сложную этносоциальную ситуацию на территории центрально-азиатского региона во 2-й половине I – начале II тыс. н.э., могла иметь различную окраску – к примеру, военно-политическую (подчиненное положение захваченных в ходе военных походов групп людей, пониженный статус этнических или племенных групп, включенных в состав кочевых империй номадов и др.), экономическую или бытовую (обнищание отдельных слоев населения).

3.3.2. Элита общества кочевников

При реконструкции социальной истории номадов древности и средневековья особое значение имеет изучение «элитных» погребальных комплексов. Раскопки таких памятников, несмотря на частые случаи ограбления, позволяют получить наиболее яркие материалы. Определение структуры элиты и особенностей организации высших слоев общества способствует уточнению уровня развития и специфики устройства рассматриваемого социума в целом. Именно поэтому изучению «элитных» археологических комплексов традиционно уделяется повышенное внимание. К настоящему времени получены значительные результаты в области исследования «царских» курганов раннего железного века в различных районах Центральной Азии (Грязнов М.П., 1950, 1980; Руденко С.И., 1962; Акишев К.А., 1978; Элитные курганы..., 1994; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Аржан. Источник..., 2004; и мн. др.). Изучение таких объектов, отличавшихся колоссальным объемом трудозатрат на сооружение наземных и внутримогильных конструкций, наличием большого количества «престижных» элементов предметного комплекса способствовало развитию представлений по многим аспектам социальной истории кочевников. Гораздо меньше знаний накоплено о захоронениях представителей высших слоев обществ средневековых номадов обозначенного региона.

Существование высших слоев социума традиционно наиболее подробно представлено в письменных источниках. Такая ситуация характерна не только для объединений номадов различных исторических периодов (Селезнев Ю.В., 2009, с. 7), но и в целом является вполне закономерной. В рунических текстах и китайских династийных хрониках имеется значительный объем информации о структуре элиты раннесредневековых кочевников, специфике титулатуры, организации управления. Широко известны мемориальные памятники знати кочевников, исследованные на территории Монголии. При этом опыт выделения и системной интерпретации «элитных» погребений раннесредневековых тюрок весьма незначителен.

Впервые группу «элитных» погребений раннесредневековых тюрок Алтая выделил С.В. Киселев (1951, с. 535). Такие объекты, по мнению исследователя, отличались размерами наземных и сложностью внутримогильных конструкций, определенной спецификой ритуала и разнообразным инвентарем, включавшим различные категории. Соотнесение результатов анализа археологических материалов со сведениями письменных источников позволило С.В. Киселеву (1951, с. 544) предположить, что обозначенные признаки свидетельствуют о принадлежности курганов «алтайской знати». В последующие годы исследований в указанном направлении не предпринималось. Вместе с тем опыт, накопленный в области социальной интерпретации материалов раскопок погребений раннесредневековых тюрок, позволил поставить вопрос о выделении «элитных» объектов на различных территориях (Тетерин Ю.В., 1999; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003), хотя подробной характеристики отличительных показателей таких памятников представлено не было.

Проведенное изучение структуры и организации общества раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий по материалам погребальных комплексов позволяет вернуться к вопросу о выделении и интерпретации «элитных» захоронений.

Существенным показателем, который был выявлен в ходе анализа погребальной практики кочевников рассматриваемой общности, является значительная степень нивелировки обряда. Это проявилось не в унификации и стандартизации сооружений, ритуала и предметного комплекса, которые были достаточно вариabельными, а в стирании резких границ между погребениями по признакам, которые традиционно рассматриваются как социально значимые. Выдающиеся параметры каменной насыпи и внутримогильных конструкций, являющиеся одним из ключевых показателей «царских» курганов раннего железного века, не характерны для «элитных» комплексов раннесредневековых тюрок. Анализ размеров погребальных сооружений показал, что

их вариабельность определялась, главным образом, причинами, не связанными с прижизненным социальным статусом умершего. Параметры наземных и внутримогильных сооружений являлись второстепенным показателем при выделении «элитных» погребений. Такие объекты, хоть и отличались от основной массы памятников, особенно в рамках отдельных некрополей, но отклонения были незначительными.

Другим показателем, выделяющим захоронения представителей высших слоев общества тюрок Алтая и сопредельных территорий, было количество лошадей, сопровождавших умершего. Анализ признаков половозрастной дифференциации в погребальном обряде кочевников продемонстрировал, что наличие одного животного было непременным атрибутом могилы полноправного взрослого человека. Вариабельность количества лошадей определялась имущественным статусом номада. В немногочисленных «элитных» погребениях раннесредневековых тюрок находились три или четыре лошади. С другой стороны, в ряде захоронений, которые по ряду других признаков могут быть связаны с представителями высших слоев общества, были помещены лишь одна-две лошади, что характерно и для «рядовых» могил. Поэтому обозначенный компонент обряда также не может рассматриваться как абсолютный показатель «элитных» объектов.

Проведенный анализ позволил прийти к заключению о том, что основным «социальным маркером» обряда раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий являлся качественно-количественный состав инвентаря. «Комплекс власти» в обществе номадов был представлен, главным образом, предметами вооружения (меч, кинжал, копье, боевой топор, доспех), а также в меньшей степени плетью, стеками и котлами. «Комплекс богатства» включал предметы торевтики из цветных и драгоценных металлов: наборные пояса, металлические сосуды и зеркала, украшения конской амуниции, украшения костюма, а также шелковую одежду.

Из девяти выделенных социальных групп мужских погребений тюрок с захоронениями представителей элиты различного уровня могут быть связаны первые три. В них включены 18 объектов, что составляет 13,5% от всех учтенных мужских могил. Вероятно, именно такой процент населения раннесредневековых тюрок относился к элитным слоям общества номадов. Осмысление результатов, полученных в ходе социальной интерпретации материалов раскопок археологических памятников, предполагает привлечение сведений из письменных источников.

В китайских династийных хрониках аппарат управления тюркской империи представлен как достаточно сложная система. В частности, упоминаются 28 основных должностей чиновников, из которых пять были высшими (Кычанов Е.И., 1997, с. 102; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 184–185). На отдельных территориях державы номадов находились наместники кагана, выполнявшие основные управленческие функции (Кычанов Е.И., 1997, с. 103–104). Согласно имеющимся сведениям, на завоеванных землях тюрки оставляли прежние формы самоуправления, устанавливая контроль лишь над фискальной системой и военной организацией подвластного социума (Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 191). По всей видимости, в этих областях оставалась местная знать, которая нередко стремилась для сохранения власти и поднятия престижа породниться с аристократией этноса-элиты (Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 166). Главы крупных племен (в большинстве случаев, телеских), подчиненных тюркам, получали титулы эльтебер и иркин (Бернштам А.Н., 1946, с. 144; Кычанов Е.И., 1997, с. 105; Горбунов В.В., 2007, с. 90). В целом, представляется возможным говорить о существовании на таких территориях так называемой двойной элиты (Тишкин А.А., 2005в, с. 53–54).

В письменных источниках достаточно четко обозначен военно-административный характер управления в тюркских каганатах (Кычанов Е.И., 1997, с. 113). Согласно имеющимся сведениям, практически все высшие должностные лица были командующими военных подразделений различного уровня (Горбунов В.В., 2007, с. 86–88). На наш взгляд, данная ситуация не является объективной и соответствующей доста-

точно высокому уровню развития империй номадов 2-й половины I тыс. н.э. В сложно организованных политических объединениях военная и управленческая власть, как известно, не могла быть сосредоточена в одних руках. Необходим был разветвленный аппарат, включавший и должности «чиновников», деятельность которых не была связана непосредственно с военным делом. Данный тезис находит подтверждение в результатах анализа погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий.

При выделении социальных моделей мужских погребений достаточно четко обозначилась не только имущественная дифференциация населения, но также различия в профессиональной деятельности умерших при жизни. Прежде всего, обратим внимание на памятники «высшей» элиты (группа I). Даже на материалах трех погребений, объединенных в рамках этой модели, фиксируется принадлежность умерших к двум основным «ветвям» элиты номадов – военной и той, которую можно условно обозначить как управленческая или «чиновничья». Различное прижизненное положение людей отражено, главным образом, в соотношении предметов вооружения и «комплекса богатства». В погребениях кургана №1 могильника Курай-IV и кургана №3 некрополя Туэкта минимальное количество оружия сочеталось с исключительным по составу «комплексом богатства», а также присутствием ряда предметов, отражающих властные полномочия людей (котел, плеть и др.). Погребение, исследованное на памятнике Балык-Сок-1 (курган №11), помимо схожего по характеру инвентаря, включало редкие предметы вооружения (копье, защитный доспех), что, вероятно, отражало принадлежность умершего к военной элите раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий.

Отмеченные тенденции находят подтверждение и на большем материале. Выделены две группы погребений (модели III и IV), отличительным признаком которых является минимальный состав вооружения и весьма насыщенный набор предметов, включенных в «комплекс богатства». При этом достаточно четко фиксируются объекты (модель V), в ходе исследования которых обнаружен исключительный состав вооружения и ограниченное количество предметов торевтики и других изделий, отражающих материальный достаток. Весьма интересной является группа VI, объединяющая погребения, содержащие в составе сопроводительного инвентаря разнообразное оружие в сочетании с полным отсутствием предметов, включенных в «комплекс богатства». Очевидно, что в данном случае представлены могилы профессиональных воинов, командующих подразделениями определенного уровня.

Вместе с тем выделена группа «элитных» погребений (модель II), объединяющих как исключительный по качеству и количеству состав оружия, так и достаточно насыщенный набор предметов из «комплекса богатства». По всей видимости, эти объекты принадлежали кочевникам, соединявшим в своих руках как военные, так и наиболее высокие управленческие функции.

Следует признать, что право на существование имеет и другая интерпретация зафиксированных отличий. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с отражением существования «двойной» элиты – феномена, который является достаточно распространенным в обществах номадов, однако изучен еще недостаточно (Кондрашов А.В., 2004а, с. 22; Тишкин А.А., 2005в, с. 53–54). «Богатые» погребения раннесредневековых тюрок с минимальным набором вооружения могли принадлежать местной элите, которая не относилась к правящему роду Ашина и выполняла определенные управленческие функции.

Ранее уже отмечалось, что изучение особенностей существования элиты раннесредневековых кочевников по материалам археологических памятников имеет определенную специфику по сравнению с исследованиями, в которых рассмотрены комплексы высших слоев социума номадов раннего железного века. Социальная дифференциация средневекового общества менее четко отражена в погребальной обрядности по сравнению с традициями, характерными для многих культур скифо-сакско-

го и хуннско-сяньбийского времени. В частности, «элитные» погребения уже не столь резко отличались от памятников, принадлежавших рядовым кочевникам. Проявляется это, главным образом, в снижении объема трудозатрат, уменьшении числа захороненных лошадей, почти полном отсутствии сопроводительных погребений зависимых людей, ограничении качественных и количественных показателей по отношению к помещаемым в погребение вещам.

Исследователи неоднократно отмечали обозначенную особенность и по-разному ее объясняли. В.М. Массон (1976, с. 175–176) предположил, что для погребальной обрядности развитых обществ характерен большой рационализм в использовании материальных ценностей, что привело к сокращению затрат и на сооружение «элитных» комплексов. С.С. Матренин и А.А. Тишкин (2005, с. 158) среди причин, обусловивших сокращение объема трудозатрат на осуществление процедуры захоронения населением булан-кобинской культуры хуннско-сяньбийско-жужанского времени, назвали изменение социально-экономической ситуации и религиозно-мифологической концепции, низкий уровень консолидации номадов региона, а также их зависимость от кочевых империй Центральной Азии.

Соглашаясь со справедливостью замечаний указанных авторов, выскажем точку зрения, дополняющую их наблюдения (Серегин Н.Н., 2013, с. 125–126). На наш взгляд, обозначенная ситуация в период раннего средневековья может быть связана с усложнением структуры общества номадов, а также с усовершенствованием политической организации кочевников. На данном этапе развития общества скотоводов исчезает столь значительный разрыв между представителями элитных слоев различных уровней, появляется разветвленный аппарат управления, причем основные характеристики центральных органов воспроизводятся на местах. Закономерным процессом стало также увеличение численности людей, относящихся к привилегированным слоям общества номадов, что привело в некоторых случаях к «перепроизводству политической элиты» (Васютин С.А., 2005а, с. 58; 2010, с. 53). Поэтому произошла определенная нивелировка и в отражении прижизненного статуса кочевников в погребальной обрядности. Отметим, что уровень развития организации общества тесно связан с повышением политической консолидации номадов, которая проявляется в унификации типов сооружений, стандартизации ритуала и т.д. Именно такая ситуация зафиксирована при изучении погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий.

В то же время фигура верховного правителя по-прежнему оставалась сакральной и отделенной от простых смертных (Васютин С.А., 2004; Кляшторный С.Г., 2004). Поэтому, по всей видимости, погребения каганов (возможно, даже шире – представителей высших слоев элиты кочевых империй) до сих пор не известны исследователям. Исключение составляют мемориальные комплексы Монголии, уменьшенные и упрощенные воспроизведения которых фиксируются на территории Алтае-Саянского региона (Войтов В.Е., 1996, с. 12). На наш взгляд, имеется несколько возможных объяснений такой ситуации: 1) локализация погребальных памятников элиты кочевников на территории, до сих пор не охваченной масштабными раскопками (Северо-Западная и Западная Монголия); 2) отличие обряда захоронения у представителей высших слоев социума каганатов от других кочевников. В связи со вторым предположением не лишено смысла представляется точка зрения А.Н. Гумилева (2002, с. 91–92) о том, что члены рода Ашина придерживались несколько иных религиозных представлений, нежели основная масса кочевников, а данное обстоятельство, несомненно, влияло и на обрядовую практику. Возможно, решение обозначенной проблемы связано с дальнейшим изучением «каганских» комплексов, расположенных на территории Монголии. Так или иначе, на сегодняшний день обозначенный вопрос остается открытым.

Рассмотрение локализации памятников высших слоев общества раннесредневековых тюрок позволяет утверждать, что абсолютное большинство «элитных»

погребений расположено на территории Алтая. Некоторые объекты обнаружены неподалеку от мест сосредоточения «царских» курганов скифо-сакского времени (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 8–15). Такая ситуация, безусловно, не случайна и требует отдельного рассмотрения. Отмеченную закономерность можно объяснить стремлением раннесредневековых кочевников продемонстрировать свое привилегированное положение связью с предками-представителями высших слоев общества прошлых эпох, подтвердить легитимность на конкретной территории и др. Тенденцией противоположного характера является сравнительная «бедность» большинства погребальных комплексов, исследованных на территории Минусинской котловины. Судя по всему, данное обстоятельство объясняется кратковременностью привилегированного положения тюрок в этой части Алтае-Саянского региона и спецификой дальнейшей истории кочевников в составе каганатов уйгуров и кыргызов.

3.3.3. Сложение и трансформации социальной системы тюрок

Важным этапом реконструкции социогенеза древних и средневековых народов является изучение динамики их общественной системы, определение направлений эволюции социальных институтов и структур. Выход на данный уровень интерпретации материалов должен основываться на результатах многоаспектного исследования всех групп источников и проведенного анализа всех элементов организации рассматриваемого общества.

Исследования, направленного на детальную реконструкцию динамики социальной организации раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий, до сих пор не предпринималось. Вместе с тем имеются работы, в которых представлен опыт анализа этапов политогенеза кочевников региона второй половины I тыс. н.э., что неизбежно требовало от археологов и историков учета эволюции различных компонентов социальной системы. Кроме того, в значительном количестве исследований отечественных и зарубежных ученых раскрыты многие аспекты общей концепции социальной истории раннесредневековых тюрок. Некоторые наблюдения ученых представляются весьма ценными и требуют отдельного рассмотрения.

В работах многих специалистов, занимавшихся изучением различных аспектов истории центральноазиатских тюрок, отмечалось присутствие в устройстве политических объединений раннесредневековых кочевников целого ряда характеристик, фиксирующихся у кочевых общностей более раннего времени – хунну, сяньби и жуэнь (жуань-жуэнь). Наиболее категорично данную мысль выразил П. Пельо, подчеркнувший, что своим государством турки обязаны жуэням (Кычанов Е.И., 2010, с. 125). Другие исследователи обращали внимание на конкретные черты политического и в меньшей степени социального устройства тюрок, происхождение которых может быть связано с наследием народов региона предшествующего периода.

По мнению ряда исследователей, ярким примером восприятия турками опыта политической организации сяньби и жуэнь стало использование титулов «каган», «эльтебер» и «иркин» (Бернштам А.Н., 1946, с. 83; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 174; Кычанов Е.И., 2010, с. 94; и др.). Заметно продолжение традиций кочевников хунно-сяньбийско-жуэньского времени в принципах организации войска. Отмечено, что десятичная военно-административная система была заимствована раннесредневековыми турками у жуэнь (Худяков Ю.С., 2007б, с. 57). Так же, как и у кочевников центрально-азиатского региона предшествующего времени, элитным родом войск во 2-й половине I тыс. н.э. была тяжеловооруженная конница (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2005, с. 95, 97; Худяков Ю.С., 2007б, с. 119).

Помимо факта восприятия турками Центральной Азии наследия кочевых народов хунно-сяньбийско-жуэньского времени, исследователи подчеркивали влияние, оказываемое на раннесредневековых кочевников со стороны Согды и Китая.

Не вызывает сомнений особое значение воздействия Поднебесной империи на политическую и социальную организацию кочевников, особенно в период их зависимости (Бернштам А.Н., 1946, с. 10; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 171; Кычанов Е.И., 2010, с. 140–141).

Фрагментарность представленных наблюдений исследователей в значительной степени связана с характеристиками письменных источников по социальной истории раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий. Китайские хронисты не ставили перед собой задачу проследить развитие общества кочевников, акцентируя внимание, главным образом, на перипетиях внешней политики. В тюркских рунических текстах, содержащих весьма ценную информацию о социальном устройстве объединений кочевников, в большей части описывается довольно короткий период существования Второго Тюркского каганата, что не оставляет возможности для сравнения уровня организации социума скотоводов в разное время. Кроме того, в историографии рассматриваемого вопроса отсутствует опыт анализа археологических материалов, которые в большей мере могут демонстрировать динамику процессов социогенеза раннесредневековых тюрок. Обозначенный подход привел к тому, что из общей, и без того весьма неполной, картины развития общества кочевников практически полностью «выпали» периоды, не освещенные в письменных источниках, например, этап формирования социума, а также время, когда тюрки входили в состав каганатов уйгуров и кыргызов.

Именно поэтому при исследовании эволюции социальной системы кочевников мы опирались, главным образом, на результаты анализа материалов раскопок археологических комплексов Алтая и сопредельных территорий, с учетом общей концепции развития общества раннесредневековых тюрок, в разной степени представленной в династийных хрониках и рунических текстах.

В социальной истории раннесредневековых тюрок представляется возможным выделить несколько основных периодов, характеризующихся различным уровнем консолидации кочевников, дифференциации общества, степенью политической самостоятельности кочевников и др.:

- 1) докаганатский период (до 552 г.);
- 2) период Первого каганата (552–630 гг.);
- 3) период зависимости от Китая (630–682 гг.);
- 4) период Второго каганата (682–744 гг.);
- 5) период существования тюрок в составе каганатов уйгуров и кыргызов (2-я половина VIII – XI в.).

Как известно из китайских династийных хроник, в 460 г. произошло переселение определенной группы населения, легендарных «500 семейств Ашина». Вероятно, данная акция не была единичной в политике жужаней, и подобные спланированные перемещения племен носили системный характер (Худяков Ю.С., 2007а, с. 23). После переселения Ашина сумели не только адаптироваться в новых условиях, но и консолидировать вокруг себя местных кочевников, создав мощное объединение, способное спустя столетие коренным образом изменить политическую ситуацию в степи. Данный этап социогенеза тюрок в наименьшей степени обеспечен источниками и материалами, однако значение его трудно переоценить – именно в это время закладывались основы нового общества и предпосылки образования одной из крупнейших кочевых империй региона.

Сведения письменных источников не позволяют точно локализовать территорию, где происходило смешение семейств Ашина с местным населением и формирование этноса и культуры тюрок, называя лишь Алтай с возможностью широкого толкования. Однако, судя по имеющимся археологическим материалам, это была территория Алтая, на которой раскопаны на сегодняшний день наиболее ранние археологические комплексы культуры раннесредневековых тюрок, объединяемые в рамках кызыл-ташского этапа (2-я половина V – 2-я половина VI в. н.э.) (Горбу-

нов В.В., Тишкин А.А., 2002а–б; Тишкин А.А., 2007; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011б, 2018б)⁵³.

В распоряжении исследователей в настоящее время нет материалов, позволяющих определить уровень социального развития и политической консолидации «500 семейств» Ашина до переселения их на Алтай. Перспективы получения такой информации связаны с проведением системных раскопок на территории Восточного Туркестана (Синьцзяна) – региона, с определенной долей вероятности обозначаемого как место первоначального формирования рассматриваемой группы населения (ганьсуйско-гаочанский этап ранней истории тюрок) (Кляшторный С.Г., 2003, с. 149–160). Пока же имеет смысл обратиться к археологическим материалам Алтая предтюркского времени. Целесообразность такого экскурса определяется тем несомненным влиянием, которое оказали местные кочевники на пришлые племена. Сравнительный анализ результатов исследования памятников Алтая 2-й половины IV – V в. (верх-уймонский этап булан-кобинской культуры) и кызыл-ташского этапа культуры тюрок показал определенную степень генетической преемственности между данными группами населения, проявившуюся, главным образом, в предметном комплексе, и в меньшей степени – в погребально-поминальной обрядности (Матренин С.С., Сарафанов Д.Е., 2006; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011б; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016). Кроме того, материалы раскопок памятников кудыргинского этапа (2-я половина VI – 1-я половина VII в.) показывают, что часть населения булан-кобинской культуры Алтая была включена в военные операции тюрок середины VI в. (Серегин Н.Н., 2014; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016).

Влияние жужаней как фактор социального развития тюрок на начальном этапе формирования общности неоднократно подчеркивался исследователями (см. выше). При этом полностью игнорировалось воздействие на формирование нового социума местных кочевников Алтая, гораздо более многочисленных, по сравнению с пришлой группой. Результаты социальной интерпретации материалов раскопок погребальных комплексов Алтая предтюркского времени представлены во второй главе монографии. Отметим некоторые показательные характеристики этих памятников, имеющие значение для понимания процессов сложения тюркского общества.

Погребальные комплексы верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры исследованы на некрополях Верх-Уймон, Катанда-I, Чендек, Яломан-II, Дялян, Кок-Паш, Верх-Еланда-II, Усть-Бийке-III (Гаврилова А.А., 1965; Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992; Соенов В.И., 2000; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003а; 2005). Захоронения 2-й половины IV – V в. на обозначенных памятниках, расположенных в различных частях Алтая, характеризуются высокой степенью вариабельности зафиксированных показателей погребального обряда, что, вероятно, отражает существование локальных групп населения (небольших племен или кланов) (Матренин С.С., 2005б; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016). Выделяются погребальные комплексы местной элиты, а также захоронения воинов, демонстрирующие достаточно высокий уровень милитаризации кочевников региона. В целом, племена, населявшие Алтай в предтюркское время, представляли собой сложную общность, своего рода конфедерацию, характеризующуюся многоуровневой структурой. Судя по всему, переселение семейств Ашина произошло как раз в то время, когда местное население, находившееся на довольно высоком уровне развития, не было консолидировано.

⁵³ В ходе недавних полевых работ на территории Западной Монголии были раскопаны тюркские «поминальные» объекты, датировка которых на основании характерных конструкций, а также обнаруженных предметов может быть предварительно определена в рамках 2-й половины V – VI в. н.э. (Турбат Ц. и др., 2016). Эти данные свидетельствуют о том, что обозначенный регион входил в область формирования культуры кочевников, а также позволяют рассчитывать на получение подобных материалов в ходе будущих исследований.

Далее обратимся к возможностям социальной интерпретации археологических материалов раннего кызыл-ташского этапа археологической культуры тюрок (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.). Погребения этого периода, раскопанные на некрополях Усть-Бийке-III, Яконур, Верх-Еланда-I, Ороктой, Боротал, Узунтал-I (Грязнов М.П., 1940; Савинов Д.Г., 1982; Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003б; Кубарев Г.В., 2005), гораздо менее представительны в количественном отношении. Кроме того, известна серия «поминальных» объектов, материалы которых имеют большое значение для исследования процессов культурогенеза, но малоинформативны в рамках социальных реконструкций.

Результаты раскопок погребальных комплексов тюрок Алтая кызыл-ташского этапа демонстрируют сравнительно низкий уровень социальной дифференциации оставившего их населения. Памятники немногочисленны и разрознены, характеризуются вариабельностью норм обрядовой практики. Следует отметить наибольшую простоту в оформлении погребальных конструкций. Курганные насыпи чаще всего представляли собой одно- или двухслойную каменную наброску; не зафиксировано ни одного случая сооружения крепиды или ограды. Определенное распространение получили впускные погребения, что является характерным признаком для периодов, когда происходит сложение традиций. Другим объяснением появления таких объектов является нестабильность политической ситуации, также обусловленная процессами формирования новой общности кочевников. Вместе с тем к середине VI в. происходит сложение стандарта погребальной практики, характерной для дальнейших этапов развития археологической культуры тюрок. Кроме того, появляются погребения профессиональных воинов, отличавшиеся представительным набором предметов вооружения (Грязнов М.П., 1940; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003б; 2005).

В целом, обозначенные археологические материалы вполне адекватно отражают период становления традиций новой общности, постепенной консолидации кочевников и сложения многокомпонентного политического и социального образования. Последующие этапы социогенеза тюрок происходили уже не только на Алтае – в них, помимо соседних кочевых племен, были включены значительные группы населения на отдаленных территориях.

Одним из ключевых событий раннесредневековой истории Центральной Азии стало создание в 545–552 гг. Первого Тюркского каганата, объединившего большое количество разноэтничных племен. Перипетии политической истории тюрок, связанные с формированием кочевой империи, активной военной экспансией и внутренними междоусобицами, представлены в письменных источниках и достаточно подробно рассмотрены исследователями (Кляшторный С.Г., 2003, с. 90–95; Гумилев Л.Н., 1967, с. 9–245; и мн. др.). Период гегемонии номадов продолжался недолго. Крушение восточной (центральноазиатской) части политического объединения тюрок произошло в 630 г. В 650 г. в результате похода китайского экспедиционного корпуса было ликвидировано последнее тюркское владение в Алтайский горах, основанное Чеби-каганом.

Анализ сведений письменных источников, а также рассмотрение общей логики развития кочевой империи позволяют утверждать, что основным направлением эволюции социальной системы тюрок во 2-й половине VI в. стало ее усложнение за счет включения многочисленных племен и групп населения в результате активной военной экспансии номадов. Судя по имеющейся информации, в ряде случаев тюрки не меняли основ организации подчиненных социумов, в том числе сохраняли местную элиту, однако оставляли на покоренных территориях. Кроме того, важным процессом стали усиление консолидации собственно тюркского социума в условиях необходимости контроля подчиненных племен и при этом неизбежность дисперсного расселения немногочисленных кочевников, вынужденных удерживать обширные территории.

Археологические материалы иллюстрируют эти и другие процессы лишь отчасти. Основной характеристикой погребальных и «поминальных» памятников эпохи Первого каганата является их немногочисленность, на первый взгляд, идущая вразрез с логикой исторических событий. Действительно, период высшего могущества тюрок, распространивших свою власть на значительные территории, получил отражение в археологических материалах весьма фрагментарно. Вместе с тем погребальные комплексы, а также в меньшей степени объекты поминального характера имеют большое значение как для подтверждения сведений письменных источников, так и для конкретизации отдельных аспектов социальной истории кочевников.

Большая часть погребальных комплексов тюрок эпохи Первого каганата (2-я половина VI – 1-я половина VII в.) раскопана на территории Алтая (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941; Гаврилова А.А., 1965; Могильников В.А., 1990; Худяков Ю.С., Кочевев В.А., 1997; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998; Кубарев Г.В., 2011; и др.). Очевидно, это отражает статус данной территории не только как места формирования культуры, но и как базы для первых военных походов кочевников. За пределами Алтая захоронения тюрок довольно немногочисленны. Всего несколько таких объектов исследованы на территории Тувы (Грач А.Д., 1960а, с. 33–36, рис. 35–38; Вайнштейн С.И., 1966б, с. 302–303; Трифонов Ю.И., 1971, рис. 5). Судя по имеющимся материалам, пока отсутствуют раскопанные захоронения кудыргинского этапа в Монголии. Небольшая серия погребений эпохи Первого каганата исследована в различных районах Средней Азии и Казахстана (Спришевский В.И., 1951; Бернштам А.Н., 1952, с. 81–83; Кибиров А.К., 1957, с. 86–87; Кадырбаев М.К., 1959, с. 184–186; Винник Д.Ф., 1963, с. 87; Курманкулов Ж.К., 1980; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 15–16; и др.). Кроме того, особая группа захоронений эпохи Первого каганата, демонстрирующая сложение локального варианта культуры тюрок, зафиксирована на территории Минусинской котловины (Киселев С.В., 1929; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999; Худяков Ю.С., 1999а).

Относительная немногочисленность погребений тюрок 2-й половины VI – 1-й половины VII в., в некоторой степени понятная для предшествующего периода (формирование культуры, становление традиций обряда и др.), сложно объяснима для комплексов эпохи Первого каганата, отражающих историю общности кочевников в период ее наивысшего могущества. Нельзя исключать, что памятники данного этапа в силу различных причин еще не исследованы. В данном случае, главным образом, следует учитывать слабую изученность Монголии, где находился центр каганата и, соответственно, должна наблюдаться наибольшая степень концентрации археологических комплексов.

Другое вероятное объяснение ограниченного количества памятников тюрок, датируемых 2-й половиной VI – 1-й половиной VII в., связано с высокой подвижностью кочевников, обусловленной в том числе активной военной экспансией, осуществлявшейся в это время. Не исключено, что на территориях, ставших периферией Первого Тюркского каганата (Алтай, Тува, Минусинская котловина), находилась лишь часть населения. Возможным свидетельством военных походов, увлекших значительную часть кочевников на отдаленные территории, является распространение на ранних этапах тюркской культуры разного рода погребально-поминальных комплексов – кенотафов, а также каменных оградок, по ряду показателей напоминающих «символические» погребения.

Так или иначе, обозначенные характеристики погребальных комплексов тюрок эпохи Первого каганата существенно снижают возможности их социальной интерпретации. Дополнительным фактором, осложняющим наблюдения в указанном направлении, является унификация обрядовой практики кочевников, наблюдавшаяся уже в это время. При этом следует отметить, что стандартизация погребального ритуала отражает процессы консолидации кочевников, закономерность которых в данный период отмечена выше.

Материалы раскопок погребальных комплексов эпохи Первого каганата демонстрируют общее усиление социальной дифференциации общества кочевников. Фиксируются как захоронения с весьма скудным инвентарем, так и объекты, предметный комплекс которых отражает достаточно высокое прижизненное положение умершего человека. Среди престижных категорий изделий из отдельных погребений отметим поясные наборы (Кибилов А.К., 1957; Курманкулов Ж.К., 1980; и др.), украшения конской амуниции и снаряжения человека, а также элементы костюма (Гаврилова А.А., 1965; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1997, 2000) (рис. 93). Показателем динамики структуры общества тюрок стало распространение захоронений профессиональных воинов, в которых зафиксирован представительный набор вооружения (Гаврилова А.А., 1965).

Иллюстрацией усложнения социума кочевников является формирование «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрок. Это демонстрирует продолжающиеся процессы сложения общности кочевников. Особое значение в этом плане имеет то, что одним из компонентов локального варианта на Среднем Енисее были, судя по имеющимся материалам, носители традиций булан-кобинской культуры Алтая предтюркского времени, ставшие, таким образом, частью этносоциального организма (Серегин Н.Н., 2014; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016). Детализация этих процессов затруднительна в связи с ограниченностью археологических комплексов, однако представляется возможным предположить, что на подобных периферийных территориях устанавливались формы социальной и политической организации, схожие с таковыми в центре каганата.

Несмотря на обозначенные процессы трансформации общества тюрок эпохи Первого каганата, следует признать, что большая часть погребений 2-й полови-

Рис. 93. Бронзовые украшения костюма и снаряжения из комплекса Кудыргэ. Государственный Эрмитаж. Фото Н.Н. Серегина

ны VI – 1-й половины VII в. принадлежит рядовым членам социума. Некоторую информацию об элите номадов данного периода предоставляют материалы исследований мемориальных комплексов на территории Монголии. Такого рода объекты, относящиеся к эпохе Первого каганата, весьма немногочисленны и изучены далеко не полно, однако очевидно, что они представляют собой важный источник для реконструкции особенностей социальной системы раннесредневековых тюрков.

Судя по имеющимся материалам (Войтов В.Е., 1996, с. 27–30; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006, с. 33–66), мемориальные комплексы элиты тюрков Монголии 2-й половины VI – 1-й половины VII в. представляли собой довольно сложные и масштабные сооружения, включавшие такие конструктивные элементы, как вал, ров, каменная насыпь, ряд балбалов, а также остатки своего рода храмов, от которых сохранились многочисленные обломки черепицы и основания деревянных колонн. На сегодняшний день одним из немногих, если не единственным, мемориальным памятником Монголии, уверенно датируемым эпохой Первого каганата, является Бугутский комплекс, важная часть которого – известная стела с надписями на согдийском языке и санскрите (рис. 94). Различным аспектам интерпретации данного объекта посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных исследователей (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971; Коренько В.А., 2001; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006, с. 39–54; Bazytkhan N., 2011; Drompp M.R., 2011; и др.), поэтому ограничимся рассмотрением лишь наиболее важных характеристик данного памятника, показательных для исследования социальной истории раннесредневековых тюрков.

Прежде всего, следует отметить, что в надписи на Бугутской стеле, относящейся к последней четверти VI в., приведена некоторая информация о специфике устройства тюркского общества. Автору надписи социально-политическая иерархия кочевников представляется следующим образом: каган, его сородичи, шадапыты, тарханы, куркапыны, тудуны, конные воины, народ в целом (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 132).

Специфика Бугутской стелы заключается в согдийской и санскритской надписях, появившихся в отсутствии тюркской рунической письменности в VI в. (Коренько В.А., 2001, с. 363). Важная роль согдийцев и их высокие позиции в социально-политической системе Первого каганата отражены уже китайскими летописцами (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 143–144). Включение группы иноземцев в иерархию номадов лишний раз демонстрирует сложность и многокомпонентность последней.

Особого рассмотрения заслуживает также проблема определения степени влияния Китая на формирование и первоначальное становление социально-политической системы тюрков. Данный вопрос представляет собой самостоятельную тему для исследования, и решение его осложняется ограниченностью имеющихся материалов. Вместе с тем нет никаких сомнений в том, что влияние китайской культуры на общество номадов, особенно на элиту кочевников, было весьма ощутимым. Некоторые сведения в указанном направлении предоставляют материалы исследований археологических объектов. Так, рассмотренные выше мемориальные памятники элиты 2-й половины VI – 1-й половины VII в. демонстрируют высокую степень подражания традиционным китайским комплексам. По заключению В.А. Коренько (2001, с. 365–366), Бугутская стела, как и подобные ей более поздние поминальные объекты Монголии, является уменьшенным и несколько упрощенным воспроизведением китайских стел, получивших распространение в Поднебесной империи уже с VI в. (рис. 95).

Таким образом, социальная организация тюрков в эпоху Первого каганата предстает как сложная система, включающая различные компоненты. Археологические материалы отражают процессы трансформации общества кочевников крайне фрагментарно, однако дополнение этих отрывочных данных сведениями письменных источников позволяет сформировать более или менее объективную картину развития социума кочевников.

Следующим периодом в истории тюрков, который также можно рассматривать как особый этап социогенеза номадов, является время их зависимости от Китая после

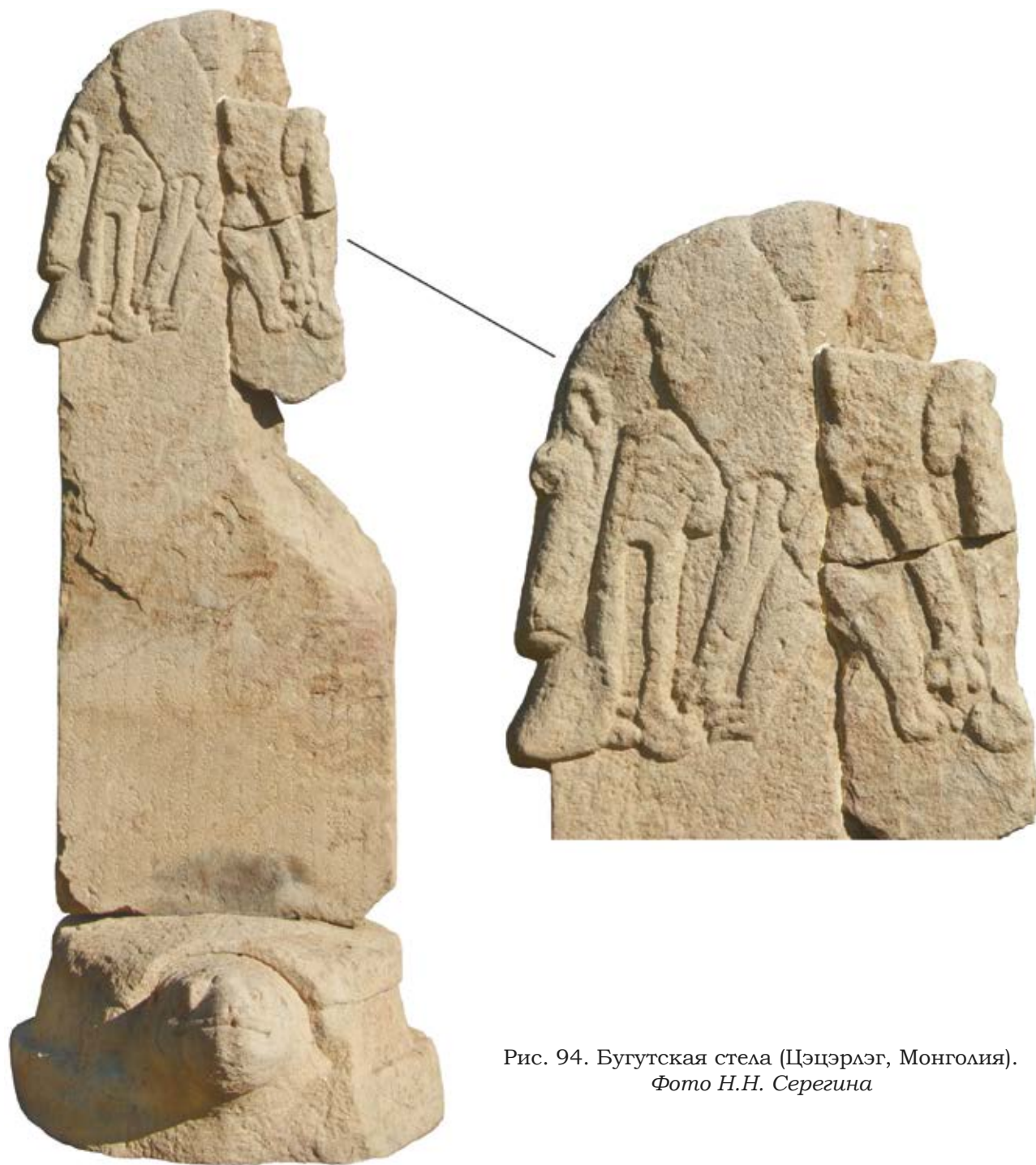

Рис. 94. Бугутская стела (Цэцэрлэг, Монголия).
Фото Н.Н. Серегина

крушения Восточного каганата в 630 г. Изменения социально-политической организации кочевников, происходившие в этот период, связаны с процессом «встраивания» в административную систему Поднебесной империи. Из династийных хроник известно, что, согласно решению императора, тюрков было решено использовать для охраны границ, а также в ходе дальнейших военных походов (Бичурин Н.Я., 1950, с. 256–258). Эта информация находит подтверждение в рунических текстах, созданных уже в период существования Второго Тюркского каганата и сообщающих, что номады «стали рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством», «пятьдесят лет служили табгачскому правителю и отдавали свои духовные и физические силы» (Малов С.Е., 1951, с. 37; Тугушева Л.Ю., 2008, с. 39–40). Включение кочевников в военно-административную систему Китая сопровождалось соз-

Рис. 95. Буддийская стела из коллекций музея Метрополитен (Китай, Северная Вэй, 529 г. н.э.).
Фото Н.Н. Серегина

данием двух наместничеств, находившихся под управлением китайских чиновников (Кляшторный С.Г., 2003, с. 95–97; Гумилев Л.Н., 1967, с. 208–209). При этом сохранялись значение и высокое положение представителей прежней элиты номадов, получивших соответствующие должности (Кычанов Е.И., 2010, с. 115).

Имеющиеся источники не позволяют подробно рассмотреть изменения социальной системы тюрок в период зависимости от Поднебесной империи. При оценке этих процессов следует учитывать, что тесное и разноплановое взаимодействие с Китаем к этому времени имело уже давнюю историю, некоторые аспекты которой отражены выше. К примеру, показательна активная внешняя политика правителей династии

Суй, состоявшая в целенаправленной системе подкупов-подарков представителям элиты номадов, заключении междинастийных браков и др. Не меньшее значение имело проникновение в среду кочевников (причем здесь уже имеются в виду не только представители высших слоев общества) различных элементов китайской культуры. Весьма ярко и образно влияние Поднебесной империи отражено в рунических текстах VIII в., сообщающих о «коварных, хитрых и склонных к обману» чужеземцах, а также о «сладких речах и мягких шелках», которые обрекли на гибель тюркский народ (Малов С.Е., 1951, с. 34–35; Тугушева Л.Ю., 2008, с. 36, 39). Поэтому, учитывая обозначенные факторы, представляется возможным утверждать, что коренной перестройки социальной системы тюрков в 630–679 гг. не произошло; принципиальные изменения наблюдались скорее в области административного устройства и политической организации. При этом достаточно сложно оценить ситуацию на периферии бывшего каганата. Судя по всему, на окраинах кочевых империй, в том числе на территории Алтае-Саянского региона, разобщенные племена номадов сохранили значительную степень независимости, находясь на отдалении от крупных оседло-земледельческих и военных центров.

До недавнего времени археологические материалы предоставляли крайне мало информации для детализации обозначенных процессов. Анализ раскопок погребальных комплексов тюрков Алтая и сопредельных территорий, относящихся к VII в., не позволял выделять объекты, отражающие какое-либо влияние китайской культуры, за исключением весьма немногочисленных для этого периода импортных изделий из Поднебесной империи. Лишь в последние годы появились весьма интересные археологические комплексы, в некоторой степени иллюстрирующие этот период истории кочевников.

Речь идет о двух памятниках, исследованных в Центральной Монголии в 2009 и 2011 гг. – Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I) (Данилов С.В. и др., 2010; Бураев А.И., 2012, 2015) и Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) (Алтынбеков К., 2011; Очир А. и др., 2013)⁵⁴ (рис. 96–100). Нет сомнений, что изучение результатов раскопок этих комплексов, не имеющих аналогий в раннесредневековой археологии, только начинается, а интерпретация полученных материалов является предметом отдельной работы. Вместе с тем уже накоплен определенный опыт изучения обозначенных комплексов (Серегин Н.Н., 2015б; 2017). Судя по имеющимся сведениям, эти памятники не оставлены непосредственно тюрками – по крайней мере, первый из упомянутых объектов, в ходе изучения которого зафиксирована эпитафия, выполненная китайскими иероглифами и обнаруженная на двух плитах перед входом в погребальную камеру (Очир А. и др., 2013а, с. 97–126; Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц., 2015, с. 457–462). Анализ текста позволил установить, что гробница была возведена для главы племени Пугу, находившегося на службе у танского императора и имевшего довольно высокий военно-административный статус. Вместе с тем «элитные» памятники могут быть использованы для рассмотрения общих тенденций истории обществ номадов в середине – 3-й четверти VII в.

Материалы раскопок обозначенных объектов не просто демонстрируют высокую степень влияния китайской культуры на кочевников Монголии, но и по сути являются скорее китайскими. Конструктивные особенности комплексов (крупная земляная насыпь, длинный и довольно глубокий коридор-дромос, ведущий в подземный склеп, общая меридиональная ориентировка со входом на юге и др.), глиняные и деревянные фигурки стоящих людей и всадников, изображения на стенах дромоса и др. – все это весьма характерно для погребальных традиций элиты Поднебесной империи. «Кочев-

⁵⁴ В отечественных, монгольских и англоязычных публикациях, в том числе подготовленных авторами раскопок, наблюдается разноречивость в обозначении рассматриваемых «элитных» комплексов тюркского времени. Во избежание путаницы в монографии используются развернутые наименования объектов.

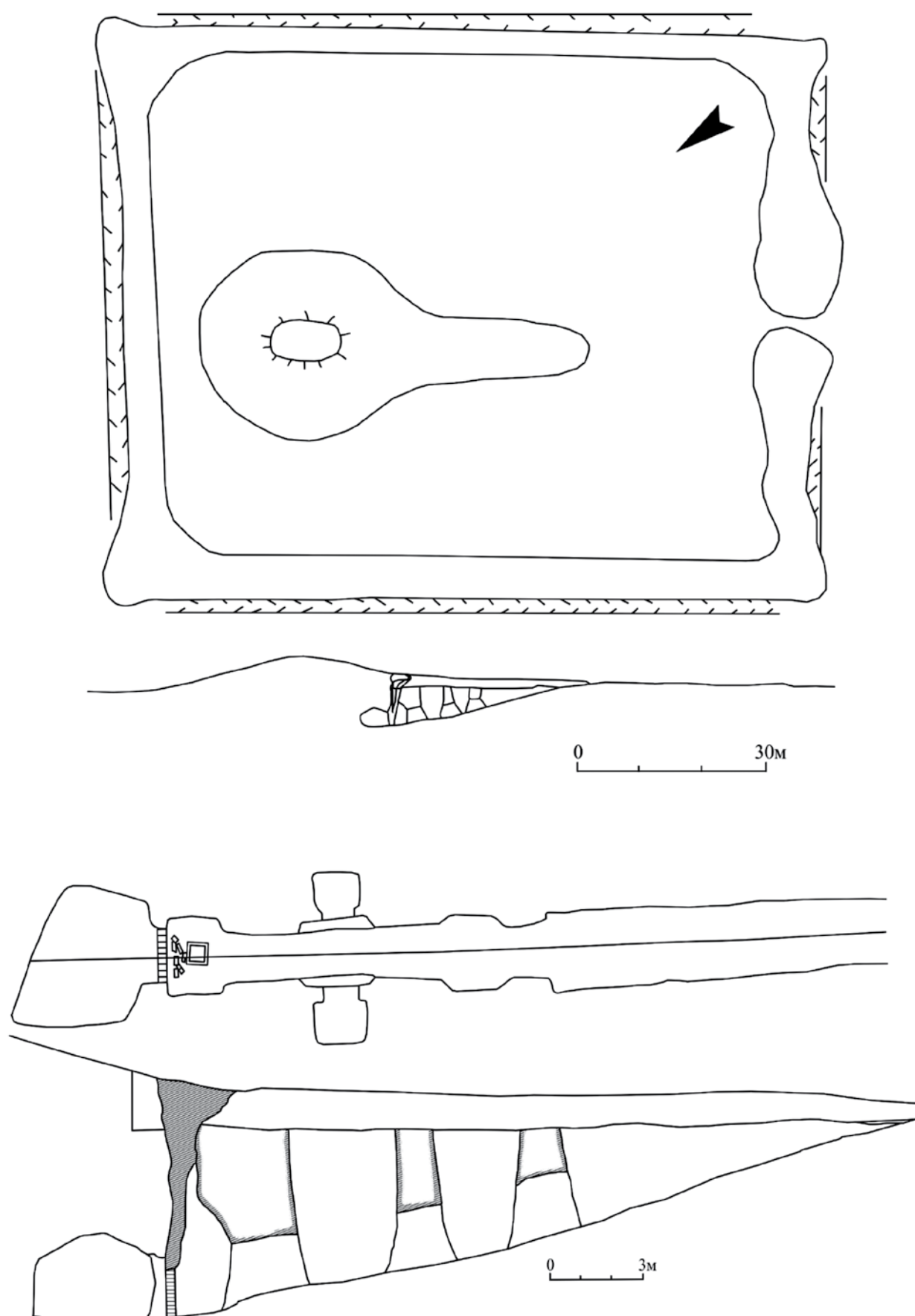

Рис. 96. Элементы конструкций комплекса Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I)
(по: Очир А. и др., 2013а, з. 3–4)

Рис. 97. Некоторые находки из комплекса Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I)
(по: Очир А. и др., 2013а, з. 32, 38, 87)

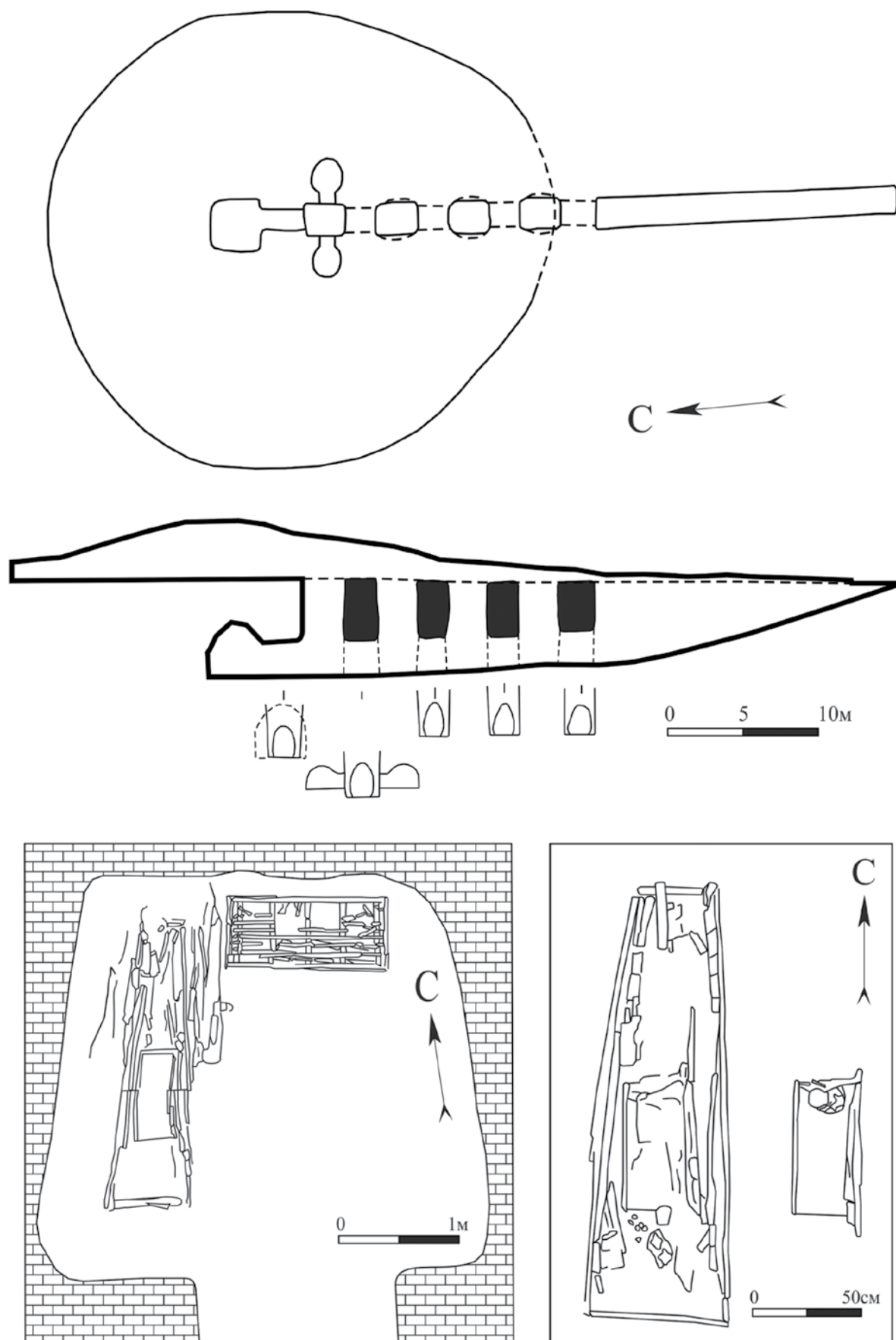

Рис. 98. Элементы конструкций комплекса Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул)
(по: Очир А. и др., 2013б, з. 5, 13)

Рис. 99. Живопись на стенах дромоса комплекса Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул)
(по: Очир А. и др., 2013б, з. 14, 23)

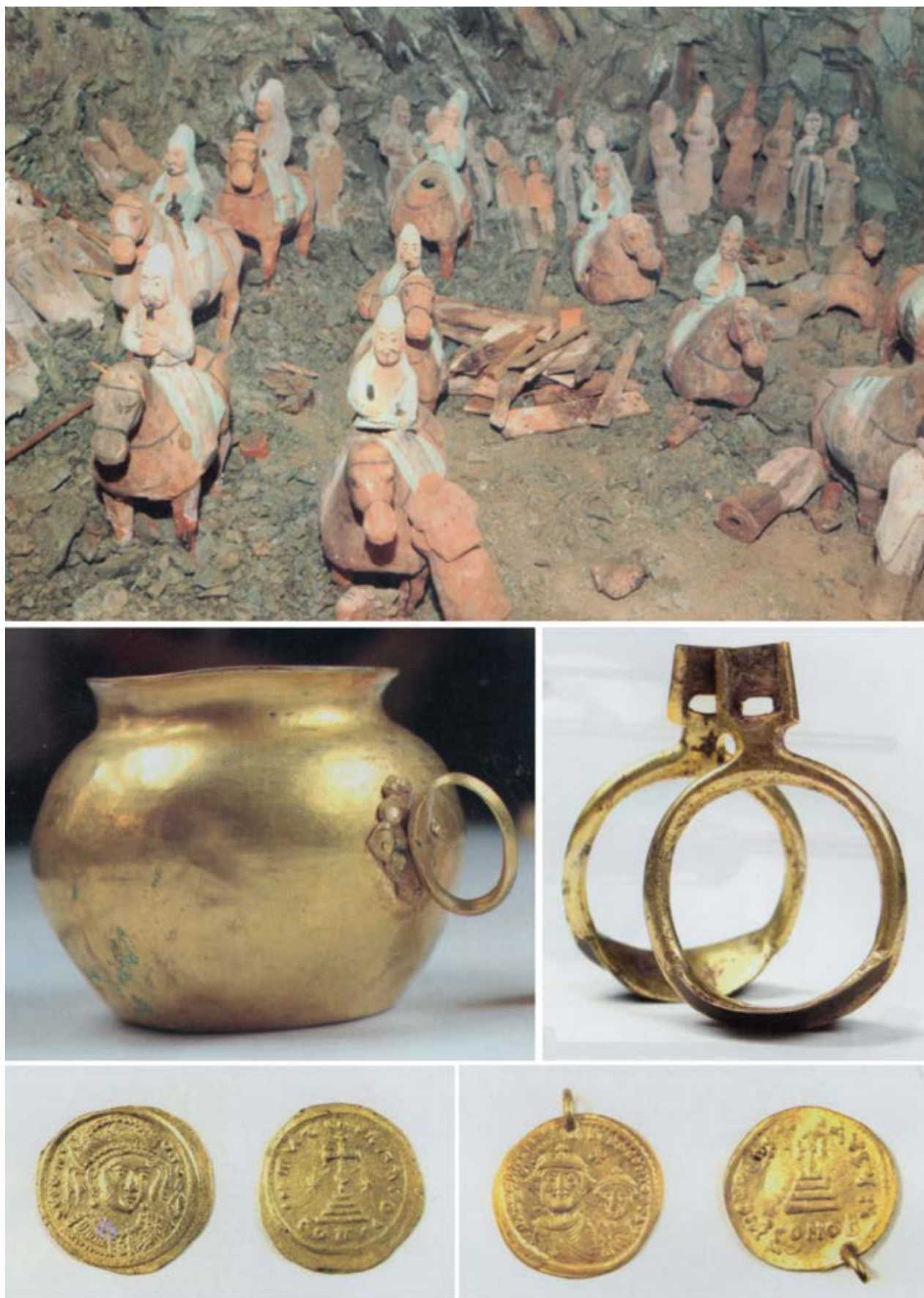

Рис. 100. Некоторые находки из комплекса Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул)
(по: Очир А. и др., 2013б, з. 36, 51, 55, 58)

Рис. 101. Золотая диадема Бильге-кагана. Монгольский национальный исторический музей.
Фото Н.Н. Серегина

нический» облик имеют лишь некоторые предметы инвентаря из мавзолея Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) (Очир А. и др., 2013, 58 дугаар зураг).

Обозначенные характеристики «элитных» комплексов Монголии в полной мере отражают историческую ситуацию, зафиксированную в письменных источниках и в общем виде представленную выше. Судя по всему, эти объекты были сооружены для представителей высшего уровня иерархии в областях, населенных кочевниками, но находившихся в подчинении у императоров Поднебесной империи. Детализировать процессы взаимодействия номадов с Китаем позволит дальнейшее изучение эпиграфии из мавзолея Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I), а также исследование других подобных объектов.

Политическая зависимость тюрков от Китая продолжалась сравнительно недолго. В 679–689 гг. кочевники в результате упорной борьбы восстановили каганат. Наивысшие подъемы политического могущества Второго Тюркского каганата относятся к 691–716 и 721–734 гг. (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 101, 109). При этом непродолжительное время существования кочевой империи (до 744 г.) было наполнено постоянными военными столкновениями практически на всех направлениях – как с другими кочевыми племенами, так и с Китаем. Несмотря на короткие периоды стабильности, именно в это время в каганате сложились те формы организации общества, которые наиболее подробно известны из рунических текстов. Различные стороны социальной организации номадов Второго Тюркского каганата по письменным источникам неоднократно рассматривались исследователями (Бернштам А.Н., 1946; Ганиев Р.Г., 2006; Кычанов Е.И., 2010, с. 114–144; и др.), поэтому имеет смысл обратиться к более фрагментарно изученным в этом отношении археологическим материалам.

К периоду существования Второго Тюркского каганата относится большая часть исследованных погребальных комплексов, предоставляющих значительный объем информации для реконструкции различных аспектов социальной истории кочевников. Материалы раскопок памятников этого периода демонстрируют наивысшую степень сложности общества, по сравнению с захоронениями предшествующего времени. Погребальные комплексы последней трети VII – 1-й половины VIII в. отражают существование различных слоев населения, а также гендерную, возрастную и профессиональную дифференциацию социума кочевников. По сути, большая часть наблюдений и выводов, сделанных в области исследования структуры и организации общества тюрок по материалам погребальных комплексов, основана на результатах анализа памятников данного периода.

Важным показателем развития общества тюрок, которое наглядно демонстрируют материалы погребальных комплексов эпохи Второго Тюркского каганата, является дифференциация социума, связанная с неодинаковым «статусом» племен кочевников, проживавших на различных территориях. Вероятно, такая ситуация была обусловлена сложным этническим составом общности кочевников в рассматриваемое время. Так, наиболее «элитные» погребальные комплексы 2-й половины VII – 1-й половины VIII в. раскопаны на территории Алтая (Савинов Д.Г., 1994в; Могильников В.А., 1997а; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003; и др.). Серия сопоставимых объектов, материалы которых, однако, несколько менее представительны, исследована в Туве и Монголии (Боровка Г.И., 1926; Евтюхова Л.А., 1957; Грач А.Д., 1958; Длужневская Г.В., 2000). В период существования Второго Тюркского каганата наиболее полно раскрылся периферийный характер общества тюрок на территории Минусинской котловины. Показателем такой ситуации является почти полное отсутствие в погребениях «престижных» категорий предметов, в том числе импортных изделий. Вместе с тем в указанном регионе также существовала местная элита, наличие которой демонстрируют материалы раскопок отдельных комплексов (Тетерин Ю.В., 1999).

Также периодом Второго Тюркского каганата датируется большая часть мемориальных комплексов знати, изученных на территории Монголии (Войтов В.Е., 1996; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006) (рис. 101). По наблюдениям В.Е. Войтова (1996), материалы исследований этих памятников отражают дифференциацию элиты кочевников, о чем свидетельствует вариативность фиксируемых конструктивных элементов сложных сооружений. Такая ситуация подтверждается сведениями о титулатуре кочевников, приведенными в тюркских рунических текстах, которые обнаружены на отдельных мемориальных комплексах. Рассматриваемые памятники демонстрируют сохраняющееся влияние культуры Китая на элиту тюрок. Хрестоматийными можно считать сведения о том, что в сооружении, по крайней мере, нескольких объектов приняли участие китайские мастера (Малов С.Е., 1951; Тутушева Л.Ю., 2008).

Увеличение количества мемориальных комплексов знати, расположенных в центре каганата, является не только показателем трансформации общества кочевников, но также демонстрирует рост числа представителей высших уровней военно-политической иерархии. Процесс «перепроизводства элиты» – явление, известное не только для тюрок, но также и для других кочевых империй Центральной Азии (Крадин Н.Н., 2001, с. 221; 2006, с. 507–508; Васютин С.А., 2005а, с. 58; 2010, с. 53), – мог стать одной из причин кризисных явлений, приведших к краху Второго каганата.

После падения каганата в 744 г. тюрки вошли в состав политических объединений уйгуров (745–840 гг.) и кыргызов (840 – около 950 гг.). Политическая и социальная общность кочевников была разрушена. Номады продолжали существовать в виде обособленных групп, статус которых определялся степенью включения территории, на которой они проживали, в бурные процессы борьбы за гегемонию в Центральной Азии. Так, Монголия, Тува и Минусинская котловина были регионами, в которых в разное

время располагались политические центры уйгуров и кыргызов, поэтому возможности консолидации общества тюрок в указанных областях были весьма ограничены. Значительно большей степенью самостоятельности обладали номады Алтая, не вовлеченные в перипетии перманентного противостояния кочевых племен в последней четверти I тыс. н.э. Судя по всему, обозначенный регион не вошел в состав Уйгурского каганата и был присоединен к государству кыргызов лишь номинально (Кубарев Г.В., 1998б, с. 292–293; Тишкин А.А., 2007, с. 199–200; Худяков Ю.С., 2007а, с. 129).

Данная ситуация в полной мере находит подтверждение в археологических материалах, которые в условиях почти полного отсутствия письменных источников по истории тюрок 2-й половины VIII – XI в. становятся основой для наблюдений о специфике существования общества номадов. Именно на территории Алтая в рассматриваемый период исследована большая часть известных погребальных и «поминальных» памятников. Важным показателем является сохранение в указанном регионе местной элиты, что демонстрируют материалы раскопок серии «богатых» погребений (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941). В этих и других захоронениях обнаружены «престижные» категории материальной культуры, в том числе предметы импорта. Вместе с тем памятники, исследованные на территории Алтая и в сопредельных регионах, отражают процессы «размывания» общества тюрок, влияния со стороны других групп номадов и постепенного упадка рассматриваемой общности кочевников. Показателем этих процессов можно считать как новации в предметном комплексе, так и отдельные изменения, фиксируемые в погребальной обрядности. Частным примером является распространение на территории Алтая, Монголии и Тувы «одинокых» погребений (без лошади) (Грач А.Д., 1968; Трифонов Ю.И., 2000; и др.) и скальных захоронений (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1997; Соенов В.И. и др., 2002; Турбат Ц., Батсук Д., Батбаяр Т., 2010; и др.), большая часть из которых относится к поздним этапам истории тюрок.

Сведения об истории тюрок в X–XI вв. практически полностью отсутствуют. В целом, данный период стал временем постепенного затухания традиций культуры кочевников и дезинтеграции сохранявшихся элементов социальной системы кочевников на отдельных территориях.

Таким образом, динамика социальной системы тюрок Алтая и сопредельных территорий в значительной степени определялась спецификой политической ситуации на этих территориях. На формирование и трансформации общества номадов оказали серьезное влияние как традиции кочевников предтюркского времени, так и специфика социально-политического устройства могущественного соседа – Поднебесной империи. В свою очередь, тюрки заложили основы для существования Уйгурского и Кыргызского каганатов, определив вектор развития кочевой цивилизации в регионе на несколько столетий.

ГЛАВА IV

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ АЛТАЯ КЫРГЫЗСКОГО ВРЕМЕНИ И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

4.1. Общество кыргызов на Алтае

Судя по имеющимся материалам, появление раннесредневековых кыргызов на Алтае произошло в середине – 2-й половине IX в. н.э. Очевидно, это было связано с разгромом в 840 г. Уйгурского каганата и распространением кыргызов на обширные пространства Центральной Азии.

Каких-либо системных данных о более раннем проникновении кочевников рассматриваемой общности на Алтай не известно. Одним из возможных свидетельств такого плана является комплекс Кок-Эдиган, расположенный в северной части региона и раскопанный Южно-Сибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН под руководством Ю.С. Худякова (1995; 2003а) в 1995 г. В захоронении, совершенном по обряду кремации, зафиксирован инвентарь, который, по мнению автора раскопок, позволяет датировать объект в рамках XI–XII вв. н.э. и отнести его к культуре кыргызов (Худяков Ю.С., 2003а, с. 102). Вместе с тем необходимо обратить внимание на значительно более ранние аналогии отдельным изделиям из данного памятника. Наиболее показательными в этом плане являются крупные железные кольчатые витые псалии, получившие распространение на Алтае и сопредельных территориях начиная с конца IV – V в. н.э. (Вайнштейн С.И., 1970, рис. 51.-8–9; Илюшин А.М., 2000, рис. II.-5; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-14; Серегин Н.Н., Васютин С.А., 2020, рис. 3.-1, 4), а также стремя, морфологические характеристики которого (неширокая подножка, округлый проем, образованный дужками и др.) позволяют отнести данную находку ко 2-й половине VI – VII в. н.э.⁵⁵ На достаточно раннюю датировку захоронения могильника Кок-Эдиган указывает также коленчатый кинжал «уйбатского» типа (Кубарев Г.В., 2008а, с. 71–72). Таким образом, рассматриваемое погребение может быть отнесено ко 2-й половине VI – началу VIII в. Культурная интерпретация этого комплекса, демонстрирующего распространение на Алтае носителей традиции захоронения умерших по обряду кремации задолго до включения региона в состав Кыргызского каганата, требует отдельного исследования.

⁵⁵ Важно отметить, что в захоронении кургана №1 некрополя Кок-Эдиган обнаружено только одно стремя, что характерно для комплексов раннего кызыл-ташского этапа (2-я половина V – 1-я половина VI в.) в развитии культуры тюрок Алтая (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002, с. 45; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011б, с. 21). На сопредельных территориях (Тува, Минусинская котловина, Средняя Азия) данная традиция получила распространение в памятниках 2-й половины VI – 1-й половины VII в. н.э. (Киселев С.В., 1929, табл. V.-12; Винник Д.Ф., 1963, с. 87; Вайнштейн С.И., 1966б, с. 303; Трифонов Ю.И., 1971, рис. 5; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, рис. 16.-19, 22; 17.-12; Худяков Ю.С., 1999а, рис. 3).

Во 2-й половине IX – XI в. н.э. Алтай представлял собой окраину державы кыргызов, на непродолжительный период ставших гегемоном степей Центральной Азии. Принимая во внимание тот факт, что в обозначенном регионе продолжали проживать носители археологической культуры раннесредневековых тюрков, логично предположить, что включение последних в каганат произошло в мирной форме. Не исключено, что Алтай, отдаленный от торговых путей, не был стратегически важен для кыргызов и они ограничились номинальным контролем данной территории. Косвенным подтверждением данного тезиса является малочисленность памятников кыргызов в рассматриваемом регионе.

К настоящему времени на Алтае изучены 16 погребений раннесредневековых кыргызов (Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2014, с. 176–180) (рис. 102–103). Такие объекты, представленные захоронениями по обряду кремации, раскопаны на комплексах Ак-Таш (Кызласов И.Л., 1983, табл. XXXIII.-1–13; Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985, с. 162), Бажынты (Суразаков А.С., 1982, с. 124, рис. 2.-13, 14), Бийке (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 93–95, рис. 56), Кара-Коба-I (Могильников В.А., 1989; 1990, с. 149–152, рис. 19–21), Коргон-I (Дашковский П.К., 2001, с. 17, рис. 2–5), Узунтал-XIII (Савинов Д.Г., 1980, с. 62, рис. 1–2), Чинета-II (Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В., 2004, 2005; Дашковский П.К., 2014, 2015), Яконур (Грязнов М.П., 1940, с. 18). Основной характеристикой данных памятников, которую

Рис. 102. Карта-схема распространения памятников раннесредневековых кыргызов на территории Алтая:

1 – Ак-Таш; 2 – Бажынты; 3 – Бийке; 4 – Кара-Коба-I;
5 – Коргон-I; 6 – Узунтал-XIII; 7 – Чинета-II; 8 – Яконур

необходимо учитывать, рассматривая возможности их социальной интерпретации, является то, что они расположены в разных частях региона весьма дисперсно. При этом захоронения кыргызов Алтая, в отличие, к примеру, от показательных комплексов Тувы, не образуют крупных некрополей. Имеются все основания для предположения о том, что зафиксированная к настоящему времени ситуация не отражает реального расселения кочевников в конце I – начале II тыс. н.э., и в ходе будущих раскопок может

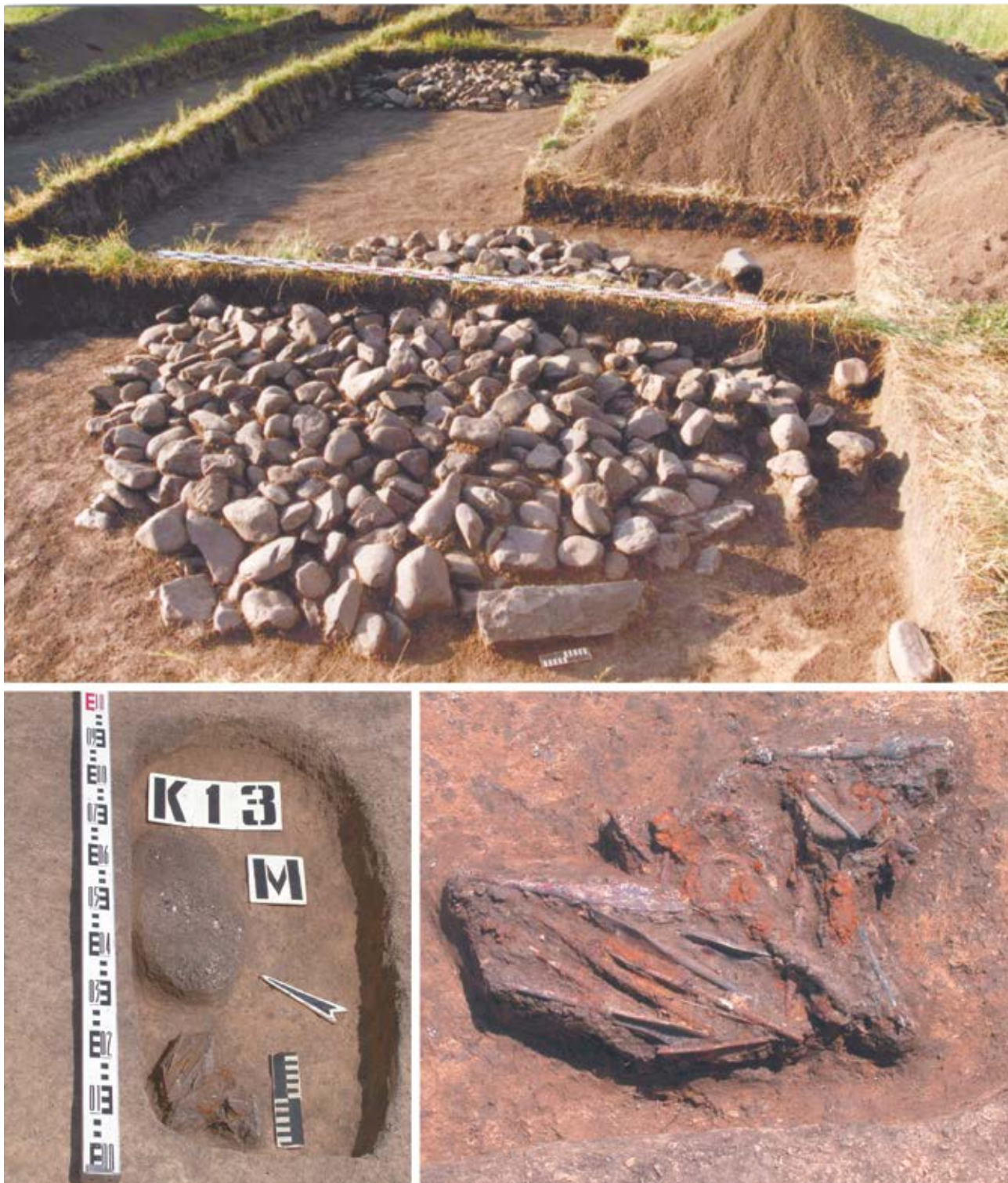

Рис. 103. Археологический комплекс Чинета-II. Наземная конструкция и погребение по обряду кремации (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011, с. 76; Дашковский П.К., 2015, фото 11, 18)

быть сформирован гораздо больший объем материалов. Однако имеющаяся на сегодняшний день источниковая база существенным образом ограничивает возможности социальных реконструкций.

Другим важным фактором, сужающим возможности исследования общества раннесредневековых кыргызов Алтая, является полное отсутствие антропологических определений материалов из захоронений. Определенные возможности изучения погребений по обряду кремации имеются (Добровольская М.В., 2010; Зеленцова О.В., Милованов С.И., Добровольская М.В., 2017), но они по разным причинам реализованы не были. В данном случае единственным основанием для установления пола умерших выступает сопроводительный инвентарь, который не всегда достаточно показателен в этом отношении.

Принимая во внимание обозначенные характеристики источниковой базы, следует признать, что любые построения, связанные с социальной интерпретацией археологических комплексов раннесредневековых кыргызов Алтая, носят предварительный и максимально общий характер. Вместе с тем представляется возможным сделать ряд наблюдений.

Большая часть комплексов раннесредневековых кыргызов Алтая представлена небольшими или средними по размеру каменными насыпями, под которыми совершены захоронения по обряду кремации (рис. 103). Единственным исключением в этом плане является курган №1 некрополя Яконур, который отличается значительной по размеру наземной конструкцией (23 м в диаметре), а также тем, что под ней выявлены три погребения. Параметры данного объекта стали одним из показателей, позволивших автору раскопок П.М. Грязнову (1940, с. 20) сопоставить центральную могилу комплекса с захоронением военачальника. Кроме того, на памятниках Кара-Коба-I и Чинета-II обнаружены впускные погребения раннесредневековых кыргызов, совершенные в насыпях более раннего времени (Могильников В.А., 1990; Дашковский П.К., 2014).

Имеющиеся материалы показывают, что при выделении «социальных маркеров» погребального обряда кыргызов Алтая в целом справедливыми являются заключения, сделанные на основе анализа памятников тюрков. Очевидно, это связано с общим «эпо-

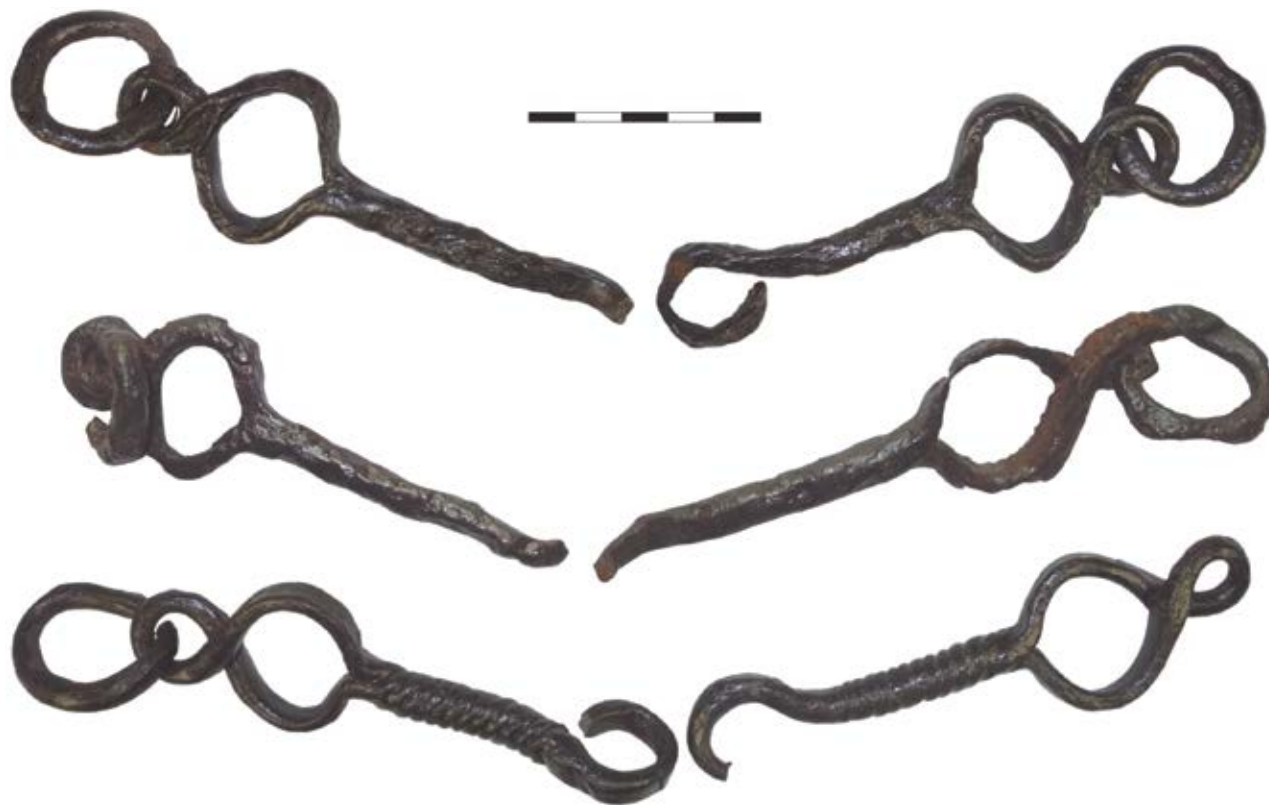

Рис. 104. Железные удила из комплекса Яконур. Государственный Эрмитаж. Фото Н.Н. Серегина

хальным» характером ритуальной практики номадов, а также с известной схожестью общественного устройства объединений кочевников 2-й половины I – начала II тыс. н.э. В данном случае имеется в виду, прежде всего, относительная значимость такого показателя, как объем трудозатрат на сооружение памятника. Кроме того, с учетом специфики источниковой базы по раннесредневековым кыргызам для них представляются применимыми выводы о наборе предметов сопроводительного инвентаря, входящих в «комплекс власти» (прежде всего, редкое оружие ближнего боя; возможно, плеть) и «комплекс богатства» (главным образом, предметы торовитики из цветных и драгоценных металлов).

Значительная часть находок из раскопанных погребений кыргызов Алтая, представленная распространенными предметами конского снаряжения (удила, псалии, стремяна, элементы седельной гарнитуры и др.) (рис. 104–105), орудиями труда (ножи, тесла, шилья и др.) (рис. 106–107) и различными бытовыми изделиями, не является

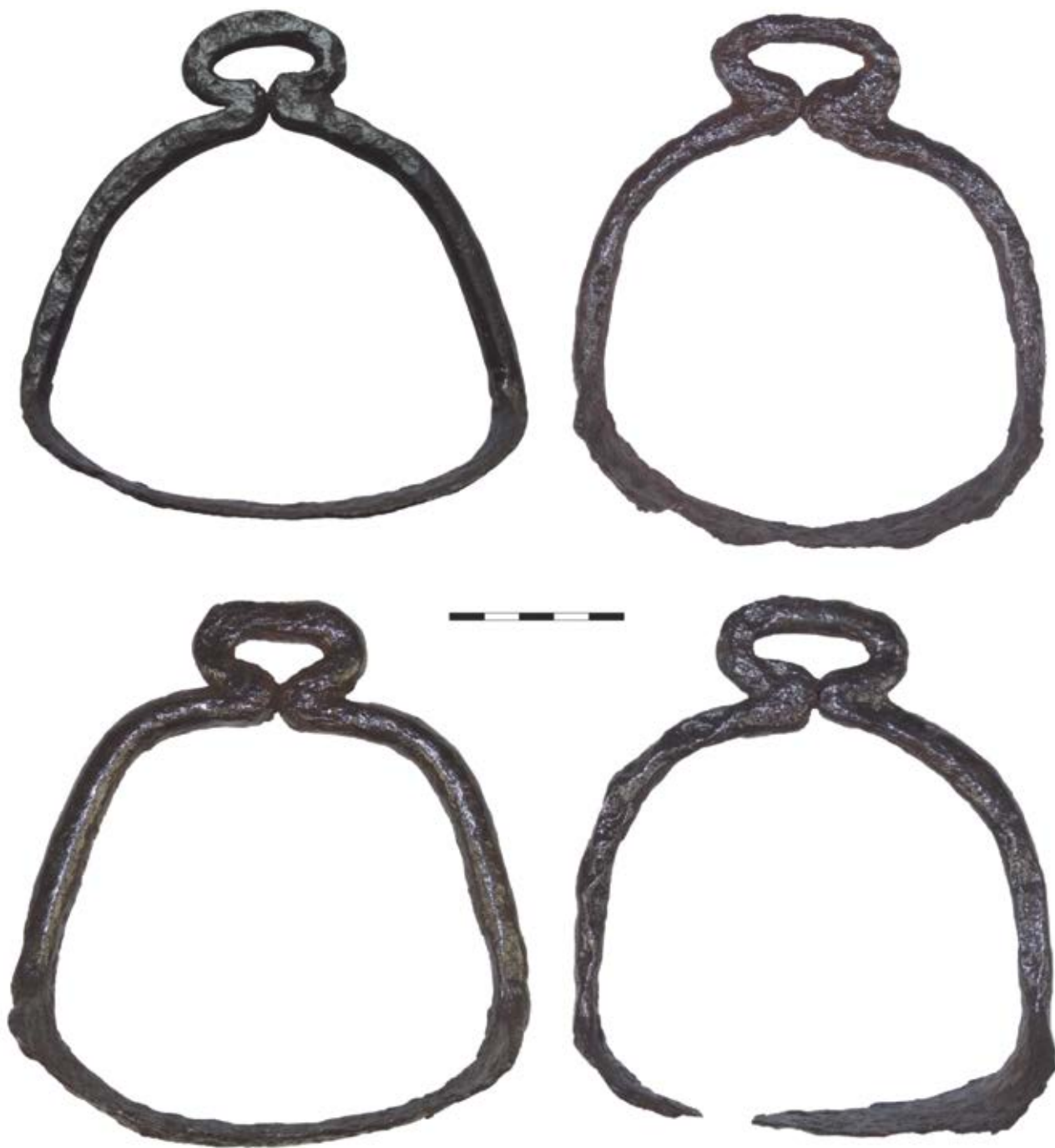

Рис. 105. Железные стремяна из комплекса Яконур. Государственный Эрмитаж. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 106. Железный нож из комплекса Чинета-II (по: Дашковский П.К., 2015, фото 19)

Рис. 107. Железное тесло из комплекса Чинета-II (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011, с. 72)

показательной для определения социального статуса индивида, демонстрируя принадлежность умершего к полноценным представителям общества кочевников. Довольно многочисленные наконечники стрел (рис. 108), скорее всего, маркируют захоронения мужчин-воинов, но также не выступают «социальными маркерами».

Несомненно, показателем высокого прижизненного статуса умершего человека был меч, обнаруженный в ходе раскопок центрального погребения кургана №1 комплекса Яконур (рис. 109). Отметим, что это единственная находка такого предмета из захоронений кыргызов Алтая. В третьей главе данной монографии уже рассматривался вопрос о редкости мечей, кинжалов и некоторых других подобных элементов вооружения ближнего боя в раннесредневековых комплексах центрально-азиатского

Рис. 108. Железные наконечники стрел из комплекса Чинета-II
(по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011, с. 73)

региона. Определенным показателем положения покойного из некрополя Яконур являлись три набора предметов конского снаряжения, а также 23 наконечника стрел (Грязнов М.П., 1940, с. 18). При этом полное отсутствие предметов торевтики может являться свидетельством того, что статус погребенного был связан только с воинской иерархией.

Другим примером комплекса с представительным инвентарем, включающим различные категории находок, является курган №12 памятника Чинета-II (Дашковский П.К., 2014, рис. 7; 2015, рис. 42–47). Наиболее показательными выступают следующие изделия: небольшой кинжал, навершие плети («комплекс власти») (рис. 110–111); предметы торевтики из бронзы («комплекс богатства») (рис. 112). Кроме того, в ходе раскопок обнаружен 21 наконечник стрелы, что демонстрирует принадлежность умершего человека к группе профессиональных воинов.

Анализ материалов раскопок памятников раннесредневековых кыргызов Алтая показывает, что далеко не все известные объекты связаны с захоронениями мужчин-воинов. Несмотря на отсутствие антропологических определений, выявленные наборы инвентаря позволяют предварительно обозначить погребения женщин, находившихся при жизни на различных уровнях социальной системы кочевников. Так, женскую часть условной элиты общества кыргызов в рассматриваемом регионе демонстрирует памятник Узунтал-XIII (Савинов Д.Г., 1980, с. 162, рис. 1–2). Предметный комплекс захоронения включал конское снаряжение, бытовые изделия, а также уникальную для Алтая бронзовую гривну с головами дракона на концах и другие украшения. Менее показательный инвентарь, вероятно, маркирующий женские погребения, отмечен в ходе раскопок отдельных объектов на некрополях Кара-Коба-I и Чинета-II (Могильников В.А., 1989; 1990, с. 149–152, рис. 19–21; Дашковский П.К., 2015, рис. 32–33, 40–42).

В целом, максимально схематично представляется возможным обозначить три основных уровня общества раннесредневековых кыргызов Алтая, получивших отражение в довольно фрагментарных материалах раскопок археологических комплексов. Первый уровень демонстрирует местную элиту, находившуюся на периферии

Рис. 109. Железный меч из комплекса Яконур. Государственный Эрмитаж. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 110. Железный кинжал из комплекса Чинета-II (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011, с. 72)

Рис. 111. Железное навершие плети из комплекса Чинета-II (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011, с. 77)

державы кочевников и, главным образом, связанную с военным делом, а также членов их семей (Грязнов М.П., 1940; Савинов Д.Г., 1980; Дашковский П.К., 2015). Основу небольшого социума кыргызов Алтая составляли рядовые кочевники. Материалы раскопок показывают расслоение в рамках этой группы, получившее отражение в наборах сопроводительного инвентаря из захоронений, в частности, фиксируется выделение группы зажиточных скотоводов (Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985; Могильников В.А., 1990; Дашковский П.К., 2015; и др.). Наконец, третий слой, представленный единичными объектами, в том числе погребениями с немногочисленными предметами или вообще без таковых (Суразаков А.С., 1982;

Рис. 112. Бронзовые украшения узды из комплекса Чинета-II
(по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011, с. 72)

Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 93–95), может быть связан с обедневшими номадами. Нет сомнений в том, что возможности дальнейших исследований особенностей общественной организации кыргызов Алтая требуют осуществления целенаправленных полевых исследований, предполагающих выявление и раскопки новых комплексов, а также их последующую интерпретацию в контексте сложных этносоциальных процессов в центрально-азиатском регионе в конце I – начале II тыс. н.э.

4.2. Социальная дифференциация населения Алтая монгольского времени

Монгольское время обоснованно считается кульминационной точкой в развитии обществ кочевников Центральной Азии. Объединения номадов рассматриваемого региона играли огромную роль в этнокультурных и социально-экономических процессах, происходивших в данный период на обширных пространствах Евразии. К настоящему времени накоплен значительный объем сведений, демонстрирующих перипетии истории кочевников в XII–XIV вв. н.э. Одной из позитивных тенденций последних десятилетий является увеличение археологических материалов монгольского времени, полученных в ходе исследований в различных частях центрально-азиатского региона. Результаты этих работ представлены в серии обобщающих публикаций (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 99–140; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002; Николаев В.С., 2004; Ахагвасурен Х., 2007; Монголын эртний булш оршуулга, 2016, т. 240–261; и др.). Вместе с тем целый ряд вопросов в рамках данной тематики остается открытым. Их решение связано с проведением целенаправленных полевых исследований, а также с комплексным изучением и разноплановой интерпретацией имеющихся сведений.

Одним из регионов, весьма перспективных для реализации таких работ, является Алтай, в развитом средневековье представлявший собой северную окраину Монголь-

ской империи. На сегодняшний день в результате полевых исследований археологов из различных научных центров выявлена и изучена небольшая серия памятников XII–XIV вв. н.э., главным образом захоронений. Сформирован определенный опыт интерпретации этих материалов, связанный, в основном, с анализом различных категорий предметного комплекса кочевников Алтая, выделением этапов культуры, характеристикой погребального обряда номадов (Ефремов С.А., 1998, 2002; Тишкин А.А., 2005б, 2009; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 146–153; Горбунов В.В., 2006; Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Эбель А.В., 2018; и мн. др.). Существенным пробелом остается отсутствие опыта системного изучения социальной истории населения обозначенного региона. Данная ситуация, как и в случае с комплексами раннесредневековых кыргызов, объясняется, главным образом, ограниченным количеством раскопанных захоронений XII–XIV вв. н.э. Вместе с тем имеющиеся материалы позволяют сделать ряд частных наблюдений, а также представить заключения общего характера.

К настоящему времени на территории Алтая раскопаны 26 объектов, демонстрирующие разные стороны обрядовой практики кочевников в XII–XIV вв. н.э. (рис. 113). Картография памятников показывает, что некрополи кочевников монгольского времени исследованы в нескольких районах, не концентрируясь в одной области. Заметно

Рис. 113. Карта-схема распространения памятников монгольского времени на территории Алтая:

- 1 – Ак-Алаха-I; 2 – Бертек-20; 3 – Бий-Сёёги; 4 – Бичикту-Бом; 5 – Верх-Еланда-I;
6 – Кудыргэ; 7 – Кызыл-Болчок; 8 – Межелик; 9 – Пазырык; 10 – Талдуаир-I;
11 – Тожон; 12 – Усть-Бийке-III; 13 – Элекмонар-II; 14 – Яконур

полное отсутствие раскопанных захоронений в юго-западной части Алтая и «пустые» территории в центре. При этом очевидно, что такая локализация погребальных комплексов лишь отчасти объясняется объективными причинами и спецификой расселения кочевников. Нет сомнений, что в ходе дальнейших полевых исследований, а особенно при условии реализации целенаправленных работ, включающих поиск, фиксацию и раскопки объектов монгольского времени, количество погребений существенным образом увеличится и имеющаяся картина локализации памятников будет скорректирована.

Анализ погребального обряда населения Алтая монгольского времени, результаты которого кратко представлены в специальной статье (Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Эбель А.В., 2018, с. 113–119), позволяет обозначить некоторые возможности социальной интерпретации отдельных характеристик локализации комплексов и их планиграфии, а также специфики выявленных сооружений и ритуала.

В абсолютном большинстве случаев погребения монгольского времени на территории Алтая сооружены на площади уже существовавших погребально-поминальных комплексов. К этой группе объектов относятся впускные захоронения, совершенные в насыпях более раннего времени, а также погребения под курганной насыпью. Подобная ситуация зафиксирована на памятниках Ак-Алаха-I, Верх-Еланда-I, Кудыргэ, Межелик, Пазырык, Талдуаир-I, Усть-Бийке-III, Яконур (Гаврилова А.А., 1965, с. 44–45; Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 225–229, 233; Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994, с. 64; Полосьмак Н.В., 1994, с. 19; Нестеров С.П., Милютин К.И., 1995, с. 163–165; Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С., 1996, с. 152–153; Кубарев Г.В., 2005, табл. 96; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 45–53, 70–73; Тишкин А.А., 2009, с. 183–191). Отметим, что традиция сооружения захоронений на месте древних некрополей или в непосредственной близости от них в целом характерна для обрядовой практики населения развитого средневековья и зафиксирована в ходе раскопок на обширных территориях центрально-азиатского региона (Эрдэнэбат У., 1998; Харинский А.В., 2001, с. 76–78; Амартувшин Ч. и др., 2015, т. 278–311; и др.).

Возможности анализа планиграфии комплексов Алтая XII–XIV вв. н.э. ограничены отсутствием крупных некрополей данного периода. Вместе с тем на материалах одного из памятников выявлены некоторые закономерности социального характера. Так, захоронения монгольского времени, раскопанные на известном могильнике Кудыргэ, локализуются в рамках двух групп, расположенных на северном (могилы 14, 17) и южном (объекты 19–21) холмах урочища (Гаврилова А.А., 1965, с. 44, табл. II). При этом «северные» погребения отличаются довольно представительным инвентарем (предметы вооружения, импортные изделия, украшения и др.), а «южные» включают ограниченный набор вещей. Вероятно, в данном случае планиграфия могил отражает существование двух родовых групп с различным статусом в социуме номадов Алтая, представители которых хоронили умерших в максимально удаленных друг от друга частях некрополя.

Учитывая неоднократно отмеченные в литературе «требования», предъявляемые кочевниками монгольского времени к месту погребения (Николаев В.С., 2004, с. 104–107; Тишкин А.А., 2005б, с. 318–319), можно предположить, что если захоронение совершено на месте уже существовавшего некрополя, то могильники более раннего времени соответствовали этим условиям. В противном случае номадами сооружались одиночные объекты, расположенные в отдалении от других памятников. Примерами таких комплексов являются женское захоронение Бертек-20, скальное погребение То-жон, а также грунтовая могила Кызыл-Болчок (Кочеев В.А., 1983, с. 153; Молодин В.И., Соловьев А.В., 1994, с. 152–155; Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Эбель А.В., 2018, с. 105–108) (рис. 114). К этой группе следует также отнести одиночный курган Бий-Сёёги, однако с существенной поправкой на то, что в данном случае объект сооружен не в каком-либо укромном и малоприметном месте, а на вершине небольшой возвышенности, на открытой местности (Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Эбель А.В., 2018, с. 109–111). Важно отметить, что практически все обозначенные объекты выделяются на общем фоне анализируемых памятников по ряду показателей, которые будут рас-

смотрены далее. Не исключено, что сооружение погребений в особых местах, в отдалении от других некрополей было связано со стремлением средневекового населения продемонстрировать определенный статус умершего человека.

Наземные конструкции, возводимые кочевниками Алтая монгольского времени над погребениями, чаще всего представляли собой небольшие каменные насыпи, которые в большинстве случаев имели овальную форму. Такие сооружения малозаметны, что, вероятно, является одной из причин небольшого количества раскопанных объектов рассматриваемого периода. С другой стороны, небольшие овальные конструкции можно считать характерным маркером погребений монгольского времени на обширных пространствах центрально-азиатского региона. Подобные наземные сооружения зафиксированы при изучении некрополей XII–XIV вв., раскопанных на сопредельных территориях (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 100–101; Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И., 2000, с. 76; Николаев В.С., 2004, с. 107; Хагвасурен Х., 2012, с. 394; и др.). На фоне таких небольших и, в целом, стандартизированных насыпей серьезным образом выделяется отмеченный ранее одиночный курган Бий-Сёёги. Размеры данного объекта достигали 33,6 м в диаметре; также весьма глубокой (более 3 м) оказалась могильная яма (Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Эбель А.В., 2018, с. 109).

Наряду с наиболее распространенными курганными объектами на Алтае обнаружены грунтовые захоронения. К настоящему времени известны всего два таких комплекса монгольского времени, изученные на памятниках Бичикту-Бом и Кызыл-Болчок (Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994, с. 64; Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Эбель А.В., 2018, с. 105–108) (рис. 114). В обоих случаях какие-либо наземные конструкции над захоронением отсутствовали. Вполне вероятно, незначительное количество грунтовых захоронений объясняется сложностью обнаружения таких объектов, не фиксируемых на поверхности, а сама традиция получила гораздо большее распространение в XII–XIV вв. н.э. Также нельзя исключать, что подобные комплексы являются подтверждением известных сведений письменных источников о «тайных» погребениях монголов, не предполагавших сооружения наземных конструкций (Джиованни дель Плано Карпини 1957, с. 32–33; Юрченко А.Г., 2007, с. 162–166). Учитывая представительный инвентарь, зафиксированный в ходе раскопок комплексов Бичикту-Бом и Кызыл-Болчок, не исключено, что распространение подобных комплексов на Алтае также могло быть связано с традициями обрядовой практики определенной группы населения, имевшей довольно высокий статус в обществе номадов региона.

Отдельную группу объектов развитого средневековья на Алтае составляют впускные захоронения. Погребения XII–XIV вв. н.э., совершенные в курганных насыпях более раннего времени, зафиксированы на памятниках Ак-Алаха-I (Полосьмак Н.В., 1994, с. 19, рис. 10–11; Молодин В.И. и др., 2004, с. 65), Верх-Еланда-I (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 223, рис. 10.-1–3, 7), Пазырык (Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Марсадалов Л.С., 2018), Талдуаир-I (Кубарев Г.В., 2005, табл. 96), Яконур (Грязнов М.П., 1940; Тишкин А.А., 2009, с. 184–190). Чаще всего захоронения «впущены» в комплексы скифской эпохи, в одном случае использовано сооружение раннего средневековья. Следует отметить, что данная традиция в целом характерна для памятников Центральной Азии XII–XIV вв. н.э. и зафиксирована на различных территориях (Могильников В.А., 1981, с. 194). Судя по имеющимся материалам, подобные объекты сооружались населением Алтая и более позднее время (Худяков Ю.С., 1999б; Кубарев Г.В., 2007, с. 293–294; и др.).

Как показал общий анализ впускных погребений, относящихся к различным периодам в истории Алтая, появление таких комплексов может объясняться рядом обстоятельств – нестабильностью политической ситуации, низким статусом умершего, условиями его смерти и др. (Тишкин А.А., Матренин С.С., 2010, с. 297–299; Серегин Н.Н., 2016, с. 43). В большинстве случаев впускные захоронения монгольского времени включали крайне ограниченный набор предметов, что косвенно указывает на социальный фактор распространения таких объектов.

Рис. 114. Археологический комплекс Кызыл-Болчок.
Особенности расположения объекта и вид на погребение
(по: Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Эбель А.В., 2018, рис. 2)

Традиции обрядовой практики населения Алтая монгольского времени предполагали различные варианты оформления погребальной камеры. В большинстве случаев какие-либо сооружения отсутствовали или не выявлены в связи с их плохой сохранностью. При этом в ходе раскопок серии могил выявлена колода, которая в отдельных случаях сопровождалась дополнительными конструкциями. Примерами таких комбинаций являются помещение колоды в подбой (Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994, с. 64), а также возведение вокруг нее пятиугольного сруба (Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Эбель А.В., 2018, рис. 5.-1). Кроме того, в некоторых захоронениях XII–XIV вв. н.э. отмечены свидетельства наличия перекрытия, обкладки могилы, а также использования бересты (Гаврилова А.А.,

1965, с. 45; Тишкин А.А., 2009, с. 178–179). Следует отметить, что различные деревянные конструкции характерны для погребальной практики населения центрально-азиатского региона монгольского времени (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 103–104; Николаев В.С., 2004, с. 116–120; Савинов Д.Г., Дужневская Г.В., 2007, с. 164; Ахагвасурен Х., 2012, с. 394; Харинский А.В. и др., 2012, с. 472; и др.). В целом, подобные сооружения не являются показательными с точки зрения изучения социальной истории кочевников.

Несмотря на то, что погребение в подбое обнаружено только однажды при раскопках памятников развитого средневековья на Алтае, данный случай заслуживает специального рассмотрения. Известны сведения письменных источников о том, что в середине XIII в. для захоронения представителей знатных родов монгольского общества в могильной яме делали боковую нишу (Джиованни дель Плано Карпини, 1957, с. 32–33). На основании этих материалов некоторые исследователи называли погребения в подбое, раскопанные на различных территориях, среди отличительных признаков обрядности монголов (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 160; Именхоев Н.В., Коновалов П.Б., 1985, с. 83–84). В центрально-азиатском регионе подобные объекты получили наибольшее распространение в XII–XIV вв. н.э. на территории Тянь-Шаня (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 104–105), а также известны в Западном Забайкалье (Именхоев Н.В., Коновалов П.Б., 1985, с. 83–84) и Монголии (Ахагвасурэн Х., 2012, т. 394). Для кочевников Алтая данная традиция не характерна, хотя и фиксируется начиная с раннего железного века. К примеру, в ходе раскопок некрополей тюрок раннего средневековья в данном регионе выявлен всего один случай захоронения в подбое (Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И., 2003, с. 73, рис. 6). Возвращаясь к рассмотрению объектов монгольского времени, отметим, что комплекс Бичикту-Бом, на котором исследована могила с боковой нишей, выделяется и рядом других признаков – прежде всего, отсутствием курганный насыпи и наличием в захоронении костей лошади (Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994, с. 64). Учитывая представительный инвентарь, включавший многочисленные украшения и предметы импорта, погребенная женщина, очевидно, имела довольно высокий статус в обществе кочевников Алтая монгольского времени, что может являться основным объяснением специфики реализованного обряда. Данный факт косвенно подтверждается наблюдением Х. Ахагвасурена (2012, т. 394) о том, что все могилы с подбоем, исследованные в Монголии, заметно отличались «богатством» сопроводительного инвентаря.

По сравнению с достаточно высокой степенью вариативности наземных и внутримогильных конструкций, погребальный ритуал населения Алтая монгольского времени представляется весьма унифицированным. Наибольшей степенью «стандартизации» характеризуется такой признак, как способ захоронения. Все погребения, материалы раскопок которых позволили зафиксировать изначальную ситуацию, совершены по обряду ингумации, а умершие уложены на спине, в вытянутом положении.

Несколько большее разнообразие зафиксировано при изучении традиций ориентировки погребенных людей по сторонам горизонта. В большинстве могил умершие были направлены головой на север. При этом в ряде захоронений отмечена западная ориентировка, а также «промежуточное» северо-западное направление, очевидно, связанное с сезонными отклонениями в положении солнца. Таким образом, материалы раскопок погребений кочевников Алтая монгольского времени достаточно четко позволяют зафиксировать существование двух традиций в реализации рассматриваемого показателя обрядовой практики. Похожая ситуация отмечена и на сопредельных территориях. Практически во всех частях центрально-азиатского региона в захоронениях кочевников XII–XIV вв. н.э. северная ориентировка умерших являлась преобладающей (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 106; Николаев В.С., 2004, с. 121; Ахагвасурен Х., 2012, с. 394; Амартувшин Ч. и др., 2015, т. 278–311; и др.). При этом на отдельных некрополях выделяется направление погребенных головой на запад (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 106; Николаев В.С., 2004, с. 121). На соседней территории Лесостепного Алтая западная ориентировка является наиболее распространенной (Тишкин А.А., Гор-

бунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 135–136). Обозначенные обстоятельства позволяют рассматривать вопрос о неоднородности населения обширного региона в монгольское время и возможном взаимном влиянии конкретных групп кочевников.

Общей характеристикой погребальной практики населения Алтая монгольского времени является отсутствие рядом с умершим человеком сопроводительного захоронения лошади. По этому показателю традиции кочевников XII–XIV вв. н.э. серьезным образом отличаются от обрядности кочевников более ранних периодов. Единственным исключением среди объектов монгольского времени является комплекс Бичикту-Бом, в котором зафиксированы кости коня, что, по мнению Ю.С. Худякова, могло являться свидетельством наличия в могиле шкуры животного (Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994, с. 65). Не исключено, что данный элемент обряда демонстрирует контакты населения горной части Алтая с более северными территориями, где в синхронных комплексах зафиксированы случаи реализации подобной традиции (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 136; Зинченко А.С., 2013). Вместе с тем этнокультурная интерпретация средневековых захоронений со шкурой коня, раскопанных в различных частях Северной и Центральной Азии, остается дискуссионной – такие комплексы рассматриваются как тюркские, уйгурские, кыпчакские, огузские, кимакские и др. (Нестеров С.П., 1990, с. 63–67; Худяков Ю.С., 1994; Могильников В.А., 2002, с. 123; Васютин А.С., Онищенко С.С., 2008; Илюшин А.М., 2010; Амзараков П.Б. и др., 2015; и мн. др.).

Нет сомнений в том, что наиболее значимым показателем погребального обряда, позволяющим рассматривать различные аспекты социальной интерпретации материалов раскопок комплексов Алтая монгольского времени, является состав сопроводительного инвентаря. Анализ выявленных наборов вещей, а также корреляция полученных данных с немногочисленными имеющимися антропологическими определениями позволяют обозначить круг изделий, демонстрирующих гендерную дифференциацию населения региона, а также находки, находившиеся в могилах лиц обоих полов.

Несмотря на отсутствие останков коней в погребениях, очевидно, что лошадь имела большое значение в обрядовой практике населения Алтая монгольского времени. Об этом свидетельствует не только существование традиции создания отдельных захоронений животных (Нестеров С.П., Милютин К.И., 1995, с. 163–164, рис. 8–9; Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Марсадолов Л.С., 2018), но также стабильное присутствие предметов конского снаряжения в захоронениях XII–XIV вв. н.э. Удила и псаали (рис. 115), стремени (рис. 116), части седла (рис. 117), пряжки, а также другие изделия, связанные с амуницией верхового коня, зафиксированы как в мужских, так и в женских погребениях. К другим предметам, не имевшим гендерной нагрузки, относятся некото-

Рис. 115. Железные удила и псаали из комплекса Пазырык. Государственный Эрмитаж. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 116. Железные стремяна из комплексов Кудыргэ и Яконур.
Государственный Эрмитаж.
Фото Н.Н. Серегина

Рис. 117. Бронзовая пластина с передней луки седла
из комплекса Кызыл-Болчок (по: Серегин Н.Н.,
Константинов Н.А., Эбель А.В., 2018, рис. 4.-2)

Рис. 118. Фрагмент
железного шила
с костяной орнаменти-
рованной рукояткой
из комплекса Кудыргэ.
Государственный Эрмитаж.
Фото Н.Н. Серегина

Рис. 119. Золотая серьга
с бусиной из комплекса
Кызыл-Болчок
(по: Серегин Н.Н.,
Константинов Н.А.,
Эбель А.В., 2018, рис. 4.-3)

Рис. 120. Роговая накладка на лук из комплекса Яконур
(по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011, с. 89)

рые орудия труда (рис. 118), элементы одежды, серьги (рис. 119) и др.

Основным показателем мужских погребений населения Алтая монгольского времени выступали предметы вооружения. Наиболее частыми находками является оружие дистанционного боя – лук и стрелы (рис. 120–

Рис. 121. Железные наконечники стрел из комплекса Кудыргэ. Государственный Эрмитаж. Фото Н.Н. Серегина

121). В нескольких могилах сохранились элементы колчана (рис. 122). Довольно редко встречены боевые ножи (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXV.-1; Кочеев В.А., 1983; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, рис. 16.-10), очевидно, выступавшие показателем довольно высокого положения умершего в воинской иерархии.

Судя по имеющимся материалам, атрибутом женских могил XII–XIV вв. н.э. являлись, главным образом, различные украшения. Наиболее показательные находки данной категории обнаружены в комплексах Кудыргэ (рис. 123–124), Яконур (рис. 125) и Бичикту-Бом. Кроме того, маркером погребений представительниц «слабого» пола выступали металлические зеркала (рис. 126). Обозначенные находки представляли собой предметы импорта на Алтае и, очевидно, являлись важным показателем прижизненного статуса умерших женщин.

Несмотря на немногочисленность раскопанных объектов, известные погребения демонстрируют довольно высокий уровень социальной дифференциации населения Алтая монгольского времени. Представляется возможным выделить погребения местной элиты, в целом демонстрирующие периферийный характер общества данного региона. К ним с известной долей условности могут быть отнесены ограбленное захоронение Бий-Сёёги, а также комплекс Бичикту-Бом (Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994; Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Эбель А.В., 2018, с. 109–111). Очевидно, высокое положение в социуме занимали профессиональные воины, командовавшие подразделениями различного уровня, и члены их семей (Гаврилова А.А., 1965, с. 44–

Рис. 122. Костяные пластинки от колчана из комплекса Кызыл-Болчок (по: Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Эбель А.В., 2018, рис. 4.-1)

Рис. 123. Металлическое украшение из комплекса Кудыргэ. Государственный Эрмитаж. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 124. Часть металлического украшения головного убора из комплекса Кудыргэ (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011, с. 93)

45; Кочеев В.А., 1983; Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 49–53; Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Эбель А.В., 2018, с. 105–108). Основу общества составляли рядовые кочевники, причем в рамках данного слоя также наблюдается дифференциация (Грязнов М.П., 1940; Гаврилова А.А., 1965, с. 45; Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 225–229; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 70–73; и др.). Имеющиеся материалы раскопок археологических комплексов позволяют выделить небольшую серию

Рис. 125. Украшения из комплекса Яконур. Государственный Эрмитаж. Фото Н.Н. Серегина

Рис. 126. Металлическое зеркало из комплекса Кудыргэ
(по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011, с. 87)

комплексов, предположительно связанных с группой обедневших скотоводов. Отличительной особенностью этих объектов является весьма ограниченный состав сопроводительного инвентаря, не включавшего «престижных» изделий; часть захоронений были впускными (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 233; Полосьмак Н.В., 1994, с. 19; Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С., 1996, с. 152–153; и др.).

Нет сомнений в том, что общественное устройство номадов Алтая монгольского времени было гораздо более сложным, по сравнению с представленной схематичной картиной. В данном случае следует также учитывать этнокультурную неоднородность населения региона в XII–XIV вв. н.э., лишь отчасти получившую отражение в материалах раскопок погребальных комплексов. Появление новых материалов, а также сопоставление результатов археологических исследований со сведениями письменных источников позволят вернуться к анализу социальной истории кочевников на окраине Монгольской империи на новом уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпоха кочевых империй представляет собой один из наиболее ярких периодов в истории Алтая. Важной частью сложных явлений, связанных с формированием, развитием и упадком крупных этнополитических объединений кочевников, стали социальные процессы, определившие специфику обществ региона в хуннуско-сяньбийско-жужанское время, а также в раннем и развитом средневековье.

Целенаправленное изучение социальной истории населения Алтая во II в. до н.э. – XIV в. н.э. на основе анализа материалов раскопок археологических комплексов позволило сделать выводы и заключения как общего, так и частного характера об особенностях сложения и трансформации общественных систем кочевников на обозначенной территории. При этом важно подчеркнуть, что возможности исследования в значительной степени определялись состоянием источниковой базы, которая существенным образом варьирует для различных периодов. Так, наиболее полно потенциал социальных реконструкций был реализован на материалах булан-кобинской археологической культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Несколько меньшие возможности предоставляют результаты раскопок комплексов раннесредневековых тюрок Алтая, что определило целесообразность привлечения сведений о синхронных памятниках на сопредельных территориях. Наконец, ограниченная источниковая база по археологии кыргызов и населения монгольского времени рассматриваемого региона обусловила довольно схематичный характер реконструкции социальной истории кочевников в обозначенные периоды. Кратко представим наиболее существенные результаты проведенных исследований.

Материалы раскопок 850 погребений булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени представляют наиболее репрезентативный для территории Алтая корпус археологических свидетельств, демонстрирующий широкие возможности социальных реконструкций. На основе накопленного в отечественной и зарубежной науке опыта использования данных погребальной обрядности в качестве источника для изучения структуры древних и средневековых обществ была разработана и реализована комплексная программа палеосоциального исследования, максимально учитывающая специфику задействованных археологических и антропологических данных. Она включала в себя пошаговое выполнение следующих действий: половозрастной анализ и выделение социально обусловленных признаков погребальной обрядности, реконструкцию палеодемографической ситуации и физико-генетической структуры, моделирование социально-имущественной и профессиональной стратификации населения, рассмотрение этносоциальной организации.

В ходе половозрастного анализа погребальных комплексов по открытому списку признаков, разбитых на три блока (погребальные сооружения, способы захоронения и погребальный ритуал, сопроводительный инвентарь), удалось определить «социальный вес» (индивидуальный и групповой) всех элементов погребальной практики населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э., ранжировать социально обусловленные характеристики по степени их значимости на главные и второстепенные, распределить «работающие» показатели в рамках горизонтальной и вертикальной шкалы стратификации. Базовым принципом в данной процедуре являлась многоступенчатая статистическая систематизация, позволившая выявить «стандарт» обряда захоронения (признаки, фиксируемые не менее чем для 50% объектов) для детской, женской и муж-

ской части населения. Выделение стандарта стало основанием для установления атрибутов, характеризующих «ядро» социума, куда входили полноценные взрослые люди, а также отклонений от него «вверх» и «вниз», которые отражали различные аспекты неравенства умерших людей. Главным критерием половозрастной, социально-имущественной, профессиональной дифференциации кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени был сопроводительный инвентарь. При определении социальной значимости инвентаря базовым выступал принцип «сопряженности» (все встречающиеся в захоронении предметы существуют в системной взаимосвязи единиц, заключающей в себе определенное смысловое единство), что позволило выявить три уровня связи показателей (сильный – от 60% и выше; средний от 40 до 60%; слабый – менее 40%) и установить более или менее устойчивые по сочетанию комплекты вещей, а также зафиксировать показатели, обладающие одинаковой связью с большинством категорий. Второстепенными по значимости признаками, отражавшими половую и возрастную стратификацию покойных, являлись размеры погребальных конструкций, снабжение умерших людей мясной пищей, фиксируемой в виде частей скелета овец. Ингумация человека с лошадью являлась возрастным и этносоциальным индикатором. В целом, у носителей булан-кобинской культуры по сравнению с племенами Алтая скифо-сакского времени сложился совершенно иной комплекс представлений о необходимом объеме трудозатрат на осуществление захоронения, обусловленный формированием новой религиозно-мифологической системы и, возможно, зависимым положением данной территории от кочевых империй Центральной Азии. Разнообразие погребального обряда и вариативность социальных стереотипов его реализации представляется возможным рассматривать как результат слабой политической консолидированности скотоводов региона на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э.

Анализ базовых палеодемографических параметров выявил доминирование в физико-генетической структуре населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени мужчин над женщинами по численному соотношению, средней продолжительности жизни, процентному распределению основных возрастных групп. Удалось обозначить несколько пиков повышенной смертности: у детей 0–6 лет, женщин 20–30 лет, мужчин 25–42,5 (45), женщин старше 40 лет. Средняя продолжительность жизни детской части населения булан-кобинской культуры составляла 5,2 года, а взрослых людей обоего пола – 34,7 лет. Средний возраст смерти женщин (32 года) был на четыре года ниже, чем у мужчин (36 лет). При этом у отдельных групп населения Алтая сяньбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.) зафиксированы отклонения от «нормальных» значений, которые демонстрируют разные условия жизни. В целом, демографическая структура булан-кобинского социума характеризуется средними и «нормальными» для рассматриваемого периода показателями, отражающими общие тенденции развития кочевых народов Центральной Азии и являющимися результатом эффективной адаптации к природно-климатическим условиям.

Для населения Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. отмечен наибольший приоритет в социальной структуре мужчин возмужалого и зрелого возраста. Зафиксированное деление жизненного цикла «булан-кобинцев» на четыре основных ступени (детство – от рождения до 13 лет; юность – 14–19 лет; зрелость – 20–45 лет; старость – начиная с 45 лет) не представляло системы жестких возрастных классов и дополнялось генеалогическим принципом, в соответствии с которым статус человека в значительной мере определялся происхождением, социально-имущественным и профессиональным положением. Возрастной принцип наиболее полно прослеживался по отношению к детям, что позволило выделить для них следующие периоды социализации: «младенчество» – до 2,5–3 лет; «детство» – 2,5 (3)–6 (7) лет; «отрочество» – 7–12 (13) лет. Судя по имеющимся материалам, значительное влияние на место человека в половозрастной стратификации оказывали субъективные качества и индивидуальные параметры физиологического развития.

При моделировании структуры общества номадов Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. в составе сопроводительного инвентаря были выделены показатели, характеризующие

комплекс «власти» и комплекс «богатства», соотношение которых определяло социальный статус индивидов. Другие, второстепенные по значимости, признаки составляли комплексы «производства» и «культа». Отражением комплекса «власти» был видовой состав предметов вооружения. В комплекс «богатства» входили снаряжение верхового коня, украшения и предметы костюма, бытовые предметы, одинаково характерные для взрослых и детей. Комплекс «производства» состоял из орудий труда. Комплекс «культа» включал вещи, использовавшиеся в магических ритуалах и иных формах религиозной практики. Опираясь на полученные комбинаторным путем тенденции взаимосочетания видов, категорий, типов изделий сопроводительного инвентаря, а также другие параметры сравнения, мы обозначили, кроме этого, наборы вещей со схожим значением социальной престижности. Посредством корреляции разных наборов вещей было выделено несколько социальных моделей погребений мужчин, женщин, детей и подростков, а также взрослых индивидов с неустановленным полом, которые отражают вертикальную структуру населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э., представленную четырьмя социальными слоями (верхний привилегированный, привилегированный, средний, нижний). В целом, социально-имущественная дифференциация не привела к возникновению у «булан-кобинцев» Алтая ранжированного сословного деления.

В результате сравнения индивидуального социального статуса обосновано пять социальных групп мужских захоронений, а также выделены относительно хорошо изученные могильники с «максимально высоким» (Яломан-II), «высоким» (Усть-Эдиган, Белый-Бом-II, Верх-Уймон, Кок-Паш), «средним» (Айрыдаш-I, Карбан-I, Булан-Кобы-IV, Степушка) и «низким» (Бош-Туу-I, Улита, Тыткескень-VI, Улуг-Чолтух-I) групповым социальным статусом.

Население Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени обладало сложной организацией, в горизонтальной плоскости которой находилась половозрастная и семейно-брачная, а в вертикальной – профессиональная, социально-имущественная, генеалогическая структуры. Принимая во внимание характерную для скотоводческих обществ недифференцированность экономической специализации, следует полагать, что у «булан-кобинцев» не существовало социального слоя ремесленников.

Эталон социально-политического развития скотоводов Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. задавали взрослые мужчины, выполнявшие ведущие роли в жизни данного этнокультурного образования. Статус женщин складывался преимущественно под влиянием их семейного положения и поэтому в меньшей степени зависел от происхождения. Большое влияние на процессы социогенеза оказывал военный фактор, выражавшийся в существовании высшего, среднего, низшего звеньев воинской иерархии, влиявших на общественное положение мужчин. При этом у «булан-кобинцев», по-видимому, отсутствовала «невоенная» элита. Данный вывод основан на наблюдении о том, что практически все мужчины, похороненные без предметов вооружения, в булан-кобинском обществе занимали низкое социально-имущественное положение. Возможно, большая часть таких людей была исключена из военной сферы или принимала в ней ограниченное участие в рамках обеспечения безопасности отдельных семей и общин.

Социальная система населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени базировалась на разветвленной клановой стратификации. Корреляция нескольких погребальных традиций и социальных моделей погребений продемонстрировала неодинаковый социальный статус разных групп «булан-кобинцев» в отдельных частях Алтая, что отражало иерархию племен (кочевий).

Главным фактором политогенеза населения булан-кобинской культуры Алтая было его включение сначала в состав кочевой империи Хунну (II в. до н.э. – I в. н.э.) в качестве одной из северных провинций, затем в орбиту влияния сяньбийских государств (II – 1-я половина IV в. н.э.), а после этого – во владения Жужанского каганата (2-я половина IV – V в. н.э.). Изменение контроля над регионом со стороны держав центральноазиатских номадов влияло на развитие этносоциальных процессов. Переход булан-кобинского общества от акефального устройства к более устойчивой политиче-

ской организации с развитой военно-иерархической структурой, вероятно, произошел в жужанское время. Важным каналом институционализации и централизации на уровне отдельных племен стало расширение функций военных предводителей и дружины, превращавшихся, по-видимому, в самостоятельную ветвь власти. Наиболее вероятной формой политического объединения населения Алтая в хуннуско-сяньбийско-жужанское время является «племенная конфедерация» без самостоятельного руководящего центра в лице общего вождя и его аппарата. Статус членов конфедерации в течение II в. до н.э. – V в. н.э. был неодинаковым, что связано с поддержкой метрополиями кочевых империй Центральной Азии разных местных кланов и племен.

Таким образом, полученные выводы свидетельствуют о динамичных этнокультурных и социальных процессах, имевших место на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э.

Не менее значимые явления происходили в регионе в раннем средневековье, когда Алтай стал сначала местом формирования археологической культуры тюрок и базой для первых военных походов кочевников, а затем после переноса ставки в Монголию превратился в окраину крупнейших кочевых империй. При этом перипетии этносоциальной истории населения Алтая в значительной степени определялись процессами, происходившими в центре каганатов.

В ходе исследования различных аспектов социальной истории раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий, реализованного в настоящей работе, в разной степени учитывались все имеющиеся источники и материалы. При этом основой для осуществления предложенных реконструкций стали погребальные комплексы. Ряд характеристик археологических материалов (ограбленность многих объектов, унификация обрядовой практики, небольшое количество антропологических определений и др.) определил необходимость привлечения сведений письменных источников – тюркских рунических текстов и китайских династийных хроник. Последовательная реализация программы исследования, разработанной с учетом обширного опыта реконструкций отечественных и зарубежных специалистов, а также специфики имеющейся источниковой базы, позволила представить основные характеристики социальной системы раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий.

Материалы раскопок погребальных комплексов демонстрируют существование в социуме кочевников 2-й половины I – начала II тыс. н.э. устойчивых гендерных стереотипов, обусловленных в значительной степени разделением труда на мужской и женский. Сведения письменных источников подтверждают сделанные наблюдения, однако показывают возможность более активного участия женщин в ряде сфер общественно-политической жизни. Следует отметить, что гендерные стереотипы получили отражение и в материалах детских погребений, что является одним из свидетельств раннего включения представителей данной возрастной группы в систему общественных отношений.

Ограниченное количество антропологических определений не позволило детально проследить этапы социализации человека в обществе раннесредневековых тюрок. Вместе с тем можно уверенно утверждать, что статус индивида в немалой степени зависел от принадлежности его к той или иной возрастной группе. Наибольшее значение в социуме кочевников имели мужчины и женщины в возрасте 25–45 лет. Именно на данном этапе жизни наблюдался наибольший уровень физической активности, что в традиционных обществах нередко определяло высокий статус. Установлено, что большая часть погребений, связываемых по комплексу признаков с представителями элиты социума раннесредневековых кочевников, была сооружена для умерших людей зрелого возраста. Нередко пожилые люди сохраняли высокий статус, что определялось ценностью для общества накопленного ими опыта, знаний и имевшегося авторитета. С другой стороны, материалы археологических памятников демонстрируют снижение роли пожилых мужчин в воинской иерархии в силу объективного ограничения физических возможностей.

Одной из характеристик погребального обряда раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий является высокая степень его унификации. Данное косвенное свидетельство уровня консолидации общества серьезным образом осложняет

социальные реконструкции, нивелируя значение многих элементов обряда, считавшихся маркерами прижизненного статуса умерших людей при исследовании объединений номадов более раннего времени. Проведенный статистический и контекстуальный анализ материалов раскопок захоронений раннесредневековых тюрок позволил заключить, что относительными показателями положения погребенного были параметры сооружений и количество лошадей в могиле. Основным критерием для определения статуса умершего при жизни являлся качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря, обнаруженного в погребении. Рассмотрение наборов вещей с учетом ряда факторов способствовало выделению «комплекса власти», включающего показатели военно-управленческого могущества и политического статуса (главным образом, предметы вооружения – меч, кинжал, копье, боевой топор, доспех, а также в меньшей степени плетъ и котел), и «комплекса богатства», объединяющего признаки высокого имущественного положения, материального достатка (предметы торевтики из цветных и драгоценных металлов – наборные пояса, металлические сосуды и зеркала, украшения конской амуниции, украшения костюма, а также шелковую одежду).

Дальнейшая корреляция зафиксированных социально значимых элементов обрядовой практики, главным образом, «социальных маркеров» стала основой для выделения групп захоронений, отражающих вертикальную структуру общества раннесредневековых тюрок.

Археологические материалы и дополняющие их сведения письменных источников демонстрируют весьма интересную картину формирования и динамики социальной системы раннесредневековых тюрок. Изменения в этой области были связаны, главным образом, с конкретной политической ситуацией в регионе. Имеющиеся данные показывают возможность влияния на ранних тюрок населения Алтая жужанского времени, которое, судя по результатам раскопок некрополей данного региона 2-й половины IV – V в. н.э., характеризовалось довольно сложной этносоциальной организацией. Формирование новой общности тюрок ознаменовало качественно новый уровень консолидации номадов. Важно отметить, что по меньшей мере отдельные группы населения булан-кобинской культуры были включены в первые военные походы, ставшие основой для сложения крупнейшей кочевой империи раннего средневековья.

Довольно показательной особенностью археологических материалов Алтая является отсутствие любых свидетельств влияния на этносоциальную систему тюрок во 2-й половине V – 1-й половине VI в. крупных оседло-земледельческих центров – прежде всего Китая и Согда. Судя по имеющимся результатам раскопок, на раннем этапе своей истории тюрки находились в своего рода «изоляции», что, видимо, вовсе не имело негативного влияния, учитывая последующие результативные военные кампании. При этом не менее очевидно, что одной из основных задач последних было именно преодоление этой «изоляции» и контроль торговых путей. Следует признать, что многие черты, впоследствии получившие отражение в особенностях этносоциальной системы тюрок, могли быть заимствованы извне в «ганьсуйско-гаочанский» период, который нам по археологическим материалам вообще не известен.

В последующие периоды, учитывая интенсивность контактов с оседло-земледельческими центрами, прежде всего с Китаем, очевидно их значительное воздействие на социальную систему каганатов. Данное обстоятельство подтверждается фрагментарными материалами исследований «элитных» комплексов тюрок на территории Монголии, относящихся к концу VI – 1-й половине VIII в. н.э. Необходимо подчеркнуть, что сложную организацию социума раннесредневековых номадов демонстрирует неоднородность элиты, включавшей, как показал анализ материалов раскопок некрополей Алтая, не только представителей военной верхушки, но также управленцев, не связанных непосредственно с военным делом.

Особый этап социальной истории населения Алтая связан с появлением в этом регионе кыргызов в середине – 2-й половине IX в. н.э. Судя по имеющимся материалам, в конце I – начале II тыс. н.э. рассматриваемый регион представлял собой окраину

каганата. Вероятно, Алтай, отдаленный от торговых путей, не был стратегически важен для кыргызов, и они ограничились номинальным контролем данной территории.

Ключевыми характеристиками источниковой базы по социальной истории раннесредневековых кыргызов Алтая, сформированной в ходе раскопок, являются крайне ограниченное количество известных погребений, а также полное отсутствие антропологических определений останков из этих объектов. В связи с этим любые построения, связанные с социальной интерпретацией археологических комплексов, носят предварительный и максимально общий характер. Представляется возможным обозначить три основных уровня общества раннесредневековых кыргызов Алтая, получивших отражение в довольно фрагментарных материалах раскопок. Первый уровень демонстрирует местную элиту, находившуюся на периферии державы кочевников и, главным образом, связанную с военным делом, а также членов их семей. Основу небольшого социума кыргызов Алтая составляли рядовые кочевники. Материалы раскопок показывают расслоение в рамках этой группы, получившее отражение в наборах сопроводительного инвентаря из захоронений. В частности, фиксируется выделение группы зажиточных скотоводов. Наконец, третий слой, представленный единичными объектами, в том числе погребениями с немногочисленными предметами или вообще без таковых, может быть связан с обедневшими кочевниками.

Столь же общий характер на данном этапе изучения истории Алтая в монгольское время имеют заключения об особенностях организации общества кочевников региона. Несмотря на немногочисленность раскопанных объектов, известные погребения в XII–XIV вв. н.э. демонстрируют довольно высокий уровень социальной дифференциации населения Алтая. Так, представляется возможным выделить погребения местной элиты, в целом демонстрирующие периферийный характер общества данного региона. Очевидно, высокое положение в социуме занимали профессиональные воины, командовавшие подразделениями различного уровня, и члены их семей. Основу общества составляли рядовые кочевники, причем в рамках данного слоя также наблюдается дифференциация. Имеющиеся материалы раскопок археологических комплексов позволяют выделить небольшую серию комплексов, предположительно связанных с группой обедневших скотоводов. Отличительной особенностью этих объектов является весьма ограниченный состав сопроводительного инвентаря, не включавшего «престижных» изделий; часть захоронений были впускными.

Нет сомнений в том, что общественное устройство кочевников Алтая кыргызского и монгольского времени было гораздо более сложным, по сравнению с представленной схематичной картиной. В данном случае следует также учитывать этнокультурную неоднородность населения региона в конце I – 1-й половине II тыс. н.э., лишь отчасти получившую отражение в материалах раскопок погребальных комплексов. Появление новых материалов, а также сопоставление результатов археологических исследований со сведениями письменных источников позволят вернуться к анализу социальной истории кочевников на окраине Кыргызского каганата и Монгольской империи на новом уровне.

Возможности исследования социальной истории населения Алтая эпохи кочевых империй связаны с продолжением работы по усовершенствованию приемов анализа погребального обряда для осуществления реконструкций различного характера с опорой на комплексный подход. Важным условием для последующих разработок в этой области является многоплановое изучение антропологических материалов. Выход на решение отдельных проблем невозможен без расширения сферы применения в социальной археологии методов естественных наук, что должно стать делом большего числа специалистов различных дисциплин. Значительные перспективы связаны с масштабными палеогенетическими исследованиями. Реализация обозначенных направлений позволит перейти на более высокий уровень интерпретационного осмысления уже имеющихся и новых археологических источников. Нет сомнений в том, что дальнейшие исследования будут способствовать продвижению к пониманию сложных процессов формирования и трансформации социальных систем населения Алтая различных хронологических периодов и объективной оценке влияния на них разноплановых факторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Азбелев А.П. Ингумации в минусинских чаатасах (к реконструкции социальных отношений по археологическим данным) // Актуальные проблемы методики западно-сибирской археологии. Новосибирск: Наука, 1989. С. 154–157.

Азбелев А.П. Опыт археологической реконструкции социальной структуры населения кыргызского каганата (VII–X вв.) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1990. С. 74–76.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.

Алексеев В.П. Материалы к палеоантропологии Западной Тувы // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 284–312.

Алексеев В.П. Палеодемография СССР // Советская археология. 1972. №1. С. 3–21.

Алексеев В.П. Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М.: Наука, 1989. С. 63–90.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокэль // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л.: Наука, 1970. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. С. 239–297.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир, 2003. 132 с.

Алексин В.А. К вопросу о методике реконструкций социальной структуры по данным погребального обряда (на материалах древнеземледельческих культур) // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: Наука, 1975. С. 49–53.

Алексин В.А. Погребальный обряд как археологический источник // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 167. С. 3–9.

Алексин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.: Наука, 1986. 192 с.

Алехин Ю.П., Илюшин А.М. Уйгурские курганы IX–X вв. на Рудном Алтае // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. С. 207–219.

Алтынбеков К. Проблемы консервации древнетюркского мавзолея Майхан уул на территории Монголии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2011. Т. II. С. 288–294.

Амзараков П.Б., Лазаретов И.П., Митько О.А., Поляков А.В. Этнокультурная принадлежность средневекового захоронения со шкурой коня в долине реки Иджим в Западном Саяне // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. С. 151–164.

Андреев И.А. О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного к классовому обществу // Советская этнография. 1971. №2. С. 13–25.

Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. По материалам выставки в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 2 марта – 2 мая 2004 г. СПб.: Славия, 2004. 64 с.

Арсланова Ф.Х. Культовые предметы из женских захоронений Прииртышья // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1981. С. 48–49.

Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник 1972. М.: Наука, 1973. С. 306–315.

Артемова Ю.А. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации. М.: Наука, 1993. 336 с.

Балабанова М.А. Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Российская археология. 2009. №3. С. 79–88.

Басова Н.В., Кузнецов Н.А. Украшения и амулеты из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 134–136.

Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №4 (20). С. 73–84.

Белинская К.Ы. Археологические памятники древнетюркских женских захоронений Саяно-Алтая // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск: НГПУ, 2007а. С. 146–148.

Белинская К.Ы. Классификация древнетюркских женских захоронений Горного Алтая // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2007б. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. С. 199–204.

Белинская К.Ы. Изучение гендерных отношений и женской субкультуры древних тюрков Горного Алтая (по памятникам археологии) // Мир Евразии. 2009. №4(7). С. 6–11.

Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 208 с.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 346 с.

Берс Е.М., Худяков Ю.С. Погребение у с. Бичикту-Бом // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 63–71.

Берсенева Н.А. Гендерный анализ детских погребений в древних обществах: теоретические подходы, проблемы и перспективы // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: мат. XV Междунар. Зап.-Сиб. арх.-этнограф. конф. Томск: Аграф-Пресс, 2010а. С. 107–110.

Берсенева Н.А. Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: гендерный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010б. №3(43). С. 72–81.

Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 204 с.

Берсенева Н.А. Погребения людей старшей возрастной группы (саргатская культура) // Российская археология. 2013. №1. С. 22–29.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 380 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.

Бобров В.В., Фрибус А.В. К вопросу о демографической ситуации на территории Горного Алтая в афанасьевское время // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. I. С. 198–202.

Бобров А.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая в IV–VI вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 80–200.

Богатенков Д.В. Палеодемография могильников Николаевка (Казацкое), Золотая Балка, Неаполь Скифский // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН, 2000. С. 27–35.

Богданов Е.С., Новикова О.И. К вопросу о культурной принадлежности могильника Курайка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 229–233.

Богданова В.И. Новые антропологические материалы конца I тыс. н.э. из Тувы // Сборник МАЭ. 1980. Т. 36. С. 100–107.

Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины / Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. С. 131–149.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №1 (17). С. 65–72.

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.

Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 51–88.

Бородовский А.П. Плети и стеки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 179–189.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск: Наука, 1997. 225 с.

Бородовский А.П., Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцев Н.К. Древнее серебро Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 88 с.

Бунятян Е.П. Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников // Теория и методы археологических исследований. Киев: Наукова думка, 1982. С. 136–184.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1985. 228 с.

Бураев А.И. Скульптурные изображения всадников из кургана Шороон Дов // Мир Центральной Азии-3. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. С. 296–303.

Бураев А.И. Скульптуры танского времени из кургана Шороон Дов в Центральной Монголии // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Т. 2. Хух-Хото: Музей Внутренней Монголии, 2015. С. 600–606.

Бутинов Н.А. Половозрастная организация // Советская этнография. 1982. №1. С. 63–68.

Бутинов Н.А. Детство в условиях общинно-родового строя // Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М.: Наука, 1992. С. 5–16.

Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1958. Вып. VI. С. 217–237.

Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966а. №3. С. 60–81.

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.: Наука, 1966б. Т. II. С. 292–334.

Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения кызылганской и сыын-чюрекской культур) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.: АН СССР, 1970. Т. III. С. 7–79.

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, 1983. 126 с.

Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевич Е.А. Погребения предтюркского времени на могильнике Кок-Паш в Восточном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 29–50.

Васютин А.С., Онищенко С.С. Некоторые вопросы интерпретации погребений со «шкурами» лошадей на юге Западной Сибири в VIII–XIV вв. // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 96–98.

Васютин А.С., Садовой А.Н. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения в раннескифское время (Восточный Алтай – могильник Коо-1) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 35–38.

Васютин С.А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 23 с.

Васютин С.А. Архаичные элементы политической культуры в тюркских каганатах // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 95–99.

Васютин С.А. Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005а. Кн. II. С. 56–71.

Васютин С.А. Общественная система кочевников в эпоху тюркских каганатов (VI–VIII вв.) // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005б. Ч. I. С. 215–223.

Васютин С.А. Проблемы комплексного анализа социальной организации кочевников древнетюркской эпохи по данным погребальных памятников // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. II. С. 403–405.

Васютин С.А. Проблемы и перспективы изучения демографии и социальной стратификации кочевых обществ древнетюркской эпохи по данным археологии // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007а. С. 268–274.

Васютин С.А. Системный анализ кочевых обществ раннего средневековья // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007б. С. 53–56.

Васютин С.А. Возрастная дифференциация в раннесредневековых погребальных комплексах кочевников Саяно-Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 198–201.

Васютин С.А. Внешнеполитические стратегии и организация верховной власти во II Тюркском каганате // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. №3(79). С. 49–63.

Васютин С.А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2016. 40 с.

Васютин С.А., Васютин А.С. Социальная планиграфия предтюркских погребений могильника Кок-Паш из Восточного Алтая // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1997. С. 73–77.

Васютин С.А., Васютин А.С. Население Восточного Алтая в предтюркское время // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 224–236.

Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 400 с.

Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А. Реконструкции социальной структуры ранних кочевников в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 10–38.

Викторова Л.А. Система социализации детей и подростков у монголов, пути и причины трансформации ее элементов // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1983. С. 51–71.

Винник Д.Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1963. С. 79–93.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР. 1934. XII+224 с.

Войтов В.Е. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976–1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск: Наука, 1990. С. 132–149.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМБ, 1996. 152 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев: Наукова думка, 1989. 112 с.

Ганиев Р.Т. Восточно-тюркское государство в VI–VIII веках. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 132 с.

Генинг В.Ф. Структура археологического познания (проблемы социально-исторического исследования). Киев: Наукова думка, 1989. 296 с.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1990. 304 с.

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый-Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 116–126.

Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в ранний железный век и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 102–128.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003а. 174 с.

Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003б. Кн. I. С. 37–42.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006а. 232 с.

Горбунов В.В. Военное дело средневекового населения Алтая (III–XIV вв. н.э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2006б. 55 с.

Горбунов В.В. Военное искусство алтайских тюрков в раннем средневековье // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2007. С. 85–98.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 43–46.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Изучение тюркских поясов по результатам рентгенофлюоресцентного анализа // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 165–168.

Горбунова Т.Г. Социальная значимость украшений конской амуниции (по материалам сrostкинской культуры) // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово: Изд-во КемГУ, 2003. С. 109–113.

Горбунова Т.Г. Украшения конского снаряжения как источник для историко-культурного изучения Алтая (эпоха раннего средневековья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 23 с.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Техничко-морфологический и спектральный анализ украшений конского снаряжения из средневековых памятников Алтая // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. II. С. 346–348.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование благородных металлов в изготовлении украшений конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 199–202.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технология изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука, 2009. 144 с.

Грач А.Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // Советская этнография. 1958. №4. С. 18–34.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции: материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960а. Т. I. С. 7–72.

Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции: материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960б. Т. I. С. 73–150.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 94 с.

Грач А.Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // Краткие сообщения Института археологии. 1968. Вып. 114. С. 105–111.

Грач А.Д. Принципы и методы историко-археологических реконструкций форм социального строя // Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975. С. 158–183.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Грачева Г.Н. Отражение хозяйственного и общественного укладов в погребениях народностей Севера Западной Сибири // Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975. С. 126–142.

Григоров Е.В., Казаков А.А. Барнаульско-Бийское Приобье в I–XII вв. (по данным погребального обряда). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 230 с.

Грушин С.П. Палеодемографический анализ антропологических материалов из могильников елунинской культуры Верхнего Приобья // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово: Изд-во КемГУ, 2003. С. 47–52.

Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.: Изд-во ГЭ, 1940. Вып. I. С. 17–21.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во ГЭ, 1950. 90 с.

Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 61 с.

Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 146–159.

Гуляева Н.П. Социальные реконструкции в археологии: проблема глазами социолога // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 109–123.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Рольф, 2002. 560 с.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Наука, 1985. 112 с.

Данилов С.В., Очир А., Эрдэнэболд Л., Бураев А.И., Саганов Б.В., Батболд Х. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 254–257.

Дашковский П.К. Коргон-I – новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 16–21.

Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.

Дашковский П.К. Служители культа у тюрок Центральной Азии в эпоху средневековья // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2009. Вып. 4/1 (64). С. 65–71.

Дашковский П.К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 244 с.

Дашковский П.К. Курганы енисейских кыргызов на могильнике Чинета-II (Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №2. С. 82–89.

Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 224 с.

Дашковский П.К., Тишкин А.А. Горный Алтай в скифскую эпоху // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 182–109.

Джиованни дель Пано Карпини. История монгалов // Путешествия в восточные страны Пано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.

Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. 1976. Вып. 21. С. 193–200.

Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улут-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 178–188.

Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: ТНИИАИ, 1980. С. 77–94.

Дмитриев С.В. К вопросу о культурном статусе холодного оружия в традиционной культуре народов Средней Азии // Евразия сквозь века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 234–237.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Наука, 1990. 162 с.

Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения Института археологии. 2010. Вып. 224. С. 85–97.

Добродомов И.Г. Вторичные рунические надписи на монетах и вопросы денежного обращения у древних тюрок // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М.: Наука, 1980. С. 94–97.

Добролюбский А.О. О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда // Теория и методы археологических исследований. Киев: Наукова думка, 1982. С. 59–67.

Доде З.В. Символы легитимации принадлежности к империи в костюме кочевников Золотой Орды // Восток. 2005. №4. С. 25–35.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.

Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2001. 222 с.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. №2. С. 207–217.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып. 16. С. 75–117.

Елин В.Н. О социальной структуре населения гунно-сарматского времени Восточного Алтая (предварительные наблюдения) // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово: Изд-во КемГУ, 1989. Ч. I. С. 119–121.

Елин В.Н. Использование планиграфического метода для определения относительной хронологии памятников предтюркского времени (на примере могильника Кок-Паш в Горном Алтае) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 153–155.

Ефремов С.А. Снаряжение верхового коня у алтайских кочевников 1-й пол. II тыс. н.э. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 159–169.

Ефремов С.А. Погребальный обряд алтайских племен в XI–XIV вв. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 5. С. 99–109.

Железчиков Б.Ф. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 65–68.

Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас орхонских памятников. Астана: Култегін, 2006. 360 с.

Жолдошов Ч.М. Изображение вооружения в средневековых петроглифах Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2005. Вып. I. С. 67–74.

Жумаганбетов Т.С. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права. VI–XII вв. Алмааты: Жеті жаргы, 2003. 432 с.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. №11. С. 15–23.

Зеленцова О.В., Милованов С.И., Добровольская М.В. Методические вопросы определения погребений по обряду кремации на примере раскопок 2012–2014 гг. Подболотьевского могильника // Краткие сообщения Института археологии. 2017. Вып. 249. С. 272–287.

Зинченко А.С. Обряд погребения «шкуры лошади» по материалам кургана №1 (XIII–XIV вв.) Басандайского могильника (Томское Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №4 (56). С. 134–145.

Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 216 с.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природы и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: Интеллект, 1995. 259 с.

Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 206 с.

Ильинская В.А. Скифские курганы около г. Борисполя // Советская археология. 1966. №3. С. 152–171.

Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157–169.

Илюшин А.М. Фрагменты зеркал как амулеты в материальной и духовной культуре средневековых кочевников Кузнецкой котловины // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 42–44.

Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново-9) // Вестник археологии, этнографии и антропологии. 2010. Вып. 1 (12). С. 97–106.

Илюшин А.М. Предметы культового назначения в материальной и духовной культуре средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Томского государственного университета. 2012. Вып. 354. С. 81–87.

Именхоев Н.В., Коновалов П.Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 1985. С. 69–86.

Кадыева В.Я. Обряды и поверья, связанные с головой человека у южных алтайцев // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 233–242.

Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. 1959. Т. 7. С. 162–203.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 154. С. 65–70.

Калиновская К.П. Возрастные группы народов Восточной Африки. М.: Наука, 1976. 157 с.

Калиновская К.П. К проблеме возрастных систем // Советская этнография. 1982. №1. С. 59–62.

Кибиров А.К. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда // Краткие сообщения Института этнографии. 1957. Вып. XXVI. С. 81–88.

Кильдюшева А.А. К вопросу об интерпретации некоторых женских захоронений // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. I. С. 254–258.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. 176 с.

Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Тишкин А.А., Семибратов В.П. Исследование тюркского кургана на территории «Бирюзовой Катунь» // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 270–274.

Кирюшин К.Ю., Кондрашов А.В., Семибратов В.П., Силантьева М.М., Терехина Т.А. Исследование памятников древнетюркского времени на территории Бирюзовой Катунь в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. II. Ч. 1. С. 339–343.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескен-VI // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. №3. С. 165–175.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.А., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-I (Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. 150 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С. Материалы сянбийского времени погребально-поминального комплекса Тыткескен-VI на Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10). С. 5–24.

Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. музея им. Н.М. Мартыанова в г. Минусинске. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 1–162.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА №9).

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 638 с.

Китова Л.Ю. К вопросу о семье и положении женщины у древних кочевников (диахронный срез) // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. I. С. 258–263.

Клюева Н.И., Михайлова Е.А. Накосные украшения у сибирских народов // Материальная и духовная культура народов Сибири: сб. Музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1988. Т. XLII. С. 105–128.

Кляшторный С.Г. Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 159–168.

Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 213–215.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Наука, 2003. 560 с.

Кляшторный С.Г. Образ кагана в орхонских памятниках // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 100–103.

Кляшторный С.Г. Монета с рунической надписью из Монголии / Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. С. 115–119.

Кляшторный С.Г., Лубо-Лесниченко Е.И. Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1974. Вып. XXXIX. С. 45–48.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 320 с.

Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Т. X: География, этнография, история. М.: Наука, 1971. С. 121–146.

Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970. С. 144–155.

Козинцев А.Г. Демография тагарских курганов // Советская археология. 1971. №6. С. 148–152.

Козлов В.И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М.: Наука, 1969. 407 с.

Колесников А.Г. Некоторые вопросы половозрастной стратификации позднетрипольского населения среднего Поднепровья (по материалам могильников софиевского типа) // Археология и методы исторических реконструкций. Киев: Наукова думка, 1985. С. 152–168.

Кон С.И. Понятие поколения в современном обществоведении // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л.: Наука, 1979. С. 202–229.

Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации сrostкинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VII–XII вв. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004а. 24 с.

Кондрашов А.В. Опыт выделения социодиагностирующих признаков инвентаря по материалам погребений сrostкинской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004б. С. 103–107.

Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Горного Алтая гунно-сарматского времени: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2014. 23 с.

Коренько В.А. Об изображении на Бугутской стеле // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: Старый сад, 2001. С. 355–369.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 332 с.

Король Г.Г., Конькова Л.В. Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии // Российская археология. 2007. №2. С. 25–32.

Корякова Л.Н. Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: ТГУ, 1994. С. 113–169.

Кочеев В.А. Погребение II тыс. н.э. у с. Ело // Археологические исследования в Горном Алтае. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 153–162.

Кочеев В.А. «Клад» с верховьев реки Большой Яломан (Горный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 175–177.

Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С. Охранные раскопки могильника Межелик // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 150–153.

Кочеев В.А., Суразаков А.С. Курганы могильников Ябоган-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 70–81.

Кочеев В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в бассейне р. Коир // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. №10. С. 70–83.

Кочкаров У.Ю. Кинжалы Северо-Западного Предкавказья VIII–X вв. // Российская археология. 2010. №1. С. 157–160.

Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГПУ, 2005. 206 с.

Крадин Н.Н. Некоторые аспекты этносоциальной истории древних ухуаней // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ин-т, 1993. С. 33–41.

Крадин Н.Н. Социальный строй сяньбийской державы // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 1994. С. 22–36.

Крадин Н.Н. Кочевники мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000а. С. 314–336.

Крадин Н.Н. Общественный строй Жужаньского каганата // История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000б. С. 80–94.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2001. 312 с.

Крадин Н.Н. Престижная экономика и структура власти в кочевых империях // VIII Международный конгресс монголоведов: (доклады российской делегации). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002. С. 72–78.

Крадин Н.Н. Палеодемографическое моделирование и этнографические параллели: пример агинских степей // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 149–153.

Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 490–511.

Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток: Дальнаука, 2004. 106 с.

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. М.: Вост. лит-ра РАН, 2006. 557 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 136–148.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск. Наука, 1991. 270 с.

Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1992. С. 25–36.

Кубарев В.Д. Сюжеты войны и охоты в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, антропология и этнография Евразии. 2001. №4(8). С. 95–107.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуні. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.

Кубарев Г.В. Изображение быка в поясной гарнитуре древнетюркского времени // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 78–81.

Кубарев Г.В. Кочедык из скального древнетюркского погребения на р. Кадрин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998а. Т. IV. С. 266–269.

Кубарев Г.В. К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н.э. // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998б. Т. I. С. 290–298.

Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 88–112.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В. Теленгитские погребения Южного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 293–297.

Кубарев Г.В. Коленчатые кинжалы древнетюркской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Самара: Б.и., 2008. С. 68–72.

Кубарев Г.В. Женское древнетюркское погребение из могильника Джолин-III (Юго-Восточный Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. С. 221–240.

Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №4. С. 64–82.

Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Поясные сумочки в костюме древних тюрок Алтая // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб.: МАЭ РАН, 2009. Кн. 1. С. 155–161.

Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 101–119.

Кузнецов Н.А. Монеты из памятников верхнеобской культуры // Тюркологический сборник 2006. М.: Вост. лит-ра, 2007. С. 212–222.

Курманкулов Ж.К. Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 191–197.

Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. 19 с.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с. (Свод археологических источников; Вып. Е 3–18).

Кызласов Л.Р. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-кюна (Алтай) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951. Вып. XXXVI. С. 50–55.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит-ра, 1997. 319 с.

Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое об-во, 2010. 364 с.

Ларин О.В. Исследования на могильнике Айрыдаш-II // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 192–197.

Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА СССР. М.: Наука, 1952. №24. С. 121–136.

Липец Р.С. Образы Батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 263 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. 155 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. М.: Вост. лит-ра, 1994. 326 с.

Ахагвасурен Х. История изучения средневековых (XII–XIV вв.) погребальных комплексов в Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. Т. 2, вып. 3. С. 392–395.

Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М.: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2002. 126 с. Прил. 1.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: тексты и переводы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 113 с.

Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 173–198.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.

Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда-3 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 125–131.

Мамадаков Ю.Т. Отражение общественных отношений булан-кобинского населения в детских погребениях // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 159–161.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. С. 115–129.

Мамонова Н. Н., Романова Г. П., Харитонов В. М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. Л.: Наука, 1989. С. 50–84.

Марсадолов Л.С. Социальные ранги курганов кочевников Алтая VI–IV вв. до н.э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 96–99.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2000. 56 с.

Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 147–172.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности nomadic society). Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. 320 с.

Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Самара: Изд-во гос. пед. ун-та, 1996. 103 с.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984. 487 с.

Матренин С.С. Впускные погребения Горного Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 98–106.

Матренин С.С. Некоторые аспекты палеосоциологического анализа детских погребений булан-кобинской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004а. С. 81–86.

Матренин С.С. Некоторые особенности топографии и планиграфии могильников Горного Алтая гунно-сарматской эпохи // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности). Кемерово: Изд-во КемГУ, 2004б. С. 266–268.

Матренин С.С. Выделение критериев для моделирования социальной структуры кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2005а. С. 217–219.

Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005б. 24 с.

Матренин С.С. Украшения и предметы костюма как источник для реконструкции социальной структуры кочевников Горного Алтая хунно-сяньбийского времени // *Снаряжение кочевников Евразии*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005в. С. 189–195.

Матренин С.С. Палеодемографический анализ и реконструкция половозрастной структуры населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени // *Теория и практика археологических исследований*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 98–109.

Матренин С.С. *Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.)*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Матренин С.С. Изучение социального статуса населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам мужских погребений булан-кобинской культуры) // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. 2019а. №2 (37). С. 35–37.

Матренин С.С. Коллективные погребения населения Алтая сяньбийско-жужанского времени // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019б. Вып. XXV. С. 162–173.

Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // *Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири*. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // *Социальная структура ранних кочевников Евразии*. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 152–183.

Матренин С.С., Шелепова Е.В. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинская культура) // *Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири*. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Вып. 5. С. 84–90.

Медникова М.Б. Палеодемографический анализ антропологических материалов из могильных комплексов джетыясарской культуры // *Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии*. М.: ГЕОС, 2000. С. 70–78.

Медникова М.Б. *Трепанации в древнем мире и культ головы*. М.: Алетея, 2004. 208 с.

Миняев С.С. К топографии курганных памятников сюнну // *Краткие сообщения Института археологии*. 1985. Вып. 184. С. 21–27.

Миняев С.С. «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну // *Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения)* Кемерово: Кузбассвуиздат, 1989. Ч. I. С. 114–117.

Миняев С.С. *Дырестуйский могильник. Археологические памятники сюнну*. СПб.: Европейский дом, 1998. 223 с.

Митько О.А. Древнетюркские погребения могильника Маркелов мыс-2 // *Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края*. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ун-та, 1992, 1992. Т. II. С. 46–48.

Митько О.А. Образ грифона в искусстве народов Евразии в древнетюркскую эпоху // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 155–161.

Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // *Сибирь в панораме тысячелетий*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. I. С. 396–403.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII – XIV вв. // *Степи Евразии в эпоху средневековья*. М.: Наука, 1981. С. 194–200.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая // *Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая*. Горно-Алтайск: Б.и., 1983. С. 3–49.

Могильников В.А. Новые памятники енисейских кыргызов на Алтае // *Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев*. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1989. С. 138–140.

Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997а. С. 187–234.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине–второй половине I тыс. до н.э. М.: ИА РАН, 1997б. 195 с.

Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н. Раскопки в Куроте // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 83–84.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.: ИА РАН, 1995. С. 62–74.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки Второго Сальдярского могильника // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 126–144.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятника Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. Вып. 1. С. 26–63.

Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-VIII // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №2. С. 71–86.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 255 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Позднее средневековье // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай). Новосибирск: Наука, 1994. С. 152–156.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-II на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 184 с.

Молодин В.И., Чикишева Т.А., Рыбина Е.В. Палеодемография игрековской культуры // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1997. С. 43–49.

Мухарева А.Н. Украшения конского снаряжения или свидетельства социального статуса? // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Ховд; Томск: Изд-во Ховдского гос. ун-та, 2009. Т. II. С. 36–38.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129–151.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 176–178.

Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Новые материалы из курганов конца I – начала II тыс. н.э. Средней Катуни // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 120–123.

Нестеров С.П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 111–121.

Нестеров С.П. Стремена Южной Сибири // Методологические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 173–183.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.

Нестеров С.П. Древнетюркские погребения у с. Батени // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 91–102.

Нестеров С.П., Милютин К.И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбасс-вузиздат, 1995. С. 156–177.

Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей-III // Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, 1979. С. 88–92.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 306 с.

Николаев Н.Н. К вопросу о реконструкции социальных отношений племен Саяно-Алтая в предтюркское время // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГУ, 1992. С. 82–84.

Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // Советская археология. 1982. №3. С. 210–218.

Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во ОмГУ, 1983. С. 60–68.

Овчинникова Б.Б. Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый Восток. История, филология. М.: Наука, 1984. С. 215–223.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Овчинникова Б.Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. М.: РУСАКИ, 2004. С. 86–110.

Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. 1951. Вып. I. С. 143–154.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. №2. С. 85–98.

Першиц А.И. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы // Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1994. Т. II, ч. 3. С. 129–231.

Петкевич М.В. Строение поверхности // Горный Алтай. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. С. 46–62.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М.: ИА РАН, 2004. С. 179–210.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 198 с.

Поздняков Д.В. Антропологический состав населения Западной и Южной Сибири во второй половине I тыс. н. э. – первой половине II тыс. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 22 с.

Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I тыс. н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. 136 с.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Попов В.А. Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества: (к постановке проблемы) // Советская этнография. 1981. №6. С. 89–97.

Попов В.А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (вместо ответа оппонентам) // Советская этнография. 1982. №1. С. 68–79.

Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88–116.

Радзюн А.Б. Характеристика населения гунно-сарматского времени Тувы // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во ОмГУ, 1984. С. 16–18.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 139 с.

Рослякова Н.В., Щербаков Ю.Г. Предварительные результаты элементного состава бронзовых и серебряных изделий / Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 384–390.

Руденко С.И. Культура хунну и ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 203 с.

Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. №3–4. С. 3–12.

Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. V, вып. 1–2 (15–16). С. 120–138.

Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 154. С. 48–55.

Савинов Д.Г. Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств в Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во ОмГУ, 1979. С. 41–45.

Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1980. Вып. 1. С. 161–169.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.

Савинов Д.Г. Система социально-этнического подчинения как фактор развития раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1988. Вып. 1. С. 83–84.

Савинов Д.Г. Некоторые аспекты реконструкции материалов могильника Кокзаль // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Изд-во ОмГУ, 1992. Ч. 1. С. 107–109.

Савинов Д.Г. Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994а. С. 146–152.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-27 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994б. С. 88–94.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994в. С. 104–124.

Савинов Д.Г. К вопросу об особенностях культурогенеза кочевников // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. С. 158–160.

Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии / Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005а. С. 180–343.

Савинов Д.Г. Кокзальский могильник в Туве // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005б. С. 200–223.

Савинов Д.Г. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005в. Т. 2. С. 31–43.

Савинов Д.Г. Ранние тюрки на Енисее (археологический аспект) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 185–190.

Савинов Д.Г., Длужневская Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 2007. 198 с.

Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л.: Наука, 1988. С. 83–103.

Садовой А.Н. Территориальная община Горного Алтая в конце XIX – начале XX в. (экологический аспект) // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 161–177.

Садовой А.Н., Онищенко С.С. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения населения Восточного Алтая предтюркского времени // Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 209–220.

Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. Казань: Фэн, 2002. 412 с.

Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: Фэн АН РТ, 2009. 232 с.

Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 54–66.

Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 206 с.

Серегин Н.Н. Специфика формирования «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрков: опыт реконструкции // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, №5. С. 177–185.

Серегин Н.Н. «Символические» захоронения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015а. №1 (28). С. 47–55.

Серегин Н.Н. «Элитные» погребальные комплексы раннесредневековых тюрков Центральной Азии / Васютин С.А., Дашковский П.К., Крадин Н.Н. и др. Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015б. С. 131–143.

Серегин Н.Н. Впускные погребения тюрков Алтая и сопредельных территорий // Теория и практика археологических исследований. 2016. №2(14). С. 37–47.

Серегин Н.Н. «Элитные» погребальные комплексы тюркского времени в Монголии: итоги и перспективы исследований // Теория и практика археологических исследований. 2017. №2. С. 60–74.

Серегин Н.Н. Тюрки Центральной Азии: социогенез и этнокультурная история (по материалам погребальных и поминальных комплексов второй половины V – XI в. н.э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2019. 54 с.

Серегин Н.Н., Васютин С.А. «Ритуальные» курганы могильника Кок-Паш (Восточный Алтай): к вопросу о формировании культурного комплекса раннесредневековых тюрков // Сибирские исторические исследования. 2020. №1. С. 123–143.

Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Марсадолов Л.С. Впускное захоронение монгольского времени из комплекса Пазырык (по материалам раскопок С.С. Сорокина в 1967 г.) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №3. С. 96–107.

Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Эбель А.В. Погребальный обряд населения Алтая в монгольское время: новые материалы, итоги и перспективы исследований // Сибирские исторические исследования. 2018. №4. С. 102–129.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. – XI в. н.э.: история исследований и основные аспекты интерпретации. Барнаул: Азбука, 2014. 230 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Серегин Н.Н., Тишин В.В. К вопросу о формах зависимости в обществе древних тюрков Центральной Азии (по письменным и археологическим источникам) // Тюр-

кологический сборник 2013. Памяти Сергея Григорьевича Кляшторного. М.: Вост. лит-ра, 2016а. С. 159–192.

Серегин Н.Н., Тишин В.В. Некоторые аспекты изучения «западного» направления контактов элиты тюрков Центральной Азии во второй половине I тыс. н.э. // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2016б. №5 (43). С. 9–14.

Серегин Н.Н., Тишин В.В. Социальная история тюрков Центральной Азии (вторая половина I тыс. н.э.). Ч. 1: Очерки социальной структуры (по письменным и археологическим источникам). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. 344 с.

Серегин Н.Н., Тишин В.В. Дружина у тюрков Центральной Азии (основные аспекты интерпретации письменных и археологических источников) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. №6. С. 47–65.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А. Тюркская культура / История Алтая. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 322–332.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Начало исследований некрополя сяньбийско-жужанского времени на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. XXIV. С. 136–144.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-I) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4. С. 51–68.

Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: Азбука, 2015. 168 с.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Вост. лит-ра, 1997. 216 с.

Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2008. Вып. 7. С. 42–57.

Советова О.С., Мухарева А.Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. Вып. 23. С. 92–105.

Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. №4. С. 134–152.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. №5. С. 48–62.

Соенов В.И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2017. №8 (20). С. 117–142.

Соенов В.И., Глебова Н.И. Фрагменты шелковых тканей из могильника Курайка // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. Вып. 1. С. 88–90.

Соенов В.И., Константинов Н.А. Охотничья деятельность населения Алтая в I тыс. н.э. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. 310 с.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Детские погребения могильника Степушка-2 // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2015. Вып. 3 (16). С. 9–27.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Погребения в подбоях на могильнике гунно-сарматского времени Степушка-2 (Центральный Алтай) // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 357–369.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае [Электронный ресурс]. Горно-Алтайск, 2018. 242 с.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Деревообрабатывающие инструменты из могильника Верх-Уймон (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 42–57.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (III в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск: ГАГУ, 2015. 248 с.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. №9. С. 117–124.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. №3. С. 113–135.

Соловьев А.И. Исследования на могильнике Усть-Чоба-I на Средней Катуні // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. №4. С. 123–133.

Соловьева О.А. Символы, символические знаки и знаки власти (на среднеазиатском материале) // Символы и атрибуты власти (генезис, семантика, функции). СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 1996. С. 38–45.

Сорокин П.С. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Сорокин С.С. О хронологических формулах и значении термина «могильник» // Успехи среднеазиатской археологии. Л.: Наука, 1975. Вып. 3. С. 17–22.

Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Спришевский В.И. Погребение с конем середины I тыс. н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды Музея истории народов Узбекистана. 1951. Вып. 1. С. 33–42.

Степанова Н.Ф. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры скифской эпохи Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 267–274.

Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 121–136.

Суразаков А.С. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1983. С. 72–87.

Суразаков А.С. Кызык-Телань-II // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. №6. С. 70–72.

Суразаков А.С., Соенов В.И. Зооморфный колчанный крюк из могильника Айрыдаш-I // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул: Азбука, 2010. С. 37–40.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.

Таскин В.С. Материалы по истории ухуаней и сяньби // Дальний Восток и соседние территории в средние века. История и культура Востока Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 54–78.

Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка на среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 113–128.

Тетерин Ю.В. Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 27–54.

Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 1. С. 37–82.

Тетерин Ю.В., Пилипенко С.А. Берестяные изделия хунно-сарматской эпохи могильника Дялян (Горный Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16, №7: Археология и этнография. С. 117–124.

Тихонов С.С. Верхнее Приобье в XII–IX вв. до н.э.: методики и реконструкции // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 64–81.

Тишин В.В., Серегин Н.Н. Возрастная организация у древних тюрков VI–X вв.: опыт комплексного анализа // Этнографическое обозрение. 2016. №1. С. 136–152.

Тишин В.В., Серегин Н.Н. К вопросу о существовании служителей культа у древних тюрков Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2017. №3. С. 76–96.

Тишкин А.А. Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. С. 195–201.

Тишкин А.А. Материалы к изучению социогенеза населения Горного Алтая монгольского времени // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005б. Ч. 1. С. 317–322.

Тишкин А.А. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологических материалов // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005в. Кн. II. С. 43–56.

Тишкин А.А. Элита кочевых обществ Алтая скифской эпохи и проблемы их изучения // Древние кочевники Центральной Азии (история культуры, наследие). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005г. С. 105–107.

Тишкин А.А. Зеркала раннего средневековья на Алтае и результаты их рентгенофлюоресцентного анализа // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 78–81.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003а. Т. IX, ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003б. №10. С. 107–117.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул: АРТИКА, 2011. 136 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. X, ч. I. С. 410–415.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Новые объекты эпохи средневековья на Чинетинском археологическом комплексе в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI, ч. I. С. 476–479.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Матренин С.С. Рентгенофлюоресцентный анализ поясного набора из кургана Бирюзовая Катунь-3 // География – теория и практика: Современные проблемы и перспективы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 240–247.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Сравнительный анализ погребального обряда населения Горного Алтая скифо-сакского и хуннского времени // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 39–56.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Впускные погребения кочевников Алтая поздней древности // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 297–299.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Кенотаф хуннского времени на памятнике Яломан-II в Центральном Алтае // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. С. 158–173.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Части «золотой диадемы» из памятника Яломан-II (жужанское время, Центральный Алтай) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 351–355.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В. Булан-кобинская культура / История Алтая. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 286–308.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 192 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 2).

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011а. 144 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011б. Вып. 6. С. 14–32.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. 1(7). С. 49–72.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Результаты комплексного изучения металлических зеркал из средневековых памятников Алтая и южной части Верхнего Приобья // Вестник Томского государственного университета. 2018а. №434. С. 129–136.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Этнокультурная ситуация на Алтае и сопредельных территориях в раннетюркское время // Археология Евразийских степей. 2018б. №6. С. 229–234.

Тортика А.А., Михеев В.К., Кортиев Р.И. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнографическое обозрение. 1994. №1. С. 49–62.

Третьякова В.Н. Женщина в древнетюркском обществе // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. Т. II. С. 54–56.

Трифанова С.В. Классификация гривен населения Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. С. 201–205.

Трифанова С.В. Реконструкция украшений головы из курганов Айрыдаша // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. 2005б. С. 95–105.

Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 22 с.

Трифанова С.В., Соенов В.И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени [Электронный ресурс]. Горно-Алтайск, 2019. 160 с.

Трифонов Ю.И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 112–122.

Трифонов Ю.И. Конструкции древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 185–193.

Трифонов Ю.И. Погребение X в. н.э. на могильнике Аргалыкты-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 143–156.

Трифонов Ю.И. Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве / Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 13–114.

Троицкая Т.Н. Детские погребения VI–V вв. до н.э. – VII–VIII вв. н.э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1989. С. 59–68.

Тутушева Л.Ю. Тюркские рунические памятники из Монголии. М.: ИНСАН, 2008. 192 с.

Тур С.С., Матренин С.С. Скелетные травмы у кочевников Горного Алтая сяньбийско-жужанского времени // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2016. С. 63–66.

Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И. Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. №4. С. 132–139.

Турбат Ц., Батсук Д., Батбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 264–265.

Тутаркова Н.В. Положение хакасской женщины в традиционном и современном обществе (XIX–XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007. 22 с.

Ульянов И.В. Культ меча ранних кочевников Южного Урала // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 188–191.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Фрэзер Д. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М.: Политиздат, 1986. 703 с.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 343 с.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

Халдеев В.В. Сколько было сарматов? // Советская археология. №3. С. 230–231.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. 238 с.

Харинский А.В. Престижные вещи в погребениях Байкальского побережья конца I тыс. до н. э. – II тыс. н. э. как показатель региональных культурно-исторических процессов // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 108–114.

Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н., Номоконов А.А., Литвинцев А.Ю. Могильник Окошки в Юго-Восточном Забайкалье: структурные особенности // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. Вып. 3, т. 2. С. 392–395.

Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 194–206.

Худяков Ю.С. Типология погребений VI–XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск: Наука, 1980. С. 193–205.

Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск: Наука, 1982. 239 с.

Худяков Ю.С. Типология и хронология средневековых памятников Табата // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 88–102.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 186–201.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск: НГУ, 1993. 89 с.

Худяков Ю.С. Палеодемографические аспекты изучения могильника Усть-Эдиган // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994а. С. 134–136.

Худяков Ю.С. Тюрки и уйгуры в Минусинской котловине // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1994б. С. 85–95.

Худяков Ю.С. Новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае // III годовая итоговая сессия Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 101–102.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. 1997а. №2. С. 28–37.

Худяков Ю.С. Оружие как показатель социального статуса в кочевых обществах Южной Сибири и Центральной Азии // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997б. С. 62–64.

Худяков Ю.С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998а. С. 206–211.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Усть-Эдиган в 1990 году // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998б. С. 160–206.

Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999а. №3. С. 21–26.

Худяков Ю.С. Позднесредневековое впускное погребение на могильнике Кок-Эдиган // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1999б. С. 180–193.

Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002а. С. 79–87.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух-I в 2002 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002б. Т. VIII. С. 472–478.

Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003а. Вып. 1. С. 99–109.

Худяков Ю.С. Поясная и сбруйная фурнитура в военно-дружинной культуре тюркоязычных народов Центральной Азии в эпоху раннего средневековья // Человек в пространстве древних культур. Челябинск: Музей-заповедник «Аркаим», 2003б. С. 136–138.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2003 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003в. Т. IX, ч. I. С. 504–509.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в II–V вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 19–55.

Худяков Ю.С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2007а. 156 с.

Худяков Ю.С. Золотая волчья голова на боевых знаменах: Оружие и войны древних тюрков в степях Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007б. 192 с.

Худяков Ю.С. Символы и атрибуты государственности у енисейских кыргызов в эпоху раннего средневековья // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 294–299.

Худяков Ю.С. Женские украшения населения хунно-сяньбийской эпохи в долине реки Эдиган в Горном Алтае (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №1 (57). С. 107–114.

Худяков Ю.С., Белинская К.Ы. Особенности женской погребальной обрядности древних тюрков на территории Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. XII, ч. 1. С. 497–500.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. №3. С. 10–18.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Чатырская мумия // Археология, антропология и этнография Евразии. 2000. №3. С. 109–115.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 46–53.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 95–150.

Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. №1. С. 40–51.

Черносвитов П.Ю. Методические приемы моделирования, реконструкций в археологии // Методические приемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск: Наука, 1989. С. 16–32.

Чижишева Т.А., Поздняков Д.В. К особенностям морфологии населения гунно-сарматского времени центральных и восточных районов Горного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 154–159.

Чижишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №3. С. 116–131.

Швецов М.А. Котлы из погребений средневековых кочевников // Советская археология. 1980. №2. С. 192–202.

Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1989. Ч. II. С. 41–44.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 112–130.

Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.: ИИМК РАН, 1994. 132 с. (Археологические изыскания. Вып. 18).

Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Исследование гробниц с захоронениями вельмож аймака «Пугу» // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 455–462.

Юрченко А.Г. Средневековые монгольские погребения: соотношение этнического и имперского // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 159–176.

Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма. Археология и антропология могильников. М.: Вост. лит-ра РАН, 1999. 326 с.

Яценко С.А. О предполагаемых шаманских атрибутах в Пазырыке // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 32–38.

Научные труды на иностранных языках

Амартувшин Ч., Батболд Н., Эрэгзэг Г., Батдалай Б. Чандмань Хар уулын археологический дурсгал. Улаанбаатар: Монгол улсын ШУА-ийн Туух, 2015. 347 т.

Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т., Баяндэлгэр Ч., Мицнх Л. Ховд аймгийн Мянгэд сумын нутаг «Урд Улаан Унээт» уулын дурсгал // Хадан гэрийн соёл. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2017. Т. 5–28.

Лхагвасурен Х. Монголын археологи (Чингэс хааны үе). Улаанбаатар: Чингэс хаан дээд сургуулийн, 2007. 681 тал.

Монголын эртний булш оршуулга. Улаанбаатар: Монголу улсын шинжлэх ухааны академи, 2016. 287 т.

Очир А., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагар дурсгалын малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013. 165 т.

Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа: Булган Аймгийн Баяннуур Сумын Улаан хэрмийн Шороон бумбагарын малтлагын тайлан. Улаанбаатар: «Соёмбо Принтинг» Хэвлэлийн Үйлдвэр, 2013. 290 т.

Төрбат Ц., Баярхүү Н., Лепец С., Бернард В. «Монгол Алтайн түрүү ба түүхэн үеийн оршин суугчдын цогц судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний товч үр дүн // Монголын археологи–2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 172–176.

Эрдэнэбат У. Эгийн голын савд малтсан монгол булшны тухайд // Археологийн суудал. 1998. Т. XVIII. Т. 135–152.

Bazylkhan N. Unknown stone stelae from Mongolia with Brahmi inscriptions from ancient India // India and Kazakhstan. Silk Road synergy continues. New Delhi: Academic Excellence, 2011. P. 71–77.

Drompp M.R. The Lone Wolf in Inner Asia // Journal of the American Oriental Society. 2011. №131(4). P. 515–526.

Kenk R. Das Gräberfeld der hunno-sarmatische Zeit von Kokel, Tuva, Süd-Sibirien. AVA-Materialien. München, 1984. Band 25. 202 s.

Sparacello V.S., d'Ercole V., Coppa A. Bioarchaeological Approach to the Reconstruction of Changes in Military Organization Among Iron Age Samnites (Vestini) From Abruzzo, Central Italy // American Journal of Physical Anthropology. 2015. №156. P. 305–316.

Tishkin A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Ialoman-II in the Altai // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P. 539–558.

Tur S.S., Matrenin S.S., Soyonov V.I. Interpersonal violence in the Altai Mountains during the late hunno-sarmatian period // European meeting of the paleopathology association. Moscow, 2016. P. 119.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию (Горно-Алтайск).
АН – Академия наук.
Б.и. – без издательства.
БНЦ – Бурятский научный центр.
ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт (ныне – ГАГУ).
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГМВ – Государственный музей Востока.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ИА – Институт археологии.
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИГУ – Иркутский государственный университет.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
ОмГУ – Омский государственный университет.
РАН – Российская академия наук.
СО – Сибирское отделение.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
ТГУ – Томский государственный университет.
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ЭПОХИ КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЙ	5
1.1. Хуннско-сяньбийско-жужанское время	5
1.2. Раннее средневековье	16
Глава II. СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИУМА КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ ХУННУСКО-СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ	21
2.1. Половозрастной анализ и выделение социальных маркеров погребального обряда населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.	21
2.1.1. Процедурно-методические аспекты проведения половозрастного анализа на материалах погребальных памятников	21
2.1.2. Погребальные сооружения	25
2.1.3. Способы захоронения и погребальный ритуал	30
2.1.4. Погребальный инвентарь	35
2.1.5. Корреляция категорий инвентаря разных предметных комплексов ...	68
2.1.6. «Социальные стандарты» погребальной практики	71
2.2. Палеодемографическая ситуация, возрастная и гендерная структура общества	73
2.2.1. Основания для проведения палеодемографического исследования ...	73
2.2.2. Базовые параметры возрастной и гендерной структуры популяции ...	74
2.2.3. Возрастные ступени булан-кобинского общества	86
2.3. Социальная структура населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.	89
2.3.1. Процедурно-методические аспекты моделирования социальной и имущественной стратификации по археологическим источникам	89
2.3.2. Социальные модели погребений населения булан-кобинской культуры	92
2.3.3. Индивидуальный социальный статус мужского населения булан-кобинской культуры	107
2.4. Особенности социальной организации населения Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э.	113
2.4.1. Теоретические и практические аспекты реконструкции организации булан-кобинского общества	113
2.4.2. Профессиональная стратификация «булан-кобинцев»	115
2.4.3. Этносоциальная стратификация и проблема политогенеза населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.	121

Глава III. СОЦИОГЕНЕЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	133
3.1. Источники, материалы и программа исследования	133
3.2. Структура социума раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий	138
3.2.1. Гендерный анализ погребальных комплексов	138
3.2.2. Возрастная дифференциация общества кочевников	148
3.2.3. «Социальные маркеры» погребального обряда	155
3.2.4. Моделирование структуры общества раннесредневековых тюрок	177
3.3. Основные аспекты изучения организации общества раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий	180
3.3.1. Специфика профессиональной организации	181
3.3.2. Элита общества кочевников	191
3.3.3. Сложение и трансформации социальной системы тюрок	195
Глава IV. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ АЛТАЯ КЫРГЫЗСКОГО ВРЕМЕНИ И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	213
4.1. Общество кыргызов на Алтае	213
4.2. Социальная дифференциация населения Алтая монгольского времени	221
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	233
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	239
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	265

Научное издание

Николай Николаевич Серегин,
Сергей Сергеевич Матренин

**СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В ЭПОХУ
КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЙ (II в. до н.э. – XIV в. н.э.):
по материалам археологических комплексов**

Монография

*Для оформления обложки использованы фотоснимки материалов
из комплексов Кок-Паи (раскопки А.С. Васютина), Тото (раскопки С.В. Киселева),
Узунтал (раскопки Д.Г. Савинова); фотографии выполнены Н.Н. Серегиным*

Редактор: Н. Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: М. Ю. Кузеванова

Подписано в печать 08.05.2020. Печать офсетная.
Шрифт Bookman Old Style. Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 31,2.
Тираж 500 экз. Заказ 195.
Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»:
656099, Барнаул, пр-т Красноармейский, 98а /ул. Мерзликина, 10.
Тел. 8 (3852) 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru
Дата выхода 11.05.2020.